

MOON

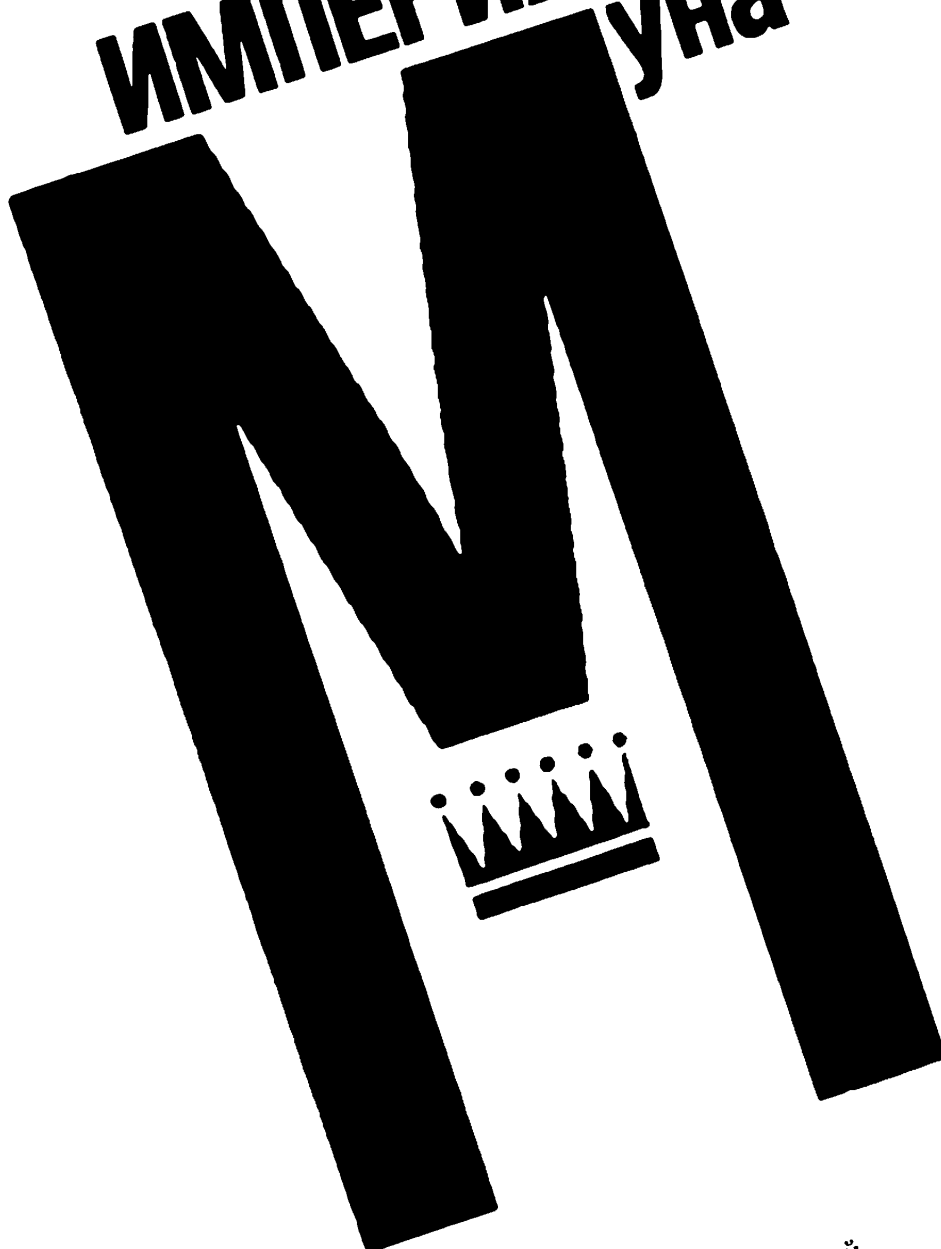
Ж.ф. Буайе

ИМПЕРИЯ уна

Ж.ф. Буайе

ИМПЕРИЯ уна

Москва
Издательство политической
литературы
1990

ББК 86.37

Б90

Boyer Jean-François

L'EMPIRE MOON

Перевод А. М. Григорьева

Буайе Жан Франсуа

Б90 Империя Муна: Пер. с фр.— М.: Политиздат, 1990.— 352 с.: ил.

ISBN 5—250—00384—2

Книга французского тележурналиста Ж.-Ф. Буайе посвящена одной из самых распространенных на Западе религиозно-мистических организаций — «Ассоциации за единение всемирного христианства», созданной и возглавляемой выходцем из Южной Кореи Мун Сан Меном. Церковь этого «пророка» и «мессии» — влиятельная сила, поддерживаемая многими деятелями на Западе и по своему богатству не уступающая крупнейшим концернам. Автор книги на основе огромного фактического материала рассматривает цели секты и связанных с ней политических групп, их идеологию, политические и социальные связи, приемы и методы, применяемые мунистами для идеологического воздействия на молодежь.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Б 0403000000—059 84—91
079(02)—90

ББК 86.37

Заведующий редакцией *О. А. Белов*. Редактор *Ю. В. Степанов*.
Младший редактор *Е. Н. Румянцева*. Художник *А. А. Брантман*.
Художественный редактор *А. А. Пчелкин*.
Технический редактор *Е. Ю. Куликова*

ИБ № 7504

Сдано в набор 13.11.89. Подписано в печать 23.05.90. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 19,32. Уч.-изд. л. 18,76.
Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 401 Цена 1 руб.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7

Набор и диапозитивы изготовлены в типографии издательства «Уральский рабочий». Зак. № 613.

620151, г Свердловск, пр Ленина, 49

Отпечатано в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий»
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

© LA DÉCOUVERTE, 1986

© Перевод на русский язык
А. М. Григорьева, 1990

ISBN 5—250—00384—2

МОН

Посвящается
Клер Шамполион

I. «СЕМЕЙНОЕ» ФОТО

ВВЕДЕНИЕ

«Облава по отдельному поручению»

Бродяга-ветеран не верит своим глазам. А ведь он немало повидал за четыре года скитаний от Катманду до Латинской Америки, от Индии, Афганистана и Турции до Африки. Никогда ему еще не приходилось видеть столько шпиков в штатском! У решетчатых ворот комиссар и одиннадцать инспекторов Региональной службы судебной полиции (РССП) * города Руана предъявляют свои удостоверения и отдельное поручение, дающее право на обыск замка. И они не одни! Их сопровождают инспектор разведуправления, шесть сотрудников таможни, два следователя из министерства финансов и три жандарма из местной жандармской бригады.

Жан Ледигере — ему тридцать пять лет, и семь из них он верой и правдой служит «Новому Мессии», корейцу Мун Сан Мену, — открывает ворота. Все это происходит 8 июня 1982 года в половине седьмого утра. От ворот аллея ведет к замку Мони, где как раз просыпаются его обитатели. В этот день в замке мало людей. От силы десять человек.

Так началась крупнейшая полицейская операция, когда-либо проведенная во Франции против секты Муна.

В один и тот же час во всех углах «шестиугольника» ** отряды РССП проникают — без применения

* Отдел полиции, занимающийся ведением следствия.— *Прим. ред.*

** Так французы в обиходе называют свою страну по ее географическим очертаниям.— *Прим. ред.*

силы — в семнадцать мунистских центров и в помещения двух коммерческих предприятий, зависящих от секты, официально зарегистрированной под названием Ассоциация за Единение Всемирного Христианства (АЕВХ). Пятьдесят семь членов АЕВХ вызваны в полицию и сорок три задержаны.

«Ох уж эта облава», — до сих пор негодует мэтр Агге, адвокат АЕВХ, усматривающий в этой неблагоприятной акции политическую волю нового левого правительства, стремящегося покончить с сектой Муна. Разве министры внутренних дел при президенте Валери Жискар д'Эстене не обелили публично АЕВХ, которую за несколько лет до того обвиняли во всех грехах — покушении на свободу личности, похищении людей, налоговых махинациях, нарушениях права на труд...

И наконец, разве Мун Сан Мен не является одним из самых ярых крестоносцев антикоммунизма сейчас, в конце нашего века?

Дело Клер Шато

Комиссар Николаи следит за ходом операции из своего кабинета в Центральной дирекции судебной полиции, расположенной на улице Агессо в Париже. Целый день по радио и телефону ему сообщают, как разворачиваются дела в Париже, Страсбуре, Лионе, Лилле, Руане, Ренне и Орлеане.

Рядом с ним находится человек, который и запустил всю эту машину. «Мелкий провинциальный судья» — так вскоре назовут его в падкой до сенсаций прессе, промышляющей на скандалах вокруг сект. Его зовут Реми Брюель. Три месяца назад в Безансоне ему поручили расследовать одно необычное дело.

Молоденькая девушка с ясным взглядом, улыбчивая толстушка, вместе со своими товарищами продавала на улицах города журнал с магическим названием «Нувель эспуар» («Новая надежда»). Закончив утреннюю продажу, она отправлялась одна в кафетерий, где можно быстро и недорого поесть. Работа от этого не страдает. Ведь даже преподобный отец Мун советовал своим американским последователям, путешествующим по стране, питаться только в закусных. Клер Шато, мунистка с годовым стажем, перекусить не успеет. В час дня 3 марта 1982 года

на нее набрасываются четыре человека, заталкивают в машину и увозят в домик в горах неподалеку от швейцарской границы.

Клер узнала своих похитителей. Это ее родители, которых она не видела с момента своего вступления в АЕВХ, ее брат и невестка. Вознамерившись вырвать ее из лап Муна, они выбрали силовые приемы — похищение и депрограммирование, комплекс психологических приемов, призванных вернуть в общество тех, кто попал в сети сектантов. Нанятые семьей Шато депрограмматоры (они получают за это хороший гонорар) — бывшие руководители американских мунистов: Аллен Тейт Вуд — в 1969 году Мун Сан Мен поставил его во главе дирекции политической ветви своей Церкви в США и Мартин Фейерс — в прошлом второе лицо в Церкви Единения в Канаде.

«Забота» о малышке Клер поручена некой молодой женщине, сотруднице Ассоциации по защите семьи и личности (АЗСЛ), организации по борьбе с сектами. Женщина эта очертя голову бросилась в авантюру, не посчитавшись с мнением большинства руководителей ассоциации, перед которыми эта операция поставила старую как мир проблему совести: можно ли защищать свободу и свободное волеизъявление методами силы и принуждения?

Эксперименту не суждено зайти далеко. Клер Шато держится стойко; ее друзья-мунисты и полиция начинают розыск пропавшей. Похитители и депрограмматоры задержаны через двое суток, им предъявлено обвинение в похищении девушки. Юная Клер передана в руки своих заботливых «близких». Ибо сразу после освобождения она при каждой возможности повторяет, что ее истинная семья — АЕВХ, а ее подлинные родители — г-н и г-жа Мун. Умилительная рождественская сказочка.

Но мелкий провинциальный следственный судья явно не любит заурядных историй. Несколько часов, что похитители провели в его кабинете, хватило ему, чтобы прийти к твердому убеждению: за «делом Шато» стоит «дело Муна».

Обвиняемые превращаются в обвинителей: преподаватель отец совсем не тот, за кого вы его принимаете... Духовный вождь? Вздор... Он использует наших детей в личных целях... Он создал гигантскую коммерческую и финансовую империю в Японии,

в Америке... У него есть предприятия даже во Франции... Следственный судья теряет спокойствие. Он хочет разобраться. И этого автор книги не может поставить ему в упрек: то же страстное желание распутать целый клубок тайн заставило его самого более года вести расследование, чтобы написать эту книгу.

С интервалом в два месяца Реми Брюель дает два отдельных поручения. Следствие координируют два инспектора, специалисты по уголовным и финансово-экономическим вопросам, которые, похоже, незаметно для себя увлеклись расследованием. Конфискованы килограммы архивов. Бухгалтерские книги, банковские счета, картотека сторонников, религиозные учебники, политические документы — все это тщательно изучается, как и показания ответственных лиц, управляющих достоянием Церкви. Сотни раз перепроверяются неполные, а зачастую и противоречивые показания верующих. Менее чем через год на рабочий стол Брюеля ложатся два доклада.

Обличающие доклады.

Заключение главного инспектора Сабине гласит: «АЕВХ — не церковная организация, приравненная по закону от 1901 года к общественной, а подлинно коммерческое предприятие». Его коллега Морван вбивает гвоздь еще глубже: «Как общественная организация, не преследующая цели наживы, АЕВХ, похоже, забыла о своем уставе, где сказано, что она собирается способствовать единению мира христиан. Более озабоченная вопросами рентабельности, она использует слово божье в коммерческих интересах и ежегодно выкачивает таким образом более миллиона франков дохода, расходование которых не может объяснить ничем, кроме как постоянными путешествиями своих членов за границу. Такое сокрытие доходов производится с тем большей легкостью, что в ассоциации не проводятся общие собрания, нет контроля за финансами... В конечном счете какое бы значение ни придавалось результатам финансовой деятельности АЕВХ, не следует забывать, что эта ассоциация является всего лишь французским филиалом движения, чье финансовое могущество может быть оценено только в международном масштабе».

Обличающие, но неполные доклады.

В самом деле, Церковь Единения — и ее французскую «часовню» АЕВХ — нельзя рассматривать только

в коммерческом измерении, так как Движение, созданное Мун Сан Меном, действительно покоится на духовном фундаменте. И именно глубокая религиозность его членов, их абсолютная вера в своего мессию и его учение позволили Церкви добиться быстрого и впечатляющего успеха на коммерческом и политическом поприще.

Политика — вот главное в Движении Единения. Блестяще проведенное полицией расследование почти не касается этой стороны ее деятельности, и в этом его главный порок. Победить неверие, установить царство божье на земле и мировую теократию на руинах социализма — таковы признанные цели Муна.

Да знала ли история более политический проект?

1. «БРАТЬЯ» И «СЕСТРЫ»

Замок Мони выглядит внушительно. Он возвышается над последними излучинами Сены в нескольких километрах от Руана в большом тенистом парке. К замку, стоящему в уединенном месте, ведет узкая петляющая дорога. Идеальное место для медитаций, учебных семинаров и жизни в общине. Пристройки достаточно обширны, чтобы заниматься и более шумными видами деятельности. Например, дать приют типографии.

Все это — здание, пристройки и тринадцать гектаров земли — досталось АЕВХ за весьма умеренную цену. И все же сумма составляет 2 200 000 франков! Но с учетом стоимости земельных угодий и старых построек в Нижней Нормандии, всего в часе езды по шоссе от Парижа, сделка представляется выгодной, тем более что она была совершена в 1977 году в разгар бума спроса на загородные резиденции в этом регионе. В Корее, Америке или во Франции — везде Церкви Единения всегда блистательно удавались операции с недвижимостью.

Правое крыло замка было полностью обновлено, так же как и служебные помещения, где разместились несколько спален. В этот день 8 июня 1982 года полицейские застают в них десяток ошарашенных нежданным визитом людей. Это почти скандал, вопиющее злоупотребление властью. Судите сами: двадцать четыре мордоворота, облеченных полномочиями самого государства, против невинных беззащитных лю-

дей. Бандиты, мошенники? Нет... медсестра-бретонка, студентка-бельгийка, изучающая кинезитерапию, совсем юная санитарка-англичанка, молодая женщина-врач, часто работающая в странах «третьего мира», голландка, которой за восемьдесят лет... Мужчины выглядят не более опасными: поляк-сантехник, нашедший во Франции политическое убежище, столяр, уроженец севера Франции, оставивший школу в четырнадцатилетнем возрасте, уже знакомый нам бывший бродяга Жан Ледигере, по профессии типографский наборщик, а ныне управляющий типографией, вскоре обнаруженной следователями в одной из пристроек замка. А, чуть не забыл! Молодая американка с тремя малолетними детьми и пожилая богатая супружеская пара занимают одно из помещений в правом крыле замка.

Гротескность ситуации не смущает многочисленных полицейских. Они получили подробные инструкции и знают, что за натянутыми улыбками, которыми их встречают, кроется многое. Полицейские приступают к работе. Обыски и допросы продолжаются весь день.

Новая Семья «божьих безумцев»

История «детей» Муна тем не менее выглядит вполне невинно. Их вступление в Семью — а среди них бытует именно такой термин — обычно проходит гладко. Рене бродила по Люксембургскому саду в Париже, когда к ней подошел молодой человек и заговорил о боге и «фундаментальных проблемах бытия». Ей было двадцать шесть. «Эти проблемы заинтересовали меня, и я стала посещать конференции АЕВХ...»

Шанталь пошла по следам своего отца-кинезитерапевта и изучала дельтовидные и ромбовидные мышцы на скамье медицинского факультета в Брюсселе, когда встретила Ингу, студентку и члена Церкви. Прошло несколько месяцев, и она окончательно примкнула к Движению.

Режи и Колетт, выросшие, как и другие, в семьях верующих, из-за случайной встречи на улице Тулузы или на тротуарах Парижа тоже вдруг резко переменили свою жизнь.

Каждый из них стремился в жизни к чему-то иному, порой и сам не сознавая этого. Быть может, кроме

поляка Вольдемара, католика и рьяного антикоммуниста, нашедшего в АЕВХ ту странную смесь мистицизма и политической запрограммированности, которая присуща церкви на его родине.

Долгие похождения Жана Ледигере, несомненно, наиболее насыщены событиями. Воспитанник приюта, сын неизвестного отца, он был брошен матерью в самом нежном возрасте: «Я практически никогда ее не знал». Детство, прошедшее в скитаниях по сиротским приютам. Более светлое отрочество в Алансоне: его усыновили славные люди — семейство Леша. Затем военная служба, а после демобилизации первая работа в армейской типографии.

В двадцать четыре года — бунт: ему хочется уйти от набившей оскомину повседневности, оставить после себя хоть какой-то след на земле. Он отправляется в Германию, где легче зарабатывать на жизнь, нанимается в типографию, но тяга к бродяжничеству заставляет его бросить все. Снова возвращается в типографию и снова в путь — его влекут райские уголки для поколения без идеалов: Непал, Афганистан, Турция, Гватемала, Колумбия... В 1975 году тяжкий удар судьбы — ограбленный в Боготе, он лишается всех своих сбережений. Его отправляют на родину на деньги друга. Так Жан Ледигере раньше, чем хотел, опять окунается в серые мюнхенские будни. Он искал работу, когда вдруг на углу улицы... «Я впервые встретился с ними, — говорит он. — И долго беседовал».

Поймите правильно: не ведут долгих бесед на улице с «божьими безумцами», когда у вас есть любимая работа и нет страха за материальное благополучие. «Религия не особенно привлекала меня, хотя я всегда уважал некоторые христианские принципы и следовал им. Но после тех дискуссий занялся углубленным изучением теологии этого движения и вскоре понял, что оно совпадает с моими личными устремлениями...»

После нескольких семинаров посвящения, менее чем через два месяца после своего возвращения из Латинской Америки, Жан Ледигере душой и телом отдается новой жизни. И вскоре на улицах Мюнхена появляется новый миссионер Муна.

В Движение Единения нельзя вступить «наполовину». Попав в общину, большинство молодых мунистов оказывается на ее содержании. Церковь дает им кров, стол и чистое белье. Вначале их привлекают к

миссионерской деятельности. Они переходят из одного центра в другой в зависимости от того, сколько нужно миссионеров для проведения задуманных наверху кампаний по обращению в свою веру новых прозелитов. А Шанталь и Стефани, прежде чем попасть в Мони, продавали журнал Движения «Нувель эспуар». Но только в Париже.

«Крестовый поход за единый мир»

У Жана Ледигере начало новой жизни было более трудным. В 1975 году, когда он примкнул к Церкви Единения, в Европе она еще не вышла из катакомб. Мун Сан Мен, уже создавший солидную базу в Корее и Японии, тремя годами ранее начал в США кампанию за обращение масс в свою веру. Она получила название «Крестовый поход за единый мир». Наряду с первыми американскими последователями в ней принимают участие корейские, японские, немецкие и даже французские миссионеры. Невысказанная, но очевидная цель преподобного отца — как можно быстрее собрать несколько тысяч верующих, которые помогут ему организовать широкомасштабные акции в Соединенных Штатах, ведущей стране западного мира.

В конце 1975 года крестовый поход стартует в Европе.

Об этом незабываемом времени и повествует Жан. Полицейский в телеграфном стиле записывает за ним: «Когда этот поход был объявлен, я вернулся во Францию. И участвовал в нем. Все члены ассоциации собрались в различных французских центрах... Некоторое время я провел в замке Мони. Тогда я продавал журнал нашего Движения на людных площадях. Мы сменяли друг друга, каждый был ответственным лицом внутри ассоциации. Однако решения о наших перемещениях по Франции принимались национальным президентом АЕВХ господином Анри Бланшаром, который проживает в Вокрессоне с супругой и четырьмя детьми.

Я оставался во Франции до марта 1976 года. Затем мы отправились в Италию для выполнения тех же функций. Там я пробыл до июня 1976 года. Потом мы переехали в Германию, где лично я пробыл в Мюнхене до ноября 1976 года. И снова вернулся в Италию.

чтобы заняться там пропагандой нашего журнала по просьбе одного лица, ответственного за крестовый поход в Германии... Там я оставался до декабря 1977 года. Затем вернулся в Германию, чтобы заняться продажей нашего издания, независимой антикоммунистической консервативной газеты религиозного направления. Она называлась «Дер Репорт» *. Этот еженедельник издавался только в Германии. В мае 1978 года я отправился в Англию».

Вот так Жан Ледигере отдал пять лет своей жизни скитаниям по дорогам Европы ради преподобного отца Муна. Конечно, безо всякой оплаты. Ну и что! Члены «Глобал Тим» ** — этим английским словосочетанием во многих странах называют участников крестовых походов — проповедуют не ради денег. Они считают себя пионерами нового мира.

Чтобы понять их, надо послушать, что они поют в час молитвы:

Мун Сан Мен, мы вручаем тебе нашу жизнь,
Ибо мы знаем, что тебя избрал Бог,
Чтобы освободить наших братьев от цепей ада
И создать рай на всей земле.

Или такое:

С нашим властителем
Мы дойдем до окраин земли,
Разделим радость,
Счастье и свет
Мы строим эту державу
Радости и веселья.
Явиться должны все,
Жизнь начинается.

Рене, наша медсестра-бретонка, также была членом «Глобал Тим». Ей даже повезло участвовать в трех крестовых походах, возглавляемых самим «Новым Мессией» в США, Японии и Корее. Корейская кампания запомнилась особо. Семьсот пятьдесят миссионеров из разных стран однажды утром 1976 года высадились в Пусане, порту на южной оконечности страны, где двадцатью четырьмя годами ранее Мун Сан Мен с горсткой учеников построил свою первую «церковь» — барак из листового железа и самана...

На причале мунисты забросали прибывший из Япо-

---

* «Der Report» — «Доклад». — *Прим. ред.*

** «Global Team» — «Всемирный отряд». — *Прим. ред.*

нии паром лентами и серпантином так, что он утопал в них.

За три месяца миссионеры выполняют громадный объем работы: для Рене и ее товарищей речь идет не только об обращении в свою веру и наборе новых последователей, но также о подготовке митингов, на которых выступал Мун. Крестовый поход с триумфом заканчивается на острове Йойдо, что расположен напротив столицы страны — Сеула. Здесь собралось более миллиона человек. Мун бросает в гигантскую толпу: «Коммунизм — враг бога и человечества».

Он требует, чтобы тысячи присутствующих мунистов дали клятву отдать, если понадобится, свои жизни ради защиты Южной Кореи и 38-й параллели (по ней проходит граница между двумя корейскими государствами). Такое обещание, по представлению преданных мунистов, не просто красивый ритуал. Ведь двумя месяцами ранее Вьетконг победоносно вступил в Сайгон.

Вербовка

Итак, большинство обитателей Мони знают, что они активисты антикоммунистического движения. Однако перед полицейскими они на эту тему не распространяются. Сознательно? Чтобы избежать обвинения АЕВХ в том, что она одновременно является французским филиалом транснациональной компании и местной секцией антикоммунистического интернационала? Или просто потому, что вопросы веры и проявление себя внутри общины занимают их больше, чем политические наваждения горячо любимого наставника?

Пока еще рано судить об этом.

Следует отметить только, что первый контакт с будущими последователями секты никогда не носит политического характера. Миссионеры должны использовать тщательно разработанные приемы, чтобы привлечь в лоно Церкви новичков: выглядеть спокойными, безмятежными, всегда улыбаться, не отпугивать собеседника категоричными суждениями или слишком настойчивыми расспросами. Сколько парижан, нью-йоркцев, мюнхенцев, окликнутых на улице молодыми людьми, предлагающими им купить журнал, так и не узнали, что отдали пять минут своего времени, а иногда

и монету, Церкви Единения преподобного отца-корейца Мун Сан Мена?! Если только речь не идет о приглашении прохожих на митинг или манифестацию с участием их вождя, «крестоносцы» конца семидесятых предпочитают не упоминать имени своего мессии.

Иностранные миссионеры, собравшиеся во Франции для великого крестового похода 1975—1976 годов, получили небольшую размноженную на ротаторе брошюрку, предназначенную для облегчения их задачи, — «Справочник Международного крестового похода», напоминающий по внешнему виду раскладные туристические проспекты ассоциаций, специализирующихся на организации недорогих путешествий для молодежи. «Добро пожаловать во Францию» — гласит надпись на обложке, где воспроизведена фотография молодых людей, парящих над Сеной напротив Эйфелевой башни. И все напоказ улыбаются.

На самом деле это разговорник, где собраны ключевые слова и фразы, которыми во время пребывания в стране будут пользоваться японские, итальянские, корейские, американские, немецкие и английские «братья». Одна из рубрик называется «Словарик для контакта». Нечто вроде реплик из скетча, который в ту зиму 1976 года много раз на дню разыгрывался на улицах городов Франции: «Здравствуйтесь, меня зовут... и я приехал из... Говорите ли вы по-английски? По-французски? Я — член интернационального движения за единый мир... Все мы молодые люди разных национальностей и разных верований... Мне хотелось бы пригласить вас на конференцию... Наш центр находится всего в нескольких минутах ходьбы отсюда... Вы можете уделить мне полчаса? Вас интересуют мировые проблемы?... У нас в центре показывают фильмы, проводят конференции и организуют дискуссии... У нас можно встретить людей из всех уголков земного шара, которые ищут общий путь... Вам приходилось слышать о принципах Единения?... Мы считаем, что все люди на земле имеют одни и те же идеалы и устремления... Если мы поймем друг друга сердцами, мы сможем совместно трудиться...»

На этой стадии разговора наш ротозей вряд ли может предположить, что очаровательная американочка, улыбающаяся ему во весь рот, несколько месяцев назад клялась на площади в Сеуле отдать свою жизнь за далекую страну, которой угрожает коммунизм.

И когда она на ломаном французском просит: «Пожалуйста, проводите меня до нашего центра...», то ему, человеку, у которого не так уж много друзей, очень трудно отказать.

Желание последовать за миссионером иногда возникает из пустяка. Дидье Боннмезон, который вел в Мони семинары по углублению знаний для посвященных, вспоминает, что на его решение вступить в АЕВХ повлиял мунистский «фольклор».

«Во время каникул я встретил группу молодых мунистов, которые играли на улице на гитаре». Ему тогда было девятнадцать лет, и он принял приглашение провести вечер вместе. «Поскольку в юности я был скаутом, то в тот вечер окунулся в знакомую атмосферу, которая мне нравилась и отвечала моим потаенным надеждам...»

После установления первого контакта надо убедить «заинтересованное лицо» принять участие в первом семинаре, который обычно представляют как «уик-энд для размышлений» и где новичка знакомят с основами учения о единении.

«Артобстрел любовью»

Для встречи новичков в наилучших психологических условиях — в тишине, вдали от семьи, от друзей и от искушений — Церкви нужны большие уединенные дома, по возможности привлекательные на вид... Этим и объясняется тот факт, что Движение столь быстро и повсюду в мире приобрело солидное и весьма роскошное недвижимое имущество. Как отказать от приглашения — все расходы хозяева берут на себя — в замок Мони, в старинное поместье вблизи Лиона или в огромный дом в южном пригороде Парижа вблизи парка Со? Как отказать от повторного визита, когда красота окружающей природы сочетается с таким теплым приемом? Ибо, если говорить словами преподобного отца Муна, новичков следует подвергать «артобстрелу любовью». Именно так и делается!

Куда более скрытно ведется наблюдение за новичками, их проверка, тестирование, оценка... В Мони или в любое другое место возвращаются лишь «позитивные» личности. Каждый новичок становится после первого семинара объектом глубокого изучения. Пре-

подаватель, директор центра, национальный руководитель миссионерской деятельности высказывают свои мнения, иногда противоречивые, по каждому конкретному случаю. Дело не в том, чтобы распахнуть врата Церкви перед всеми божьими детьми, а в том, чтобы вербовать крестоносцев.

Картотеки, составленные миссионерами, позволяют прийти к неожиданному выводу: с первых дней своей деятельности во Франции Церковь Единения систематически избавляется от сочувствующих, не обладающих нужными качествами.

Находящиеся под «картобстрелом любовью» новички, конечно, не подозревают, что их анестезируют и рассекают скальпелем. Комментарии на личных карточках стажеров весьма поучительны.

Жан Пьер Ришар, директор центра в Мони, так оценил Микаеля, проведенного в замке двое суток, 1 и 2 декабря 1975 года: «Микаель очень хорошо разобрался в Принципах («Божественные принципы» — священная для мунистов книга, написанная Муном). Но возникают большие трудности (принадлежность к «Детям Бога»)*. Мог бы стать весьма полезным братом, если прибрать его к рукам и оградить от сомнительных посещений». «Просмотренный» еще раз и «прибранный к рукам», Микаель стал членом Церкви.

Иву в этом отношении не повезло. В его карточке записан такой приговор: «Под сильным духовным влиянием негативного характера. Странное и неприятное поведение; член христианской группы под названием Тамплиеры, быть может, заслан к нам как шпион; пытался влиять на других приглашенных. В Принципах не разобрался и не смог вписаться в атмосферу Семьи. Повторный контакт бесполезен».

Чтобы стать мунистом, одного желания недостаточно. Движение подбирает людей молодых, без привязанностей, без прошлого, чтобы сформировать из них свои легионы. Молодой африканец Оскар познал это на собственном горьком опыте. После первого трехсуточного визита он настойчиво хочет вернуться в Мони. В январе 1976 года его принимают снова, но уже в последний раз, несмотря на большое желание. У Оскара лишь один недостаток — он не свободен. Его преподаватель почти с сожалением отме-

---

* Еще одна секта, действующая во Франции.— Прим. ред.

чает в карточке африканца: «Глубоко интересуется Принципами; доброе сердце. Но ему будет трудно посвятить себя деятельности в Семье — женат и имеет ребенка... Не привлекать, не стимулировать интереса. В Мони больше не приглашать». Карточка отсылается в центр, который первым вошел в контакт с Оскаром. Молодой отец никогда не станет солдатом Муна.

Решение о приеме стажера в Семью либо об отказе ему зачастую принять бывает нелегко. Юноша или девушка, понравившиеся преподавателю, могут вызвать недоверие вышестоящего лица. Доказательство тому — некоторые карточки с записями, сделанными разной рукой. К примеру, Жан Пьер Ришар определил Дидье как «незаурядную личность», с которой нужно поскорее возобновить контакт». Какой-то иностранный миссионер — об этом можно судить по комментарию на английском — разделяет его точку зрения. Был ли это Кевин или Грег, которые в 1975—1976 годах делили свое время между замком Мони и региональным центром в Ренне? «Very good,— написано неровным почерком,— contact as soon as possible... Want come back with freinds»*. Но руководитель центра, принявший Дидье по возвращении из Мони, не очень спешит допустить его в Семью. Он выносит лаконичный приговор: «Видел, реакция негативная; если придет еще раз, тогда решим с ним окончательно».

Должностные лица Церкви, следящие за чистотой рядов Церкви, казалось бы, не должны отказывать в приеме, поскольку миссионеры, как работающие на улицах, так и ходящие по домам и участвующие в операции «стучись в каждую дверь», должны направлять в центры только «позитивных» — подходящих, специально отобранных лиц.

Завоевание элиты

Молодой немец Оливер фон Хаммерштейн, который впоследствии вышел из Движения, рассказывает, как в 1978 году на улицах Лос-Анджелеса ** охотился

---

* «Очень хорошо, свяжитесь как можно быстрее... Хотел бы вернуться с друзьями». — *Прим. перев.*

** Hammerstein O. von. Ich war ein Munic. Munich, 1980.

за «идеальным новопосвященным»: «Он примерно соответствовал следующему описанию: американец от восемнадцати до двадцати четырех лет, серьезный, оптимист, идеалист, верующий, с крепким здоровьем, ищущий истину и смысл жизни, с открытым характером, холостяк, живущий по принципу «рюкзак за спиной», то есть не имеющий крепких связей с семьей, постоянного жилья, профессии. Но мы подходили и к другим людям, к примеру, к богатым посетителям в холлах роскошных гостиниц, к деловым людям и т. д.

Мы никогда не обращались к больным, беднякам, отбросам общества. У них *bad spirit* — больной дух, и они не годятся для выполнения миссии. Нам говорили, что ими мы будем заниматься позже. Прежде всего следовало набрать энергичных людей».

Такой подход легко объясним. «Божественные принципы» (мы к ним еще вернемся) не предлагают человечеству некий вечный идеал, как большинство современных религий, а выдвигают быстродостижимый проект: Мун должен создать царство божье на земле еще до своей кончины. Иначе он не может выполнить свое предназначение, как его не выполнил и Христос две тысячи лет назад.

Церковь Единения — это церковь, которая спешит. Поэтому ей нужны рядовые солдаты, готовые к самопожертвованию ради пророка, но победа немыслима без привлечения в свои ряды генералов, уже занимающих нужные посты в цитадели, которую предстоит покорить. Это — руководящие кадры мира.

Полицейские, роющиеся в архивах АЕВХ в Париже, Мони или Страсбура, быстро приходят к тому же выводу, что и Оливер фон Хаммерштейн: если на улицах миссионеры устанавливают контакты по большей части с «позитивными», по их оценке, молодыми людьми, то операция «стучись в каждую дверь» нацелена на обращение в свою веру представителей привилегированных слоев общества: судебных чиновников, адвокатов, профессоров, журналистов, политических деятелей.

Это стало особенно заметно с конца семидесятых годов, когда, укрепив организационную базу, Мун бросил своих молодых последователей на штурм элиты, с помощью которой надеется приблизиться к власти.

2. САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ

Один год жизни ради Муна

«Дорогой Жерар. Я была очень тронута, получив твое письмо. Даже если ты не понимаешь глубокого значения вашего условия расставания, главное в том, как ты выполняешь это условие, каково твое отношение к нему в душе. Ведь самое главное отдать себя Богу полностью, показать Богу, что ты любишь его больше самого себя и любого существа в мире...»

Обороты тяжеловаты, но Жерар понял. Не на такой ответ он надеялся. Несколько дней назад, написав письмо своей единственной подруге-мунистке Франсуазе, он поделился с ней сомнениями, охватившими его после вступления в Семью, и рассказал о трудности столь полного самоотречения. Он никак не может понять, почему, к примеру, его и жену заставили жить отдельно, тогда как оба они члены Церкви. Они даже были готовы заново сочетаться браком перед Муном и просили разрешить им это. Ответ пришел из Франкфурта, где находится европейский штаб Церкви. Он был подписан Такаси Икехатой, представителем президента, и отцом Кимом, двумя духовными лицами корейского происхождения, которые следят за ортодоксальностью Движения в Старом Свете: «Основное условие — вы должны жить физически отдельно не менее семи месяцев до благословения и быть активными членами Церкви в течение более трех лет... В этот период вы должны нести полную ответственность в качестве членов Церкви Единения, следуя наставлениям ваших руководителей. Самое важное для вас в данный момент — это любить Бога, ваших истинных родителей * и ваших братьев, а также идти за вашим национальным руководителем».

В письме Франсуазы повторяются те же мысли, что и в письме из Франкфурта. И Жерар, которого все больше обуревают «негативные» мысли, приходит к выводу: чтобы оставаться верным Муну, надо отринуть тех, кого любишь.

---

* Речь идет о Мун Сан Мене и его жене.

А ведь Жерар доказал свою преданность Церкви. Вместе с женой и дочкой он жил в парижском пригороде Кретей, когда встретил мунистов. Он неплохо зарабатывал. Ничего особенного, но работа была надежной — повар в «Эр Франс».

Но в один прекрасный день все пошло кувырком. Жерар бросил работу, супружеская пара оставила квартиру в Кретей и переселилась в одну из общин в Латинском квартале. Церковь взяла на себя заботу о семье, и вскоре новички выходят на улицу, чтобы продавать журнал АЕВХ «Нувель эспуар». Каждый миссионер обязуется сдавать не менее пятисот франков в день руководителю центра. Значит, ему надо продать, как минимум, двадцать пять экземпляров журнала, работая с половины седьмого утра до двух часов пополудни. Адский труд, если учесть, что публика без особой охоты расстаётся с двадцатью франками, которые просят за совершенно неизвестный ей журнал. Жерар убежден, что если он не выполнит этого задания, то попадет в руки Сатаны.

Супружеская пара готова на все. Когда «братья» и «сестры» просят Жерара и Элизабет сделать взнос в пользу Церкви — такова традиция при поступлении к Муну, — они прежде всего отдают телевизор, затем кровать и шкаф из спальни; в конце концов эти вещи им больше не нужны, ведь они съехали с квартиры в Кретей! Более того, супруги предоставляют свое бывшее жилье в распоряжение АЕВХ, которая собирается превратить ее в «home church» — «домашнюю церковь» — место, где семьи мунистов будут ежедневно молиться богу. А пока будущий мунистский центр не построен, Церковь забирает водонагреватель, так как здесь придется установить более мощную модель!

Выполняя «наказ своего лидера», Жерар расстается с супругой, и та с маленькой дочкой отправляется в Мони, он же в одиночестве остается жить в «домашней церкви» в Кретей. Но Жерар не может вынести разлуки с Элизабет. При первой же возможности он придумывает предлог, чтобы убедить ее вернуться и покинуть Церковь.

Они отдали Муну год своей жизни. Это был не первый их духовный эксперимент. Они уже пробовали найти свой путь у кришнаитов и у свидетелей Иеговы.

Наследство

Карточка члена Церкви Единения похожа на любой другой учетный бланк. Вслед за наименованием и эмблемой идут привычные графы: фамилия, имя, адрес, телефон, некоторые сведения о гражданском состоянии и уточнения об исходном религиозном окружении. Там же указаны условия приема в АЕВХ.

Зато под фотографией нового сподвижника идет куда более интересный список обязательств, предложенных на выбор абитуриента. Напротив каждого обязательства — клеточка для отметки:

«Я поддерживаю цели Церкви Единения...»

«Я желаю сделать дар Церкви Единения в сумме...»

«Я прикладываю 72 франка на годовую подписку (1985 год.— *Прим. авт.*) на ежемесячный информационный бюллетень...»

«Я желаю ежемесячно вносить 30 франков членских взносов (включая подписку на информационный бюллетень)...»

Семья прочно стоит ногами на земле и не скрывает от новых членов своих финансовых забот.

После настойчивых вопросов полиции об их финансовых связях с АЕВХ большинство вызванных на допрос 8 мая 1982 года молодых мунистов признали, что вскоре после вступления в Церковь сделали ей тот или иной дар.

Надо сказать, что уклончивые ответы полицейских инспекторов не удовлетворяют. Родители мунистов, объединенные в Ассоциацию защиты семьи и личности (АЗСЛ), уже немало рассказали о практических делах Церкви. Они, к примеру, помнят историю Лоика, ставшего теперь ответственным за миссионерскую деятельность АЕВХ.

Он оставил родительский дом в восемнадцать лет. По новому закону Лоик уже совершеннолетний. Приняв решение после «уик-энда размышления» в мунистском центре в парижском пригороде, он тайно уходит из дома, прихватив все свое достояние: фотоаппарат, электрогитару, сберкнижку кассы взаимопомощи и мопед.

Родители находят его, тщетно пытаются уговорить вернуться домой и в конце концов приходят к мысли, что это просто помутнение разума. Мать даже провожает его в ближайший мунистский центр. Перед про-

щением, не удержавшись, она спрашивает, куда он дел мопед. «О! У них большая нужда в деньгах, и я подумал, что могу его отдать им...» Ей неловко, но все же она просит вернуть мопед, так как он не принадлежит Лоику. Брат Лоика, сопровождавший мать, спускается в подвал за машиной. Оттуда он возвращается невероятно удивленным: «Если бы ты видела, мама, все то барахло, те груды вещей, что натаскали обращенные...»

Лоик не отказывается от своего выбора. Через несколько лет, когда умрет отец, он передает Мун Сан Мену свою долю наследства.

Жестокая история, но ее следует рассказать.

Смерть человека, давшего ему жизнь, несколько не тронула Лоика. Надо сказать, что после приобщения сына к Церкви отец стал одним из самых ярых противников АЕВХ. По мнению мунисгов, он был воплощением зла. Письма молодых мунисгов к своим родителям разоблачают «ложь» и «выдумки» этого исключительно «негативного» отца.

После его смерти в июле 1975 года все средства были пущены в ход, чтобы очернить образ того, кому удалось мобилизовать и настроить против «Нового Мессии» множество пострадавших родителей. Девушка-миссионер, член «Глобал Тим», работающая в Японии, узнав о смерти отца Лоика, берется за перо, чтобы написать своим родителям. Они приходят в ужас от ее письма: «Вам следует соображать, что никакое физическое действие не бывает без внутренней причины со стороны духа*. Есть духовные законы, как есть и физические законы. Чтобы Х... умер скоропостижно, тому имеется духовная причина. Он умер «не случайно». Вы сомневаетесь, что он был коммунистом. Ну так проверили бы списки членов и лидеров партии, ибо это не потому, что Семья попросила своих членов заказать мессу, а не цветы, что он не был коммунистом. Неужели вам не известно, что большинство священников и епископов и членов католической церкви являются коммунистами или исповедуют их идеи. В католической церкви можно быть зараз и примерным христианином, и хорошим коммунистом. Это есть ужасная и противоестественная вещь, поскольку ком-

---

* Мы постарались сохранить стиль и орфографию цитируемых документов.

мунистическая идеология отрицает существование Бога. Понимаете ли вы, что я хочу сказать?»

В такой отравленной атмосфере находился Лоик, когда узнал о смерти отца. Но и траур не сблизит его с теми, чью фамилию он носит. Не более трогает его и сообщение об ожидающемся наследстве. Он лишь решает полностью передать его своей «истинной Семье». С этого момента он слепо повинуется всем инструкциям АЕВХ, чтобы получить означенную сумму.

Спустя без малого год, перед отправлением в США, где ему предстоит участие в крупных политико-евангелических мероприятиях, Лоик уполномочивает вести свои дела адвоката, указанного Церковью. В Нью-Йорке, где Лоик сотрудничает в ежедневной мунистической газете «Ньюс-уорлд», доверенный ставит его в известность, что, по сообщению реннского нотариуса, доля наследства Лоика составляет 46 476,08 франка. Это было 9 сентября 1977 года. Дальше все разворачивается очень быстро. АЕВХ узнает, что по требованию матери Лоика судья по делам опеки из пятнадцатого округа Парижа собирается установить над молодым человеком попечительство, а значит, он не сможет получить наследство.

10 января 1978 года Лоик открывает счет во «Френч Эмерикен» — филиале Национального банка Парижа в Манхеттене. Находясь на полном содержании Церкви, не заработав за последние два года ни гроша, он до сих пор в счете не нуждался. На этот счет немедленно переводится вождеденная сумма — ровно за три дня до решения французского судьи объявить Лоика недееспособным... Теперь можно и не спешить с последней фазой операции — перечислением наследства на счет Церкви Единения. Через два месяца «Френч Эмерикен» получает распоряжение о переводе со счета № 806343 суммы в 9 934,26 доллара (то есть 46 408 франков) на счет № 00292162 нью-йоркского отделения Церкви Единения.

Так честно заработанные французским врачом деньги поступили в многомиллионную кассу Церкви, более известной в Соединенных Штатах кампаниями в пользу Никсона в разгар «Уотергейтского скандала», чем стремлением объединить христиан всего мира.

Лоик не взял себе из наследства ни сантима. Сумма, которую он подарил Семье, на 68,08 франка меньше той, что указана в нотариальном акте о раз-

деле наследства. 68 франков ушли на оплату банковских услуг по переводу и открытию счета.

Случай Лоика далеко не единственный. Немало других молодых людей благодетельствовали своих «истинных родителей» тем, что досталось им от их состоятельных буржуазных семей.

Покидая особняк в восьмом округе Парижа, где он провел молодость, Тибо забрал в дар АЕВХ мопед и только что приобретенный проекционный аппарат. Он не трогает солидный пакет акций, который его заботливый папочка отложил для него у своего биржевого маклера. Однако Тибо уже совершеннолетний и мог бы воспользоваться деньгами без чьего-либо разрешения.

Но через два месяца перед отлетом в весьма долгое путешествие — маршрут его пролегает в США, Японию и Корею — он обращает часть акций в наличные: 20 тысяч франков. Немного же времени понадобилось «братьям» на его обработку. Родителям он сообщает, что дает эту сумму в долг АЕВХ. Поэтому беспокоиться не о чем. Тем более что их сын, похоже, отправляется в длительную командировку. И вдруг сюрприз: менее чем через год он возвращается в Париж. Матери он доверяется, что Церковь специально отрядила его из Нью-Йорка для продажи всего пакета акций. Тибо намерен передать свой капитал новой мунистской фирме, импортирующей во Францию препараты из женьшеня, изготовленные в Корее на предприятиях Семьи.

Он спешит к маклеру, не особо торгуясь сбывает свои акции за 65 тысяч франков, возвращается в родительский особняк и в присутствии пораженной матери звонит Анри Бланшару, президенту АЕВХ, чтобы извиниться перед ним за то, что выручил за акции меньше, чем ожидал!

Из бухгалтерских книг «женьшеневой фирмы» — вскоре она стала называться «Альфа и Омега» — видно, что Тибо не извлек из своего вклада ни малейшей выгоды, а ведь по тем временам он был весьма солидным (по курсу 1986 года 145 тысяч франков с учетом инфляции). Ему не досталось ни единой акции, не было даже предложено символического титула администратора...

Проделав эту финансовую операцию, Тибо возвращается в США. С 1975 по 1978 год он участвует в

«Крестовом походе за единый мир» во Франции, Италии, Испании и Англии.

В этот момент во Франции женится его брат. Как истинный рядовой миссионер, Тибо не имеет ни гроша и не может себе позволить путешествие по своей воле. Его родители, люди со средствами, которым вполне по карману купить ему авиабилеты в оба конца, лукаво обращаются с этой просьбой к Церкви. Ответ обескураживает их. Его мать рассказывает: «Я встретила с одним из ответственных руководителей секты, Реми Бланшаром. Тот стал рассказывать нам о финансовых затруднениях ассоциации, отсутствии денег на оплату перелета Тибо из Лондона в Париж, чтобы тот попал на свадьбу брата. Но, добавил он, вскоре дела пойдут лучше, потому что наши «последователи взрослеют и скоро смогут наследовать после смерти родителей!» Провокация на провокацию или циничная откровенность?

Во всяком случае денежки зажиточных «детей» Муна не оставляют «Отца» равнодушным...

Готовы умереть ради «Отца»

От Мони до Страсбура, включая Париж и другие города, бригады полиции составляют инвентарные описи «подарков», полученных АЕВХ.

Режи, брат-столяр, обслуживающий замок Мони, отдал общине свой «ситроен 4л». Когда через некоторое время машина разбивается в дорожной аварии, Режи повторяет свой жест: он передает Церкви всю сумму страховки за машину. Колетт, врач, специализирующаяся на помощи «третьему миру», вручает АЕВХ «пежо-204». Ее машине суждено вскоре попасть в другой переплет — ее крадут. Сумма страховки также оказывается в церковной кассе.

Не каждый из новых последователей может пожертвовать на алтарь своей веры машину, а потому взнос не обязательный, но, скажем так, ритуальный чаще всего производится в денежной форме: «1500 франков», «5000 франков», «минимальная сумма», «все, что я имею». Каждый исповедуется в том, что сделал маленький жест... Редки новобранцы общины, которые забывают свои сбережения дома. Книжки сберегательной кассы, заведенные несколькими годами

ранее родителями для своих чад, чтобы дать им «хороший старт в жизни», надежно скрепляют связь молодых мунистов с их новой семьей.

В такой стране, как Франция, где семейные сбережения рассматриваются чуть ли не как метафизическая ценность, подобная «перекачка средств» воспринимается как святотатство. И лик Церкви в общественном мнении от этого очень страдает.

Сколь бы непопулярным это ни было, все же художественно из подношений наличными набегает в среднем 5 процентов бюджета АЕВХ. И эта цифра еще не учитывает подарков натурой! Дидье Боннмезон, один из духовных лидеров страсбургской общины, намекнул следователям, что в Семье есть исключительно щедрые «дети»: «Я знаю,— сказал он,— что, в согласии с нашим идеалом, те члены, которые имеют имущество, к примеру дома, могут подарить их общине. Очевидно, что тот, кто имеет здание и хочет, чтобы остальные пользовались им, составляет соответствующий акт...» Кое-кто из состоятельных верующих Церкви свои владения не отдает, а под своим именем арендует помещения для миссионерских общин АЕВХ.

Так, двумя квартирами в весьма респектабельных кварталах Парижа (одна из них — на бульваре Пастера недалеко от Монпарнаса, а другая — на улице Турнефор в двух шагах от Пантеона), смотря по необходимости, в 1982 году пользовались то миссионеры-журналисты «Нувель эспуар», то «братья», ответственные за политическую деятельность Движения. Вторая квартира ежемесячно обходится в 4700 франков Дидье Риасу, молодому и талантливому выпускнику Политехнического института, который проникся мунистской верой, несмотря на добрый запас сомнения, унаследованного от воспитания в весьма уважаемой протестантской семье.

Отказаться от машины или наследства, отдавать треть своей зарплаты на наем помещений, используемых Церковью, называется на языке мунистов «создать условия».

Едва принятый в Семью, новый член обуреваем лишь одной навязчивой идеей: доказать, что любит Муна превыше самого себя. Ибо «Новый Мессия» никогда и не скрывал, что многого ждет от своих «детей». Вот уже двадцать лет обращаясь к своей пастве, он от речи к речи создает портрет-робот (примите

этот термин без иронии) идеального муниста. «Если вы любите меня, покажите, как вы меня любите!» — бросает он в 1977 году своим американским приверженцам. И с тех пор каждый из них ищет в священных текстах — сборник речей, по-английски называющийся «Говорит Учитель» — правила поведения, которые позволят ему стать ребенком, достойным любви «Отца».

Список «условий» довольно долог и скорбен: отказ от комфорта и денег, от пищи, от сна, от половых связей; умение выносить лишения, быть способным отречься от своей профессии, своего спутника жизни, своих детей. Одним словом, надо быть готовым на все. Если понадобится, даже на убийство и на смерть.

С 1972 года — он только что объявился в Америке — Мун Сан Мен предупреждает своих учеников, что защита веры может привести их к фатальному исходу. В тот день, 12 января, он обратился к студентам университета Беркли в Калифорнии на митинге, проходившем всего в нескольких сотнях метров от известного студенческого городка, ставшего символом борьбы против войны во Вьетнаме. Напомнив, какая величайшая концентрация сил требуется для исполнения любой миссии, порученной Церковью, преподобный отец заявил: «Если вы на волосок от убийства, то и вправду убейте; если вы хотите ударить, то и в самом деле ударьте. Вы всегда должны делать все с полной концентрацией воли, и тогда все будет нормально».

Что касается перспективы пожертвовать своей жизнью ради Церкви, то она — часть обета аскетизма, которому должен подчиняться любой «ребенок истинных родителей». «Один из способов мыслить состоит в том, чтобы постоянно подыскивать для себя самое трудное дело, — говорил Мун замороженной аудитории на идеологическом семинаре в 1979 году. — Вы можете даже подумать, когда же преподобный Мун потребует от меня моей жизни? Вы не можете попросить у меня для себя ничего более трудного, чем это...»

Тут же один из его главных проповедников, преподобный отец японец Кен Судо, еще более подогревает аудиторию, состоящую из молодых супружеских пар, обвенчанных в том же году «Отцом»: «Теперь мой черед отдать жизнь за Отца... Я добровольно иду на смерть... Если вы действительно ощущаете радость, умирая за Отца не только на словах, но и на деле, то это великолепно!»

Обезличивание

Морван и Сабине, два главных инспектора, ведущих следствие по делу АЕВХ, скорее всего этих текстов не читали. Их доклад больше касается финансовых и идеологических результатов деятельности французской Церкви, нежели движущих сил, определивших ее успех: возведенное в догму самопожертвование, фанатизм, как правило, повседневного поведения.

Тем не менее следователи собрали почти во всех уголках Франции поучительные свидетельства о жизни, о днях и ночах тех, кто страстно посвятил себя «Новому Мессии», об образе жизни людей, целиком зависящих от воли Муна.

Мунисты умеют быть скрытными, когда их спрашивают об условиях жизни и труда. Хотя зачастую их так и подмывает с гордостью признать, что в поисках одного идеала они душой и телом служат другому, что работают или молятся по двадцать часов в сутки, что спят недостаточно, что не всегда едят досыта, что не получают зарплаты за свой труд — распространение журнала «Нувель эспуар» или почтовых открыток, хотя каждый ежедневно приносит Церкви доход от 500 до 2 тысяч франков.

Искушение велико, ибо Сатана и его представители на земле — коммунисты начеку и караулят малейший промах «детей» Муна, чтобы подбросить в прессу, которую они контролируют, искаженную и клеветническую информацию, дабы дискредитировать «Отца». Вот почему они так скупко говорят об этом полицейским. И в то же время их распирает желание крикнуть на весь мир, что они гордятся своими делами, гордятся тем, что принадлежат к богатому и могущественному движению, которое вскоре будет править землей.

Поэтому надо уметь читать между строк — холодных и немногословных строк официальных показаний. Свидетельство Дидье Боннмезона, бывшего скаута и любителя музыки, которого Церковь привлекла мунистскими гитарами, приподнимает уголок занавеса: «В тот момент (тогда Дидье был еще рядовым миссионером. — *Прим. авт.*) моя деятельность сводилась в основном к установлению контактов и проповедничеству. С этой целью мы организовывали дискуссии в нашем центре и среди университетской молодежи Страсбура. Наш день проходил следующим образом:

— подъем в 6 утра, молитва в 6.30, завтрак в 7, далее общие работы: уборка, наведение порядка и прочее;

— учеба до 12 часов. Поскольку у нас во Франции нет теологических школ или университетов, все сводилось к изучению основополагающих текстов, входящих в учебную программу;

— второй завтрак в 13 часов;

— вторая половина дня была посвящена проповеднической работе на улицах, затем вечером в университете или в домах у разных людей.

«Это расписание не носит обязательного характера, поскольку один или несколько человек могли отсутствовать по утрам, например, для установления контактов на улице. Что касается меня, то мне много раз случалось вставать раньше и заниматься самому, поскольку я не мог присутствовать на утренних уроках по причине иной деятельности.»

Два вечера в неделю непременно выделялись для бесед (в университете.— Прим. авт.) с целью знакомить людей с деятельностью АЕВХ. Но дискуссии завязывались в любые вечера, когда создавалась подходящая обстановка. Заканчивать их полагалось в 22 часа, хотя зачастую они продолжались и за полночь...

Наша еда была простой, как в семьях с небольшим достатком. Ее можно сравнить с пищей в университетской столовой, с той разницей, что у нас мясо было не каждый день».

Эти абзацы курсивом помогают лучше понять происходящее: Дидье защищается по каждой позиции перед инспектором Пьером Фридрихом из РССП Страсбура. Не зная, как говорить, с насмешкой или гневно, он старается умолчать о том, что может нанести ущерб Семье. Он должен говорить так, чтобы не возбудить излишнего любопытства у собеседника и в то же время излагать довольно банальные вещи, чтобы скрыть за ними главное. Подобную тактику всегда используют при контактах с родителями новообращенных мунистов или с политическими деятелями, которых стремятся привлечь для поддержки антикоммунистического крестового похода Муна. К несчастью, Дидье слишком честен и недостаточно ловок, чтобы скрыть правду. Чувствуется, что он готов закричать: «Да, мы плохо жрали и мало дрыхли, но как же было хорошо!»

У Андре Жессе иные воспоминания о своих первых днях в Церкви. Она вступила в АЕВХ в 1972 году. Тогда это была всего лишь крохотная группка во главе с миссионером из Германии Рейнером Винсенцем, человеком, который только что обратил в свою веру бывшего семинариста Анри Бланшара, ныне президента французского отдела Ассоциации за Единение Всемирного Христианства.

Двадцатилетняя Андре пробыла у Муна всего несколько месяцев. К ее свидетельству, как к свидетельству любого отступника, надо относиться с осторожностью. И в самом деле, трудно соблюсти меру, когда тобой владеет чувство, что те, кого ты обожал, обманули тебя. Однако ее слова довольно точны и лишены эмоций, чтобы принять их всерьез: «В первые дни моего пребывания в Семье меня окружили любовью и вниманием. С тех пор я постоянно вращалась в этой среде. Кстати, я немедленно перенесла в общину все личные вещи и передала их Церкви. Этот климат уюта и любви рассчитан на то, чтобы укрепить вас в решении вступить в члены Семьи. Продолжительность этого периода зависит от зрелости субъекта.

Как только «родители» почувствуют, что субъект завоеван, его отправляют на улицу искать «детей», иными словами, на ловлю новых душ. Это способ самоутвердиться и испытать силу «Божественных принципов», обнаружить свои миссионерские способности.

Во второй фазе, когда от вас ждут отдачи, меня перевели на улицу Планта в Париже. С этого момента я оказалась среди дюжины последователей, обитавших вместе. Парни размещались в одной комнате, девушки — в другой. Мы спали прямо на полу, не более чем по пять часов, за исключением воскресений, когда время на сон сокращалось до четырех часов, чтобы мы могли присутствовать, а вернее, творить утреннюю молитву... Первые ночи на улице Планта я практически не спала.

С этого момента я почувствовала в себе физическую перемену, готовность принять тяжкие условия жизни, навязанные Семьей. Затем я участвовала в многодневных коллективных постах. Я выдерживала трехсуточный и семисуточный посты...»

Пост — одно из ритуальных «условий», навязываемых вступающему в Семью. Дидье в своих беседах с полицейским не обмолвился об этом ни словом. И его

можно понять. Движение Единения не имеет ничего общего с религиозным орденом. Это — организация, стремящаяся к власти, а не монастырское заведение. Значит, ей следует заботиться о престиже ее внешнего облика, а ведь отказ от благ в наш век не самая чтимая ценность. Так зачем же кричать на каждом перекрестке, что эти молодые люди, улыбающиеся, хорошо и опрятно одетые, несущие вам доброе слово, иногда едва стоят на ногах? Люди могут не понять, зачем Мун требует от своих «детей» таких жертв. А он их требует. Об этом свидетельствует речь, с которой Мун в 1973 году обратился к руководителям различных отделов Движения: «Когда в нашу Церковь приходит новый член, он должен выдержать семисуточный пост. Вы должны быть уверены в том, что он может работать семь дней кряду без еды...» Разве мужчины и женщины, согласившиеся на подобное испытание и выдержавшие его, откажут в чем-либо «Новому Мессии»?

Сегодня Андре Жессе бесстрастно анализирует медленный процесс обезличивания, конечная цель которого — превратить рядового муниста в безупречного активиста Движения: «Я согласилась также на изнурительные походы вокруг Парижа. Их целью было окончательно уничтожить вас как личность. Через три месяца я хотела поделиться сомнениями, но даже попытка заговорить об этом пресекалась под угрозой изгнания из Семьи... Цель применяемого метода состояла в том, чтобы заставить вас отринуть внешний мир — он считается «сатанинским» — и принудить к полной отдаче Церкви, лишив любой возможности критиковать учение Муна. Так вам внушается самоцензура.

Учение направлено на то, чтобы погрузить человека в атмосферу постоянного страха. Миссия Муна не может потерпеть провала — любой, кто усомнится в этой основополагающей истине, должен дорого заплатить за неверие... Я вспоминаю одну фразу: «Суд будет жесток, многие захотят покончить жизнь самоубийством, но не смогут этого сделать...» или «Когда Мун придет к власти, те, кто отвергнут его, будут поражены электротоком...» У меня до сих пор хранится документ, где утверждается: «Если не удастся завоевать мир духовно, он будет завоеван оружием...»

Я вышла из секты не сразу, когда во мне созрело решение, так как боялась апокалипсических ужасов, которые должны обрушиться на отступника...»

Ни гневные воспоминания Андре, ни осторожные показания Дидье не создают полной картины той лихорадочной эйфории, которая овладевает детьми Муна после испытания голодом, бессонницей, сомнением и страхом.

Монахи-солдаты

Я могу найти лишь два слова, чтобы охарактеризовать этих «новых людей», которых вызвал к жизни практический гений и магнетизм Мун Сан Мена: активисты и мистики. Эта разновидность «божьих безумцев» — выражение самого «Отца» — принадлежит к расе Хомейни и Солженицыных.

Кроме того, им присуща определенная ловкость.

Послушайте, как говорит Лоик о своей борьбе через полтора года после вступления в Церковь. В его письмах ощущается порыв, уносящий автора на вершину амбиций и убежденности: «Мы переступаем через любые ограничения,— пишет он 3 сентября 1975 года.— Наши центры становятся слишком тесными для всех лиц, вступающих в Семью. Вилла Обле и Вокрессон (два центра в парижском районе.— *Прим. авт.*) стали второстепенными. На прошлой неделе мы обзавелись настоящим замком в районе Руана (Мони.— *Прим. авт.*), с вместительными пристройками и обширным парком. Пока мы там живем инкогнито. Но через четыре дня он распахнет двери для семинаров, и его адрес станет известным... В Лионе — еще одна «Вилла Обле», более обширная... Предусматривается приобретение второго замка на юге. В Париже одно высотное здание и несколько квартир. Через три месяца многие французские города будут иметь счастье познакомиться с нами. Мы напечатали множество книг и листовок, начали издавать свой еженедельник (октябрь — 12 тысяч экземпляров; ноябрь — 40 тысяч; декабрь — 120 тысяч). Мы также купили много автобусов.

Через четыре дня семь семинаров (три дня + семь дней) будут еженедельно проходить в Руане, Париже и Лионе. Руан может без труда принять тысячу человек. У нас будет двенадцать бригад «обучения».

Два трехнедельных семинара будут проводиться ежемесячно. Этой группой руководит Филипп, бывший семинарист (иезуит) и крупный философ. Три ближайших месяца многие обещают (через несколько часов нас будет 700...) (намек на прибытие «Глобал Тим» для начала крестового похода во Францию.— *Прим. авт.*).

Растет и американская Семья.

В Корее поставлена цель превратить всю страну в «Единую Семью» в национальном масштабе. Там куплены большое озеро и окружающие его горы. В Семью вступают целыми деревнями. Христиане отказались от борьбы, и все остальные церкви постепенно примыкают к АЕВХ. Им пора осознать: АЕВХ — самая крупная церковь Кореи, а Мун Сан Мен — самый великий религиозный вождь...

Мун Сан Мен стукнул кулаком по столу заснувшего христианства: он собрал 1 200 000 человек в самом центре Сеула, ясно высказал свое отношение к проблемам страны, особенно к проблеме номер один, от рассмотрения которой увивают остальные религии: отношение к коммунизму. Никакого компромисса. Правительство рухнуло с облаков. Оно не ожидало такого размаха.

Пять или шесть лет назад АЕВХ можно было обвинить в том, что это крохотная секта наивных людей, легко подверженных влиянию извне и оплачиваемых ЦРУ. Но секта «набрала» прежде всего университетских деятелей, в том числе профессоров. Бюджет ЦРУ в 1975 году почти в десять раз меньше бюджета АЕВХ (я вычитал о бюджете Церкви в какой-то французской газетенке — «Канар аншене», «Экспресс» или «Монд», — а бюджет ЦРУ легко рассчитать, зная размеры секретных фондов американского правительства и их распределение).

Короче говоря, классические обвинения отпадают. Нельзя обмануть миллион человек или забить им головы ерундой — ведь тебя не может содержать тот, кто в десять раз беднее...

Я остаюсь во Франции по крайней мере до марта 1976 года...

В моей семье * умеют делать выбор, и я его уже сделал».

---

* Лоик говорит о своей «генетической» семье.

Лоику еще не исполнилось и двадцати, а его выбор уже сделан. В возрасте, когда его школьные сверстники — год назад он учился в выпускном классе лицея — только лепечут о своих первых убеждениях и задумываются о собственном будущем, ОН ЗНАЕТ. Слабость традиционных религий перед лицом коммунизма? У него на руках все данные, чтобы говорить об этом! Секретные американские фонды (кто дал ему цифры или заставил поверить в то, что он их знает?) ему известны! Знает он все и о ЦРУ. Неотвратимое восхождение Муна к вершине мировой власти? Оно предопределено историей!

Что он мог ждать от жизни состоятельного буржуа, к которой предназначали его семья, учеба, окружение? Карьеру, семейный очаг, спокойствие и уют? Мун же предлагает ему весь мир и великолепную машину для завоевания власти! Господи!

Ставка стоит того, чтобы недоспать.

«Наша задача огромна, и работы хватает,— добавляет он в другом письме.— Любой ценой необходимо множить наши ряды. Это означает: беспрестанно, днем и ночью, налаживать контакты, проповедовать «Божественные принципы», принимать новообращенных в центрах, научить их жить по-нашему (кухня, уборка, ремонт), обзавестись собственным транспортом— автобус будет постоянно курсировать между Лионом, Мони и десятью городами, где организуются контакты. Все это требует громадных финансовых издержек: тяжелейшая задача, решение которой требует усилий четверти, а то и трети наших членов; надо обеспечить работу типографии («Нувель эспуар», книги, листовки) и т. п.»

От письма к письму, от свидетельства к свидетельству миссионер Муна все четче предстает перед нами как активист Движения. В самом деле, он уже не удовлетворяется лишь проповедями своей веры. Если он желает сохранить свое место в общине, ему надо любой ценой найти людей и деньги, которые позволят Мун Сан Мену добиться своей цели: завоевать мирскую власть и установить всемирную теократию.

«Больше молиться. Находить больше «детей». И больше денег». Этот лейтмотив внутренних циркуляров Движения подчеркивает приоритеты. Если ло-

зунг перевести на мирской язык — «Учитесь, вербуйте новых членов и обеспечивайте подписку», — он стал бы синтезом задач любой крупной политической партии.

Но какая партия в 1986 году может потребовать от своих членов работать по двадцать часов в сутки? Какая партия может надеяться на то, чтобы ежеминутно контролировать жизнь и мысли своих членов? Какой президент или генеральный секретарь может — как это сделал Анри Бланшар в январском циркуляре 1978 года — потребовать от всех своих членов соблюдения условия — «сорок дней непрерывных молитв с 0 часов 1 февраля до полуночи 12 марта»?

Конечно, ни одной партии это не под силу.

На заре XXI века Мун Сан Мен извлекает из небытия средневековую традицию монахов-солдат, чтобы раздвинуть границы своей империи и повести их на борьбу с коммунизмом.

И это ему удастся!

3. МИРОВЫЕ АМБИЦИИ

Получится ли из Мишеля Пикара образцовый мунист?

Таким вопросом полунасмешливо, полутревожно задаются его друзья, пораженные странной авантюрой, в которую он решил ввязаться. В пиджачной паре и при галстуке он выглядит как весьма представительный мормонский миссионер. Высокий, атлетически сложенный, с симпатичным и решительным лицом, с короткой прической и открытой улыбкой, Пикар внушает доверие. Окажется ли он настолько искусен, чтобы очаровать руководителей АЕВХ и войти к ним в доверие? С неповторимым квебекским акцентом, который придает изюминку любой самой скучной речи, он утверждает, что сможет.

Проникновение

Мишель Пикар решил проникнуть в секту Муна. Почти по капризу. Будучи студентом факультета политических наук в Нантере, он искал тему для курсовой работы, когда в ноябре 1984 года первый канал французского телевидения буквально преподнес ее ему.

Впечатляющую историю под названием «Мун против Маркса» изложил журнал теленовостей, раскрыв существование международной религиозной антикоммунистической организации, прочно укрепившейся в Латинской Америке, США и на Дальнем Востоке. Прекрасная тема для блестящего завершения курса по анализу идеологий.

Прекрасный повод проверить себя в деле, тем более что этот двадцатитрехлетний студент, динамичный и честолюбивый, уже давно мечтает сделать карьеру в разведслужбах Канады. В конце концов, если он сумеет проникнуть в таинственную АЕВХ, то это явится еще одним аргументом в пользу его принятия в королевскую полицию Канады.

Впрочем, у него и так достаточно данных: глубокое знание марксистско-ленинской доктрины, способное произвести должное впечатление на шефа любой службы по борьбе с терроризмом, физическое развитие выше средней нормы, явный талант водителя-аса...

Ибо Мишель Пикар уже давно обучается всему, что в один прекрасный день поможет ему стать отличным полицейским. Он прошел школу совершенствования в каратэ, принимал участие в спортивных гонках на автодромах парижского региона. Крохотное «турбо 5 Рено» заставило его на время позабыть о великолепном «триумфе», оставленном в монреальском гараже. Жизнь парижского студента оставляет ему много времени для развлечений, так что времени на ведение следствия ему хватит.

Неожиданная встреча помогает ему в осуществлении проекта. Одна из тех случайностей, которую молодые мунисты не преминули бы назвать проделками дьявола. Судите сами: Мишель — страстный поклонник акробатического рок-н-ролла и, чтобы округлить свои доходы в конце месяца, трижды в неделю обучает нескольких молодых людей искусству пируэта в танцевальном центре в Марэ. Один из этих любителей рока — полицейский. Учитель и ученик проникаются симпатией друг к другу, и первый излагает второму свою идею. И правильно делает. Представьте себе, что его ученик протирал штаны на той же университетской скамье, что и один из его коллег, которому недавно поручили слежку за сектой Муна.

Установленный вскоре контакт открывает интерес-

ные перспективы: префектура испытывает недостаток информации о Церкви Единения. Приход левых к власти мало повлиял на ее деятельность: как большинство французских спецслужб, она с большим интересом и куда серьезней следит за левыми и крайне левыми, чем за правыми и крайне правыми. Со своей стороны центральная дирекция разведслужбы после 1982 года неоднократно пыталась проникнуть в руководство АЕВХ, но агент, которому поручили эту деликатную миссию, не вынес психологической нагрузки.

Короче, сведения, которые раздобудет Мишель Пикар, будут приняты с радостью. В обмен ему предоставят досье, состоящее из газетных и журнальных вырезок, и всю информацию, которой располагают. Ну... почти всю... Остается только договориться с Ассоциацией по защите семьи и личности (АЗСЛ), за десять лет собравшей обширную информацию о сектах, а также с одним из соавторов передачи «Мун против Маркса», который как раз готовит к печати книгу на эту тему.

Итак, можно приступать к делу. Результатом его станет весьма документированная курсовая работа, защищенная в мае 1985 года. Ее название «АЕВХ и секта Муна во Франции. Доклад о связи религиозного движения с политической борьбой».

Открытие странного мира

Мишель представляется мунистам как активист антикоммунизма. Он обращается в парижский отдел КАУЗА*, политической организации Движения, упомянутой в том же репортаже. В конце 1984 года отдел временно располагается в трехкомнатной квартире в Париже на улице Лисбон, 38.

У него сразу устанавливаются добрые отношения с двумя принявшими его женщинами: бывшей преподавательницей танцев и молодой кореянкей, которую сам Мун выбрал в супруги одному из руководителей французской организации КАУЗА. Рассказ Пикара, похоже, убедил их: студент, изучающий политические науки, слышал от друзей о КАУЗА и хотел

---

* КАУЗА (CAUSA) — Церковная ассоциация за единство общества Америки, основана в Нью-Йорке в 1980 году.— *Прим. ред.*

бы вступить в нее. Его знания марксизма-ленинизма могли бы оказаться полезными.

Как бы случайно Мишель Пикар упоминает имя Мун Сан Мена. В ответ он узнает, что преподобный отец в самом деле является вдохновителем этой новой антикоммунистической организации.

После первой встречи его приглашают посещать курсы КАУЗА по четвергам вечером в помещении другого филиала Движения Единения, который называется Университетское движение за духовную революцию (УДДР) и занимается распространением мунистских идей в студенческих кампусах*. АЕВХ переживает период реорганизации, а КАУЗА-Франция пока не располагает достаточно большими помещениями, необходимыми для развертывания широкой деятельности, хотя мунистские деловые люди активно занимаются их поиском.

Ситуация затруднительная, ибо политическая ветвь Движения на первых порах должна выглядеть совершенно независимой от Церкви Единения, даже если и признается, что ее «вдохновителем» является именно Мун. Вот почему на лекциях пока присутствуют только мунисты или безвестные сторонники, решившие углубить свои политические знания и отточить антикоммунистическую риторику.

Придется подождать до весны 1985 года, когда КАУЗА-Франция, получив новые помещения, сможет приглашать на свои курсы совершенствования или семинары и таких лиц, которых смущает слишком явное соседство с символикой и миссионерами Церкви.

Эта деталь, с виду анекдотическая, однако, очень важна. И поскольку читатель, следуя за Мишелем Пикаром, лишь начинает знакомиться с КАУЗА, надо тут же сказать, что это основное звено мунистской цепочки как нельзя лучше свидетельствует о ловкости преподобного отца, умеющего, когда необходимо, замаскироваться.

Очень скоро ответственные лица, с которыми то и дело соприкасается наш «шпион», предлагают ему глубже проникнуть в религиозную мысль Муна, чтобы лучше понять его политическое кредо. Молодому миссионеру алжирского происхождения Лахдару — он ровесник Пикара — поручается «ознакомить его с

---

* Кампус — общежитие.— *Прим. перев.*

«Божественными принципами» на специальных занятиях, вне курсов и семинаров КАУЗА.

За несколько недель, урывая время между сеансами рока и лекциями на факультете, Мишель проникает в странный мир. Каждое занятие по изучению «Принципов» начинается с пения. Вместе с присутствующими братьями и сестрами он весело распевает псалмы, написанные «Отцом», а также корейскими и японскими руководителями Церкви, на мотивы шлягеров международных хит-парадов: «Like a bridge over troubled water» Саймона и Гарфункеля, «Morning has broken» Кэта Стивенса или «Country boy» Джона Денвера. «То, что вы слышите эти мелодии по радио,— говорит он,— еще больше погружает вас в ваш духовный опыт... Музыка напоминает вам о часах, проведенных в разговорах с друзьями, когда вы вместе смеялись и пели, а потому атмосфера, царящая в Семье, поверьте мне, попросту завораживает вас».

Первые песнопения стали для него сюрпризом: «Когда они вдруг запели, я вначале подумал, что они вот-вот расплачутся... Они буквально «заходятся» от песен...»

Мишель обучается также молитвам и обнаруживает, насколько же сильно молодые мунисты проникнуты своей верой. «Их кулаки сжаты, глаза закрыты — это состояние полной медитации. Они никогда не смотрят вокруг, а полностью погружаются в себя и молятся с опущенными головами. Когда Лахдар молится, он раскачивается из стороны в сторону и гримасничает. Будь это возможно, он прошел бы через потолок».

Но главное, вскоре Мишелю Пикару удастся раскрыть одну из тайн эффективности мунизма.

СССР — Сатана

Пикар проявляет столько усердия, что «братья» предлагают ему вступить в Церковь на правах члена ассоциации и пройти стажировку*. После семи дней пребывания в доме на Фонтене-о-Роз в парижском при-

---

* Церковь Единения организует для своих будущих кадров курсы теологического обучения разной продолжительности — 2, 7, 21, 40 и 120 дней. 120-дневную стажировку проходят в крупном поместье Церкви, находящемся в США в полутора часах езды на север от Нью-Йорка. Попасть туда исключительно трудно.

городе он наконец начинает понимать, как молодых верующих превращают в активных борцов против коммунизма. В учении, которое им излагают, главное — доказать, что коммунисты — враги бога.

«А разве католическая церковь проповедует иное?» — спросите вы меня.

Возражение неправомерно. Ведь если доктрина Ватикана ограничивается только утверждением, что существование бога принципиально несовместимо с материалистическим истолкованием истории, то, согласно мунистскому учению, коммунизм борется против божественного замысла установления царства божьего на земле. Коммунизма, по Муну, как такового, не существует: он не что иное, как последняя маскировка Сатаны в войне против бога.

Нашего «шпиона» искусно и исподволь подводят к следующему открытию: «Вторая часть «Божественных принципов», посвященная злу (в первой части представлен совершенный мир, замысленный богом до падения человека, до его первородного греха), направлена не только против коммунизма. Зло, грех представлены как череда бедствий: рак, голод в мире, экономический кризис, мировые войны... Этот перечень доказывает, что грех в современном обществе вездесущ. В таком ряду коммунизм выглядит одним из воплощений зла в обществе. По истечении еще нескольких дней обучения коммунизм и Советский Союз предстают как стихии, выбранные Люцифером для борьбы с Добром, иными словами, истинными воплощениями зла. К этому подводят не раньше, чем на шестой или седьмой день недельной стажировки.

С этого момента любое упоминание о грехе у посвященного ассоциируется с образом Советского Союза, так как именно об этом шла речь в последние дни и внимание недаром привлечено к данному аспекту проблемы, ведь Мун ведет борьбу как раз на этом фронте.

Это открытие, СССР — САТАНА, в известной степени отвечает ожиданию посвященного, который до сих пор задавался вопросом, почему у преподобного отца Муна, божьего человека и религиозного вождя, завелось столько врагов...»

Подытожим тот процесс, который убеждает мунистского новобранца окончательно признать приоритет антикоммунистической борьбы:

Зло слишком глубоко засело в человеческом существе.

Создание Израильского царства положило начало воссоединению духовной власти и власти мирской и было предвестием Царства Божьего на земле. Признав Иисуса, Израиль занял бы главенствующее положение среди остальных наций, но по большей части из-за провала миссии Иоанна Крестителя сын Бога остался непризнанным».

(Мун Сан Мен упрекает Иоанна в том, что тот не понял, кем на самом деле был Илия, последний пророк, которому было предназначено объявить миру, что Иисус и есть мессия. Он же этого не сделал.— *Прим. авт.*)

Столь серьезный студент факультета политических наук, как Мишель Пикар, с удивлением узнает, что от античности до наших дней бог всегда стремился воплотить свои намерения в жизнь. После Израиля священную миссию возродить свое царство он возложил на христианский Запад. К несчастью, Карл Великий (742—814 гг.) и Оттон I Великий (912—973 гг.), на каждого из которых папа надел императорскую корону, со своей задачей не справились.

«Поскольку средним векам не удалось воссоединить мирское и духовное начала, то дальнейший поиск обновления, в соответствии с божественной схемой, пошел по двум направлениям: по пути Реформации авелевского типа для удовлетворения внутренних запросов первожданной души и по пути Возрождения каиновского типа, призванного удовлетворить внешние запросы первожданной души... Движение Возрождения предстает как возврат к гуманистической эллинской культуре, а движение Реформации как возобновление древнееврейской теистической культуры...

Мы имеем, с одной стороны, религиозную традицию авелевского типа, вылившуюся в Реформацию и основанную на вере в Бога, а с другой стороны, гуманистическую традицию каиновского типа, обращенную к проблемам человека в ущерб Богу... В северной части Европы шире распространилось провиденциальное течение авелевского типа, приведшее к протестант-

ской Реформации. В эту эпоху ставшая в 1534 году протестантской Англия превратилась в оплот Божественного Провидения, в частности, через зарождавшийся пуританизм. Пуританское движение в Англии стало символом религиозных свобод и, выдержав продолжительные гонения со стороны властей, поддерживавших то католичество, то англиканство, легло в основу первой парламентской демократии.

Однако, несмотря на английскую модель, Европа еще долго не могла вырваться из пут прежней системы. А Бог уже устремил свой провидческий взор на другой народ, и его выбор пал на Америку. Именно к новому, Американскому континенту в начале XVIII века направились английские пуритане в поисках свободы вероисповедания, в которой им отказала Европа. Эти колонисты с пылкой верой в душе и стали истинными пионерами американской нации. Они создали общество нового типа, проникнутое духом доверия и ответственности, свойственного их вере. Когда Англия сделала попытку снова навязать свое авторитарное правление, американцы порвали с метрополией и создали независимую нацию. Так в 1776 году родилась американская демократия.

Таким образом, в основе формирования демократического духа лежит англосаксонский протестантский идеал, а не идеи французских революционеров. Французская революция пыталась удовлетворить социальные требования, а не искала духовного идеала. Вот почему она оказалась глубоко нетерпимой и погибла в терроре... Навязав жестокую систему управления и уничтожив всю оппозицию, режим стал откровенно тоталитарным. Религию же революционеры попытались просто-напросто уничтожить. Во время террора церкви были закрыты, священники брошены в тюрьмы или казнены, а каждый верующий попал под подозрение...

В противовес французской модели демократии американская демократия религиозного толка характеризуется замечательной непрерывностью, ибо христианский идеал глубоко проник в души людей всех сословий в ходе революции 1776 года.

Американская революция, предпринятая стойкими христианами, вдохновленными религиозным идеалом, создала демократию авелевского типа. Французская революция, рожденная в насилии и погибшая в наси-

ли, создала демократию каиновского типа, из которой позже возникло течение коммунизма».

Остановимся и передохнем перед финишем.

«Антирелигия коммунизма»

Мы на странице 148 текста, в котором 176 страниц. Все аргументы подводят к заключительному выводу. Вешки терпеливо и тщательно расставлены, чтобы путник, отправившийся на поиски бога, в конце пути обнаружил Сатану в кепочке Ленина.

Прозревание происходит медленно, но неотвратно. Ибо глубоко верующий новичок секты, чаще всего лишенный солидной политической и исторической подготовки, получает «Божественные принципы» в качестве религиозного учения, а не политической программы.

Мишелю Пикару требуется немало сил, чтобы не впасть в искушение. Небольшая коммуна, в которой он живет, окружает его любовью. Он молится и поет вместе с «братьями» и «сестрами» по многу раз на дню. Атмосфера мирная и безмятежная. Ничто в лекциях, которые он слушает, не свидетельствует о том, что демарш «Отца» носит политический характер. Лектор лишь намекает на существование громадной машины, созданной Церковью для борьбы с Москвой. И когда вне рамок основного курса ему объясняют, что каждый мунист должен сначала отдать три с половиной года жизни сбору фондов по всему миру, то тут же подчеркивают, что этот опыт обернется для него духовным обогащением, но обходят молчанием вопрос об использовании собранных денег для пропаганды или промышленных капиталовложений.

Эти благочестивые умолчания не всегда являются плодом расчета. Многие отступники Церкви — американцы и японцы, достигшие высокого положения в Семье, — подтверждали, что долгое время заботы их носили скорее духовный, нежели политический характер.

Однако вернемся к нашему чтению, встанем, как говорится, на наш путь в Дамаск *.

---

* Согласно новозаветному рассказу, апостолу Павлу на пути в Дамаск было видение, после чего он стал одним из самых верных последователей Иисуса Христа. — *Прим. ред.*

«На горизонте появилась угроза, ставившая под сомнение гегемонию христианских демократических наций: набирала силу Германия Вильгельма II... Победа христианских демократических наций в первой мировой войне нанесла роковой удар по монархическим режимам, которые так и не оправились от него. Главное препятствие на пути к Царству Божьему было устранено... Однако победители в войне оказались неспособными исполнить предначертанную им провидением роль.

Тоталитаризм Гитлера в силу его антидемократической и антихристианской сущности шел вразрез с идеей Божественного Провидения...

Вторая мировая война показала американское могущество, после нее в Западной Европе и Японии укрепились демократические режимы, колонии добились независимости, была создана Организация Объединенных Наций, призванная заменить пришедшую в упадок Лигу Наций... Это обеспечило прогресс в реализации Божественного Провидения, но тотчас возникла новая угроза, связанная с ростом зоны влияния Советского Союза... Амбиции Советского Союза сводятся к созданию мировой коммунистической системы в противовес экономическому и политическому либерализму, равно как и христианству. Коммунизм — продолжатель каиновой традиции, рожденной Французской революцией, представляет собой совершенно исключительный феномен в истории Божественного Провидения... Марксистский миф об искупительной революции, которая увенчает историческое развитие рождением идиллического общества, свидетельствует о мессианском характере коммунизма.

В антирелигиозном коммунизме, основанном на отрицании Бога и внушающем ненависть вместо любви, угадывается сила, на протяжении всей истории постоянно восстающая против Бога и человека. Наклонность к мятежу идет от библейского Каина. Он убил своего брата Авеля, к которому несправедливо, по мнению Каина, благоволил Господь. Точно так же коммунизм эксплуатирует любое недовольство, порожденное несправедливостью, чтобы посеять насилие и разрушение.

С этой точки зрения феномен коммунизма есть не что иное, как современное повторение в мировом масштабе искушения убийством, совершенным Каином».

Мы дошли до страницы 164, и нельзя не поразиться молниеносному превращению, предпринятому на глазах читателя: Сатана вкладывает в руку Каина кинжал, а исполнив свою преступную миссию, летит через века, чтобы вооружить «Калашниковыми» тех, кто убивает свободный мир. Нам остается двенадцать страниц, чтобы сделать открытие: «Если идеал согласия, братства и жертвенности воплотится в нашем обществе, то фундаментальная ложь коммунизма будет разоблачена, и вся его искусственная система рухнет...»

«И тут я чуть не принял эти доводы», — говорит Мишель Пикар со своим очаровательным квебекским акцентом. Ведь ему еще никто не сказал, что Мун Сан Мен, считая, по-видимому, согласие и братство оружием мелкого калибра, нашел другое средство, чтобы ускорить свержение красного Сатаны. Ни один из его преподавателей не сообщил ему, что Церковь Единения финансирует антисандинистскую борьбу, что поддерживает или поддерживала немало диктаторских режимов, что многие ее члены сотрудничают или сотрудничали с западными спецслужбами, что, если говорить кратко, Мун Сан Мен умеет соединять теорию и практику. Ясно одно: ни один из его последователей не может усомниться в том, что преподобный отец действительно новый мессия, призванный открыть миру предначертания бога и установить ЕГО царство на земле, предварительно устранив коммунизм. Заключение выглядит столь очевидным, что французская версия «Божественных принципов» для широкой публики посвящает ему всего несколько строк. И Мишель Пикар отмечает, что его преподаватель на эту тему не распространяется.

Подведем итог столь долгому путешествию по лабиринтам мысли Мун Сан Мена: как содержание, так и структура «Божественных принципов» подтверждают, что ядром этого религиозного послания является антикоммунизм.

Пятая и последняя часть труда, с которым мы только что познакомились, «К пришествию Царства Божьего» изложена всего на шести страничках. Тогда как предыдущие семьдесят убеждали нас в необходимости начать поход на Москву.

Что же рассказывают нам об этом идеальном мире, о царстве божьем, рождающемся на наших глазах?

Ничего или почти ничего: «Новый образ жизни, новые отношения между людьми». Полное потрясение основ, затрагивающее «души, образ мыслей, социальные отношения и, таким образом, все общество». Что еще? Нам, похоже, не спешат описать рай на земле... В то же время автор удивительно красноречив и точен, когда несколькими страницами ранее восхваляет заслуги экономического либерализма: «Ссылаясь на некоторые злоупотребления, допущенные экономическим либерализмом в прошлом веке, сегодня считается хорошим тоном бросать тень на ту систему, процветание которой якобы зиждется на эксплуатации трудящихся. Однако простое изучение фактов свидетельствует об обратном. На американском примере видно, что жизнеспособность современной либеральной экономики основана на том, что она неуклонно повышает жизненный уровень всех слоев населения. Более того, либеральная система сама собой эволюционирует в сторону более справедливого распределения благ. Истинная причина процветания капиталистических стран не в эксплуатации трудящихся и развивающихся наций, а в наличии духа доверия, инициативы и творчества, характерных для их системы, а если углубиться в историю, то она восходит к динамическим принципам, заложенным в самом христианском учении».

После второй мировой войны католические и протестантские теологи отказывались говорить на эту тему — Мун Сан Мен делает шаг вперед и узаконивает этот экономический порядок.

Однако Мишель Пикар категоричен: обучение построено таким образом, что последователи секты никогда не испытывают чувства, что занимаются политикой или экономикой. Применяемый метод делает такой упор на духовность, что затуманивает содержание. Даже необходимость добиться богатства и финансового могущества объявляется духовной потребностью. Средства, используемые «Небесным Отцом», «Новым Мессией», «Господином Второго Пришествия» — Мун Сан Мена редко называют по имени, — разве не направлены они против Сатаны?

Теперь становятся понятными удивление и исключительно негативная реакция инспекторов полиции, вскрывших в 1982 году механизм функционирования АЕВХ. Ведь для них, как и для всех французов, христи-

анская церковь не должна иметь ничего общего с мирскими делами. А устремления мунистов именно мирские. Килограммы опечатанных полицией документов несут на себе печать грубых материальных интересов.

4. «ОБЩЕСТВО МУН-ФРАНЦИЯ»: МАХИНАЦИИ

На Режи Гомеса возложен уход за Мони. Его таланты столяра — он имеет свидетельство о профессиональной подготовке — были высоко оценены при перестройке правого крыла замка. Режи гордится тем, что входил в состав небольшой бригады младших и старших «братьев» — сам Анри Бланшар, президент АЕВХ, «приложил руку» к раствору, — которая занималась отделкой предназначенных для Мун Сан Мена апартаментов. Хотя «Отец» и его свита посетили Мони всего один раз, работа не была напрасной. За скудную плату — большая часть рабочей силы трудилась задаром — была отреставрирована часть этого роскошного здания XVII века. Апартаменты достаточно уютны и отлично обставлены, чтобы там могли останавливаться находящиеся во Франции проездом видные деятели Движения — не спать же им в общих спальнях в пристройках левого крыла! — или лица, кому Церковь обязана. Политические деятели или симпатизирующие Движению деловые люди.

Месье и мадам Катюа: «позитивные родители»

Когда 8 июня 1982 года полиция занимает замок Мони, в одной из квартир правого крыла проживает супружеская пара — весьма респектабельные люди зрелого возраста. Это месье и мадам Катюа. Они знакомы с мунистами с первого этажа, но уверяют, что с АЕВХ поддерживают чисто сентиментальные связи, поскольку их сын Эммануэль стал членом Церкви в 1972 году. Они утверждают, что снимают эту квартиру, и крайне недовольны вторжением полиции.

Жорж Катюа даже протестует, когда инспектор берет с его стола некоторые документы, способные возбудить любопытство и не очень рьяного следователя:

— написанная от руки записка о том, что на счет АЕВХ в банке Ротшильда переведена сумма в 250 тысяч франков;

— пронумерованные странички с указанием прихода и расхода АЕВХ с 1978 по 1980 год;

— рукописная заметка о взятке в 84 тысячи франков.

Не считая прочих бумаг, свидетельствующих о том, что Жорж Катуга весьма обстоятельно знаком с финансовой стороной деятельности Церкви. На него обрушивается град вопросов, но он отказывается отвечать, утверждая, что речь идет о частных делах, не имеющих ничего общего с исполнением отдельного поручения следственного судьи из Безансона.

Большого и не надо, чтобы убедить руанскую полицию в том, что поднят хороший заяц. Квартира обыскана сверху донизу, опечатаны десятки записных книжек, писем, бухгалтерских документов и конфиденциальных карточек. Долгий допрос в тот же день, а через пять месяцев Жорж и Даниель Катуга предстанут в Париже перед одним из главных инспекторов, ведущих в национальном масштабе расследование, начатое следственным судьей Брюелем. История взаимоотношений супругов с АЕВХ куда больше говорит о финансовой ловкости и умении маневрировать деловых людей «Нового Мессии», чем все разоблачения, опубликованные в прессе за двадцать лет существования империи Муна.

В свои пятьдесят четыре года Жорж Катуга может считать, что преуспел в жизни. Конфиденциальные сведения о себе, которые он может предоставить по запросу банка, рисуют образ благополучного человека: годовая зарплата в 270 тысяч франков, пакет размещенных за границей акций, приносящих художественно 144 тысячи франков, сдаваемое в аренду помещение в США (6 тысяч долларов в год) обеспечивают ему приличные доходы. У него за спиной двадцать пять лет карьеры, увенчанной постами в дирекциях таких транснациональных компаний, как «Иметал», «Амакс» или «Крезолуар», что более чем престижно даже для инженера, окончившего «Эколь Сантраль»*.

---

* Национальный Политехнический институт — одно из наиболее известных и привилегированных высших учебных заведений Франции. — *Прим. ред.*

Жорж Катуга и его супруга Даниель относятся к той категории людей, которых мунисты называют «позитивными родителями». Они остались близки со своим сыном Эммануелем после его вступления в Церковь. Ему не пришлось тратить особых усилий, чтобы убедить их встретиться кое с кем из его шефов, а потом и сотрудничать с Движением. У отца и матери есть серьезные основания с пониманием относиться к делам сына. Жорж родился в Китае, в Тяньцзине, и с детства наслышан об устрашающих подвигах сторонников Мао; Даниель — католичка и бретонка.

Будучи директором школы классических танцев, она долгие годы старалась убедить строптивых родителей молодых мунистов отказаться от враждебного отношения к Церкви, а затем полностью посвятила себя АЕВХ и КАУЗА. Она и есть та самая преподавательница танцев, что в конце 1984 года принимала кандидата в мунисты Мишеля Пикара.

Отец Эммануеля очень скоро станет одной из главных шестеренок в экономическом механизме Семьи во Франции. В 1975 году ее президент Анри Бланшар обращается к Жоржу Катуга за советом по поводу приобретения замка Мони.

Жорж Катуга осматривает строение, крышу, проверяет систему отопления и, сочтя состояние замка отличным, дает положительное заключение. Впрочем, он не ограничивается лишь этим выражением симпатии к руководителям АЕВХ. Много раз он поручается за Движение. К примеру, в присутствии нотариуса, когда Церковь приобретает замок, он обязуется выплатить часть суммы в рассрочку или перед некоторыми владельцами недвижимости, когда те колебались сдавать внаем помещения и квартиры для этой странной религиозной ассоциации.

Его общественное положение впечатляет: на его визитной карточке магический титул президента акционерного общества. При случае он может рассчитывать на кое-какие владения — один дом в Плезире (департамент Ивлин), он продаст его в 1980 году, квартира на тихой улочке Латинского квартала в Париже, оцениваемая примерно в миллион франков, еще одна в Каннах — совместное владение с сестрой — и дом в США, где он прожил два года во время своего сотрудничества с американской транснациональной компанией «Амакс».

Церковь нуждается в людях такого размаха и такой компетенции, чтобы как можно незаметнее обдѣлывать свои финансовые и коммерческие операции. Для Движения Единения это золотое правило — пока Мун Сан Мен не упрочил свое экономическое могущество на всех пяти континентах, Церковь должна казаться совершенно чуждой деловому миру. Поэтому, после того как руководители АЕВХ убедились в преданности Жоржа Катуга — он преподнес много даров Семье, — ему предложили провести две весьма деликатные операции. Единственное требование: полное сохранение тайны. И для этого есть веские причины.

Первая операция состоит в покупке имения с домом площадью 300 м² и парком в 3000 м² у бывшего депутата ОПР (Объединение в поддержку республики), который наладил великолепные отношения с «политиками» Церкви. И это в разгар предвыборной кампании, всего за несколько месяцев до выборов в мае 1981 года. Необходимо провести юридическое решение: учредить гражданское общество недвижимости, совершенно независимое от Церкви. Жорж Катуга будет в нем единственным управляющим с контрольным пакетом акций. Остальные акционеры ни в коем случае не должны быть известными членами АЕВХ.

«Ресторасьон»

Итак, устав фирмы «Ресторасьон» представлен нотариусу на улице Руайаль в Париже. Выбор такого наименования*, похоже, указывает на то, что целью акционерного общества является приведение в порядок дряхлых зданий — именно таково желанное поместье, — или, быть может, напоминает о более грандиозном проекте: реставрации царства божьего на земле! Предположение может показаться двусмысленным. Однако это не так! Большинство мунистских предприятий носит весьма благочестивые названия: «Тон Иль», что по-корейски означает «объединение», транснациональная промышленная группа Церкви; в США Движение контролирует десятки филиалов, к примеру «Предприятия Единого Мира», «Индустрия Надежды», «Счастливый мир США» и т. п. Мы еще

---

* Ресторасьон — реставрация. — *Прим. перев.*

вернемся к ним, а пока снова отправимся в южный пригород Парижа, точнее, в Эври-Пти-Бур.

Владение Мишеля Боше, бывшего мэра Эври, оценивается примерно в 2 миллиона 200 тысяч франков. Стоимость работ и финансовые расходы — придется прибегать к займу — еще миллион 100 тысяч франков. Как добыть нужную сумму?

С 1979 года АЕВХ постоянно переводит деньги на личный счет Жоржа Катуга в банке Ротшильда. Предусмотрено, что Церковь воспользуется его счетом, чтобы передать фирме 320 тысяч франков для покупки поместья. Управляющий обществом «Ресторасьон» подписывает долговые обязательства на эту сумму. Уставом фирмы предусмотрено, что по истечении четырех лет Жорж Катуга должен передать свою часть «любому физическому или юридическому лицу, назначенному Анри и Реми Бланшарами, чтобы гарантировать интересы ассоциации!» Круг замкнулся: таких, как Жорж Катуга, называют подставным лицом.

Наличные деньги поступают и еще от одного сторонника Церкви. Чек на 250 тысяч франков, адресованный «другу Жоржу», имеет приписку от руки «в пользу АЕВХ». Это — один из первых документов, обнаруженных полицией на столе Катуга в Мони. Сам управляющий фирмой внесет в общий котел 30 тысяч франков. Он отдает эту сумму потому, что устав обязывает акционеров передать свою долю АЕВХ.

Хотя этот ловкий маневр и предохраняет репутацию Семьи, но проблемы финансирования он не решает, так как после всех подсчетов выясняется, что будущие покупатели дома в Эври собрали только пятую часть нужной суммы. Требуется кредит.

А время торопит. Ибо отношения с Мишелем Боше настолько хороши (позже мы увидим, что они столь же сердечны и с другими депутатами ОНР и мэрией Парижа), что бывший мэр Эври дал разрешение на въезд в дом еще до оплаты покупки и даже до размораживания кредитов. Итак, бригада квалифицированных специалистов и мунистов-разнорабочих уже трудится над благоустройством дома, а до оформления сделки еще далеко.

Первые ходатайства перед банками результата не дали. С ноября 1980 по 1981 год Жорж Катуга посетил девять банков. Безуспешно. Он связывает эти неудачи с ухудшением общей экономической ситуа-

ции накануне выборов, могущих привести к власти левые силы.

Играя ва-банк, Жорж Катуга вместе с партнерами решает подсунуть держателям капиталов подложное досье.

Надо убедить банки в том, что «Ресторасьон» может вернуть заем благодаря будущим поступлениям за сдачу внаем помещений поместья. И в ход идут связи. Доверенное лицо АЕВХ является президентом административного совета безукоризненно порядочной коммерческой фирмы «Пластимекс». Ее генеральный директор — близкий друг Жоржа Катуга, который уже воспользовался его услугами, чтобы официально зарегистрировать «Ресторасьон» по адресу этой фирмы. Платежеспособность «Пластимекса» известна, и банкам легко ее проверить.

Итак, Катуга просит приятеля «подтвердить» официальным письмом, что фирма «Пластимекс» желает снять один этаж поместья в Эври. Никаких обязательств, уверяет он, подобное письмо на главу фирмы не накладывает. «Учитывая нынешние трудности с получением кредита, пишет Катуга другу, я (вас) попросил о «крыше», которая ни в коей мере не отразится ни на финансах, ни на будущем фирмы «Пластимекс». Фирма направила мне два письма и досье по этому делу, копия которого вместе со счетом на оплату прилагаются. На данный момент мне нужно третье письмо, также «подложное», образец которого прилагаю».

На языке французском, точнее говоря, на языке юриспруденции сия маленькая махинация имеет точное название: злоупотребление доверием. Сам ли Жорж Катуга выступил с такой инициативой? Маловероятно. Ведь Мишель Бредар, миссионер и юрисконсульт АЕВХ, подтвердит на допросах в Париже после проведенной облавы, что Жорж Катуга является «негласным доверенным лицом» мунистской дирекции.

Но все эти сверхусилия не принесут успеха Семье. В конце концов по совету мунистских руководителей — Реми Бланшар подтвердит это следователям — Жорж Катуга откажется от приобретения поместья Эври-Пти-Бур.

Неужели из-за того, что банки не ответили на его обращение? Дело не только в этом. Полицейским он отвечает лаконично: «После смены большинства 10 мая

1981 года * я решил отказаться от операции». Хотя на ремонтные работы были уже потрачены солидные суммы, АЕВХ воздержалась от капиталовложений во Франции социалистов и коммунистов. Решение было чисто политическим. И мы вскоре увидим, что Церковь Единения, подлинная транснациональная компания, не желает подчинять стратегию своих капиталовложений воле банков.

«Национальное посредническое общество»

Другое дело, порученное Жоржу Катуга и требующее исключительной скрытности, создание в 1980 году посреднической фирмы для управления страховыми полисами, оплаченными АЕВХ.

Проблема была вдвойне трудна.

Во-первых, проблема социальной защиты молодых мунистов отравляет отношения между Церковью и их родителями. Большинство миссионеров, бесплатно работающих на ассоциацию, созданную в соответствии с законом от 1901 года **, не имеют права на социальное обеспечение. Сколько молодые люди ни твердят своим мамам и папам, что Семья и «настоящие родители» полностью берут на себя расходы по болезни или при несчастном случае, суть дела не меняется.

Отцы и матери знают, что нужно железное здоровье и немало удачи, чтобы выдержать навязанный мунистской машиной ритм жизни: периоды постов, скудное питание, постоянные путешествия, бессонные ночи за рулем, кофе в невероятных количествах... Все слышали о несчастных случаях, то и дело происходящих с «бригадами радости» — бродячими группами, которые занимаются сбором денег в США или Европе. Известно даже, что в микроавтобусах, снующих по американским скоростным дорогам, рядом с водителем на складном стуле всегда сидит «брат», чтобы будить заснувшего шофера. Отсутствие социа-

---

* Приход к власти левых сил, когда президентом страны стал Франсуа Миттеран.— *Прим. ред.*

** Французский закон 1901 года разрешает создание так называемых ассоциаций без цели прибыли — иначе говоря, общественных организаций. Именно этот статус позволяет АЕВХ утаивать от налогового ведомства свои доходы.— *Прим. ред.*

льного обеспечения в таких условиях равносильно, считает большинство родителей, безумию.

Создание Национального посреднического общества должно бы их успокоить... а заодно, быть может, и принести дополнительный доход за счет посредничества.

Во всяком случае, речь идет отнюдь не о социальном страховании всех бесплатно работающих членов АЕВХ. Но страховые полисы на автомобильный парк — двадцать машин и микроавтобусов — и на здания могли бы обеспечить достаточный размах дела... В действительности фирма застрахует всего двадцать четыре миссионера, иными словами, примерно шестую часть неоплачиваемого штата АЕВХ. Многие молодые мунисты заявят в полиции, что застрахованы не были.

Исключительная осторожность Жоржа Катуга при создании этой страховой конторы диктуется и политическими причинами. Ведь Национальное посредническое общество появляется на свет после встречи Реми Бланшара с весьма известным в кругах политэмигрантов с Востока Густавом Пордеа, бывшим румынским дипломатом, связанным с АЕВХ с 1978 года. Через него Семья поддерживает довольно тесные связи с антисоветскими организациями — и вовсе не невинными, — обосновавшимися в Западной Европе и ведущими подпольную борьбу против Москвы.

Реми Бланшар утверждает, что познакомился с Густавом Пордеа «во время миссионерских мероприятий». Между почетным консулом (в Лондоне) правительства польской республики в изгнании* и вице-президентом Церкви, мечтающей об освобождении «плененных за железным занавесом наций», согласие устанавливается с первой встречи. Чтобы не возвращаться к этому, сообщим читателю здесь же, дабы он мог оценить важность сего подарка судьбы, — Густав Пордеа в 1984 году будет избран в Европейский парламент по списку Жан Мари Ле Пена (об обстоятельствах его избрания мы еще подробно поговорим), а многие ведущие деятели Национального фронта будут активно, более или менее откровенно, участвовать в учреждении КАУЗА во Франции.

Очарованный антикоммунистическими тезисами и решимостью своих собеседников, будущий европей-

---

* Титул, которым в то время прикрывался Густав Пордеа.

ский депутат представляет Реми Бланшару своего сына. Молодой человек только что закончил военную службу и работает в страховой фирме. Он восхищен новыми друзьями, и вскоре семейство Пордеа задается вопросом, чем оно могло бы быть полезным АЕВХ. Ответ найден быстро. Димитреу — так зовут сына — предлагают упорядочить страховые дела Семьи. После тщательного изучения досье он предлагает создать посредническое общество, которое централизовало бы все страховые полисы группы. «Поскольку мы, само собой, нуждались в средствах,— рассказывает Реми Бланшар,— я представил ему месье Катуга и месье Патрика Мартен-Превеля из фирмы «Кристиан Бернар» с целью изучения этого аспекта проблемы...»

Мартен-Превель — один из первых мунистов, а ювелирная фирма «Кристиан Бернар» — мы посетим ее позже — одно из украшений транснациональной компании Муна.

Национальное посредническое общество создается в два этапа. Сначала в виде акционерного общества с ограниченной ответственностью, а затем в августе 1980 года как акционерное общество. Пордеа приобретают — на деньги Церкви — 20 процентов акций на 160 тысяч франков. Сумма невелика, и фирма не принесет дохода, на который рассчитывали. Но таким образом завязываются связи, полезные в будущем...

В данном случае руководители АЕВХ предпочли, как и в деле с покупкой поместья в Эври, спрятаться за акционерным обществом, положившись на деловые качества Жоржа Катуга. Во всех этих делах у них на чисто отсутствует чувство, что они играют с огнем. Доверие, с которым «дети» Муна относятся к своим «братьям», равноценно поддержке всех их сторонников в мире. А своему деловому человеку — «брату» Катуга мунисты доверяют.

Его супруга Даниель, получившая свой миссионерский билет в 1980 году и безуспешно пытавшаяся продавать журнал АЕВХ «Нувель эспуар», однажды занесет в свой дневник несколько строк насчет Национального посреднического общества: «Ж. Катуга и П. Мартен-П. разделили между собой 80 процентов капитала, то есть Семья осуществляет абсолютный контроль над фирмой».

Жорж Катуга умеет молчать в любых обстоятельствах. Когда спустя пять лет после обыска замка парижский инспектор вновь вызывает его на допрос и предъявляет этот компрометирующий документ, он бесстрастно отвечает: «Похоже на руку моей жены. Что до вышеупомянутой фразы об акционерном обществе и Семье, то я не понимаю ее смысла...» К несчастью для него, обследование банковского счета «Жоржи» — таково его прозвище — обнаружило, что он разморозил свою часть капитала фирмы после поступления на его счет двух чеков по 15 тысяч франков от АЕВХ...

5. «ОБЩЕСТВО МУН-ФРАНЦИЯ»: ПРОПАГАНДА

В противоположной стороне от «апартаментов Муна» на небольшом отдалении от замка в пристройках Мони расположены канцелярия и типографский цех АЕВХ. Машины были завезены сюда после официального приобретения замка в 1977 году. Современное оборудование, в прекрасном состоянии купленное у какой-то разорившейся фирмы в 1975 году, состоит из фотонаборной машины и офсетных печатных машин. Типография, созданная одновременно с журналом «Нувель эспуар», до этого находилась в Этампе.

26 мая 1982 года, за несколько дней до появления полицейских, предприятие изменило свой устав. До сих пор оно принадлежало Ассоциации за Единение Всемирного Христианства, а теперь стало акционерным обществом с ограниченной ответственностью под названием «Пресс де Норманди».

Руководство Церкви отлично чувствует, что пришедшее к власти левое правительство проявляет к ней гораздо больший интерес, чем министры внутренних дел при Валери Жискара д'Эстене. Оно решает впредь не издавать «Нувель эспуар» от собственного имени, опасаясь обвинения в коммерческой деятельности, несовместимой с ее статусом ассоциации без цели прибыли. Вот почему Церковь продала оборудование и запасы бумаги за небольшую сумму и в рассрочку акционерному обществу с ограниченной ответ-

ственностью, которое объединяет пятерых мунистов, вернейших из вернейших. Ибо такого рода деятельность ни в коем случае нельзя доверить просто сторонникам.

«Нувель эспуар»

И в самом деле, издание пропагандистских материалов — это первооснова борьбы. С того момента, как Мун Сан Мен приступил к завоеванию мира, он повторяет: «Третья мировая война началась; победа будет одержана на поле идей». Следует признать, что, прежде чем прибегнуть к иным средствам борьбы с коммунизмом, он делал основную ставку на прессу. Нет ни одной страны, где Церковь, обладая даже минимальным влиянием, не издавала бы добротной ежедневной газеты или журнала с изложением точки зрения Семьи.

Весьма ортодоксальный управляющий «Пресс де Норманди» — наш старый знакомец Жан Ледигере, которого Анри Бланшар отозвал из Германии в 1980 году. После пяти лет миссионерской деятельности на дорогах Европы Церковь предоставила ему ответственнейшую работу. Таково правило Семьи: преданные активисты, доказавшие свои способности, используются в соответствии с их компетентностью — Движение Единения предоставляет лучшим из своих «детей» возможность сделать головокружительную карьеру. Это особенно ярко проявляется в Соединенных Штатах.

Обученный книгоиздательскому делу во французской армии, хорошо знающий церкви-сестры Западной Европы, а значит, и их газеты, Жан Ледигере прямо-таки предназначен для руководства типографией, которая выпускает и некоторые зарубежные издания мунистов. Его компаньоны являются руководящими кадрами АЕВХ и, чтобы сделать свой взнос, заняли деньги у более зажиточных сторонников.

Еще одна причина для прямого контроля над изданием: продажа «Нувель эспуар» вплоть до 1982 года обеспечивала 80 процентов всех средств АЕВХ и давала почти весь ее доход. Себестоимость ежемесячника, которую указало в счете Церкви издательство «Пресс де Норманди», была вне всякой конкуренции — 2,54 франка за экземпляр! Может ли быть

дешевле журнал формата «Ньюсуик» объемом страниц в сорок с четырехцветной обложкой на глянцевой бумаге, который позволяет себе роскошь регулярно поставлять своим читателям великолепное приложение с цветными фотографиями? Журнал, который миссионеры могут продавать на улице за 20 франков, не краснея и не опасаясь обвинений в мошенничестве. Добровольное распространение «Нувель эспуар» приносит солидный доход; хотя Семья ежемесячно тратит несколько сот франков на стол, стирку и транспорт на каждого члена «бригад радости», которые исполняют работу с большей энергией и раторопностью, чем служащий «Нувель Месажри»*, распространяющий газеты в Париже.

Чтобы обеспечить столь низкую себестоимость, Жан Ледигере прибегает к уже известному магическому рецепту: он не платит своим служащим**. С ним по очереди работают Реми, «столяр» Мони, Ален — сын-миссионер того «позитивного» папаши, который согласился внести вместе с Жоржем Катуга часть капитала фирмы «Ресторасьон», а также, при наличии свободного времени, тот или иной руководитель Церкви, живущий в замке общины.

Столь исключительные льготы для АЕВХ и «Нувель эспуар», конечно, распространяются и на братские издания соседних стран, когда те желают прибегнуть к услугам типографии. К примеру, в 1981 году типография Мони получила заказы из Бельгии и Дании. Так, «Нит хаб», журнал датских братьев, был издан по 1,50 франка за экземпляр!

Жан Ледигере получает заказы устно, по телефону, из штаб-квартиры АЕВХ в Париже, где размещается редакция журнала. Ежемесячный тираж в 30 тысяч экземпляров составляет 70 процентов торгового оборота типографии, которая обслуживает также организации-«спутники» Церкви, такие, как Университетское Движение (УДДР), которое взяло на себя заботу о Мишеле Пикаре, или Ассоциацию преподавателей за всеобщий мир, пытающуюся заполучить подписи ученых под мунистским проектом «единого мира».

---

* Фирма по распространению прессы.— *Прим. ред.*

** После создания акционерного общества с ограниченной ответственностью Жан Ледигере, как его управляющий, и еще один служащий стали получать зарплату. Будучи мунистами, они большую ее часть вернули Церкви.

Так что Жану Ледигере работы хватает. Правда, деятельность типографии сократилась около года назад... после прихода левых к власти.

До избрания Франсуа Миттерана журнал выходил дважды в месяц. С мая 1981 года он стал ежемесячным. Руководители Церкви из осторожности предпочитают сократить те виды деятельности, которые наиболее бросаются в глаза. Надо сказать, что они не пожалели усилий для поддержки уходящего правого большинства. «Нувель эспуар» никогда не скрывал своей точки зрения. Один пример — в двух статьях «Что делать с новым мессией» и «Божий суд» в № 24 за январь 1979 года подводятся итоги истекшего года, которые могли удовлетворить тогдашнее большинство: «Что касается Франции, то она освободилась от опасности союза левых сил, к великому облегчению наших европейских и атлантических партнеров, обеспокоенных перспективой появления социал-коммунистической Франции в сердце Европы. Победа левых радикально изменила бы равновесие сил в Европе и во всем мире. Несмотря на высокую инфляцию и вызывающую беспокойство безработицу, Франция далеко не самая последняя, да и не хуже других управляемая страна».

Действуя крайне скрытно, руководители Церкви часто предоставляли своих миссионеров-активистов в распоряжение партий правого большинства во время избирательных кампаний. Впрочем, эта практика продолжалась и после прихода левых к власти. Родители одного муниста случайно узнают об этом, когда их сын, преисполненный гордости, в деталях расскажет им о приеме, устроенном Жаком Шираком в городской ратуше в честь расклейщиков плакатов и членов отрядов охраны, принимавших участие в его кампании. Он был на приеме вместе со многими «братьями».

АЕВХ прекрасно понимает, что подобная политическая нацеленность мало совместима с ее уставом ассоциации духовного просвещения. В первые три года президентского срока Миттерана из тактических соображений она заметно сворачивает свою деятельность: тираж журнала сокращен*, миссионеров на

---

* «Нувель эспуар» стал даже выходить раз в три месяца в 1983 году, когда налоговое управление, основываясь частично на показаниях мунистов, полученных во время «облавы по отдельному поручению», наложило на Церковь штраф в 35 миллионов франков (см. главу 6).

улицах становится меньше, а множество французских «братьев» отправляются за океан, где, наоборот, политическая деятельность Семьи после избрания президентом Рональда Рейгана в полном разгаре.

Заслужанный в Париже в рамках «облавы по отдельному поручению», Мишель Клоарек, один из наиболее ортодоксальных руководителей французской Церкви, не моргнув глазом заявляет: «Основная деятельность АЕВХ состоит в распространении духа «Божественных принципов»...»

После победы правых на муниципальных выборах в апреле 1983 года французские мунисты, почувствовав прилив сил, открыто вступили в политическую борьбу и создали во Франции секцию КАУЗА — антикоммунистическую организацию, которую Мун Сан Мен основал в США в 1980 году, «оседлав» гребень волны Рейгана. «Пресс де Норманди» разовьет столь же интенсивную деятельность, как в 1978—1980 годах, предприняв выпуск нового ежемесячника «КАУЗА», чью редакцию возглавил бывший главный редактор «Нувель эспуар» Жан Пьер Габриель.

Лишнее доказательство того, что у лучших «детей» Муна переход от теологического размышления к политическому действию происходит безболезненно.

Главный редактор-активист

Жану Пьеру Габриелю крупно повезло 8 июня 1982 года. Его квартира по адресу улица Туссен-Ферон, 9-11 в Париже была одним из тех немногих мунистских центров, куда полиция в тот день не пришла с обыском. Он признался мне в этом три года спустя, хитро сверкая глазами. Готов биться об заклад, что, наложи полиция лапу на его записи и картотеку, доклад инспекторов Морвана и Сабине носил бы не столько экономический, сколько политический характер.

Главный редактор «Нувель эспуар» является одним из виднейших деятелей Семьи. Он начал заниматься политикой незадолго до вступления на религиозную стезю. Будучи студентом Архитектурной школы в Бордо, он в течение года вел активную деятельность в... Революционной коммунистической лиге, троцкистской организации Алена Кривина. Он вышел

из нее в двадцатилетнем возрасте и почти тут же перешел к Муну.

После трех лет миссионерской работы его забрали в армию, где он отслужил рядовым в инженерных войсках в Эльзасе. Кстати отметим, Семья требует от своих «детей» мужского пола неукоснительного исполнения своих гражданских обязанностей. Отказ от несения военной службы по моральным соображениям или по неоправданным причинам у мунистов поддержки не находит. Поскольку в жизни солдата немало свободного времени, Жан Пьер Габриель углублял свои знания «Божественных принципов» и начал специализироваться в истории христианского Запада.

После окончания военной службы Церковь поручила ему доверительную миссию — переписать «Принципы» для французской публики. Корейский текст, созданный в пятидесятых годах близким другом «Отца» и первым президентом Церкви Единения Хе Вон Ю, вызвал отрицательное отношение родителей мунистов и широкой публики.

Руководители АЕВХ прекрасно поняли, что опасно было бы сделать общедоступным сочинение, которое многие считают манихейским, примитивным и грубым. Послушайте, что говорит об этом один из них своей матери: «У тебя в руках сжатое изложение сочинения преподобного отца Муна. Мало кто понял его, читая в одиночестве. Нет ничего хуже самоучки. В книгах находят лишь то, что в них хотят найти. Истины следует передавать изустно, чтобы донести до ума французов (о, Вольтер! о, Декарт!) мысль, сформированную восточной диалектикой, в частности корейской... Лучше бы тебе отложить эти книги в сторону... Все, что тебе хочется знать, ты найдешь в наших газетах и журналах, а также в созданной для широкой публики европеизированной версии».

Жан Пьер Габриель заканчивает сей титанический труд в марте 1977 года. Надо отдать ему должное, он владеет искусством адаптации. Можете сами судить об этом, перелистав вместе с Мишелем Пикаром историю Каина — Горбачева и Авеля — Рейгана. Подобную историю действительно трудно усвоить человеку с картезианским складом ума! Особенно если заранее не объяснить читателю, что в молодости Мун Сан Мен провел три года в концлагере в Северной Ко-

рее! В книге большое место отведено развитию антикоммунистической теории Муна и в то же время ряд размышлений (о семье, супружеской любви или природе), которые довольно затруднительно использовать в повседневной политической борьбе, опущены.

Стоя во главе «Нувель эспуар» — не забудем, что в это время журнал издается тиражом в 60 тысяч экземпляров,— Жан Пьер Габриель навязывает одно и то же политическое прочтение послания «Нового Мессии». Он и два бывших левака, работающих с ним с 1978 года, делают ведущей темой журнала АЕВХ конфликт между Востоком и Западом.

В рубрике «Современный мир», которую среди прочих ведет Пьер Сейрак, племянник тогдашнего президента Национального совета французских предпринимателей (НСФП), регулярно публикуются репортажи и обзоры с резкой политической направленностью. Здесь и статья «Леди Тэтчер или ставка на силу», материалы о гражданской войне в Северной Ирландии, о вьетнамских беженцах, о репрессиях против хмонгов со стороны лаосских коммунистов, о необходимости строительства сильной Европы перед лицом «советского медведя, (который) держит на наших границах небывалую, рекордную по численности армию...»

Хотя маленькой редакции журнала решительно нечего добавить ни по одной из этих тем, тон «Нувель эспуар» куда более агрессивен, чем у большинства правых или центристских газет. И суждения его куда более экстремистские. Например, по делу Даркье де Пельпуа, пусть его высказываниями возмущаются! Разве не пытался бывший верховный комиссар Виши по делам евреев свести к минимуму учиненное нацистами кровопролитие? «Его заявления оскорбляют память шести миллионов евреев,— утверждает «Нувель эспуар» и тут же добавляет:— За этой кампанией, в которой в ход пущены все средства, видится нечто иррациональное и-несоответственное. Коммунизм обошелся человечеству намного дороже, чем нацизм,— от 150 до 200 миллионов жертв. До каких же пор мы будем попадаться на удочку? Позволяя делать и говорить такое, мы участвуем в попрании собственного достоинства и сами себе готовим смертное ложе». В те времена подобным языком говорили только ультраправые и неофашисты.

В середине президентского срока Валери Жискар д'Эстена, после поражения левых на парламентских выборах 1978 года, будущее кажется безоблачным. И АЕВХ начинает завязывать связи, которые весьма пригодятся ей через шесть лет, при основании во Франции отделения КАУЗА.

Подготовить «Европейский фронт»

С 1978 года «Нувель эспуар» пристально следит за деятельностью «Комитета интеллектуалов за Европу свобод» (КИЕС), который сосредоточивает усилия на разоблачении нарушений прав человека в странах Восточной Европы. Журнал подхватывает кампанию этого комитета, публикуя в качестве «доказательства» фотографии. Церковь так ценит связи с Жан Мари Доменаком и Аленом Равеном*, что Жан Ледигере вскоре предложил КИЕС напечатать его «Манифест» на весьма выгодных условиях. Ротационные машины мунистов из Мони будут печатать этот, по словам самого Ледигере, «небольшой манифест правых сил» с начала 1983 до конца 1984 года.

В рамках своей «миссионерской деятельности» Церковь Муна постоянно стремится с помощью журнала «Нувель эспуар» обратить на себя внимание антикоммунистических кругов, особенно интеллектуалов и диссидентов с Востока.

21 ноября 1978 года Жан Пьер Габриель, главный редактор, совместно с Пьером Сейраком и Жаном Полем Легарекком — журналистами, ведущими рубрику «Современный мир», регистрирует устав ассоциации, целью которой является «показать антинаучность, несостоятельность и противоречия коммунистической идеологии». Она получает название «Международная Федерация за победу над коммунизмом». Это французская секция могущественной мунистской организации, насчитывающей в своих рядах сотни тысяч активистов в Южной Корее и Японии и оказывающей ощутимое влияние на политическую жизнь

---

* Ж. М. Доменак — редактор журнала «Эспри», А. Равен — генеральный секретарь КИЕС, автор «Манифеста», написанного от имени 130 французских интеллектуалов. Председателем КИЕС был избран драматург Эжен Ионеско.— *Прим. ред.*

обеих стран. Именно она организовала в 1975 году митинг в Сеуле, где молодые французские мунисты дали клятву сражаться за Южную Корею.

В конце 1980 года в поле зрения спецслужб попадает комитет «Сопrotивление и солидарность», члены которого раздают в общественных местах антикоммунистические листовки, отпечатанные в типографии «Пресс де Норманди». Комитет располагается по адресу улица Жозеф-Бара, 15, в Париже, известном мунистском центре. Председатель комитета — Сейрак.

Все «независимые» организации от журнала до комитета «Сопrotивление и солидарность» черпают своих активистов из одного и того же садка. В нем всего около двухсот членов и с тысячу сторонников Церкви. Прикрываясь этими организациями, Пьер Сейрак за несколько лет установил тесные связи с международной организацией, призванной сыграть первостепенную роль в битве идей между Востоком и Западом. Это — «Интернационал сопротивления», куда входят американская и европейская интеллигенция, диссиденты из Восточной Европы и представители вооруженных оппозиций революционным режимам третьего мира.

Пьер Сейрак неоднократно встречался в Париже с исполнительным директором «Интернационала сопротивления» Владимиром Максимовым*. Мунистский интернационал и его светский двойник на протяжении 80-х годов не раз объединяли свои силы для организации конференций и кампаний по разоблачению советской дезинформации или произвола «тоталитарного режима» в Никарагуа. И все это несмотря на призывы одной из руководительниц «Интернационала сопротивления», убежденной антимунистки** воздержаться от такого сотрудничества.

Куда более скрытно политики из АЕВХ вербуют себе друзей в среде антимарксистских партизанских движений в Африке и на других континентах. С 1979 года Жан Пьер Габриель «ведет» лидера мелкой вооруженной группы, которая доставляет немало непри-

---

* В. Максимов проживает в Мюнхене, где выходит журнал «Континент» (он его главный редактор). Но «Интернационал сопротивления» действительно был провозглашен в Париже и там поныне проводит свои собрания. — *Прим. ред.*

** Александра Шмидт, бывшая пресс-атташе АЗСЛ, одной из двух антисектантских организаций, действующих во Франции.

ятностей ангольскому правительству. Его зовут Фран-
сишку Лубота, он руководит Фронтом освобождения
Кабинды (ФОК) и нередко бывает в Париже.

Церковь оплачивает его парижские каникулы, а
Жан Пьер Габриель представляет Луботу в столице
журналистам, правым политическим деятелям, всем,
кто может поддержать его дело. Но к нему мы вер-
немся позже (см. главу 24).

Этот случай не единственный. Внимательное изу-
чение журнала за 1978 — 1980 годы показывает, что
Семья «обстреливает любовью» и при оказии помо-
гает другим антикоммунистическим лидерам «третьего
мира» — кампучийским, вьетнамским и особенно ни-
карагуанским. Миссия Пьера Сейрака и Жан Пьера
Габриеля вписывается, таким образом, в глобальную
стратегию, которая процветает в Корее, Японии, США
и многих странах Европы: поддержка и поощрение
любых политических и военных сил, бескомпромисс-
но и неуступчиво противостоящих главному врагу —
Москве.

На страницах «Нувель эспуар» нередко можно
встретить и резкую критику в адрес тех правых кру-
гов, которые связывают эффективность политики раз-
рядки с возможностью добиться кое-каких уступок
от СССР. Знаменитая Тройственная комиссия, в из-
вестной степени вдохновлявшая политику Джимми
Картера и Валери Жискара д'Эстена, особенно ча-
сто подвергается такого рода злонамеренным обвине-
ниям.

С этого момента Франция становится центром
политической и идеологической деятельности Церкви
в Европе. Жан Пьеру Габриелю с 1978 года доверена
координация работы всех мунистских изданий в Ста-
ром Свете. Он часто в разъездах, чтобы получить ин-
струкции от политического шефа Движения полков-
ника Пак Бо Хи, ближайшего помощника Мун Сан
Мена, регулярно собирает в Париже главных редак-
торов английского «Нью туморроу» (100 000 экзем-
пляров), западногерманского «Неу хоффнунг», гол-
ландского «Доорбраак», датского «Нит хаб», италь-
янского «Нуова эра» или португальского «Нова эра»
для выработки общей политической линии, с тем чтобы
на месте каждый журнал налаживал контакты с ульт-
раправыми силами в соответствии с принятыми в
Париже установками. По возможности им помогают

также корреспонденты американских мунистских изданий, аккредитованные в ФРГ и во Франции. Движение Единения в начале 80-х годов располагает мощной и широкой сетью дружеских связей в группах правых партий Европейского парламента.

За месяц до появления французской полиции в замке Мони «Нувель эспуар» публикует пространное интервью Отто фон Габсбурга, тайного советника по вопросам иностранной политики Франца Йозефа Штрауса, серого кардинала правых панъевропейских сил, члена Политической комиссии Европарламента. Он проповедует там все вперемешку — и создание оси Европа — Африка против СССР, и поддержку короля Марокко Хасана II против фронта Полисаро, и увеличение помощи «исламским борцам за свободу» в Афганистане. Интервью взял какой-то бельгийский преподаватель журналистики, симпатизирующий мунистам и уже принявший приглашение на конференцию средств массовой информации, которую организовал в 1981 году в Нью-Йорке полковник Пак Бо Хи.

Все, таким образом, подготовлено, чтобы через несколько лет, находясь в эйфории после переизбрания Рейгана и приободренные поражением левых сил во Франции на муниципальных выборах, Жан Пьер Габриель и его «братья» бросились, как хорошо заметил журнал «КАУЗА», на штурм «европейского фронта».

Итак, «Нувель эспуар», «христианский журнал, который не боится говорить о Боге», о «рождении духовной журналистики» — в таких выражениях он рекламирует себя, — вышел на политическую арену для подготовки решающего наступления на красных.

Но журналу нужны были деньги на это. Чтобы найти их, французские мунисты еще раз продемонстрировали свой удивительный прагматизм.

Когда Бог выбирает в исповедники Сатану...

Дирекция французского филиала итальянской фирмы «Фиат» парит над Парижем — она расположена на сорок третьем этаже административной башни в массиве Дефанс. Выше всех, на последнем этаже, апар-

таменты Аньелли, магната европейского автомобилестроения, — можно сказать, они уже касаются неба.

Рене Бале работает заместителем директора по внешним связям фирмы «Фиат-Франс» с 1971 года. Странная личность. Ничего общего с теми стандартными типами, которых журналисты обычно встречают в таких сверхуютных кабинетах. Спокойный пятидесятилетний мужчина со старой трубкой в углу рта — такого легче представить у камина склонившимся над рукописью или пишущим мемуары. В них он мог бы порассказать нам о странных взаимоотношениях с рупором международного капитализма.

До прихода в «Фиат» Рене Бале делил свое время между литературой (он написал несколько романов), журналистикой (руководил журналом «Констеласьон») и мемуаристикой (несколько книг он посвятил своему другу, автору романа «Закон» Роже Вайяну, умершему в 1965 году). Как и Роже Вайян, Рене Бале был коммунистом. В отличие от Роже Вайяна он остался верен ФКП и другому своему приятелю Роллану Леруа, будущему директору «Юманите».

Бале состоит в компартии и в тот майский день 1976 года, когда в его поднебесном кабинете раздается телефонный звонок. На другом конце провода некий учтивый господин просит о встрече, чтобы ознакомить его с новым журналом, нуждающимся в помощи снисходительных финансистов. Еще один искатель!

— Но, дорогой господин, чем ваш журнал мог бы заинтересовать нашу фирму?..

— Тем, что, видите ли, мы стоим на крайне антикоммунистических позициях...

— В таком случае, мой друг...

Встреча назначена. Секретарша записывает координаты просителя: Патрик Мартен-Превель из «Нувель эспуар».

Когда господь в своем провидении выбирает в исповедники Сатану, редко случается, чтобы последний не извлек из этого выгоды! Радуюсь неожиданной удаче, Рене Бале устанавливает в ящике стола портативный магнитофон и заготовливает несколько наивных вопросов, чтобы побольше разузнать о журнале, о котором никогда не слышал.

Патрик Мартен-Превель является не один. Его сопровождает еще один мунист — Жан Франсис Данжу. Посетители умело представляют свой журнал, подчер-

кивая прежде всего его солидный тираж, и не колеблясь чуточку преувеличивают цифры. От 70 тысяч до 100 тысяч экземпляров в месяц, утверждают они и определяют «Нувель эспуар» не как религиозное издание, а как «журнал с идеологической направленностью», стремящийся, «в частности, продемонстрировать заблуждения марксизма, дать его критику и исправить его».

Затем они сообщают своему собеседнику, что распространение журнала на улицах позволяет охватить более широкий контингент читателей, чем традиционная антикоммунистическая аудитория, за счет «нейтральных лиц, еще не осознавших политических проблем». По терминологии маркетинга они единственные обитатели этой ниши! Последний весомый аргумент: вскоре «Нувель эспуар» будет выходить тиражом 300 тысяч экземпляров. Это будет журнал типа «Экспресс», только без рекламы.

И все же приходится сказать и о том, что журнал принадлежит АЕВХ и что за этой аббревиатурой вырисовывается профиль преподобного Муна. Движение, признается Мартен-Превель, является «предметом острых споров», но не следует заблуждаться, откуда они идут — их «вызвала коммунистическая оппозиция». Что касается прессы, которая развязала кампанию по «международному поношению» Муна, то ее спровоцировали.

Рене Бале согласно поддакивает.

Итак, редакция журнала решила обратиться к пятистам крупнейшим французским предприятиям с просьбой о помощи в виде пожертвований и субсидий, сознавая, какой интерес может вызвать публикация их списка в «политических и промышленных кругах», журнал не рассчитывает на доходы от рекламы. Впрочем, оба молодца довольны своими демаршами. «Операция началась три недели назад, — признается Мартен-Превель. — Некоторые фирмы уже согласились принять участие... Одна из них охотно предоставила субсидию из своего бюджета на представительские расходы...»

Рене Бале не скрывает беспокойства:

— А эти предприятия сравнимы с «Фиатом»?

— Безусловно, — отвечает Мартен-Превель, — мы пошли сверху вниз по списку самых крупных французских фирм...

Покинем на время сорок третий этаж башни «Фиата», спустимся на землю и подведем некоторые итоги. Официальные экономические сводки за 1975 год ставят «Фиат-Франс» по годовому обороту на сорок второе место в списке, которым руководствуется Мартен-Превель. Иными словами, те предприятия, которые уже согласились помогать «Нувель эспуар», следует искать среди предшествующих сорока одной фирмы. Конечно, не имея доказательств, мы не можем утверждать, что та или иная фирма внесла свою лепту. Однако заметим, что в этом списке блистают названия первых величин промышленного и финансового мира, которых трудно заподозрить в прогрессистских симпатиях: «Мишлен», «Крезолуар», «Пежо», «Ситроен», «Пешине» и пр.

Кроме того, АЕВХ может рассчитывать и на двух отличных посредников для установления наилучших отношений с дирекцией этих промышленных групп. Прежде всего на Пьера Сейрака. Племянник президента НСФП сумел сохранить добрые связи со своим семейством, где есть еще один миссионер, отец-иезуит, который в 80-е годы отправится работать в лагерь для кампучийских и вьетнамских беженцев в Таиланде в рядах организации, известной своими симпатиями к крайне правым. Эта организация носит название Европейской гильдии автопробега (ЕГА). К тому же, прежде чем прийти к Муну, Пьер Сейрак служил инженером в «Ситроене»...

Другой — Жорж Катуга. Конфиденциальные сведения, составленные им самим для банков в 1981 году, когда он пытался получить кредит для приобретения поместья в Эври, свидетельствуют, что он действительно занимал «самые высокие посты в штабе и дирекции» в фирме «Иметал», где работал восемнадцать лет, и в «Крезолуар», где служил еще в 1976 году...

«Иметал» и «Крезолуар» занимают видное место среди сорока предприятий, с которыми вошла в контакт редакция журнала «Нувель эспуар».

Кстати, Рене Бале случайно доведется встретиться с негласным финансовым советником АЕВХ через несколько дней после разговора с Мартен-Превелем. Он получил отпечатанное на бланке с шапкой «Нувель эспуар» приглашение на банкет, который должен был состояться в парижском отеле «Лютеция». Если судить по тексту, собрание назначено в весьма

узком кругу: «Мы предполагаем,— пишет его корреспондент,— что, несмотря на частный характер этой встречи, она, однако, соберет многих лиц из политических, экономических и артистических кругов».

И причина тому есть! Будут действительно присутствовать первые меценаты далеко не однозначной Церкви. Чтобы они чувствовали себя спокойно, не опасаясь шпиков из спецслужб у входа в салон Боргезе, приглашения рассылаются от имени невинного комитета «Бог и демократия» по случаю двухсотлетия Соединенных Штатов Америки.

В разгар банкета, после выступления Анри Бланшара и других мунистских руководителей, слово предоставляется человеку, которого Рене Бале не знает. Писатель-журналист записывает: «Инженер-организатор, отец одного из членов Движения Муна. Воспользовавшись бессмысленным взрывом бомбы, ранившим одну мунистку, он основал «Ассоциацию по распространению духовных и моральных ценностей». Он обращается ко всем отцам и матерям, которые, не разделяя убеждений Муна, желают обеспечить безопасность своих детей...» Это — Жорж Катуга, отец Эммануэля.

Ниже Рене Бале записывает замечание Мартен-Превеля, который в этот вечер особо занимался им: «Я поражен,— признается он,— тем благожелательным приемом, который нам оказан...»

Заместитель директора по внешним связям «Фиат-Франс», как вы понимаете, больше ни разу не встретится со странными ходатаями, а АЕВХ не получит субсидии в означенное время. Рене Бале быстро забывает об этой истории, которая в тот момент оборачивается для него почти кошмаром: ему приходится часть вечера выслушивать бред одного сорбоннского профессора, который с печалью вспоминает о третьем рейхе.

Именно автор данной книги много позже сообщит ему, что Мартен-Превель и Данжу никогда не были журналистами в «Нувель эспуар». В 1976 году они уже были управляющими двух основных мунистских предприятий во Франции: ювелирного магазина Кристиана Бернара и лаборатории «Альфа и Омега».

Сила Мун Сан Мена состоит и в многогранности талантов его активистов.

6. «ОБЩЕСТВО МУН-ФРАНЦИЯ»: НЕЧИСТОПЛОТНОСТЬ

Июнь 1982 года: в Париже продолжается «облава по отдельному поручению».

Полицейские из центральной дирекции судебной полиции обнаружили в атташе-кейсе Жерара Утрекена среди множества бухгалтерских документов несколько произведений, свидетельствующих о симпатиях владельца: книгу под названием «К изобилию и радости» некоего доктора Эметта Фокса, сборник высказываний Мун Сан Мена и седьмой номер журнала «Нувель эспуар». Задержанный вскоре признает, что является членом АЕВХ с 1975 года.

С тех пор он проделал немалый путь. В июне 1982 года он занимает должность коммерческого директора акционерного общества «Альфа и Омега», выступая владельцем 35 процентов ее акций. Прекрасная карьера для обладателя диплома механика, в 1965 году поступившего добровольцем в ВВС и пять лет спустя уволенного в запас в чине сержанта.

Женьшень ради могущества «Отца»

Дирекция и лаборатории фирмы расположились в парижском пригороде Сен-Мор-де-Фоссе. Фирма процветает, импортируя, перерабатывая и торгуя поступающим из Кореи чудодейственным продуктом: женьшенем. «Корень растения из семейства аралиевых, обладающий удивительными тонизирующими свойствами», — говорится в Ларуссе. Женьшень Альфа, «растение, обеспечивающее долгую жизнь», «гарантия великолепной физической формы», утверждает реклама, продается, как булочки. Исключительно в аптеках. Подумайте только: афродизиак, признанный официальной медициной!

С минимумом оборудования и сокращенным рабочим персоналом — директор, секретарша да лаборантка — фирма принесла за 1981 год 150 тысяч франков дохода. Цифра скромная, но многообещающая.

Улов кажется чересчур скудным для того, чтобы оправдать вторжение полиции в эти мирные стены. Неужели и в самом деле, как это будут утверждать мунисты после облавы, они стали жертвой политико-религиозных преследований?

Нет. Полиция стучится в двери «Альфы и Омеги» потому, что с момента создания фирма попала в поле зрения налогового управления. И, в частности, Патрик Мартен-Превель, который наряду с Жераром Утрекеном является держателем доброй трети капитала. В 1977 году вместе с основателем предприятия Жаном Франсисом Данжу — да-да, тем самым, вместе с которым он изыскивал финансовые средства для «Нувель эспуар», — его приговорили к 10 тысячам франков штрафа и шестимесячному заключению условно за налоговые махинации.

Рядовой инцидент, о котором не стоило бы и говорить, если бы за ним не возникли новые, куда более серьезные неприятности. АЕВХ в 1983 году и преподобный Мун в 1984 году сами подвергнутся судебным преследованиям со стороны американского и французского казначейств. Подоплека этих дел одна: «Новый Мессия» и Семья редко когда считаются с существующим законодательством.

Ибо для утверждения могущества «Отца» надо делать деньги. И быстро.

Именно быстрых доходов ищут поверенные корейского мунистского предприятия «Иль Хва», когда в 1983 году на французской земле появляются по поручению их президента Ким Вон Пила, первого ученика Муна, собственными руками построившего первый храм Церкви в Корее.

Идея импортировать из Кореи уже готовый для употребления женьшень фирмы «Иль Хва» и обеспечить при перепродаже солидные барыши быстро нашла поддержку. 50 процентов дохода пойдут корейской фирме, а 50 процентов — французской в качестве вознаграждения зарплаты или дивидендов. Жан Франсис Данжу, которого обратил в веру высокочтимый деятель французской Церкви немец Рейнер Винсенц — первый в Движении сановник неазиатского происхождения, — соглашается создать фирму под собственным именем, чтобы продать первую партию в 2,5 тонны, любезно доставленную корейскими «братьями».

«Иль Хва» перечисляет 8 тысяч франков для АО

«Альфа и Омега» — сам Анри Бланшар снимает деньги с парижского счета «Чейз Манхаттан Банка», — и Жан Франсис Данжу очертя голову бросается в авантюру. Подумать только, ему всего двадцать один год, он верует, а доверяющие ему «родители» ставят его во главе предприятия! Патрик Мартен-Превель становится его первым служащим.

Реклама в специализированных журналах, первые сделки с учреждениями, занимающимися вопросами диеты и режима питания, — дело начинается хорошо. Тогда принимается решение импортировать продукцию еще одной корейской фирмы: вазы из камня «Иль Син Стоун». Если надо, коммивояжеров набирают среди активистов АЕВХ. Хорошие служащие со скромной зарплатой, к тому же возвращающие большую часть заработка Церкви.

Все шло бы замечательно, если бы «Иль Хва» тоже, как было оговорено, извлекала доход из операции. К несчастью, как вспоминает Жан Франсис Данжу, «мы не могли переводить деньги в Корею». «Тогда, — добавляет он, — было решено завесить сумму счета на 10... 20 процентов...» Первое нарушение валютного законодательства.

Вскоре выясняется, что удобнее импортировать женьшень из ФРГ, где крупная мунистская импортно-экспортная фирма «Вернер и Винклер» — по имени Пауля Вернера, главы Церкви в ФРГ — широко торгует различными препаратами из корня жизни. Расчеты обычно производятся банковским переводом, но при случае рассчитываются и наличными, передавая деньги из рук в руки. В конце концов это дела Семьи: «Поскольку в октябре 1974 года фирме «Вернер и Винклер» срочно понадобились деньги, — рассказывает Жан Франсис Данжу, — один из руководителей этой фирмы приехал во Францию, и я вручил ему сумму в 20 тысяч франков». Второе нарушение...

В 1977 году осуждение двух основателей фирмы за налоговые мошенничества на несколько месяцев прервали блестящее восхождение «Альфы и Омеги». Остановленный на взлете карьеры, Жан Франсис Данжу отдаляется от Движения. Его идеал плохо сочетается с такими сомнительными делами. Он уступает свою долю Патрику Мартен-Превелю и Жерару Утрекену, бывшему до этого представителем фирмы.

Уладив дела с правосудием, предприятие берет новый старт. Разве можно отказаться от рынка, который уже поглотил несколько десятков тонн продукта, продаваемого в 1975 году по цене 35 франков за флакон! И нельзя забывать об Африке, где ждут не дождутся таинственного и могучего корня, обладающего таким целебным действием. Вспомните о женьшеневом буме 70-х годов!

«Альфа и Омега» вскоре открывает магазинчики в Камеруне, Кот-д'Ивуаре и Заире. Когда французские власти потребуют продавать тонизирующие препараты только в аптеках, фирма обзаводится сначала лабораториями, затем и целым филиалом — «Интерсюд» в Каннах — для обработки и упаковки продукта, отныне импортируемого под видом сырья. Семья легко приспосабливается к жестокой реальности экономической битвы.

И какой бы ни был год, постоянные и временные сотрудники предприятия продолжают из своих доходов питать «миссионерскую» деятельность и политические акции АЕВХ.

**«Кристиан Бернар»:
одна из жемчужин
мунистской
транснациональной
компании**

Такова уж корейская традиция: Мун Сан Мен любит делать подарки своим гостям. Мужчины часто получают в дар часы. Прекрасные вещи, созданные парижским ювелиром, не столь знаменитым, как Кристиан Диор, но все же весьма ценным в США. Кристиан Бернар, так его зовут, открыл магазинчики в восьми штатах. Самые роскошные украшают большие улицы Сан-Франциско, Вашингтона, Чикаго, Филадельфии и, конечно, Нью-Йорка, где расположена американская дирекция фирмы.

Облагодетельствованные таким образом лица обычно не ведают, что сверкающий у них на запястье презент не так уж дорого стоил преподобному отцу. Фирма «Кристиан Бернар» — одна из лучших в процветающей транснациональной компании мунистов. Как «Альфа и Омега», она родилась во Франции

благодаря изобретательности и самоотверженности двух молодых последователей Муна, создавших в 1971 году небольшую кустарную мастерскую для изготовления бижутерии. В отличие от «Альфы и Омеги» Движение Единения не вмешивается в дела фирмы, которая на первых порах смахивала на мелкую «халтуру» студентов, желающих заработать в каникулы немного денег. Но вскоре успех начинания побуждает поставить вопрос о преобразовании заваленной заказами мастерской в рентабельное коммерческое предприятие.

Один из двух основателей, Жан Пьер Монрибо, принадлежит к числу самых первых членов французской АЕВХ. Он убеждает своего совладельца Бернара Нгуена, разделяющего его идеи, создать акционерное общество на паях с другими членами Церкви. В 1973 году в административный совет АО входят пять мунистов, в том числе и многоуважаемая Хильдегард Майерхофер, супруга президента Анри Бланшара, одна из зачинательниц Движения в Европе. За Бернаром Нгуеном остается техническая сторона дела.

Его талант, помноженный на упорство вскоре нанятых служащих-мунистов, дал великолепный результат. Менее чем за десять лет акционерный капитал вырос со 110 тысяч до 2772 тысяч франков, а годовой доход от нескольких тысяч до трех с половиной миллионов франков в 1981 году.

Зародившись в грязной трехкомнатной квартирке в квартале Маре в Париже, предприятие начинает стремительно расширяться. Вначале открывается магазинчик на улице Гравийе под вывеской «Нью Уорлд Дифьюжн». Название, напоминающее о мунистском проекте нового мира, плохо сочетается с маркой и символом «Кристиан Бернар», но его сохраняют из коммерческих соображений и в первую очередь из-за смутного сходства с Кристианом Диором.

Цехи по изготовлению ювелирных изделий перенесены в Фонтене-о-Роз, где приобретено помещение площадью более двухсот квадратных метров. Предприятие и АЕВХ снимают несколько квартир в южном пригороде Парижа, чтобы поселить поближе к месту работы молодых мунистов, во все большем количестве занятых в ювелирных цехах.

Часы, ювелирные изделия и «парижские сувениры» с растущим успехом экспортируются в Соединенные

Штаты, а потому принимается решение об открытии там филиала. Супруга одного из главных руководителей американской Церкви Майкла Уордера занимает у своего отца, банкира из Сиэттла, нужную сумму, чтобы открыть фирму «Кристиан Бернар оф Пэрис Инкорпорейтед». Жан Пьер Монрибо отправляется в Нью-Йорк и размещает свою первую контору в сердце Манхаттана, на Пятой Авеню.

С ростом капиталов, с заключением крупных контрактов с известными французскими и американскими магазинами на международных ярмарках фирма «Кристиан Бернар» быстро развивается, а АЕВХ пока держится в тени. Конечно, у фирмы случаются и неприятности! Присутствие Хильды Бланшар в административном совете, которое вскрылось благодаря антисектантским организациям, портит отношения с некоторыми клиентами... Только и всего. Ее быстро заменяют другой, не столь заметной «сестрой».

Надо опасаться также полиции и налоговых служб. Более строгое, чем в «Альфе и Омеге», ведение дел позволило «Кристиану Бернару» в 1976 году избежать следствия, которое завершилось осуждением Жана Франсиса Данжу и Патрика Мартен-Превеля. Однако следует опасаться любого неверного шага. Особенно после прихода Мартен-Превеля в генеральную дирекцию предприятия вместо Жана-Пьера Монрибо, окончательно устроившегося в США. Как бы в подтверждение этих опасений налоговое управление снова сунет нос в бухгалтерские отчеты фирмы в 1981 году.

К счастью, без последствий для него! Ибо без «Кристиана Бернара» французская ветвь Церкви функционировать бы не могла...

Следователи судебной полиции, которые в 1982 году устраивают обыск в новых помещениях дирекции в Улисе (департамент Эссон), быстро выясняют, что ювелирное предприятие обеспечивает Церкви солидные оборотные средства. Из 110 работников около полусотни — мунисты или их сторонники! Припертый к стене, Анри Бланшар, президент АЕВХ, признает, что они возвращают часть своей зарплаты Семье. Сумма этих «взносов» составляет примерно 15 процентов ее доходов. Цифра кажется небольшой. В действительности она соответствует только 20 процентам всей зарплаты, выплачиваемой мунистскому персоналу. На допросах большинство «братьев» и «сестер» дают понять, что

в кассы Движения ежемесячно возвращается куда большая часть их личных доходов. Пьер Сейрак признается автору, что пока он работал на «Ситроене» 80 процентов своей зарплаты он отдавал в АЕВХ.

Работающих мунистов призывают постоянно финансировать «международную миссионерскую деятельность». Когда в 70-х годах десятки молодых французов вступают в «Глобал Тим» и отправляются в крестовые походы от США до Кореи, заботу о них Семья берет на себя... Когда лучших из них призывают в качестве подкрепления в Нью-Йорк или Вашингтон, чтобы завершить организацию митинга, на котором выступит «Отец», Семье надо оплатить им авиабилеты...

Только в 1982 году объявлено два призыва о сборе средств. Первый по случаю отеческого благословения, которое Мун Сан Мен дал 2075 супружеским парам, собравшимся 1 июля в Мэдисон-сквер-гарден в Нью-Йорке. Представьте себе эти впечатляющие кадры, показанные всеми телестанциями мира: Мун и его супруга, одетые в белое, с императорской короной на челе, возвышаются над толпой в 4150 человек, чьи лица выражают экстаз, глаза прикованы к мессии, собравшему их на церемонию, — еще несколько дней назад большинство из них даже не знали друг друга, — и вдруг из их глоток рвется громоподобное: «Банзай, банзай!»

Среди них несколько французов и француженок. В комитете по организации этой гигантской свадьбы — руководители и сановники АЕВХ. Конечно, не все работают у «Кристиана Бернара». Однако мунисты — служащие предприятия вложили в это мероприятие более 200 тысяч франков. И не каждый отправился в путешествие... Через несколько месяцев им снова придется лезть в кошелек, чтобы финансировать очередной коллективный брак — еще более уродливый: 5837 пар — в октябре 1982 года в Сеуле.

В парижской резиденции АЕВХ и нескольких провинциальных центрах полицейскими обнаружены крупные суммы наличных денег, не указанных в бухгалтерских отчетах. К примеру, 112 тысяч по адресу улица Фриян, 18, где находится штаб-квартира Церкви и редакция журнала «Нувель эспуар».

Различные подсчеты и оценки позволяют прийти к выводу, что за десять лет служащие и руководители предприятий, связанных с АЕВХ, вернули ей из своих

доходов — зарплат, премий, вознаграждений, дивидендов — суммы, эквивалентные половине доходов того, что мы называем «Обществом Мун-Франция» («Альфа и Омега», «Кристиан Бернар», «Национальное посредническое общество» и т. д.). Само собой разумеется, что часто — это доказывает изучение счетов — хозяева-мунисты предпочитают увеличивать зарплату и выплачивать высокие премии и вознаграждения некоторым из своих «братьев»-служащих, нежели извлекать потенциальную прибыль. Государство на этом теряет, ибо налог с оборота мунистских фирм уменьшается, зато АЕВХ выигрывает!

Секреты успеха

Некоторые скептики могут удивиться, почему мы так долго разбираем «махинацию», которая позволяет АЕВХ финансировать свою политическую и евангелическую деятельность. В конце концов, скажут они, механизм прост, взносы в политической или профсоюзной организации дело известное и легальное, а суммы, возвращенные Церкви, никогда не превышали (до 1982 года) полутора или двух миллионов франков в год. Мелочь! Бернар Тапи и барон Ампен* вдвоем наверняка зарабатывают больше каждый год... К сожалению, цинизм успокоительно действует лишь на умы, не склонные задумываться над действительностью.

Нет, только рентгеноскопия «Общества Мун-Франция» поможет нам понять, как всего за тридцать с небольшим лет молодому корейцу, его тогда не звали еще Мун Сан Меном, удалось создать подлинную империю. Эти ссылки понадобятся читателю, который через несколько страниц обнаружит — он уже догадывается об этом, — что мунисты контролируют десятки предприятий в Корее, Японии, в ФРГ и США. Что из заработков тысяч «братьев» и «сестер» эти фирмы оставляют им ежемесячно лишь на самое необходимое. Сколько их? Преподобный отец утверждает, что в мире у него миллионы последователей. Он преувеличивает. Все отступники Церкви подтверждают это.

Но знаете ли вы, сколько могут принести Церкви всего 12 тысяч служащих-мунистов — 2 тысячи в США, 5 тысяч в Корее, 4 тысячи в Японии и тысяча

---

* Два известных французских предпринимателя. — Прим. пер.

в Европе? Взяв за основу нынешние минимумы зарплат в этих странах и допуская, что верующие отдают самое малое половину заработанного ими, окажется, что эта сумма равна 50 миллионам долларов в год! И здесь не учтены еще тысячи миссионеров, целыми днями занятых продажей на улице газет, цветов, ремесленных поделок и прочих безделушек. Эта армия добровольных тружеников зарабатывает суммы и того похлеще! Помните, что большинство французских мунистов, взятых на «попечение» АЕВХ, дают своим лидерам обязательство приносить от 400 до 2 тысяч франков в день. Обязательство, носящее красивое название: «финансовое исполнение предначертания»...

В сочинении «Коммунизм: критика и контрпредложения», где подводится итог подобным концепциям, преподобный Ли Сан Хун пытается доказать, что марксистская теория стоимости и труда — ложь и обман. Он утверждает, что прибыль образуется не путем эксплуатации труда, а созидательными стимулами промышленного и финансового капитала, использующего тех, кто, по марксистской теории, не создает прибавочной стоимости. Выходит, это понятие преследует лишь один смысл — оправдать в глазах марксистов «так называемую вину капитализма». Отсюда вывод: прибавочная стоимость в XX веке — понятие устаревшее и ложное. Тезис не нов, но все же пока примем на веру слова преподобного отца.

Но одна деталь заставляет насторожиться: почему «Новый Мессия», чтобы добиться своего экономического могущества, предпочитает извлекать основные доходы за счет неоплаченного труда? Почему все здание покоится на этом, а также на изъятии доходов служащих Церкви? Можно ли допустить, что «Отец» думает иначе, чем пишет?

Отметим, во всяком случае, тот факт, что транснациональная компания Муна не смогла бы так быстро получить столь крупных доходов, рассчитывая она только на изобретательность своих специалистов и на качество своей продукции.

Теперь ответим тем, кто кричит, что многие партии и профсоюзы — и правые и левые — взимают со своих членов определенный процент от их зарплаты в качестве взносов. Членские взносы действительно общепринятая и «моральная» практика. Но продолжать сравнение было бы рискованно. Уплата членских взносов

из своей зарплаты существенно не влияет на образ жизни трудящегося. Разве что немного могут сократиться расходы на отдых, а в исключительных случаях самым бедным придется потуже затянуть пояса. Это своего рода остаточный взнос на коллективные цели. Кстати, человек, платящий взносы, продолжает вести личную жизнь, не связанную с деятельностью партии или профсоюза. Он любит, предается увлечениям, создает семейный очаг, обустривает дом, путешествует, отдыхает, уезжает в отпуск и т. д.

Совершенно иная роль придается взносам в секте Муна. Именно не похожий ни на что образ жизни сектантов заставляет их отдавать большую часть заработка (от 20 до 80 процентов). Холостяки ли они или обрученные Муном (ибо «нормальные» супруги — мы уже видели это — должны на три года расстаться, чтобы потом получить новое благословение «Отца»), в большинстве случаев они живут в общинах, снимая вскладчину или на деньги Церкви квартиры или дома. Молитва, чтение священных текстов, активистская деятельность поглощают львиную долю их «свободного» времени. У них нет личных планов, кроме тех, что определила для них Семья.

Такой образ жизни, идеально отвечающий реализации устремлений Церкви, не меняется от Кореи до Аргентины!

«Скромная» транснациональная компания

Что касается нарушений, совершенных Жоржем Кагуа — использование подложных документов для получения кредита — или Жаном Франсисом Данжу, запросто перешагивающего через валютное законодательство, то их следует оценивать, исходя из целей этой организации, располагающей солидными капиталами и умеющей перебрасывать их из одной страны в другую с завидной быстротой в зависимости от нужд скорее политических, чем экономических. Когда в 1970 году Мун Сан Мен решил поставить свое движение в США на столь же солидную базу, как на Дальнем Востоке, все средства были хороши, чтобы перевести туда доходы, полученные в Корее или Японии.

Рентгеноскопия «Общества Мун-Франция» открывает нам еще один секрет головокружительного успеха «Нового Мессии»: если говорить откровенно, то Церковь Единения не контролирует ни одного предприятия. Она «имеет» людей, которые в свою очередь имеют предприятия и управляют ими. Транснациональная компания Муна существует только на бумаге. Церковь Единения, как юридическое лицо, редко представлена в административных советах. Все здание — в том числе и несколько холдингов *, придающих единообразие комплексу, — покоится на плечах нескольких сотен Катуга и Мартен-Превелей, управляющих во всех уголках земного шара юридически автономными единицами. «Иль Хва-Корея», к примеру, не имеет ни одной акции «Альфы и Омеги». В этом нет нужды, ибо присутствие двух акционеров-мунистов, имеющих контрольный пакет акций французской фирмы, превращает ее в фактический филиал Движения. Эти деловые люди, часто начинавшие с нуля, были буквально «изобретены» Церковью. Самые могущественные из них — корейцы, японцы и немцы ФРГ.

Эта организация, спаянная доверием, оказывается более гибкой и действенной, чем некоторые планетарные монстры, которые опутаны сетью перекрестных участков и правом вето мелких держателей акций, ведущих жестокую борьбу за влияние с местными магнатами. Сведение воедино стратегий филиалов проводится в Семье под контролем высших сановников Церкви — преподобных отцов, в чьих руках находится высшая евангелическая и финансовая власть.

Так, главы французских мунистских предприятий зависят от совета, «Юропиэн Экономикс Каунсл», который каждые два месяца собирает всех руководителей мунистских фирм Старого Света. Заседания происходят в ФРГ, в Валлдорфе, в зале заседаний могущественной импортно-экспортной фирмы «Вернер и Винклер», принадлежащей «отцу» немецкой Семьи Паулю Вернеру. Ошибиться по поводу хозяев невозможно, ведь немецкий «Нувель эспуар» — «Нойе гоффнунг» — прописан по тому же адресу.

Чаще всего на обсуждениях председательствует обосновавшийся в ФРГ с мая 1962 года преподобный

---

* Фирма, объединяющая финансовые интересы группы фирм и владеющая их контрольным пакетом акций.— *Прим. ред.*

отец Ким Кэ Хван. Когда его деятельность администратора и управляющего основных мунистских фирм позволяет ему выкроить свободное время, он наблюдает за нормальным функционированием европейских Церквей. Он отчасти хранитель храма и гарант ортодоксальности в этих отдаленных странах, где выполняет миссию надзора. Именно его секретариат ответил Жерару и указал ему путь, чтобы сочетаться законным браком (см. главу 2).

Кроме гибкости и действенности автономное управление предприятиями дает транснациональной фирме решающий козырь в современной экономической войне — тайну. Широкая публика, пресса и деловые круги обычно с большим опозданием узнают о том, что такое-то здание или такой-то завод попали в лапы преподобного отца. Чтобы знать об этом заранее, каждый президент или генеральный директор должен иметь возможность в любое мгновение сравнивать состав каких-то полутора сотен мунистских ассоциаций и административных советов контролируемых ими фирм со списком покупателей или создателей новых фирм в секторе их деятельности. Но такая документация имеется только в руках горстки ученых и журналистов. К счастью для Мун Сан Мена, они разбросаны по всему миру и пока еще не создали своей собственной транснациональной компании...

Однако подобный метод работы имеет и крупные недостатки. Они касаются не столько транснациональной фирмы, сколько Церкви, пожинаящей плоды ее деятельности.

К примеру, французская «секция» АЕВХ быстро предстает перед следователями как странная бескорыстная ассоциация, собирающая долю доходов контролируемых ею коммерческих фирм. Напомним каким образом — возврат дивидендов, материальных поощрений и премий; возврат доходов с помощью «исключительных условий», созданных для Церкви некоторыми мунистскими предприятиями: например, доход, который «Пресс де Норманди» могла бы извлечь из печатания «Нувель эспуар», полностью поступает в АЕВХ, поскольку в счете указываются цены равные или ниже себестоимости. Точно так же Национальное посредническое общество предоставляет Семье исключительные страховые тарифы, работая себе в убыток, а потери возмещает на других клиентах.

Эти прямые и косвенные поступления, сложенные с суммами, полученными от продажи «Нувель эспуар», превращают АЕВХ в процветающее предприятие. Официальная бухгалтерия, скрывающая часть поступлений, не позволяет оценить, какова эта сверхприбыль в 1982 году. Поэтому приходится основываться на заявлениях финансовых руководителей Церкви.

В меморандуме, который Жорж Катуга вручает банкам для получения кредитов, необходимых для покупки имения в Эври, он пишет: «Ассоциация АЕВХ (подразумевается, что она снимет часть дома.— *Прим. авт.*) имеет такой уровень доходов, что в сравнении с ее расходами она будет получать начиная с 1981 года прибыли порядка 90—100 тысяч франков в месяц...» Согласимся с этим — полиция также подтверждает, — около миллиона франков в год.

Жорж Катуга пишет очень точно: «в сравнении с ее расходами». Небольшой пенсион миссионеров и расходы на переезды уже вычтены. В общем-то наш деловой человек только резюмирует конфиденциальное бухгалтерское состояние ассоциации, сообщенное ему юридическим советником Церкви.

Куда уходят эти суммы? Уверен, что они скрытно передаются на политическую деятельность Движения.

Санкции за неуплату налогов

Налоговое управление в отличие от журналиста даже не задает такого вопроса. Оно ограничивается констатацией того факта, что потеряло деньги. Ибо эти сокрытые доходы АЕВХ дважды ускользнули от него. В первом случае в виде налога на фирмы «Общество Мун-Франция» — законодательно существующую в виде нескольких акционерных обществ и акционерных обществ с ограниченной ответственностью, — которые намеренно сокращают свои доходы, предпочитая «подкармливать» служащих премиями или повышением зарплаты. Таким образом происходит сокрытие реальных доходов. А во втором — из-за того, что АЕВХ — ассоциация без цели прибыли: как все общества, созданные по закону от 1901 года, она не должна получать прибыль и представляет ежегодно в казначейство весьма упрощенный бухгалтерский отчет, свидетельствующий о ее бездоходном функционировании.

Однако следствие, проведенное в 1982 году налоговым управлением и полицией, установило, что АЕВХ работает как коммерческое общество и получает доходы. Оно подтвердило, что различные поступления (продажа «Нувель эспуар», пожертвования, отчисления с зарплат, оплата налога с оборота и оплата страховки) приносят Церкви не один, а 4 миллиона франков в год при годовом обороте, едва превышающем 5 миллионов. Налоговое управление исходит из принципа, что Церковь практически ничего не тратит на свою деятельность, поскольку использует добровольцев.

Констатировав это, налоговое управление поступает решительно: при годовом доходе, оцененном в 16,9 миллиона франков, оно налагает на Церковь в конце 1982 года налог, равный 8,5 миллиона франков (50 процентов от общей суммы по шкале налога на фирмы). И приплюсовывает к нему 6 миллионов — штрафные санкции за задержку и нежелание платить. Всего 14,5 миллиона франков.

Но, набрав скорость, министерство финансов собирается удвоить сумму налога на АЕВХ. Полученные вами доходы, заявляет мунистам министерство, распределяются между членами вашей ассоциации, поскольку они нигде не указаны. Однако ни вы, ни миссионеры не объявили о дивидендах, облагаемых подоходным налогом. Следовательно, АЕВХ должна уплатить подоходный налог за этих «скрытых акционеров». Счет велик: около 21 миллиона франков.

Всего налоговое управление потребовало в 1985 году от французской Церкви 35,5 миллиона франков.

Правительства Моруа и Фабиуса явно стремились наказать Церковь, которая, прикрываясь духовными устремлениями, уже несколько лет вела борьбу против французских левых.

Суть не в том, что санкции, ударившие по АЕВХ и ее руководителям лично, не очень соответствуют ее истинным доходам, поскольку министерство финансов неверно оценило расходы ассоциации — в частности, расходы на полностью занятых миссионеров. Здесь ошибка возможна. Главное в том, что Церковь Единения во Франции, как и в других местах, не страдает угрызениями совести и не обращает внимания на существующее законодательство, когда надо отыскать средства на свою политическую борьбу.

7. ОДИНОКИЙ
ПРОРОК

Он молод, худощав и красив.

На первых фотографиях Мун Сан Мен предстает в темной форме корейского лицеиста. Затянутый по шею в мундир без украшений, который уже тогда подчеркивал серьезное и твердое выражение лица. Короткая стрижка, уши, продолжающие гармоническую линию мощного подбородка и высоких скул, чуть больший, чем обычно у азиатов, нос, красивая линия рта, но мрачный взгляд... Строгое лицо, которое мгновенно может взорваться в чарующей улыбке.

И характер, и обаяние уже в шестнадцать лет.

Вокруг него на фотографии дети помоложе. Ибо Мун Сан Мен* поступил в лицей довольно поздно, после долгого обучения в школе в родной деревне. Его родители, крестьяне с северо-запада Кореи, тогда находившейся под властью японцев, решили, что ему следует изучать китайские иероглифы с семилетнего возраста, чтобы лучше проникнуть в учение великого Конфуция. До четырнадцати лет юному Муну, пятому из восьми детей Мун Кен Е, не часто приходилось слышать о Христе. Вблизи Китая — он оккупировал страну полностью или частично с XVII по XIX век — влияние буддийских ритуалов и конфуцианской морали ощущается исключительно сильно, несмотря на все более широкое распространение протестантизма.

Житель деревни, любящий природу, Мун Сан Мен с раннего возраста впитал старые легенды, унаследо-

---

* Мун Сан Мен — американское имя пророка Sun — солнце; moon — луна. Его настоящее имя Мун Ян Ме.

ванные от шаманов. Ибо буддизм и христианство наложились на древние, но живучие верования во всемогущего бога, управляющего миром с помощью добрых и злых духов. Шаманы и шаманки, полужрецы-полуколдуны, общаются с духами во время церемоний инициации, в которых танец и наркотик приводят к трансу.

Откровение

Позднее обращение родителей Муна в христианскую веру произошло во многом парадоксально: из-за страха перед духами. Злые духи, похоже, толкнули семью в объятия пастора.

Корейские исследователи воссоздали события: Сан Мену исполнилось четырнадцать лет, когда на дом обрушились одна катастрофа за другой. Его брат и сестра вдруг заболевают какой-то странной душевной болезнью. Потом начинается мор на домашний скот: сначала дохнет бык, принадлежащий дяде. Через несколько дней погибают лошадь и семь свиней. И наконец, заклятие, так считают все, переходит и на домашнюю утварь: падает ступка и перебивает хребет собаке; обрушивается труба и разбивает большой кувшин...

Идет 1934 год в пока еще весьма традиционной Корее. Такое количество недобрых знаков заставляет отца обратиться к пресвитерианской церкви. Надо искать защиты у божьего человека, могущего противостоять духам!

Чудо. Пастор излечивает обоих детей от безумия.

Вся семья целиком переходит в протестантизм. Жизнь Муна полностью преобразуется. В пятнадцать лет он покидает традиционную школу — его записывают в ближайший «современный» лицей. Он начинает прилежно посещать церковь. На следующий год он уже помогает священнику во время службы.

То был год откровения, встречи с Христом в этих прохладных горах Северной Кореи, куда отрок любит удаляться для свершения молитвы. Не были ли и Моисею заповеди вручены на горе Синай? Да и шаманы в течение столетий не учили ли, что корейцы избраны для свершения того великого, что бог замыслил ради блага человечества? Разве в своем провидении Создатель не пожелал, чтобы Страна утренней свежести стала наследницей Израиля?

Дадим слово официальным биографам Мун Сан Мена: «Это было в воскресное пасхальное утро; Иисус объяснил ему, что вначале Бог послал его, чтобы спасти всех людей, но воля божья на земле не была исполнена, поскольку современники не признали Его. Теперь ему, Мун Сан Мену, выпало на долю завершить неоконченную миссию...»

Мун утверждает, что не раз отвергал это предложение. Он не считал себя достойным принять на себя такую ответственность. Но по настоянию Христа все же дал согласие.

Понять колебания молодого человека можно: не прошло и года, как он впервые открыл евангелие... И понятно, почему Мун в конце концов дал согласие: разве традиционный корейский буддизм не ждет уже долгие века прихода нового Будды, который принесет мир на землю перед ее концом? И так ли далек этот конец для многострадальной Кореи тридцатых годов, сначала завоеванной, а затем аннексированной японцами, вот уже тридцать лет хозяйничающими на ней, несмотря на несколько утопленных в крови восстаний? Но Корея по-прежнему грезит о восстановлении своего суверенитета.

Пьер Ле Кабелек, французский священник, опубликовавший две очень интересные книги о Муне*, остроумно описывает тогдашнюю ситуацию: «Оккупация и аннексия воспринимаются в Стране утренней свежести болезненно. Буддисты ждут нового Будду, а христиане ищут в Апокалипсисе ответ, почему на страну обрушились бедствия. Они видят в них прелюдию к Армагеддону и пришествию Христа. Близятся новые мессианские времена — в этом никто не сомневается. В такой атмосфере мистического ожидания появляются бесчисленные религиозные группы, множатся мистические явления, более или менее характерные для исконного шаманства: видения, пророческие сны, даже чудеса возникают по желанию».

Небольшая католическая коммуна — она по-настоящему вырастет только в 70-е годы — с горечью отмечает достойную сожаления склонность корейцев к «новым мессиям». Их более сотни за один век.

Агиографы, просто биографы и ярые враги Церкви Единения сходятся по крайней мере в одном: Мун

* Le Cabellec P. Dossier Moon. Bd. Salvator, 1983; Moon ou Jesus. Bd. BIP, Lorient.

действительно один из мессий, порожденных эпохой. На этом сходство заканчивается. И те и другие теперь идут по его следам, часто стертых временем или приличиями, и ищут в зависимости от своих целей доказательства либо его святости, либо его лжи.

В этой книге не доказывається ни то ни другое. Ее цель показать, как «Господь Второго Пришествия» повлиял на судьбы людей в сей земной юдоли, а потому выслушаем поочередно и сторонников, и врагов.

Союзник красных

Итак, для Мун Сан Мена начинается долгий поиск божественной вести. «Рассуждения об этике» — фундаментальное произведение Церкви, почти не распространяемое на Западе, рассказывает о девяти годах, проведенных им в «расшифровке скрытого смысла слов Библии», в «свободном» общении с «Иисусом, духами рая, а также со всеми известными мудрецами прошлого». Мун, сообщают нам, разговаривает также «с Богом, чтобы раскрыть тайну», и иногда должен «вести кровавые сражения с миллиардами демонов». Этот текст, написанный корейцами для корейцев, не делает тайны из нехристианских ссылок молодого пророка на мудрецов прошлого, прямых последователей Конфуция, на духов рая и миллиарды встреченных им демонов, на воспоминания детства с колыбельными из шаманских легенд.

В девятнадцать лет он покидает свою деревню на севере и уходит на юг в город, заканчивает среднюю школу и поступает учиться в электротехнический институт. Он открывает для себя Сеул и приступает к проповедям. Через три года он уже в университете Васэда в Японии, где готовится получить диплом инженера-электрика. Получив его, он возвращается в Корею.

Нет, утверждает Пак Ян Кван, автор опубликованной в Корее книги «Критика сект». Нет, Церковь Единения приукрашивает историю! Доказательство? «Японская газета «Майнити» не нашла имени Муна в списках студентов университета». С дипломом или без оно, но молодой человек возвращается в Корею и работает электриком на разных стройках. Столь раннее общение с ионами и электронами оставило след в мунистской доктрине: постоянным ссылкам на

понятия положительного и отрицательного заряда (позитивного и негативного) для объяснения жизни мы обязаны как теории электричества, так и наследию древней китайской философии — категориям «инь» и «ян».

Хотя он любит уединяться в горах — где бы он ни жил, он выбирает для молитвы самые высокие места,— молодой Мун не отстраняется от мирской жизни. Он пророк, а не отшельник; проповедник, но не монах... Находясь в водовороте социальной жизни, он вскоре начинает заниматься и политикой. Бог, несомненно, открыл ему, что царство его будет построено на земле, а Корее предназначено сыграть главную роль в его провидении.

Мун заходит так далеко, что японская оккупационная полиция арестовывает его в октябре 1944 года и обвиняет в антияпонской деятельности, которой он занимается со времен учебы в университете Васэда. Его пытаются и приговаривают к четырем месяцам тюрьмы. Сторонники и противники «Нового Мессии» на сей раз едины по поводу этого значительного эпизода его молодости. Воспользуемся случаем и заметим, что первое известное выступление Мун Сан Мена было политическим. И его поиск божественных тайн несколько не уменьшает его вкуса к борьбе и любви к родине. Отметим также, что он еще не систематизировал свое учение и не заявил о сатанинском характере коммунизма и Советского Союза. В данный момент его враг — крайне правые экспансионистские круги в Японии и их союзники по «оси», против которых в Китае и Корее единым фронтом выступают националисты и «красные».

После капитуляции Японии в августе 1945 года и освобождения Кореи Мун наконец может полностью посвятить себя богу. Он посещает те группы христиан, которые верят в близящееся пришествие Христа, и даже полгода живет вместе с одной из них в монастыре под названием «Израиль».

Мун женился, и у него родился сын.

Именно тогда он впервые объявляет себя мессией и решает в ближайшее время завоевать Северную Корею. Безусловно, разочарованный сдержанным приемом христианских общин юга — пророков и духовных вождей в тот момент было в избытке,— он надеется, что его услышат в Пхеньяне, весьма религиозной столице се-

вера, «Иерусалиме Востока», где по-прежнему стоят советские войска. Славные люди, господин и госпожа Ким, принимают его и селят в пристройке своего дома. Там он основывает свою первую церковь и проводит первые службы.

«Ищите женщину»

Поклонники и критики оценивают этот период по-разному. Хронологические данные и свидетельства накладываются друг на друга и часто противоречат. Обе стороны согласны в одном: у «Нового Мессии» возникают разногласия с коммунистическими властями.

Жан Пьер Габриель пишет в «Нувель эспуар»: «В эту эпоху Мун Сан Мена окружало множество христиан, но начались гонения коммунистов на религиозные группы. Проведя некоторое время в тюрьме, он снова начал проповедовать и имел такой успех, что вызвал зависть существующих церквей. Некоторые христиане дошли до того, что выдали его коммунистическим властям, и его снова арестовали 22 февраля 1948 года».

Выдали? По каким причинам? Жан Пьер Габриель умалчивает об этом.

Хронология Движения Единения, изданная в 1985 году «Пресс де Норманди», вносит кое-какие уточнения: «22 февраля 1948 года. Новый арест; Мун Сан Мена обвиняют в возмущении общественного порядка».

Корейские исследователи и их коллеги-католики из Южной Кореи, США и Франции рассказывают совершенно иную историю. Молодой преподобный отец — он впервые присваивает себе этот титул — обратил в свою веру не более десяти или двадцати человек. Но если он не привлек на свою сторону толпы, то был замечен из-за нововведений в религиозной практике: «Новый культ, который он ввел в своей новой Церкви, отличался от привычного. Верующие собирались и днем и ночью, молились, громко восклицая, исступленно пели».

«Мун мог произносить проповеди по пять-шесть часов кряду (иногда до девяти с половиной часов), которые прерывались молитвами и песнопениями. Страсть, которую он привносил в службу, была такова, что его одежды насквозь пропитывались потом. Если к Церкви присоединялся новый верующий, он требовал от него поста, который длился иногда пять суток».

Арестованный и подвергнутый пыткам впервые через два месяца после прибытия в Пхеньян, по причинам, которые не освещают ни «сторонники», ни «противники», молодой пророк — ему двадцать шесть лет — через два или три года отправляется в лагерь трудового перевоспитания.

Его выдали, утверждают корейские исследователи. Но не христиане, приревновавшие к успеху его Церкви. В полицию пожаловался его квартирный хозяин, муж мадам Ким: Мун «силой женился на мадам Ким 22 февраля 1949 года, хотя уже имел жену Цой Сун Кил. Он говорил, что этот брак совершился по причине божественного откровения. Власти Северной Кореи арестовали его за супружескую неверность и разврат».

Как бы мы ни называли его: пророк-мученик или гуру-обманщик, факты вынуждают нас сделать следующий вывод: Мун Сан Мена арестовали не за антикоммунистическую деятельность. Муж или завистливые христиане обвинили его в нарушении норм нравственности и общественного порядка страны, которая только что попала в руки красных, но пока еще живет по традиционной морали. Тщетно искать следы хоть какой-нибудь антикоммунистической направленности в свидетельствах и текстах того времени, которые анализируются Церковью Единения и антимунистами.

В своих проповедях Мун Сан Мен говорит о боге, о себе, о миссии, доверенной ему Христом. После первого заключения в написанных им текстах и песнопениях появляются намеки на репрессии, которым он подвергся, но его слова абсолютно нейтральны с точки зрения политики. Он чувствует, что христианам трудно придется при новом режиме, и даже поет об этом: «Тьма бесконечной ночи надвигается на эту поработленную страну. Прогоним тучи, вот свет, разливающийся над всей землей...» Но нигде он не упоминает ни о сатанинской фигуре Сталина, ни об ангельских добродетелях американской демократии.

Через двенадцать лет после первой встречи с Христом (это несколько больше, чем те девять лет, которые ему отводит его официальная история на период размышления) Мун Сан Мен все еще не объявил, что царство божье будет построено на развалинах коммунизма. Однако ему уже тридцать лет, у него богатый религиозный и политический опыт, и он с завидным упорством заявляет о своих амбициях.

Итак, вначале мунистское откровение не носит антикоммунистического характера. Превратности жизни, политическая эволюция страны и особенно некоторые решающие встречи несколько позже превратили корейца Мун Сан Мена в глашатая нового крестового похода Запада.

Святой в аду

А пока его бросают в лагерь Хун Нам. Он должен отсидеть в нем пять с половиной лет. Но отбудет лишь половину срока. По словам мунистов, два года. Один, по мнению тех, кто цепляется за тезис двоеженства.

Две тысячи узников Хун Нама работают на расположенном внутри лагеря химическом заводе. Условия работы тяжелые и опасные; условия жизни трудные.

Портрет своего лидера в годы лагерного заключения, который рисует Церковь Единения, наделен какими-то сверхъестественными чертами. Жан Пьер Габриель в «Нуфель эспуар», описывая ад Хун Нама, находит прямо-таки проникновенные слова: «Целью этого коммунистического лагеря было не воспитание, а уничтожение заключенных... Мун Сан Мен с первого же момента понял, что его сослали сюда на смерть и что ни одно человеческое существо не в силах долго вынести такие условия жизни. Но он настроил себя на выживание в любых обстоятельствах, поскольку знал, что не может покинуть земную юдоль, пока не донесет до других послание, полученное от Бога.

Метод, которым он воспользовался для выживания, выглядит удивительным. В условиях недоедания, когда случалось, что некоторые заключенные умирали во время еды, а другие бросались, чтобы вырвать горстку риса у них изо рта, Мун Сан Мен делил свою порцию на две части — одну для себя, вторую для товарищей по несчастью.

Он верил, что живет не той пищей, что поглощает, а той, которой делится... Из подаренной пищи он черпал духовную энергию, которая позволила ему выжить в лагере Хун Нам. Так он научился дисциплинировать свою плоть, чтобы превращать духовную энергию в физическую... В течение всего периода заключения никто ни разу не видел Мун Сан Мена спящим... Когда охранники на заре будили заключенных, он все так же сидел в молитвенной позе, в которой его видели накануне».

Молодой пророк выдержал все эти тяжкие испытания, и рок, склонившись перед такой добродетелью, стал приумножать совпадения, которые потом легли в основу легенды о нем. Так, Мун Сан Мен еще сидит в лагере Хун Нам, когда в июне 1950 года начинается корейская война. Север захватывает Юг. Западные союзники под эгидой ООН вторгаются в Корею, чтобы отбросить коммунистического агрессора. Их дивизии движутся на север.

Официальные тексты Церкви Единения рассказывают, что под угрозой наступления союзников охранники Хун Нама приступили к уничтожению заключенных. Чувствуя, что наступает его черед, Мун начинает молиться. И тогда раздаются выстрелы освободителей. Знак судьбы — в лагерь вступают не южнокорейцы, не австралийцы, не прочие союзники, а парни американского генерала Макартура, человека, одержавшего верх над японцами в Тихом океане и вновь пришедшего на помощь Корее по провидению всевышнего.

Переход через пустыню

Выйдя победителем из испытаний, Мун возвращается в Пхеньян, где вновь встречается со своими учениками. Один из них, Ким Вон Пил, соглашается последовать за ним в его новом путешествии. Ибо, как и многие другие корейцы, пророк решает укрыться на крайнем юге страны, там, куда не дошли войска севера во время их первого наступления.

Ким Вон Пил и его наставник покидают северную столицу в декабре 1950 года, когда возникает угроза контрнаступления китайцев и северокорейцев. На исходе сил*, без денег, бедно одетые, они добираются через два месяца до крупного южного порта Пусан. К ним присоединяются несколько беженцев из Пхеньяна.

В тридцать один год, через пятнадцать лет после встречи с Христом, Мун Сан Мен все еще одинокий человек. Три года, до конца войны, он живет подачками, нищенствует, работает в порту докером, питается то у одного, то у другого. Ким Вон Пил зарабатывает

---

* Официальная биография утверждает, что часть пути Мун Сан Мен нес на своих плечах раненого беженца, брошенного своей семьей.

кое-какие гроши, рисуя на улицах портреты американских солдат. Они молятся в лачуге из глины и бочек, которую смастерили собственными руками. Первая «церковь» Движения не выделялась бы своим видом среди лачуг бидонвилля Лимы или Стамбула.

Мун по-прежнему частенько уединяется в горах, чтобы занести на бумагу заметки, которые позднее послужат для написания «Божественных принципов».

Он продолжает проповедовать, но, похоже, без особого успеха. За два года обращает в свою веру всего двух человек, мужчину и женщину, которые после окончания войны отправляются в качестве миссионеров по дорогам Южной Кореи. Мужчину зовут Ли Е Хан. Запомним его имя, ибо, как множество самых первых учеников-мунистов — к примеру, Ким Вон Пил, — мы позже увидим этого человека на ключевых постах «транснациональной компании», которую контролирует Семья.

Война заканчивается в июле 1953 года, узаконивая раздел страны между просоветским Севером и проамериканским Югом. Жестокое разочарование для пророка, который видел в Корее страну божественного провидения, место, где он, «Новый Мессия», должен заложить основы царства божьего. Мун никогда не простит коммунистам не столько свое пребывание в Хун Наме, сколько этот раздел.

Хоть бы Юг признавал его... Увы, христиане Пусана относятся к нему холодно. Мун Сан Мен вновь берет в руки посох пилигрима и перебирается в Сеул. В тридцать три года он может рассчитывать лишь на горстку соратников и пока еще не написал «Божественных принципов», и не систематизировал свою антикоммунистическую доктрину. Но он хорошо осознает свою харизму, эту тайную власть над людьми. Его ученики немногочисленны, но готовы идти за ним на смерть.

Взрывчатая смесь бесконечной доброты и подавляемого насилия соблазняет, волнует и очаровывает. Не все уступают ему, но те, кто поддался, лишаются собственной воли.

Мун — вождь и любит доносить до других, что он знает об этом. В речи, произнесенной позднее в Соединенных Штатах, он без ложной скромности вспоминает о железной дисциплине, которую требовал от своих первых учеников: «В начальные времена Движения я заставил всех его членов, молодых и стариков,

мужчин и женщин, отшагать тысячу корейских миль. Затем в течение семи лет я требовал от них, чтобы они спали всего два часа в сутки. И приказал им не иметь при себе ни гроша. Надо было, чтобы они добывали себе пропитание нищенским подаянием. Так я тренировал своих людей...»

Чтобы стать всемогущим лицом, которое нам известно сегодня, Муну недоставало менее абстрактного и более мобилизующего проекта. Мессия среди прочих, он мог предложить соотечественникам, и особенно христианам, только некую чуть безумную мечту — царство божье на земле. Он уже заложил теологические основы, узаконивающие его мирские амбиции: бог воплотился в теле Адама, хотел иметь детей через Еву и царствовать над только что созданным миром. Соблазнив Еву, Сатана уничтожил этот проект. Иисус пришел на землю, чтобы воссоздать его, но был предан не признавшим его еврейским народом. Перед смертью он обещал, что вернется. Мун утверждает, что на этот раз его выбор падет не на Израиль, а на страну, где восходит солнце, то есть Корею, ибо вера там сильнее и одухотвореннее.

Чтобы превратить эту мечту во всепобеждающий проект, надо наполнить его более осязаемым и конкретным содержанием. Доказать прежде всего, что возврат мессии вовсе не отдаленная перспектива, а завтрашняя реальность; убедить учеников, что однажды они собственными глазами узрят правление бога и что лучшие из них будут сидеть рядом с ним.

Для этого надо углубиться в историю Израиля и Запада, отыскать там параллели между четырьмя веками, предшествовавшими явлению Христа, и последними четырьмя столетиями нашей эры, которые подготовили приход «Нового Мессии». Затем указать обьятым святым гневом верующим на современного Антихриста, который противится божьему замыслу. Надо доказать, что этот диктатор, заимствованный из Апокалипсиса, является не испанцем, не португальцем, не латиноамериканцем, а советским человеком.

Одним словом, надо заново выдумать историю. Сам Мун Сан Мен на это не был способен.

Но удача улыбается ему. Вернувшись в Сеул, он встречается с тремя людьми, которые перевернули его судьбу. Это теолог, профессор истории и молодой офицер. Из их встречи родилась Церковь Единения.

8. РОЖДЕНИЕ ЦЕРКВИ

Церковь, которая двадцать два года спустя купит в Манхаттане гостиницу на 2 тысячи номеров для размещения своих кадров, официально родилась 1 мая 1954 года в Сеуле, в мансарде дома номер 391 по улице Пукхак. И стала называться Ассоциацией Святого Духа за объединение всемирного христианства.

Два добрых волшебника

Среди членов-основателей двое новообращенных: господин Хе Вон Ю и мадам Ким Ян Ун.

Господин Ю еще достаточно молодой человек — ему сорок один год, но он очень болен. Он встретился с группой в конце 1953 года в Пусане, куда удалился семь лет назад из-за острого приступа ревматизма, заставившего его отказаться от занятий медициной. Он с пользой потратил время своего преждевременного досуга — глубоко изучил Библию. Оригинальное прочтение священных текстов, предложенное Мун Сан Меном, живо привлекает его. Он изучает заметки, сделанные молодым пророком за пятнадцать лет, и понимает, какую пользу можно из них извлечь.

Этот образованный мистик, отмеченный годами жестоких страданий, находит цель в жизни и присоединяется к рождающейся общине. Он не уйдет из нее до самой смерти шестнадцать лет спустя. Хе Вон Ю станет первым теоретиком Церкви. Он, а не Мун Сан Мен написал «Божественные принципы», вложив в них все свои библейские познания. В библейской культуре он почерпнул сакральные сведения, которые для многих христиан сделали из «мунистской библии» столь же стройный и целостный свод, как и евангелие. Хе Вон Ю призвал на помощь «Новому Мессии» Авраама, Иакова, Моисея и прочих пророков, упомянутых в исходном источнике. Мун сделал доктора Ю — для Семьи он был и остается врачом — первым президентом Церкви Единения.

Мадам Ким Ян Ун тоже образованный человек. Она происходит из буржуазной протестантской семьи, много путешествовала и изучала историю религий по всему миру: в университете Кансей Гакуин в Япо-

нии, в методистском университете в США и в колледже Эммануель в Торонтском университете. Ее обращение в мунизм оказалось плодотворным для Церкви. Специалист по различным религиям, она произвела синтез доктрин Единения и протестантизма. Много позже именно она нашла аргументы, чтобы доказать, что через протестантскую Реформацию и ее политическую наследницу, американскую демократию, бог избрал США для выполнения своей исторической цели — воссоздания своего царства на земле. Но до этого еще далеко, мы в начале пятидесятых годов: пока Мун Сан Мен верит в свое национальное предназначение, а корейский народ остается для его последователей избранным народом.

Вклад Ким Ян Ун в Движение на данный момент носит более практический, но решающий характер: она знакомит с маленькой общиной уважаемые буржуазные круги.

Молодая женщина преподает в университете Эвха в Сеуле, где уже несколько лет читает курс лекций по Новому завету и сравнительной теологии. Привилегированное христианское учебное заведение, Эвха традиционно принимает на учебу девушек-протестанток из приличных семей. Считается хорошим тоном отправить туда свое потомство, если ты офицер или чиновник центральной администрации. Этот частный университет зависит от Национального совета церквей, объединяющего протестантские церкви Кореи.

Поскольку ученики «Нового Мессии» пытались наладить контакт с некоторыми студентками, Ким Ян Ун получила от президента университета задание разузнать о новоявленном гуру, кружащего головы юным созданиям. Молодые студентки Эвхы всегда были чуть-чуть фрондерками. Тридцатью годами позже о них заговорят всюду. Только пророки будут другими: они станут марксистами и поведут студенческую борьбу против военного режима.

Итак, Ким Ян Ун встречается с мунистами. И в свою очередь обращается в новую веру. 1954/55 учебный год окажется ужасным для благонравных властей университета: к Церкви Единения примыкают пять профессоров и пятнадцать студенток. К великому замешательству своих родителей, Ким Ян Ун оказывается великолепной пропагандисткой.

Едва скрывая удовольствие, Жан Пьер Габриель

описывает в «Нувель эспуар» этот первый крупный успех: «О Церкви Единения пошли слухи. Не зная, как объяснить, что молодые люди, интеллигентные и образованные, скоропалительно вступают в странное движение преподобного отца Мун Сан Мена, люди утверждали, что Церковь Единения использовала специальный метод промывания мозгов...»

Треволнения буржуазии

Власти Эвхи требуют от «еретиков» выбрать между Муном и университетом. Они выбирают Муна. В марте 1955 года шесть профессоров, в их числе и мадам Ким, и четырнадцать студентов изгнаны из университета. Крупнейшие сеульские газеты пишут о скандале на первых полосах. Так продолжается несколько месяцев. Пресса широко рекламирует странные обряды этого весьма не ортодоксального культа. Здесь есть все: и правда, и клевета. Молодого пророка обвиняют в том, что он на ночь запирает своих учеников, в особенности женщин, в помещении церкви, чтобы облегчить их порабощение. «Интересно, как он мог поступить иначе,— отвечает Жан Пьер Габриель.— После войны еще не был отменен комендантский час, и многие верующие, которые оставались на вечернюю молитву, уйти уже не могли...»

Одна молодая женщина утверждала, что ее насильно удерживали в течение трех суток. Слухи множатся день ото дня. В конце концов начинают писать, что Мун с учениками занимаются коллективной любовью.

Протестантские церкви мобилизуют своих верующих против новой секты. Дело обретает национальный масштаб. Ибо маленькая секта весьма разрослась с момента дела Эвхи. Рост не только количественный, но и качественный. Фотография тех лет показывает нам Муна, одетого в дешевые куртку и брюки, в которых он ходит с момента появления в Сеуле в окружении своих явно более зажиточных учеников. Их более тридцати, и они одеты как представители городской буржуазии: темный костюм и галстук на мужчинах, костюмы с юбками на большинстве женщин. Только несколько пожилых женщин не расстались с традиционной одеждой.

Совершенно очевидно, что изменился контингент рекрутируемых. Теперь ряды мунистов растут за счет интеллектуалов и буржуа. Влиятельные круги охвачены беспокойством.

4 июля 1955 года правительство Ли Сын Мана арестовывает Мун Сан Мена и четырех членов руководства Церкви, в том числе Ким Вон Пила и Хе Ван Ю. И опять разногласия в том, какие обвинения выдвинуты против него. Крупная газета «Тонг а ильбо» говорит о «нарушении закона о военной службе»* и «незаконном задержании лиц». В докладе американского правительства в 1976 году со ссылкой на корейскую полицию указана другая статья обвинения: «Псевдорелигия и фальшивые официальные документы».

Жан Пьер Габриель выдвигает иную гипотезу: «Многие люди объединились против Движения. Чтобы успокоить умы, правительство арестовало Муна... и начало расследование для проверки обоснованности всех этих слухов...»

Суд не поддержит против него ни одного обвинения, и 4 октября 1955 года Мун покинет тюрьму с широкой улыбкой на устах, приветствуя ожидающих его возбужденных учеников...

Обвинения сняты, но подозрения остаются.

Общественное мнение и корейская буржуазия неоднозначно воспринимают этот эпизод. Церковь едва приобрела известность, а ее образ уже опорочен. Несмотря на сногшибательный успех в последующие двадцать лет, Церкви Единения так и не удастся победить глухое недоверие христианского истеблишмента.

Главный рекрут

Однако в 1955 году будущее выглядит не таким уж мрачным. Судебный процесс затмил более важное событие: после прорыва в университетскую среду Семья скрытно проникает в военные круги. Мун Сан Мен с помощью Ким Ян Ун встречается с человеком, который превратит Движение в известную ныне всем политическую державу.

Изгнанная из университета Эвха преподавательница-мунистка начинает поиски новой работы. Ее связи помогают ей выйти на верховную Ставку размещенных

---

* Мун Сан Мен, похоже, действительно избежал ее.

в Корее американских войск. Там она получает место секретаря-переводчика. В том же бюро работает молодой майор, тоже хорошо владеющий английским. Его имя вскоре приобретет не меньшую известность, чем имя Муна. Его зовут Пак Бо Хи. У профессора Ким достаточно времени, чтобы ознакомить его с учением Церкви Единения.

Молодой офицер вскоре допущен в святая святых, в традиционную аптеку Тон Хва Дон, которую держат симпатизирующие Движению люди и которая за это время стала главным евангелическим центром Сеула. Он очень активен. И когда Церковь благодаря пожертвованиям своих самых зажиточных членов приобрела в предместье дом, где и разместилась, Пак Бо Хи делает решительный шаг — продает свой дом, вручает Семье кругленькую сумму и снимает себе скромную квартирку вблизи нового центра. Он понемногу вживается в общину, не чураясь самой грязной работы — вначале он даже чистил туалеты в доме общины.

Официально он вступает в Движение в 1957 году.

Появление Пак Бо Хи рядом с Муном коренным образом меняет планы Церкви Единения. Ибо вместе с ним к «Новому Мессии» примыкают другие молодые честолюбивые офицеры, которым предназначено сыграть важную роль в истории страны. Двое из них, столь же хорошо владеющие английским, как и Пак Бо Хи, вскоре станут доверенными лицами Ким Чон Пиля, организатора государственного переворота 1961 года, когда был смещен Ли Сын Ман, а на его место поставлен полковник Пак Чжон Хи. В отличие от Пак Бо Хи они не совершат головокружительной карьеры в муниципальной организации, но, будучи симпатизирующими активистами Церкви с конца пятидесятых годов, откроют ей двери власти.

Одного из них, по прозвищу Стив Ким, зовут Ким Сан Ин. Накануне государственного переворота 15 мая 1961 года он переходит из армии в КЦРУ — корейское ЦРУ, которое только что организует премьер-министр Ким Чон Пиль с согласия президента Пака, также ветерана армейских секретных служб.

Новое правительство делает ставку на эти новые секретные службы для борьбы с «внутренним врагом» и укрепления политической базы режима.

Стив Ким — приятель Пак Бо Хи в гражданской жизни — до 1966 года будет переводчиком и адъютан-

том Ким Чон Пиля. Он будет сопровождать его в заграничных поездках, в основном в США, и окажется незаметным, но эффективным посредником между Церковью Единения и корейским правительством. Позже руководители КЦРУ используют его для связи с ЦРУ, а потом назначат резидентом в Мексике.

Второй рекрут Семьи, Хан Сан Кек, по прозвищу Ака Буд Хан, также стал помощником Ким Чон Пиля. Этому человеку новое правительство готово доверить строжайшие секреты, ведь президент Пак использует его в качестве переводчика во время решающей встречи с Джоном Ф. Кеннеди в ноябре 1961 года, всего лишь через семь месяцев после своего прихода к власти. Много позже Буд Хан сделает дипломатическую карьеру. Впервые в качестве посла он появится в Осло.

Последним офицером с «большим будущим», обращенным в мунизм в конце пятидесятых годов, стал Хан Сан Кил. КЦРУ также призовет его в свои ряды и направит в Вашингтон в качестве военного атташе.

Долгие годы, занимая ответственные официальные посты, эти три человека будут работать на Церковь в тени, стараясь не открывать своей принадлежности к Движению Единения.

По завершении своей миссии они войдут в мунистский штаб в США. Посты, которые Мун доверил им сегодня, подтверждают, насколько важным было их вступление в Семью: Стив Ким помогает Пак Бо Хи, стоящему во главе американской группы прессы «Ньюс Уорлд Коммюникейшн Инк.»; Буд Хан вместе с ними возглавляет редакцию самой престижной газеты группы «Вашингтон таймс»; и, наконец, Хан Сан Кил посвятил себя «Отцу» — он возглавляет его секретариат и контролирует воспитание его «детей». Он также входит — высшее отличие внутри Церкви — в небольшую группу сановников, организующих крупные религиозные церемонии, вроде коллективных браков. Вместе с Пак Бо Хи и Ким Вон Пилом, первым учеником, он заседал в комитете по проведению многотысячных свадеб в июле 1982 года в Мэдисон-сквер-гарден в Нью-Йорке.

Таким образом, сегодняшнее высшее руководство Церкви насчитывает в своих рядах трех бывших агентов корейского ЦРУ.

Их приятель Пак Бо Хи, до того как стал их начальником в религиозной области, также накануне государ-

ственного переворота занимал ключевой пост в корейской политике — пост военного атташе в Вашингтоне. Новое правительство оставило его в той же должности. Он закончил свою карьеру в 1964 году, чтобы полностью посвятить себя политической деятельности Церкви.

Официальное признание

Но вернемся к истокам: к контактам с Пак Бо Хи и его рекрутами — Мун начинает заниматься политикой. Отвращение Муна к бывшим тюремщикам Хун Нама находит поддержку у этих молодых людей, которые защищают родину от красных и посещают штаб американских «спасителей». Он также понимает, что никто не может приобрести влияния в Корее, не став подлинным антикоммунистическим лидером.

Именно в это время доктор Хе Вон Ю, теоретик Церкви, начинает разрабатывать гипотезу, сделавшую «Божественные принципы» оригинальными: коммунизм — враг бога. Первый вариант «Божественных принципов» на корейском и английском языках появился в июле 1957 года.

Мун понимает, что для завоевания авторитета у истеблишмента, относящегося к нему весьма подозрительно с момента дела университета Эвха, надо стать ему полезным. А для этого необходима многочисленная, богатая и могущественная организация, которую можно быстро поставить на службу антикоммунистического крестового похода, которая получит мощную поддержку в двух странах — «опекунах» Кореи: в Японии и США. Вот почему в июле 1957 года, когда Церковь в Сеуле пока еще остается в зачаточном состоянии, Мун начинает миссию одновременно в Японии и в ста двадцати городах и деревнях Южной Кореи. Два годами позже профессор Ким Ян Ун и еще один член — основатель Церкви отправляются на покорение США.

Медленное политическое созревание Мун Сан Мена сопровождается консолидацией структур Церкви. В конце 1959 года в стране организуется тридцать центров евангелизации. В марте 1960 года «Новый Мессия» с особым блеском празднует свой брак с Хан Хак Я. Этот брак представляют верующим как единствен-

ный благословленный господом союз с момента провала первородной супружеской пары Адама и Евы. Недели позже в этот божественный союз вступают три первых ученика, закладывая основу «единенной Семьи», идеальной семьи, о которой мечтал господь, создавая Адама и Еву...

В коммуне складывается своя иерархия. С введением первых ритуалов, таких, как обязательный семидневный пост для новообращенных, устанавливается железная дисциплина. Все готово для того, чтобы при удаче Церковь стала одерживать победу за победой.

Новый государственный переворот Пак Чжон Хи приводит в восхищение американских мунистов. Их очень много, но несколько «голов» Движения уже работают в США в сей благословенный май 1961 года. Пак Бо Хи находится в посольстве в Вашингтоне, Дейвид Ким проповедует в Нью-Йорке, а профессор Ким Ян Ун готовится к официальному основанию Церкви в Калифорнии. Почва здесь благоприятная. На Западном побережье, обращенном в сторону Дальнего Востока, живет множество выходцев из Японии и Кореи. Мадам Ким получает в помощь Цой Сан Ика, динамичного миссионера, который менее чем в четыре года сделал японскую Церковь равной своей корейской сестре. В тысячах километрах от Сеула они ускользают от враждебной бдительности корейских протестантских церквей, все более и более озабоченных успехом мунистов в стране.

Именно на американской земле — какой символ! — должны завязаться первые контакты нового корейского правительства и Церкви Единения. Случай представился быстро. После встречи Пак Чжон Хи и Кеннеди Белый дом приглашает премьер-министра Кима посетить США в 1962 году. Военный атташе посольства Пак Бо Хи участвует в подготовке визита и несколько дней сопровождает официальную делегацию. В ней он встречает своего «брата»-муниста Стива Кима, советника-переводчика Ким Чон Пиля. Друзья используют остановку в Калифорнии для организации тайной встречи премьер-министра и сановников Церкви, находящихся в Сан-Франциско. Ким выражает свои симпатии к антикоммунистическим целям Движения и обещает поддержать его политически, правда, уточняя, что не сможет сделать этого открыто.

Это — поворот в жизни Движения. Результаты встречи начинают ощущаться очень скоро. В следующем году Церковь Единения признана правительством. После долгих колебаний власти предоставляют ей статус ассоциации без целей прибыли, освобожденной от налогов. Процедура тормозилась министром образования, на которого оказывали давление протестантские круги, и успешно завершилась лишь при прямом вмешательстве окружения премьер-министра.

В тот же год Пак Бо Хи добивается в Вашингтоне освобождения Церкви от налогообложения в штате Вирджиния по представлении официального письма, в котором указывается, что она — «признанное в Корее христианское вероисповедание». Посол в США и будущий премьер-министр Кореи, подписавший послание, обошелся с историей весьма вольно, поскольку Семья была признана много позже, в 1970 году, католиками и англиканами, а протестанты до сих пор отказывают ей в определении «христианская». Тесное сотрудничество мунистов с правительством, развивавшееся до 1975 года, всегда происходило при скрытой враждебности протестантской буржуазии, также весьма влиятельной в военных кругах.

Не имея возможности открыто работать в Корее, мунисты пользуются услугами ассоциации американо-корейской дружбы, размещающейся в Вашингтоне, для осуществления совместных проектов.

Таким обходным путем Мун Сан Мен ворвался в политическую жизнь родной страны, что не удалось ни одному другому пророку до него.

9. ОТ ЦЕРКВИ ДО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Улыбка Айка, взгляд ЦРУ

Корейский фонд культуры и свободы (КФКС) создан в 1963 году. Его «изобретатель» и главный вдохновитель не кто иной, как все тот же полковник Пак Бо Хи, который с этого момента заявляет о себе в качестве подлинного политического руководителя Церкви.

Будучи по-прежнему военным атташе в посольстве в Вашингтоне, он предпочитает по соображениям скрытности не входить в список директоров — основателей организации. Официально КФКС управляется американцами и корейцами, стремящимися укрепить связи между двумя странами. Среди них — адмирал, бывший начальник оперативного отдела ВМС США, и корейский посол в отставке. Много позже станет известно, что Пак Бо Хи ввел в дирекцию двух членов Семьи, Ли Чжуна и Роберта Ролланда, которым ловкий полковник сообщил в 1964 году, что целью фонда является получение денег для Церкви и усиление ее влияния.

В уставе КФКС об этом ни слова, там только перечислены благочестивые резолюции, общие для благотворительных организаций подобного типа: поддерживать память об американцах, «павших за дело свободы в Корее», провозглашать необходимость литературных и культурных обменов, способствовать взаимопониманию, уважению и дружбе между гражданами двух стран...

Цели столь благородны, что два высокопоставленных крестных отца соглашаются предоставить фонду свои имена: в 1964 году почетными президентами КФКС становятся экс-президенты Трумэн и Эйзенхауэр. Они оказываются рядом с почтенным Ким Чон Пилем, не задавая лишних вопросов о подобном соседстве. Быть может, они не знают, что корейское ЦРУ в его руках...

Сразу после создания фонд меняет курс. В конце 1963 года в его первой брошюре возможным благотворителям предлагалось финансирование культурных проектов. Через несколько месяцев новый проспект сообщает своим членам, что КФКС собирается начать борьбу против «новой коммунистической агрессии в Азии».

Идея Ким Чон Пиля и Пак Бо Хи весьма проста: предоставить денежные средства и людские ресурсы мунистов для развития желательной, с точки зрения нового сеульского правительства, антикоммунистической пропаганды; за такую услугу исполнительная власть Кореи должна облегчить развитие Церкви. Советники-мунисты Ким Чон Пиля — Стив Ким и Буд Хан приложат немало сил для выполнения этого «джентльменского соглашения».

В первом же проекте, предложенном фонду для исполнения, выложены главные козыри: сеульское правительство поддерживает строительство в столице громадного комплекса под названием «Фридом Сэнтр» («Центр Свободы»). Там будут проходить грандиозные конференции Антикоммунистической лиги народов Азии (АЛНА), региональной международной организации, основанной по инициативе проамериканских режимов Юго-Восточной Азии. В этом комплексе разместится и руководство лиги.

АЛНА уже добилась официального участия в финансировании проекта от заинтересованных сторон. Но этого мало. Деньги американских богачей-антикоммунистов не помешают. Ким Чон Пиль настаивает на присоединении КФКС к проекту. Пак Бо Хи и Роберт Ролланд убедили дирекцию в необходимости передать первые пожертвования «Центру Свободы». Мун и его помощник поняли, что им предоставился нежданный случай проникнуть в среду руководителей антикоммунистического движения и показать себя с лучшей стороны.

ЦРУ, которое тайно наблюдает за всеми этими маневрами, не ошибается. Несмотря на то что во главе фонда стоят популярные американцы, которых трудно заподозрить в принадлежности к Церкви Единения, во внутреннем докладе ЦРУ в декабре 1964 года указывается, что «истинным лидером» КФКС является Пак Бо Хи, который вскоре официально начнет работать в ней. И действительно, в конце 1964 года полковник покидает свой пост в посольстве, возвращается в Сеул, где добивается благодаря своим исключительным связям досрочного увольнения из армии.

Он тут же становится вице-президентом КФКС и использует свое пребывание в столице, чтобы обсудить проекты организации на самом высоком уровне — с премьер-министром, с начальником президентской охраны и министром информации. В январе 1965 года Пак Бо Хи с дипломатическим паспортом возвращается в США, хотя не имеет никакого официального поста. В течение трех лет он безвозмездно работает на КФКС, и Церковь впервые берет на себя заботу о нем. Он живет в одной квартире с Ли Чжуном, человеком удивительным, но пока мало известным в США, хотя Ли Чжун является основным звеном мунистской цепочки: широкая публика лишь десять лет спустя

узнает, что он руководит одной из крупнейших школ военных искусств страны, насчитывающей от Западного побережья до Нью-Йорка миллионы учеников, получивших дипломы специалистов по дзюдо, айкидо, каратэ и таеквондо. Не стоит уточнять, что ему специально поручено создать службу мускулистых ребят, которая понадобится Церкви во всех уголках мира, когда она открыто приступит к политическим действиям.

Под действенным руководством Пак Бо Хи и Ли Чжуна Церковь завяжет более тесные связи с корейским правительством и его секретными службами.

Самой заметной инициативой шестидесятых годов было, несомненно, создание радио «Свободная Азия» (РСА) по образцу радио «Свободная Европа», детища ЦРУ. Пак Бо Хи ведет переговоры сам или через своих «братьев», работающих в корейской разведке, со вторым директором КЦРУ генералом Ким Хен Вуком*. Почему с ним, а не с министром информации? «Потому что деятельность, связанная с антикоммунистической пропагандой, находилась в моей юрисдикции... и, конечно, потому, что я занимал влиятельный пост», — заявил генерал в 1977 году подкомиссии американской палаты представителей, которая вела расследование американо-корейских отношений**.

Пак Бо Хи добивается, чтобы РСА использовало бесплатно установки национального радио КБС и, в частности, коротковолновые передатчики, поскольку основная цель радио «Свободная Азия» — донести нужное слово в сердце Китая или Северного Вьетнама. Поэтому американское ЦРУ указывает в другом докладе в марте 1967 года: «7-е бюро (отдел психологической войны) корейского ЦРУ контролирует деятельность и программы радио «Свободная Азия».

«У корейского правительства не хватало денег для выполнения такого рода работы...» — признал генерал Ким Хен Вук. Поэтому он с энтузиазмом принял идею Пак Бо Хи о финансировании коротковолновых передач на соседние коммунистические страны со стороны

---

* Первым был Ким Чон Пиль.

** Доклад этой комиссии, известный под названием «доклад Фрейзера», является основным источником сведений для этой главы. В свое время он подвергся яростной критике со стороны Церкви (см. главу 14).

традиционных спонсоров — американских консерваторов. С этой точки зрения КФКС провел операцию наилучшим способом: 60 тысяч общенациональных и местных деятелей получили просьбы о пожертвованиях, подписанные голливудскими звездами, экс-президентами Трумэном и Эйзенхауэром и видными членами конгресса.

Однако КЦРУ намеревается на месте, в Сеуле, контролировать содержание программ. Два первых директора РСА являются бывшими сотрудниками Ким Чон Пиля, некогда директора разведуправления. Основание РСА и начало радиопередач в августе 1966 года открывают перед Пак Бо Хи новые возможности — отныне он может встречаться с государственными деятелями высшего ранга.

Выгодная идиллия

КФКС и радио «Свободная Азия», способствуя развитию мунизма в Корее, в то же время позволяют президенту Пак Чжон Хи поддерживать свой имидж в США.

Пользуясь, к примеру, тем, что РСА все чаще делает выпады против Северного Вьетнама и призывает к освобождению американских военнопленных, особенно тех, кто считается пропавшим без вести в бою, корейский президент обращается через фонд к тысячам американцев, финансирующих радиостанцию, весьма чувствительно воспринимающих проблему пропавших без вести парней, и ко многим членам конгресса. КФКС отправляет по почте 20 тысяч писем, подписанных Пак Чжон Хи. Их содержание не оставляет никаких сомнений по поводу цели этого маневра: укрепить позиции сеульского режима — весьма уязвимого в области прав человека — в Белом доме и Капитолии. «По случаю начала вьетнамской программы радио «Свободная Азия», посвященной американским военнопленным, — пишет президент, — позвольте мне выразить вам сердечную благодарность за вашу щедрую поддержку этой инициативы, весьма полезной для дела свободы... Г-н Пак Бо Хи, заместитель директора радио «Свободная Азия», сообщил мне о вашем личном интересе к Корее и о вашем благородном намерении бороться ради свободы. Ни одна другая нация на земле, как Корея, не втянута

столь сильно в эту священную борьбу. Враждебность коммунистических соседей, окружающих нас, продолжает расти...»

Письмо президента вписывается в рамки обширной лоббистской операции, начатой Сеулом в начале семидесятых годов, чтобы завоевать или купить симпатии американских руководителей.

Методы, использованные для достижения этой цели, и, в частности, щедрые чаевые, розданные в коридорах власти, приведут в конце концов к скандалу. Он получит название «Корейгейт» и вызовет в 1977 году создание следственной комиссии палаты представителей для выяснения корейско-американских отношений. Объемистый доклад, опубликованный в 1978 году — доклад Фрейзера, впервые отдаст на растерзание прессы историю теснейших связей Церкви Единения и правительства Пака. Это будет первый серьезный сигнал тревоги для мунистов в США. После отставки Никсона и поражения во Вьетнаме для сторонников сильной и всепобеждающей Америки наступят черные дни президентства Картера.

В докладе были вскрыты и другие злоупотребления. В 1971 году КФКС финансирует издание биографии Пак Чжон Хи, оттиски которой в руки президента передает Пак Бо Хи во время своего очередного путешествия в Сеул. В тот же год КФКС добивается от корейского правительства разрешения на продажу в США для финансирования своей деятельности памятных монет, собственности корейского государства.

Мун Сан Мен, который никогда не оказывается напрямую связанным с этими операциями, изложил отношение Семьи к президенту Паку и их плодотворному сотрудничеству в следующих словах: «Бог создал нового и могущественного лидера — нынешнего президента Кореи. Он также установил новый порядок в нашем обществе, когда в нем царил разлад, а страна стояла перед возможным нападением коммунистов в 1961 году!.. В этом хаотическом мире правительство Кореи на нашей стороне. Оно просит у нас совета и призывает к действию... Оно благожелательно относится к нашему Движению».

Вся стратегия «Нового Мессии» изложена в этих торжественных декларациях 1974—1975 годов. Вряд ли стоит серьезно рассматривать Церковь Единения в качестве послушного орудия в руках корейского

ЦРУ. Ведь Мун служит корейскому правительству ради получения международного признания, которого ему все еще не хватает.

Признание придет в 1975 году, когда два высших сановника корейского государства примут «Нового Мессию» и его штаб с такими же почестями, как и главу иностранного государства, прибывшего с частным визитом. Президент Национальной ассамблеи почтит своим присутствием роскошный банкет в Сеуле в честь Мун Сан Мена, а Ким Чон Пиль, тогдашний премьер-министр, проведет официальные переговоры с руководством Церкви Единения за четыре месяца до митинга, на котором тысячи мунистов поклянутся отдать в случае необходимости свои жизни ради защиты Южной Кореи. В ту пору в прессе Движения ее величают «родиной их веры».

«Маленькие ангелы»

Материальная и финансовая поддержка КФКС Сеулом позволяет мунистским стратегам быстро завязать в правящих кругах Запада необычные для маленькой секты третьего мира связи. Чтобы успешно завершить эту операцию, Мун Сан Мен и Пак Бо Хи еще в 1962 году делают ставку на... фольклорную балетную труппу, созданную Церковью с целью ознакомления других стран с культурой и традициями Кореи. Расчет не так наивен, как может показаться с первого взгляда.

Реклама «Маленьких ангелов» — так именуется этот балет — является вначале первоочередной задачей КФКС. Но мунистские члены фонда тогда не подозревают, что «Маленькие ангелы», по всеобщему мнению очаровательные и талантливые детишки, являются посланцами Семьи. Имя основателя балета появится на афишах лишь десять лет спустя, когда труппа получит международное признание. Крестным отцом ее станет Дуайт Эйзенхауэр, один из основателей КФКС. С согласия Пак Бо Хи фонд даже будет публиковать в корейской прессе опровержения слухов о связях «Маленьких ангелов» с Церковью.

Замысел Пак Бо Хи — обеспечить детям выступление на самых лучших мировых сценах во время праздничных вечеров, на которых обязательно присутствует местная политическая элита. Во время одного

внутреннего семинара в 1973 году, посвященного стратегии Церкви, Мун Сан Мен откровенно разъяснит, как действуют «Маленькие ангелы»: «К примеру, успешное турне нашего балета в Японии позволило фонду завоевать симпатию персонала посольств, находящихся в Японии, а через них мы можем оказать воздействие на соответствующие нации... Благодаря репутации, завоеванной в других странах, «Маленьких ангелов» может пригласить в свою резиденцию премьер-министр либо король или королева в свой дворец, открывая таким образом доступ для знакомства с народами этих стран... Если мы «наколем» хотя бы двадцать сенаторов в любой из этих стран, мы сможем организовать в ней мощную группу. С десятью нациями у нас будет двести высокопоставленных деятелей, которых господин Кубоки (глава Церкви и ее политической ветви в Японии.— *Прим. авт.*) сможет пригласить к себе. Японские политические партии будут поражены тем, что ему удалось сделать...»

Но амбиции «Нового Мессии» в отношении «Маленьких ангелов» требуют больших расходов. Корейская Церковь в начале шестидесятых годов еще не располагает достаточным количеством денег для проведения операции. Значит, деньги должны дать США и в основном корейское правительство. КФКС с блеском справится с этой задачей.

Десять лет мунистский балет будет пользоваться широкой помощью Сеула: начальник президентской охраны бесплатно разместит труппу в помещениях, принадлежащих администрации, затем правительство за бесценок продаст Церкви землю для строительства школы «Маленьких ангелов». Семья создаст из школы образцовый воспитательный центр. Сегодня в нем кроме своеобразной художественной школы размещены три среднеобразовательных колледжа. Там обучаются более 4 тысяч детей от семи до пятнадцати лет. Им преподают обычные дисциплины и... «Божественные принципы».

КФКС добьется от своего союзника финансирования нескольких успешных турне за границей: в Мексике во время Олимпийских игр 1968 года, в Юго-Восточной Азии, на Среднем Востоке, в Африке, в Турции по случаю пятидесятилетия ее независимости.

Церковь с гордостью объявит в 1979 году, что труппа, официально провозглашенная мунистской пять лет назад, дала 1600 представлений, выступила в двухстах телепередачах и «перед тридцатью главами государств и их приглашенными».

Стратегический поворот

Эти успехи скрывают не столь радостную действительность: в начале семидесятых годов Мун Сан Мен и Пак Бо Хи вынуждены признать, что первоначальная цель — стать одной из главных сил Кореи — не достигнута.

Мы уже говорили — враждебность протестантских кругов не ослабевает. Национальный Совет церковей (реформатских) отказывается в 1970 году принять в свой состав Церковь Единения и резко осуждает католиков и буддистов, признавших Семью. С другой стороны, как она ни плодотворна, но идиллия с военными остается тайной для посторонних глаз.

Поэтому публичные и «открытые» инициативы Церкви не всегда встречают ту симпатию, на которую можно было надеяться.

Одна из них, к подробному рассмотрению которой мы вернемся (см. главу 17), достойна упоминания. Вдохновленный успехом радио «Свободная Азия», Мун создает в 1968 году организацию, которая должна объединить все антимарксистские силы страны под божественным стягом. Параллельно Церковь публикует первое произведение с ясным изложением своей позиции по этому вопросу. Книга называется «Коммунизм, критика и контрпредложение». Нечто вроде анти-«Капитала», основанного на концепциях, противоположных тем, которые стали базой марксизма.

Новая организация носит название «Победа над коммунизмом» и опирается на инфраструктуры десятков религиозных общин, разбросанных по стране. Ее президент Цой Ен Сук — один из преподобных отцов Церкви, следящих за соблюдением ее догм. До 1975 года организация занимается мобилизацией основных сил мунистов, проводя конференции и семинары в крупнейших отелях столицы и в провинции и пытаясь представить Мун Сан Мена «провиденциальным спасителем» от красной угрозы.

Офицеры, чиновники — десятки тысяч людей — пройдут через центры обучения. Позже Церковь заявит, что в организацию вступили миллионы приверженцев. «Победа над коммунизмом» познает свой день славы 7 июня 1975 года в момент гигантского митинга в Сеуле: на площади, где будет выступать преподобный отец Мун, соберется миллион человек.

Однако эти цифры маскируют провал: организации так и не удастся свергнуть с трона местную секцию Всемирной антикоммунистической лиги — международной организации, основанной в 1967 году с помощью проамериканских правительств Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Даже постоянная поддержка секретных служб не сможет сломить открытую оппозицию некоторых высших чинов армии. Правительство признает и официально поддерживает Всемирную антикоммунистическую лигу, но не осмеливается встать рядом с «Победой над коммунизмом».

Начиная с 1970 года, когда американское руководство заговорило о выводе своих сил, размещенных в Корее, Церковь Единения стала особенно полезна правительству для поддержания своего имиджа в США. Но стоило разразиться скандалу «Корейгейт», выявившему роль КФКС и мунистов в корейском лобби в США, как Сеул в 1976 году без колебаний бросил на произвол судьбы «Нового Мессию», ставшего вдруг обременительным. Чтобы заставить забыть о двадцати годах подпольной любви, режим Пак Чжон Хи принимает в 1977 году некоторые меры против Церкви: блокируются выездные визы «Маленьких ангелов», а Ким Вон Пил, первый ученик Муна, ставший президентом фармацевтической фирмы, контролируемой Семьей, подвергнут штрафу за налоговые махинации. Сеулу трудно оправдывать усиление диктатуры, а потому мунистский груз мешает ему.

Мун Сан Мен и Пак Бо Хи не стали дожидаться этого запоздалого отказа от них, чтобы понять — их политическое будущее в Корее обречено на провал. Еще в 1970 году принято решение: Мун Сан Мен перебирается в США, а Церковь начинает строительство своей империи с американского плацдарма. Пророк не сдержал обещания, данного своим первым верующим: восстановить царство божье в Корее в 1974 году по истечении двух «семилетних сроков», отведенных соответственно на «восстановление» Семьи

и нации. Он, конечно, не оставляет безумной мечты вернуться в страну триумфатором, но отныне знает, что путь предстоит долгий.

Этот стратегический поворот приводит к существенной переработке теории. Отныне теологи Церкви работают над новой гипотезой: бог в своем провидении избрал Америку для реализации своего глобального замысла.

18 декабря 1971 года Мун Сан Мен вступает на землю своей новой родины. Его ожидает уже хорошо организованная Семья. Она готова ринуться в политическую борьбу. Остается найти деньги для финансирования этой новой авантюры. В нее вкладываются постоянно растущие доходы промышленной группы, созданной в Корее и Японии в конце пятидесятых годов. Транснациональная компания Муна, исходя из «поворота» 1971 года, укрепляется в Соединенных Штатах и в ФРГ. Ибо с самого начала пророк сражался за обеспечение «экономического фундамента Семьи».

И показал себя на деловой арене еще более ловким человеком, чем за кулисами политики.

10. РОЖДЕНИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ КОМПАНИИ

**Вначале
была винтовка...**

Первое предприятие, созданное Семейей в Корее, носит символическое название: «Яхве Шотган»*. Оно производит пневматические ружья. С коммерческой точки зрения идея очень хороша. Идет 1959 год, и страна переживает настоящий охотничий «бум». Предприятие основано на пожертвования нескольких богатых верующих и начинает работать как артель ремесленников в Инчоне, порту Сеула. Быстрый успех позволяет ей перебраться в столицу и изменить социальный статус. «Тон Иль» (по-корейски объединение) — так теперь именуется фирма — использует почти бес-

---

* «Ружье Яхве» (англ.). — *Прим. ред.*

платную рабочую силу из мунистов, и ее доходы резко возрастают.

Увы, новый режим генерала Пака вводит запрет на охоту и открытый в 1966 году новенький завод вынужден перейти на новые виды продукции: продолжая выпуск пневматических ружей, он приступает к изготовлению деталей трансмиссии для автомобиля.

И снова Мун Сан Мен показал великолепное для «божьего человека» коммерческое чутье: задолго до других дельцов в стране и создания сборочных заводов, которые позволили корейским автомобилям оказать серьезную конкуренцию японцам, он сделал ставку на автомобиль. Пока его предприятие работает на экспорт в Японию. Но этого ему недостаточно. Несмотря на деловую хватку управляющих и самоотверженность рабочих, предприятие испытывает серьезные трудности.

«Тон Иль» набирает силу только в начале семидесятых годов, когда правительство шаг за шагом делает фирму официальным поставщиком мостов и трансмиссий и передает ей военные заказы, — теперь она работает на оборону. Премьер-министр тех лет, — он вступил в должность в июне 1971 года, бывший директор КЦРУ Ким Чон Пиль — человек, который вот уже десять лет тесно сотрудничает с Церковью Единения через своих мунистских сотрудников Ким Сан Ина и Буд Хана. Поэтому «Тон Иль» становится одним из первых предприятий, извлекающих выгоду из новой политики правительства в области развития военной промышленности.

С момента вступления американцев в войну во Вьетнаме Сеул начинает ожесточенную борьбу с Вашингтоном, добиваясь самостоятельности в области снабжения оружием. Корейцы поняли, что линия американской обороны в Азии переместилась с 38-й параллели на 17-ю, и желают иметь собственные заводы, которые, работая по американским лицензиям, позволят вооружить армию с ног до головы что бы ни случилось. Проект весьма амбициозный. Речь идет о производстве полной гаммы классических вооружений от боевой винтовки до ракет типа «земля — земля», не забыты и танки, и быстроходные катера.

Семья готова тут же взяться за выполнение проекта по коммерческим и политическим соображениям: продажа оружия приносит большие доходы, а глав-

ное — открывает многие правительственные двери на Западе. Таким образом, «Тон Иль» оказывается в рядах соискателей, когда устанавливаются первые контакты с «Кольт Индастриз», известной американской оружейной фирмой, и начинаются переговоры о строительстве в Корее завода, который будет производить по американской лицензии боевую винтовку М-16.

Первым корейским эмиссаром у «Кольта» был близкий друг полковника Пак Бо Хи, который сам не был мунистом. Его зовут «Микки» Ким. Он также близок к Ким Чон Пилю и является сотрудником секретных служб. Мы уже встречались с ним, хотя и не назвали его имя, когда в 1964 году КФКС взялся вместе с правительством за строительство «Центра Свободы» в Сеуле. Тогда он работал советником в корейском посольстве в Вашингтоне. Внутренняя корреспонденция КФКС свидетельствует, что он принимал участие в осуществлении всех политических операций фонда (строительство «Центра Свободы», основании радио «Свободная Азия», издании биографии президента Пака и т. д.). «Микки» Ким будет работать и на специальную охрану президента Пака,.. и на «службу порядка» мунистской организации. В конце шестидесятых годов он становится директором Всемирной ассоциации каратэ, которую контролирует Церковь.

«Микки» встречается с директором «Кольта» и приглашает его в Сеул, где президент Пак лично предлагает ему помочь Корее в строительстве завода по производству винтовок М-16. Корейские руководители понимают, что тем или иным образом фирма «Тон Иль», поставляющая пневматические и обычные винтовки для гражданской обороны, будет участвовать в операции.

Переговоры будут долгими и трудными. Начнутся они только в 1971 году: «Кольт» дает разрешение министерству обороны на производство винтовок, необходимых для вооружения корейской армии. Американский производитель ставит два условия: новый завод не станет субподрядчиком по поставке деталей, а правительство возьмет на себя обязательство не экспортировать произведенных по лицензии винтовок.

Этот двойной запрет будет обойден: в апреле 1973 года «Тон Иль» внесена в официальный список пред-

приятый, работающих на оборону, а американские дельцы, приглашенные два года спустя посетить новый мунистский завод в Пусане, на юге страны, увидят, что он изготавливает литые детали для знаменитой М-16.

Один завод, чтобы спрятать другой

Взаимопроникновение служб министерства обороны и фирмы «Тон Иль» становится еще более наглядным в 1977 году, когда Мун Сун Ке, кузен пророка и генеральный директор предприятия, вступает в прямые переговоры с дирекцией «Кольт Индастриз» о возможности экспорта корейских М-16 в некоторые страны третьего мира. В свое время госдепартамент США запретил подобное расширение исходного контракта, но в последующие годы постепенно уступил по всем пунктам. Сегодня это является секретом Полишинеля в среде международных торговцев оружием: начиная с середины семидесятых годов Корея продает винтовку и боеприпасы к ней в Юго-Восточной Азии, в страны Ближнего Востока и Латинской Америки.

Участие «Тон Иль» в выпуске М-16 вскрывает деловые связи мунистов и правительства, но нельзя забывать и о другой ее военной продукции. Через пять лет после попадания в список министерства обороны заводы «Нового Мессии» собирают полностью или частично тяжелый пулемет М-60, гранатомет М-79, который можно устанавливать на М-16, и зенитный пулемет «Вулкан». Там же собираются колесные пары и рулевое управление для грузовиков корейской армии.

Немногие иностранцы имели возможность посетить мунистские военные заводы. Однако мы нашли одного из таких людей, представителя крупной американской транснациональной компании, приглашенного в 1983 году на «Тон Иль». Он до сих пор вспоминает об этом странном визите. Хозяева дали ему возможность полюбоваться на современное оборудование станкостроительного завода, расположенного неподалеку от Сеула, а потом вдруг провели в цех, отделенный от основной части предприятия. Снаружи ничто не указывало на его существование. Ему показали цехи, где вдали от любопытных глаз происходили испытания

на прочность и надежность оружия, произведенного на других заводах группы. В этот день на испытательных стендах стояли детали пулемета. Через несколько минут обычный визит возобновился...

«Тон Иль» с недавнего времени производит также то, что мунисты стыдливо именуют в официальных документах «детальями самолетов». Сравнивая эту информацию с неоднократными заявлениями полковника Пак Бо Хи о том, что Семья производит «весьма современное» военное оборудование, нам хотелось бы выдвинуть гипотезу: в декабре 1978 года «Тон Иль» купил лицензию у американской фирмы «Роквелл». В контракте речь идет о различных деталях трансмиссии для грузовиков. И, конечно, совпадение, что «Роквелл» производит истребители «Сейбр Ф-86», стоящие на вооружении корейской армии. «Роквелл Коллинз» поставляет электронику для других истребителей корейской армии — Ф-16 и «Фантомов». Американская фирма признает, что «Тон Иль» сообщал о желании производить по лицензии военное и авиационное оборудование. Мунисты даже пригласили одного из руководителей «Роквелла» в Корею, чтобы он на месте лично убедился в высоком качестве оборудования заводов. Но до сих пор «Роквелл» официально отказывался продавать военные лицензии «Тон Иль».

Однако вероятно, что «авиационные узлы», о которых говорят проспекты «Тон Иль», касаются одного или нескольких типов самолетов, находящихся на вооружении корейской армии. Технология предприятия в области производства деталей из специальных сплавов — литых, кованных или штампованных — позволяет ему производить шасси самолета, а также собирать полностью или частично вооружение этих самолетов.

Гипотеза вполне приемлемая, если верить британскому военному атташе в Сеуле. В интервью, данном осенью 1985 года на выставке применения электроники в военной области спецкорреспонденту журнала, специализирующегося на проблемах обороны, он подтвердил, что Семья имеет интересы во всех секторах военной промышленности в Корее. Говоря о мунистских фирмах, которые прямо или косвенно работают на оборону, он с таинственным видом добавил: «У меня список на двух страницах».

В сто раз больше

Продажа оружия приносит Семье огромные барыши, но, конечно, «Тон Иль» не публикует подобных цифр. Мунисты крепко хранят тайну. Церковь только признает, что ее промышленная группа в соответствии с требованиями корейского законодательства вынуждена, как все металлургические предприятия страны, выпускать часть продукции для военных целей. Глашатаи Движения возмущаются, что их упрекают в сотрудничестве с военными: разве участие в защите родины от коммунизма не является священной обязанностью?

К несчастью для Церкви Единения, этот аргумент не оправдывает экспорта военного оборудования в далекие страны с диктаторскими режимами, не имеющие никакого отношения к конфликту между Пхеньяном и Сеулом. Например, в Уругвай, крохотную, возлюбленную Муном страну, где «Новый Мессия» в начале восьмидесятых годов сделал крупные капиталовложения.

Переговоры вел полковник Пак Бо Хи. В обмен на солидные денежные «вливания» мунистов в прессу, гостиничное дело и банки, он добивается от тогдашнего военного правительства обязательства закупать оружие у Движения. Конъюнктура благоприятна для обеих сторон. Хунта ищет иностранных вкладчиков, чтобы вывести страну из беспрецедентного кризиса, и не скрывает симпатии к ярому антикоммунизму, который исповедуют ее собеседники.

Выбор падает на старое, но испытанное оружие под названием «Вулкан»: многоствольный пулемет калибра 30 или 50, который может использоваться ПВО и ставиться на дозвуковые истребители. Кстати, ВВС США установили их на свои самолеты, предназначенные для борьбы с танками. «Вулкан Ган» был разработан и вначале производился отделом вооружений американского гиганта «Дженерал Электрик».

Корейцы — в основном мунисты — стали его производителями благодаря особым обстоятельствам. В начале семидесятых годов американское правительство решило поддержать политику самообеспечения Сеула. Белый дом оказал давление на крупных производителей оружия в Соединенных Штатах, с тем

чтобы они разрешили Корею самой производить по лицензии некоторые виды вооружения. Кое-кто уперся по чисто коммерческим соображениям, в частности «Кольт» по поводу М-16... и «Дженерал Электрик» из-за своего «Вулкана». И если «Кольт» в конце концов заключил договор с Сеулом, то «Дженерал Электрик» и прочие стоят на своем.

Тогда Пентагон передал чертежи оружия корейцам. Среди них и чертежи «Вулкана». Сеульское правительство в свою очередь поручает производство «Тэву», крупнейшей промышленной группировке страны, и своим друзьям-мунистам из «Тон Иль». Дирекция «Дженерал Электрик» официально заявила, что она никогда не давала своего согласия фирмам «Тон Иль» и «Тэву». Дело вызвало шумную реакцию производителей оружия Соединенных Штатов.

Итак, Пак Бо Хи предложил уругвайскому штабу поставлять «Вулкан». Никаких сведений об этих тайных переговорах не было известно вплоть до ухода военных после выборов в ноябре 1984 года. Но в начале 1985 года некий оператор, работавший до падения диктатуры на Национальное управление общественных связей военного правительства, признал, что под руководством полковника Пак Бо Хи он снял рекламный ролик, восхваляющий достоинства «Вулкан Ган». Пак Бо Хи показал его хунте, состоявшей из высших военных, давших согласие на подписание контракта. В те времена — 1981 год — полковник говорил ему о сумме в 15 миллионов долларов...

Эти суммы позволяют понять, как «Тон Иль» сумела за три года (с 1972 по 1975 год) в 10 раз увеличить свой годовой оборот после официального внесения в список «предприятий, работающих на оборону», и в 100 раз с тех пор...

Цель — Федеративная Республика Германии

Административное здание «Тон Иль Компани Лтд.» — «Компании Единения» — не оставляют никаких сомнений в ее могуществе: двадцать этажей стекла и бетона над величественным холмом в центре Сеула.

В своем кабинете, возвышающемся над Сеулом, президент Мун Сун Ке может утверждать, удовлет-

воренно поблескивая глазками из-под крупных очков, что его группа является «лидером корейской тяжелой промышленности». Только в Корее у него четыре завода: станкостроительный, по производству автомобильных, литых и кованных деталей. Два последних завода работают в основном на вооружение.

Этот крохотный человечек, почти напрочь утонувший в глубоком плюшевом кресле, правит в настоящий момент двадцатью заводами и коммерческими представительствами в шестнадцати странах. «Тон Иль» или ее филиал «Саэило» представлены в США, Японии, Канаде, Австралии, Великобритании, Франции, Италии, Египте, Аргентине и почти повсеместно в Азии. Несмотря на такую разбросанность, политика фирмы проводится твердо. Согласно указаниям своего «Учителя» и кузена Мун Сан Мена, президент «Тон Иль» вот уже пятнадцать лет направляет все свои усилия на проникновение в великие промышленно развитые страны. «Новый Мессия» неоднократно повторял своим ученикам, что, если Церкви удастся «установить контроль» над семью ведущими странами Запада, она будет «контролировать» весь мир. Другими словами, Семья сначала должна покорить Соединенные Штаты, Японию и Федеративную Республику Германии, а потом и остальные страны.

Группа «Тон Иль» по-разному завоевывает рынки. В США, Японии или Европе она чаще всего торгует. Ее филиал «Саэило» предлагает по весьма конкурентно-способным ценам станки, сельхозмашины и автомобильные детали с маркой «Сделано в Корее». Фирма располагает собственными выставочными салонами и службами гарантийного обслуживания в Нью-Йорке, Чикаго, Париже, Милане, Лондоне, Дублине и Каарсте под Дюссельдорфом.

Но ей случается вкладывать капиталы и строить предприятия. В ФРГ, к примеру, группа менее чем в пять лет создала подлинное маленькое королевство в станкостроении. Этот ошеломляющий успех не случаен. Германия занимает особое место в мунистской символике: как и Корея, она разделена на две части, и Сатана царствует за берлинской стеной, как и выше 38-й параллели. Как и Южная Корея, ФРГ решила отомстить истории, став великой экономической державой. Немецкое чудо служит образцом для корейского чуда. И наконец, два первых «верховных жре-

ца» Церкви Единения из неазиатов являются немцами — Райнер Винсенц и Пауль Вернер.

«Тон Иль» двумя ударами в 1983 и 1985 годах взяла под контроль два крупных немецких станкостроительных завода — «Вандерер» в Хааре под Мюнхеном и «Хайлигенштадт» в Гессене под Франкфуртом. Заводы работали по передовой технологии, но коммерчески были нерентабельны. Находясь в изоляции и не имея достаточных площадей, им было трудно выдержать международную конкуренцию. Мун по дешевке приобрел нехватавшее ему ноу-хау. И теперь имеет отличную технологию производства станков с цифровым и электронным управлением. Ею пользуются и заводы Кореи. Только покупка «Хайлигенштадта» (800 служащих; годовой оборот — 33 миллиона долларов) удвоила возможности производства «Тон Иль» в области станкостроения.

Прикрываясь новой немецкой фабричной маркой, «Тон Иль» вот уже несколько лет участвует во всех американских и европейских торговых ярмарках, где представляет сверхскоростные токарные и фрезерные станки, а также целую гамму устройств электронного управления.

Мун Сун Ке может быть доволен и другим: кроме «Тон Иль» он возглавляет два других предприятия Семьи, специализирующихся на выпуске производных титана — ключевого продукта металлургии и современной химии. Этот металл необходим для сплавов, используемых в самолетостроении и космической технике — значит, «Тон Иль» извлекает пользу и здесь, — а двуокись титана входит в состав красок, чернил и промышленных видов каучука.

Будучи президентом «Хенкук Титаниум Индустриэл» и ее младшей сестры «Дон Хва Титаниум» с 1972 года, «маленький кузен» является центральной фигурой транснациональной мунистской компании в Азии.

Чудодейственный корень

Только один человек имеет такой же вес. Это Ким Вон Пил, один из первых учеников «Отца», которому Церковь вначале доверила управление фирмой «Тон Иль», а потом президентство в «Иль Хва Фамесьютикэл».

другой «золотоносной» курице транснациональной компании и неоспоримому лидеру в области продажи женьшеня и его производных во всем мире.

В самых разных и наиболее экзотических видах «чудодейственный корень» в настоящее время продается почти во всех некомунистических странах. К примеру, в ФРГ экспортно-импортная фирма, обладающая исключительным правом на это, называется «Вернер и Винклер» (см. главу 6). Ее владелец Пауль Вернер, «Отец» немецкой Семьи, провел большую часть семидесятых годов в США, где Мун поручил ему выполнение таких стратегических миссий, как представительство Движения во Всемирной антикоммунистической лиге и создание процветающего рыболовного предприятия.

Надо сказать, что торговля женьшенем на немецкой земле идет отлично. Роскошные цветные каталоги, рассылаемые, в частности, в аптеки и косметологам, представляют широчайшую гамму чудодейственной продукции: экстракты корня, гранулы для любовного напитка (в подкрепление — фото очаровательной азиатки), шампуни, кремы и косметические препараты. Спрос постоянно растет.

Торговля женьшенем дала толчок стремительному развитию транснациональной компании перед тем, как эстафета перешла к оружию. В 1975 году «Иль Хва Корея» имела годовой оборот в 10 миллионов долларов, а «Тон Иль» держалась еще на 4 миллионах. Тогда фармацевтическая фирма была одним из основных источников финансирования корейской Церкви. Доказательство было предъявлено корейским налоговым управлением.

Эта информация стала сенсацией номер один в одной из крупнейших сеульских газет: в январе 1977 года правительство обвинило Ким Вон Пила в попытке сокрытия 12 миллионов долларов. Список ухищрений, использованных мунистами, свидетельствует об их деловых качествах: фальсификация действительных закупочных цен на корень женьшеня, сокрытие роста капитала, неуплата обложений имущества, приобретенного фирмой на имя своих служащих, и сумм, переданных Церкви Единения...

Ким Вон Пил передал Семье около 6 миллионов долларов, не обложенных налогом. По миллиону долларов в год с момента официального создания «Иль

Хва»... Но корейские законы не разрешают такого рода передачи от коммерческого предприятия ассоциации, освобожденной от налогообложения, если один и тот же человек заседает в дирекции обеих организаций. К тому же Ким Вон Пил — президент «Иль Хва» — по совместительству акционер, как и Мун Сун Ке, еще одного предприятия Семьи, которое производит поддельные китайские вазы на экспорт, президент совета директоров Ассоциации Святого Духа для единения всемирного христианства. Его титул — глава мунистских Церквей всего мира.

В тот момент, когда в Корее разгорается скандал, Ким Вон Пил только что назначили вместе с Пак Бо Хи и Хан Хак Я, супругой «Нового Мессии», директорами «Юнификейшн Чёрч Интернешнл», фонда для финансирования развития Движения в Соединенных Штатах.

Этот первый крупный налоговый процесс против одного из главных сановников Церкви дает нам возможность проникнуть в некоторые тайны функционирования экономики Семьи.

Единый и неделимый

Менеджеры также являются и «великими жрецами». Они управляют транснациональной компанией, вдохновляют Церковь и ведут дела ее политических и культурных сателлитов.

Большинство из них прошло суровую школу «Тон Иль», когда крохотная фабричка пневматических ружей не приносила и сотой доли тех доходов, что она получает сейчас. За редким исключением все они старожилы, ставшие членами Церкви до 1960 года. В зависимости от нужд, определяемых Муном и советом директоров Церкви Единения, они блистают своими талантами в Корее, Японии, США или Европе. Их влияние на экономическую машину мунистов осуществляется на разных уровнях:

— в совете директоров Церкви — здесь тон задает Ким Вон Пил, президент «Иль Хва»;

— в дирекции двух фондов, считающихся некоммерческими. Они осуществляют контроль и организуют перераспределение денег между идеологической структурой (Церковь и политико-культурные органи-

зации) и коммерческо-финансовой. Они также финансируют необходимые промышленные операции. Фонд в защиту Ассоциации Святого Духа за единение всемирного христианства действует в Азии и Европе. Он, к примеру, участвовал в приобретении немецких заводов. «Юнификейшн Чёрч Интернешнл» действует на Американском континенте. Позже мы увидим, как этот фонд организовал крупные операции мунистов в США: создал рыболовную индустрию, начал издавать газеты и т. д.

Эти настоящие подпольные банки подчиняются приказам таких лиц, как Ким Вон Пил, Пак Бо Хи или Дейвид Ким, миссионер, который в 1959 году в одиночку вышел на улицы Манхеттена...

Влияние «великих жрецов» ощущается также в руководстве крупных корейских предприятий и контролируемых ими филиалов. Мы уже много говорили о «Тон Иль», «Иль Хва», титановых заводах и даже об «Иль Син Стоун» (см. главу 6), о «лидерах», чья политика ориентирована на экспорт. Теперь пора представить более скромные дела, которые, однако, дают примерно треть годового оборота группы: «Иль Сон» в строительстве, «Хон Ян» в морском рыболовстве, «Иль Сан» в сельском хозяйстве, «Син Хва» в издательском деле, «Вон Иль» в черной металлургии...

Церковь держит по крайней мере 80 процентов акций этих предприятий. Их административные советы организуются вокруг верующих-старожилов: Ким Вон Пила и Мун Сун Ке; Ким Ян Хи, президента Церкви Единения в Корее; Ли Е Хана, первого ученика, посланного с миссией по Корее, когда Мун Сан Мен еще работал докером в порту Пусан в 1953 году; Ли Сан Хуна, автора книги «Коммунизм, критика и контрпредложение», и т. д.

Тридцать лет назад многие из них жили бедно, почти вне общества, составляя маленькую сектантскую общину, презираемую корейским истеблишментом. Великие мира сего даже не подозревали об их существовании. Сегодня они добились власти и богатства. Мун сделал их могущественными. Конечно, для многих из них вера остается главной пружиной их верности пророку. И все же единство организации покоится — бессмысленно это отрицать — на хорошо понятном интересе этих бизнесменов от бога.

Личная заинтересованность

Промышленная империя мунистов покоится на личной заинтересованности ее руководителей. Юридически Мун Сан Мен не контролирует свою транснациональную компанию. Он имеет часть капитала различных предприятий группы — особенно в Корее — так же, как и другие сановники Семьи, и заседает в дирекции фондов Церкви, как Ким Вон Пил или Пак Бо Хи.

Коллективное управление осуществляется советом директоров Церкви Единения по директивам «Учителя». Совет директоров Церкви воздействует на муниципальные предприятия через свои банки, фонды. В зависимости от обстоятельств и политико-религиозной конъюнктуры тех стран, где они действуют, фонды открыто вкладывают деньги в дела Семьи или, если того требует обстановка, работают скрытно.

В Корее в шестидесятых — семидесятых годах мунисты могли себе позволить действовать при свете дня. Поэтому Церковь имеет контрольный пакет акций «Тон Иль», «Иль Хва» и двух титановых заводов. Остальная часть акций распределена между верующими.

В США, где деятельность Семьи находится под неусыпным оком мощной либеральной прессы, «Юнификейшн Чёрч Интернешнл», главный фонд, не имеет прямого участия в создаваемых им фирмах. Он предоставляет своим ученикам, неизвестным в мире бизнеса, необходимые финансовые средства и умножает количество фирм-экранов, чтобы скрыть свое участие в них.

В Европе, и особенно в ФРГ, Церковь использует два приема, чтобы сбить с толку возможных следователей, ибо многие представители христианской демократии, близкие к деловым кругам, относятся к Семье с враждебной бдительностью.

Способ, с помощью которого Семья приобрела свой первый станкостроительный завод в ФРГ, достоин подробного описания. Центральным персонажем дела был Ким Кэ Хван. Мы уже упоминали о нем — он следит за соблюдением догматики в европейской Церкви и контролирует деятельность филиалов многонациональной компании в этой части мира (см. главу 6). По данным БКА — немецкой службы безопасно-

сти, он проживает в ФРГ с 1962 года. Изучал политическую экономию и защитил докторскую диссертацию в 1973 году.

Когда в 1980 «Тон Иль» остановила свой выбор на станкостроительном заводе группы «Вандерер», он разработал финансовую операцию, позволившую ему стать его хозяином, не возбуждая тревоги общественного мнения. На доходы Церкви и японских предприятий Ким Кэ Хван организовал 9 октября 1980 года в Цюрихе холдинг с капиталом в миллион швейцарских франков: «Интернейшнл Индастриэл Холдинг Корп. Лтд.» (ИИК). Он стал ее президентом, но в официальных документах нигде не значится, что за ним прячется Мун. ИИК в свою очередь берет контроль над холдингом в Амстердаме — «Юнайтед Трейд Индастриз», тут же открывшим свое представительство в Дюссельдорфе. Вы уже догадались, что директором «ЮТИ Холдингз» в ФРГ является все тот же Ким Кэ Хван!

«ЮТИ Холдингз», последнее звено в цепочке, приобретает завод «Вандерер» в октябре 1981 года за 8,7 миллиона марок. Немецкие промышленники ведут переговоры, ничего не подозревая, и узнают имя подлинного покупателя только несколько месяцев спустя...

На бумаге «Тон Иль», как юридическое лицо, не владеет ни заводом «Вандерер», ни уже упомянутыми холдингами. Все здание покоится на доверии Церкви горстке деловых людей, занимающих ключевые позиции и оперирующих суммами, собранными различными фондами.

Все эти лица, конечно, взаимозаменяемы во времени и пространстве: владелец контрольного пакета акций корейского предприятия может в один прекрасный день передать его «брату», менее известному налоговому управлению или широкой публике, и оказаться месяц спустя в США, где Церковь использует его имя для приобретения крупного пакета акций какого-нибудь американского банка. Семья предоставит ему деньги для проведения подобной операции через специально созданный для этой цели фонд.

С точки зрения международного права транснациональная компания Муна является полным нонсенсом. Добрый десяток менеджеров группы может в любой день присвоить миллионы долларов, а «Новый Мессия» и его Церковь не смогут воспрепятствовать этому

законным путем. Но они этого не делают. Значит, власть Муна над ними не имеет ничего общего с властью президента фирмы над своими подчиненными. У Муна одновременная власть отца, пророка и «крестного отца».

Соединяющиеся сосуды

«Чудесный» рост империи кроется во взаимофинансировании Церкви и ее транснациональной компании: Промышленные и коммерческие фирмы Движения могут постоянно рассчитывать на наличные деньги, намного превышающие общую сумму их доходов. С помощью фондов Церковь предоставляет в их распоряжение свою солидную прибыль. И прежде всего чистую прибыль: пожертвования, доходы от продажи газет, таких, как «Нувель эспуар», сбор денег на улицах... Но есть прибыль, связанная с существованием транснациональной компании. Она состоит из двух частей: деньги от продажи активистами предметов, приобретенных задешево у заводов Семьи (вазы, куклы, цветы, картины, плюшевые изделия и т. д.), и возврат части или всей зарплаты «братьями» и «сестрами», работающими на этих предприятиях.

В целом сумма весьма значительна: десятки миллионов долларов.

Вкладывание части этих сумм в промышленность и торговлю позволяет обеспечить тот самый бум, о котором мы знаем. Высочайшая производительность труда на предприятиях, использующих активистов, и их широкие возможности самофинансирования помогают ускорить процесс. Идеальная иллюстрация «чуда» — предприятия группы в Корее имеют за последние двадцать лет темпы роста, превышающие темпы роста в стране, являющейся мировым лидером в этой области.

Движение обеспечивает взаимодействие Церкви и ее транснациональной компании. Чем больше производится, тем больше используется рабочей силы, тем выше сумма зарплат, а значит, и дивидендов, выплачиваемых Церкви.

11. ШЕСТЕРЕНКИ МИРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ ИМПЕРИИ

Что за странный разносчик этот молодой человек, который с утра стучит в двери скромных жилищ одного из небогатых кварталов Токио. Тем, кто ему открывает, он предлагает набор самых разных предметов — мраморные вазы, модели китайских пагод, копии древних печатей, корни женьшеня. А кроме того, задает вопросы. Всегда одни и те же: «В семье все здоровы?» Потом с большим или меньшим тактом: «Есть ли у вас душевнобольные родственники? С тягой к самоубийству?.. Ваши родители и предки умерли молодыми?..» Стоит дать утвердительный ответ, как наш разносчик извлекает из мешка вазу или пагоду, которая сможет отогнать от дома злых духов, ответственных за проклятье, висящее над его клиентами.

Японцы очень суеверны. Культ предков присутствует во всех религиях страны, от буддизма до христианства, не считая многочисленных сект. Поэтому наш бродячий торговец вставляет иногда несколько слов о дальнем предке-самурае, который поклялся из могилы мучить семью. «Если вы не купите этот предмет,— тут же добавляет он,— этот дух будет преследовать ваших детей до самой смерти...»

Магические свойства безделушек продаются, естественно, очень дорого. Некие напуганные родители отдали за вазу тысячу долларов, а за пагоду — 200 тысяч, то есть в 160 тысяч и 250 тысяч * раз дороже, чем заплатил за них импортер. Но такие сделки бывают крайне редко!

Не все японцы попадают в западню. С 1976 по 1982 год ассоциация потребителей получила 2633 жалобы на подобного рода жульничество. Проведенное по горячим следам расследование показало, что продавцы используют одну и ту же технику и предлагают одни и те же товары. Однако тайна выплыла наружу только в июле 1984 года: продавцы являются членами Церкви Единения, и торговля этими современными амулетами является одним из основных источников финансирования Семьи в мире.

---

* Эти цифры приведены автором.— *Прим ред.*

Откровения ренегата

Очень серьезный журнал «Бунгэй сундзю» опубликовал в тот месяц длинную статью, посвященную финансам Церкви Единения в Японии. Бомба. Ее написали Йосикадзу Соэдзима и Хираоки Иноуэ, два бывших сановника Семьи. Несколько месяцев назад Соэдзима был еще главным редактором «Секаи ниппо», ультраконсервативной ежедневной газеты, которую в 1975 году начали выпускать мунисты для поддержки деятельности «Победы над коммунизмом». По его словам, он сложил с себя свои функции и вышел из Церкви, поскольку ему не разрешили превратить газету в крупный орган консерваторов, не зависимый от Церкви.

Его признание наделало немало шума — оно было опубликовано в США газетой «Вашингтон пост», — поскольку впервые с начала семидесятых годов руководитель такого ранга отверг своих «братьев»-мунистов. Верность и безмолвие помощников «Отца» почти не имеют аналога в крупных международных организациях. Откровения Соэдзимы позволяют очертить детали функционирования одной из лучших машин «для делания бабок», существующих в западном мире.

По словам ее глашатаев, Церковь Единения насчитывает в Японии 200 тысяч членов, четверть которых работает на Семью полностью. Ложь, заявляет Соэдзима, не более 8 тысяч... Не так важно! Армия японских мунистов достаточно велика, чтобы тысячи из них занимались торговлей вразнос.

Система удивительно проста. Импортно-экспортная фирма «Хэппи Уорлд Инк.», принадлежащая Семье, получает из Кореи по крайне низким ценам различные предметы и корни женьшеня от «Тон Иль», «Иль Син Стоун» и «Иль Хва». Компания располагается в Сибуйя Ку, деловом квартале Токио, а ее оптовики рассеяны по всей стране, поделенной Церковью на десять зон. Каждый оптовик зоны обслуживает концессионеров, которые в свою очередь раздают товар бродячим торговцам.

Умножение посредников — они тоже мунисты, но юридически независимы от «Хэппи Уорлд Инк.» — позволяет скрывать реальные доходы импортера. Оптовики, концессионеры и торговцы, с точки зрения налогового управления, представляют независимые пред-

приятия. Никто не должен знать, что доходы, полученные каждым звеном цепочки, собираются и передаются Церкви. И таким образом не облагаются налогом.

Возьмем, к примеру, печатку из слоновой кости. «Хэппи Уорлд Инк.» платит за нее 10 тысяч иен (около 40 долларов в 1983 году). Бродячий торговец покупает ее у концессионера за 30 тысяч иен, то есть втридорога. С такого рода дохода налоги не платятся, поскольку он не фигурирует в качестве облагаемого, ибо делится между тремя продавцами, которые якобы не знают друг друга.

Налоги уменьшаются и потому, что крупнейшие посредники — десять оптовиков и их концессионеры — сознательно ограничивают свои доходы. Основная доля дохода реализуется в конце цепочки бродячими торговцами, которые закупают у концессионера печатку практически за цену, заплаченную последним, но с требованием продать ее не меньше чем за 100 тысяч иен, иными словами, вдесятеро дороже, чем оплачено импортером.

Таким образом, последний продавец благодаря специальной технике подхода обеспечивает 70 процентов дохода. Он вычитает из полученной суммы несколько иен на расходы — не забывайте, что это активист, работающий ради дела и ведущий чаще всего аскетическую жизнь в коммуне — и передает почти всю выручку местному казначею Семьи.

Нередко случается, что торговец продает вещь дороже, чем требовал концессионер. Некоторые рекордные суммы вызывают головокружение: миллион 200 тысяч иен за печатку с оговоренной ценой в 100 тысяч иен. 5 тысяч долларов вместо 410 за обычный кусок слоновой кости! И мы уже видели, вазы и пагоды — их символика выше — позволяют и не такие «кульбиты». Создзима категоричен: в 1982—1983 годах средний торговец приносил в месяц 4 тысячи долларов.

Секрет успеха? Интенсивное обучение технике торговли, приспособленной к образу мышления и культуре японцев. Тысячи торговцев проходят учебу в помещениях Церкви, где оборудованы аудиовизуальные классы. Преподаватели особенно подчеркивают религиозную сторону этой борьбы за деньги, предназначенные для финансирования «реставрации царства божьего» в Соединенных Штатах.

Учебник, с которым не расстаются эти новые коммивояжеры от бога, носит весьма благочестивое название: «Разговорник Святого Иоанна». В нем указано, как нащупать слабую точку у клиента, опрашивая его о физическом и душевном здоровье семьи, и особенно каким образом убедить его в сверхъестественных качествах продаваемых предметов.

Через руки бродячих торговцев-мунистов проходят целые состояния. Здесь единственное слабое звено механизма, так как они официально занесены в регистр бродячих продавцов и должны платить подоходный налог. Через бродячих торговцев налоговое управление может оценить количество проданного товара и обложить их налогом, экстраполируя цены концессионера и розничного торговца.

Но в любом случае налог будет меньше истинного, ибо казначейству неизвестны подлинные доходы.

Церковь, однако, отказывается платить. Ее этика не обременена гражданской моралью. Ее мир не имеет ничего общего с миром смертных. И она опять идет на подлог: деятельностью 3 тысяч торговцев управляет компьютер. Машина в каждый момент времени оценивает опасность перехода того порога доходов, который подставит их под меч налоговщика. Торговцев незамедлительно предупреждают и приказывают сменить место жительства. Они попадают в новую комму, а налоговое управление теряет их след.

800 миллионов долларов для Америки

С того момента, когда в июле 1975 года Мун отдал приказ, японская Церковь постепенно превратилась в основного поставщика денег для американской Семьи. Иногда ей даже приходится прекращать прочие виды деятельности, в частности политические, и посылать своих верующих на сбор денег. Так было в течение двух с половиной месяцев с ноября 1983 года по январь 1984, чтобы покрыть дефицит, вызванный выпуском в свет «Вашингтон таймс», роскошной мунистской ежедневной газеты, ежемесячно пожирающей 2 миллиона долларов.

Организация, бывшая вначале политической и ориентированная на развитие «Победы над коммунизмом» под руководством Осами Кубоки, президента

Церкви и лидера японской секции Всемирной антикоммунистической лиги, с 1980 года становится все более и более «коммерческой». Знак времени — президент «Хэппи Уорлд Инк.» Мотоо Йосида назначается вице-президентом Церкви, а созданная им финансовая секция мало-помалу становится главной из всех филиалов Семьи.

Йосида постоянно разъезжает между Японией и нью-йоркским штабом Церкви. Его основным «американским» собеседником является еще один японец, Такеру Камияма, финансист Муна, который вместе с «Отцом» отправится в тюрьму в 1984 году по приговору американского суда за налоговое мошенничество. Они совместно разрабатывают стратегию «Хэппи Уорлд Инк.» в зависимости от плана американского сражения.

Создзима утверждает, что с 1975 по 1984 год они перевели в США 800 миллионов долларов. Начиная с 1981 года — по 100 миллионов в год. Огромная сумма, эквивалентная годовому доходу первого японского металлургического предприятия «Ниппон Стил», где работает 70 тысяч человек.

Несмотря на такое кровопускание, японская Церковь продолжает жить: кормит и перевозит тысячи своих членов, издает десятки мелких религиозных и политических газет, а также большую ежедневную газету, организует студентов-антикоммунистов в студгородках с помощью своего университетского движения, финансирует некоторые выборные кампании японских правых. Она даже позволила себе провести два дорогостоящих международных мероприятия в Токио: в 1982 году XVI конференцию Всемирной антикоммунистической лиги и в 1984 году VII Всемирную конференцию средств массовой информации, крупный ежегодный праздник печати, на который Мун пригласил сливки международной прессы и антисоветской интеллигенции. Для сравнения скажем, подобный сбор в 1970 году в японской столице обошелся, по свидетельству самого Муна, в пустячок — в миллион долларов...

Очевидно, что годовой доход японской Церкви намного выше сотни миллионов долларов, переводимых в США. Если чудодейственная торговля магическими предметами является наиболее рентабельной, то и из обычной коммерции она извлекает немалые

доходы. «Хэппи Уорлд Инк.» продает наряду с «Саэило», коммерческой сетью «Тон Иль», промышленные товары с маркой «сделано в Корее», а именно станки, титан и т. д.

Церковь также продает на японском рынке и экспортирует продукцию местных мунистских заводов. Было бы удивительно, если бы Муна не соблазнил промышленный расцвет Японии... И он не упустил своего. Семья имеет консервную фабрику на Хоккайдо и содержит там весьма активно действующую рыболовную флотилию. В районе Токио Семья производит прохладительные напитки.

И наконец, в ноябре 1981 года Семья обзавелась собственным заводом по производству электронных компонентов и компьютеров, расположенным в районе Синдзюку в Токио. Мунистская марка — «Вакому» — пока еще не пользуется широкой известностью, но проникновение на волшебный рынок электроники и информатики может быстро удвоить и даже утроить ресурсы японской Церкви. Внутренние возможности транснациональной компании широко используются: «Тон Иль» в Корее и Германии применяет эту новейшую технологию в машиностроении и авиации.

Церковь впервые представила свой завод по производству компьютеров в апреле 1985 года группе симпатизирующих Движению американских пасторов, собравшихся на организованном в Токио семинаре на тему «единение». Внутренние издания французской Семьи с гордостью рассказывают об удивлении служителей культа «при знакомстве с размахом и разнообразием деятельности Движения».

Откровения Создими не дают полного представления о деятельности «Хэппи Уорлд Инк.». В них, в частности, не говорится о коммерческих неудачах в Японии и о взлете некоторых мунистских предприятий в США.

С начала восьмидесятых годов «Хэппи Уорлд Инк.» предлагает японской публике товары, сделанные в США, весьма ценимые местной клиентурой: например, часы и драгоценности Кристиана Бернара с маркой «Франция» даже в том случае, если они изготовлены в Нью-Йорке. А также множество рыбы и ракообразных, имеющихся на американском побережье в избытке, но баснословно дорогих на рынках Токио.

Создима не произнес ни слова об этой процветающей торговле, налаженной Церковью на всем архи-

пелаге. Однако уже в октябре 1980 года Мун Сан Мен объявил своим нью-йоркским последователям, что доверил организацию рыбной торговли в Японии своему «министру финансов» Такеру Камияма. Это говорит о том, какое значение он ей придает. По словам «Отца», к концу года он уже управлял «пятью различными торговыми сетями, которые продолжают быстро развиваться».

Откуда вдруг эта неожиданная любовь к дарам моря? Пророк не скрывает, что ждет от нее доходов, превышающих те, что он имеет сегодня.

Мунистская мафия

«Я — муни и люблю быть им». Несколько лет назад ни один бы «брат» не решился одеть столь вызывающую майку в порту Глостер. Сегодня мунистские рыбаки могут без всякого риска позволить себе подобное кокетство. Распутывая удочки на корме тунцеловов или маневрируя у причала, они слились с окружающим ландшафтом.

Лежащий в 65 километрах от Бостона (Массачусетс), Глостер стал одним из центров промышленного рыболовства мунистов в США. Не обошлось, правда, без трудностей. В 1978 году местный мэр чересчур поспешно заявил: «Я не религиозный фанатик, но мне они здесь не нужны...» У него были свои причины — росло недовольство местных профессиональных рыбаков, раздраженных появлением весьма динамичных конкурентов. Представьте себе: два десятка новеньких рыболовных судов и экипажи молодых людей, готовых работать днем и ночью, в том числе и по праздникам...

Мун Сан Мен, лично наблюдавший за развитием эксперимента, знал это, но не собирался менять расписание работы «детей» — в большинстве своем американцев и японцев — на «флотилии бога». Осенью 1977 года он разъяснял своим ученикам: «Некоторые из старых профессиональных рыбаков стали выходить в море с раннего утра, чтобы оказать мне конкуренцию, но как бы рано они ни вышли, мы уже были на месте... Когда рыбаки пытались соперничать со мной, им приходилось так вкалывать, что у них не остава-

лось времени на пьянство и привычную лень... В конце лета в приходящем в упадок городке пошли слухи, что только я могу спасти Глостер...»

Почему бы ради спасения города не купить его? В середине 1980 года «Новый Мессия» уже вложил полтора миллиона долларов в землю, приобретя примерно пятнадцать гектаров, и в недвижимость.

Затем он подвел итог операции: «Когда наши суда займут лучшие рыболовные зоны, всем остальным судам придется отправиться в иные места, а мы выловим разрешенное количество рыбы. Люди возмутятся: «Муни, убирайтесь прочь, мунисты, вон с наших рыболовных зон!», но я посажу на суда крепких небритых парней. В этом году мне показалось, что мунисты выглядели слишком изнеженными. Поэтому остальные нас не боятся и им ничего не стоит обрезать литье... Люди знают, что я прибираю к рукам весь район там, где решил обосноваться. Мы являемся мунистской мафией!»

Пятью годами позже, в 1985 году, божья мафия — быть может, по примеру своего итальянского двойника — стала основным ловцом рыбы в районе. И на восточном, и на западном побережьях она содержит крупные флотилии, базирующиеся в основном в бухте Сан-Франциско в Калифорнии, в Сиеттле в штате Вашингтон, в Глостере в Массачусетсе и в Норфолке в Вирджинии.

Они находятся под управлением двух арматорских компаний*: «Голден Гейт Сифуд Инк.» на западе в Сан Леандро и «Интернешнл Сифудс» на востоке в Глостере.

Выбор этого последнего порта, спрятавшегося под укрытием мыса Энн к северу от Бостона, в который раз демонстрирует коммерческий гений пророка: омары и тунец с красным мясом буквально кишат в водах американского северо-востока. Эти два вида приносят при экспорте настоящие состояния! Крупный тунец с синими плавниками — некоторые особи могут достигать 450 килограммов — мало ценится американцами, а японцам, которые любят его твердое сочное мясо, оно продается в двадцать раз дороже.

Мунисты открыли два завода — один в самом Глостере, другой в Портленде — вблизи мест рыболов-

---

* Фирма, занимающаяся эксплуатацией судов.— *Прим. ред.*

ства и переработки рыбы перед ее отсылкой на Дальний Восток самолетом-холодильником. Фирма «Юниорлд», которая занимается продажей рыбы, имеет своих торговцев во Флориде, в Бостоне и в Нью-Йорке; конечно, лучшие омары подаются в глостерском муниципальном ресторане «Лобстер Пул», но основной доход фирма получает в Японии.

Мун Сан Мен разъяснил 16 апреля 1980 года руководителям «Передвижной бригады по сбору денег», которых он принимал в бывшем отеле «Нью-Йоркер», штабе американской Церкви: «Рыба составляет 40 процентов импортно-экспортной деятельности в Японии... Надо устранить посредников и установить монополию... У нас будут свои суда, свои рефрижераторы, свои водители...»

По заметкам, которые делает в тот день юный француз-мунист, можно судить, насколько прост и амбициозен план «Отца»: продавцов назначит японская Церковь. Каждый «брат» будет отвечать за продажу рыбы в двенадцати кварталах. У него будет небольшой грузовик-рефрижератор, деньги на покупку которого будут собраны коммуной, в которой он живет.

«Отпадает нужда в коммерческих центрах,— говорит Мун,— грузовики будут ездить по домам». В Японии живет 120 миллионов жителей, добавляет «Отец». Хватит 6 тысяч грузовиков. С начала будущего года надо закупить 6 тысяч грузовиков. Сегодня в Японии есть двадцать три фирмы по продаже рыбы. Их постоянной мечтой было распространить свою сеть на Америку, но они так никогда и не осуществили ее...»

Изложенный столь примитивным языком проект выглядит несбыточным. Но это не так. Не следует судить о целях Муна по напыщенному и расплывчатому стилю их изложения. При переводе на политический или коммерческий язык они становятся весьма действенными. К тому же у японской Церкви большой опыт торговли на дому. Система отработана «Хэппи Уорлд Инк.» и доказала свою эффективность. Достаточно, чтобы японская фирма предоставила своих оптовиков и розничных торговцев в распоряжение торговцев рыбой. И на конце цепочки Церкви останется лишь посадить за руль грузовиков несколько тысяч «продавцов-активистов...».

Мун дает понять аудитории, что торговля в Японии может начаться очень скоро: «В июне (1980 года) на Аляске будет введен в строй наш завод по переработке рыбы. Пока мы покупаем рыбу, но вскоре будем ловить ее сами и сможем загружать ею двадцать грузовиков-холодильников в день...»

Да, Церковь имеет холодильный завод на великом американском севере, в Кодьяке, на Аляске. Его расположение имеет двойное преимущество: море здесь кишит рыбой, а до Японии рукой подать.

«Церковь океана»

Доведя идею до логического завершения, Церковь создала себе и средства для строительства судов. Фирма «Мастер Марин», специализирующаяся на выпуске пластмассовых корпусов, разместилась в Лонг-Айленд Сити, напротив Манхаттана через Ист-Ривер. Она уже выпустила более сотни скоростных тунцеловов — девять метров длины, глубокий киль, навесной двигатель мощностью 225 л. с. Другие заводы, в Мосс Пойнте на берегу Миссисипи и в Норфолке в Виргинии, переоборудуются с 1980 года на производство траулеров до сорока метров длиной, предназначенных для морского рыболовства в районе Аляски. И наконец, «Ю. С. Марин Корп.» приобрела верфь в Бэйю Лабатр (Алабама), способную спускать на воду суда-заводы для переработки рыбы.

Информация, которую следует сопоставить со словами, сказанными мне в конце 1984 года одним из главных деловых людей Движения в Латинской Америке: мунистский флот примерно из семидесяти судов постоянно занят рыболовством у берегов Гайаны и Бразилии.

Эти исключительные усилия в одном из наиболее трудных секторов деятельности уже обошлись Семье в 15 миллионов долларов. И как всякая инициатива «Отца», эту деятельность подкрепляют теологические соображения. «Сатана всегда царил на тверди земной,— заявляет пророк своим ученикам.— Твердь составляет треть земли, а наши усилия сосредоточены на том, что не загрязнено, ибо море занимает две трети нашего мира». Так параллельно с расширением рыболовной индустрии американская Церковь растила внутри себя общинное движение под названием

«Церковь океана», куда входят те, кто живет за счет моря или работает на нем. Уходя периодически на судах той или иной мунистской компании, ученики молятся и углубляют знание «Божественных принципов» в открытом море, тут же обучаясь профессии морского рыбака. Почему бы на самом деле не объединить материальное с духовным?

Сам Мун Сан Мен дает пример: на борту своей пятнадцатиметровой яхты «Нью Хоуп» («Новая надежда») ему случается молиться в кругу семьи у берегов курортов Лонг Айленда и Массачусетса между двумя сеансами рыбной ловли.

Программа «Церкви океана» имеет к тому же немалое налоговое преимущество: суда, предназначенные для религиозной деятельности, хотя и использовались для обучения рыбаков, до 1984 года не облагались никакими налогами в большинстве американских штатов.

Мун Сан Мен ждет многого от своего нового морского увлечения. Благодаря ему он уже укрепил свой облик благодетеля внутри Семьи. В письмах, которые молодые мунисты со всего мира посылают своим родителям, со страстью описываются колоссальные усилия «Отца» для создания отрасли промышленности, предназначенной для «прокорма всего мира».

Первый результат уже поддается оценке. Но «Новый Мессия» мечтает о более ощутимых доходах. Заканчивая свою речь 1980 года, которую мы уже многократно цитировали, он прозаически восклицает, упоминая о своих морских амбициях: «Сколько доходов принесет эта рыболовная операция?» Ответ по мерке персонажа без комплексов: «Грубо говоря, достаточно денег, чтобы купить весь мир...»

Мун, конечно, привирает, но цифры остаются впечатляющими.

Возьмем, к примеру, потенциальный годовой оборот его кодьякского завода на Аляске. Сам пророк заявил, что он может выпускать продукции на двадцать грузовиков-рефрижераторов в день, то есть около 200 тонн. Допуская, что завод работает пять дней в неделю и сорок пять недель в год, он может заморозить за год 45 тысяч тонн. Церковь продает эту рыбу в Японии на розничном рынке, минуя традиционных посредников. В 1983 году килограмм тунца стоил там 140 франков. 45 тысяч тонн тунца стоят, таким образом,

на токийском рынке 6 300 000 000 франков, иными словами, примерно 700 миллионов долларов!

Представьте себе доход от этой суммы, не забывая, что торговля — при наличии верующих и оборудования, купленного на собранные коммуной деньги, — практически ничего не стоит Церкви. Речь, конечно, идет здесь о проекции, о гипотезе. Но стоит вспомнить о гигантских доходах от продажи ремесленных изделий, чтобы задуматься всерьез. «Хэппи Уорлд Инк.» признает, что уже сегодня мороженая рыба занимает первое место среди импортируемых ею товаров.

12. ОДНА ИЗ ПЯТИДЕСЯТИ КРУПНЕЙШИХ ЧАСТНЫХ ДЕРЖАВ МИРА

Список мунистских предприятий в США очень длинен, и было бы лишним входить в детали дел каждого — бывший американский мунист, перешедший в антисектантское движение, насчитал в 1985 году сто десять предприятий, холдингов и магазинов розничной торговли в восемнадцати штатах. Отметим только основные секторы деятельности, куда Мун вложил капиталы: он владеет множеством небольших аптек-бакалей, открытых двадцать четыре часа в сутки, во главе которых чаще всего стоят выходцы из Азии. В Калифорнии, Детройте и Чикаго его последователи держат множество лавочек, специализирующихся на торговле цветами, целебными средствами (в том числе и женьшенем) и подарками. Такова в общих деталях его розничная торговля.

«Тон Иль», «Саэило» и «Иль Хва» занимаются производством и сбытом продукции крупных корейских и японских заводов.

И наконец, Семья тратит огромные суммы на поддержку ультраконсервативной прессы, что свидетельствует о влиянии и могуществе «Отца» (см. главу 18).

Крупное агентство путешествий в Калифорнии, фирма по производству аудиовизуальной продукции «Теле Колор Студио» в Александрии под Вашингтоном, строительная фирма «Монументэл Констракшн энд Моулдинг» в столице США и пищевая фирма «Ю. С. Фудс Корп.» дополняют общую картину.

Все эти предприятия от рыболовных до торгующих в розницу безделушками в тот или иной момент их жизни имели дело с таинственной «Юнификейшн Чёрч Интернешнл».

Таинственная «Юнификейшн Чёрч Интернешнл»

Основанная официально в феврале 1977 года, она начала свою деятельность с декабря 1975 года, когда был открыт ее первый банковский счет. Статус общества без целей прибыли теоретически позволяет ей по американскому законодательству не платить налога на доходы. В уставе указано, что ЮЧИ «действует исключительно в религиозных, благотворительных, литературных и научных целях...» и основной задачей ее является «помогать, советовать, координировать и направлять деятельность Церквей Единения... во всем мире».

Благочестивые пожелания! С декабря 1975 года до конца 1978 на ее основной банковский счет поступает от семи до десяти миллионов долларов для финансирования первоочередных промышленных и коммерческих дел американской Семьи: «Ньюс Уорлд Коммюникейшн» (группа прессы), «Интернешнл Оушеник Энтерпрайз», фирма, чьими дочерними предприятиями являются «Интернешнл Сифуд» Глостера, «Ю. С. Марин Корпорейшн», «Ю. С. Фудс», «Иль Хва Америкен Корпорейшн» и «Уан Ап Корпорейшн», второй холдинг группы.

Деньги, естественно, поступают из Японии и Кореи.

Маршрут этих капиталов не всегда ясен. Обычно такие операции совершаются международными банковскими переводами. Зачастую это долгие и бюрократические процедуры, связанные с проверкой действующего обменного курса в Японии и Корее. В семидесятых годах иены и воны обмениваются на доллары в очень малых количествах.

Значит, Мун Сан Мену надо доставлять эти капиталы наличными. Возможностей обойти законодательство немало. Чаще всего он пользуется услугами мунистских групп, которые курсируют между Дальним Востоком и США. Каждый иностранец, въезжающий на американскую территорию, имеет право ввезти

5 тысяч долларов или их эквивалент в конвертируемой валюте. (В 1985 году эта сумма выросла до 10 тысяч долларов.) Пользуясь частыми путешествиями труппы «Маленьких ангелов» или миссионеров «Глобал Тим», он может поддерживать постоянный приток наличных денег из Азии в Америку.

Последний известный такой случай имел место в июле 1982 года. Уже известный нам Создзима рассказывает, что по случаю прибытия в Нью-Йорк 2 тысяч пар для коллективного бракосочетания в Мэдисонсквер-гарден 400 японцев привезли каждый по 2 тысячи долларов. Всего было доставлено 800 тысяч долларов, предназначенных, похоже, для ежедневной газеты «Вашингтон таймс».

Будут разработаны и иные приемы, чтобы обойти контроль над обменом корейской валюты: ссуды, предоставленные Корейскому фонду культуры и свободы (КФКС) в Сеуле, выплачивает в Вашингтоне местное бюро фонда. И простым росчерком пера миллионы долларов поступают в кассу «Юнификейшн Чёрч Интернешнл». Такое движение капитала оставляет следы. Разбирая счета ЮЧИ в 1977 году, американское казначейство быстро обнаружило, что религиозное общество является на самом деле весьма активным холдингом, и лишило его права не платить налоги. Но с момента начала деятельности прошло два года, и большинство мунистских фирм уже воспользовались его щедротами.

ЮЧИ тем временем делает попытку приобрести банк «Дипломат Нешнл Банк» (ДНБ) в Вашингтоне, основанный в 1975 году молодым американским бизнесменом корейского происхождения, чтобы помочь развитию обменов между Америкой и Азией. С момента своего приезда в Соединенные Штаты Мун часто повторяет своему окружению, что ему хочется как можно скорее получить контроль над финансовым учреждением, которое позволит тайно ввозить и вывозить валюту, необходимую для нужд чрезвычайно разросшейся империи.

Случай представляется, когда Чарлз Ким, президент ДНБ, в поисках вкладчиков знакомится с Пак Бо Хи. У них есть общий друг и сотрудник Ли Чжун, которого мы уже неоднократно встречали в компании правой руки Муна (см. главу 9). Ответ Церкви Единения не заставил себя ждать: «Новый Мессия» готов

стать акционером, вложив солидную сумму в капитал ДНБ.

Но технически операция трудна. Федеральный закон и банковский регламент совместно ограничивают возможности покупки акций: ни одна организация или холдинг не может иметь более 25 процентов акций в одном американском банке, а статус ДНБ запрещает его акционерам держать более 5 процентов акций.

Странные акционеры

Средство обойти затруднение найдено быстро: Церковь поручает некоторому количеству своих верующих приобрести свою квоту акций. Среди них несколько высокопоставленных лиц Движения, которым трудно отрицать свою причастность к нему: сам Мун, Пак Бо Хи, Нил Салонец, президент «Фридом Лидершип Фоундейшн», являющийся американской секцией «Победы над коммунизмом», Такеру Камияма, «великий казначей» японской Церкви.

Но основные мунистские покупатели — всего их восемнадцать — никому не известны и ничьего внимания привлечь не должны. Так по крайней мере считает «Отец». Акционерами ДНБ становятся мажордом полковника Пак Бо Хи и его секретарша в КФКС. По выражению, использованному во внутренних циркулярах Движения, банк попал «под контроль» Семьи — она держит более 50 процентов акций.

Деньги, врученные «братьям» и «сестрам» — от 18 тысяч до 100 тысяч долларов в зависимости от портфеля акций — вновь поступили от фонда, принадлежащего Движению, а именно от «Юнификейшн Чёрч Пеншн Фанд Интернешнл». Такова официальная версия Церкви.

Вначале речь шла — я не придумываю — о кассе взаимопомощи для ветеранов Семьи, которой из Токио управляет один из руководителей японской Церкви. Касса должна была одолжить деньги некоторому количеству лиц, имеющих на то право и заинтересованных в покупке ценных бумаг.

История трогательна, но ей не хватает убедительности. Большинству из тех, кто получил заем, еще не исполнилось и сорока лет, а кроме того, никто и никогда не слышал о кассе для ветеранов. Фонд не имеет

статуса, а значит, и права на законное существование. Отягчающее обстоятельство — разработчик операции полковник Пак Бо Хи получил деньги наличными в несколько приемов с августа по октябрь 1975 года.

А теперь вспомните: Создзима и Иноуэ, диссиденты японской Церкви, утверждают, что в июле 1975 года они получили срочное требование Муна переводить доходы Церкви в Соединенные Штаты. Точнее, в тот месяц, когда «Новый Мессия» впервые встретился с организаторами ДНБ. Реакция японских «братьев» была незамедлительной. По вышеуказанным маршрутам около миллиона долларов поступило в черную кассу американской Церкви, а затем было роздано будущим акционерам.

Осенью 1975 года Мун Сан Мен получил наконец свой собственный банк. Он спешит открыть в нем первый официальный счет ЮЧИ. Мунистский холдинг быстро становится основным вкладчиком банка и может совершенно спокойно начать перевод японских капиталов для организации новых «дел» «Отца».

К несчастью, сие строение не выдерживает нападок либеральной прессы, которая через несколько месяцев раскрывает его тайные пружины. Налоговое управление, комиссия палаты представителей и контролеры банковских операций постоянно суют свой нос в дела пророка. «Отцу» приходится бить отбой. Пытаясь замять скандал, половина мунистских акционеров ДНБ продает в 1976 и 1977 годах свои акции, и Церковь теряет главенствующее положение в административном совете. ЮЧИ продолжает пользоваться его услугами до 1979 года, затем замораживает свой счет.

Понемногу Церковь и два ее холдинга — ЮЧИ и ее филиал «Уан Ап Инк.» находят новых банковских партнеров. Сегодня у Семьи множество счетов в «Кэмикл» в Нью-Йорке, в «Риггсе» и «Эмерикен Секьюрити Банк» в Вашингтоне или «Уэллс Фарго» в Сан-Франциско.

Однако «Дипломат Нешнл Банк» послужил делу мунистов: два года — решающих для начала работы основных предприятий — он прикрывал лихорадочную деятельность ЮЧИ, первого «религиозного холдинга без цели прибыли» в современной коммерческой истории США...

Сколько стоит Мун?

Сколько долларов стоит Мун?

Вряд ли такую оценку стоит считать разумной. Его состояние не может быть оценено по классическим меркам. Как, например, оценить промышленный и финансовый капитал группы, чьи инвестиционные возможности зависят не от ее собственных доходов, а от громадного количества наличных денег у Церкви? Как сосчитать эти доходы? Основываясь на итогах деятельности фирм, составляющих транснациональную мунистскую компанию, либо прибавляя к объявленным доходам необъявленные «довески», поступающие непосредственно в кассу Церкви: возврат зарплаты и дивидендов, деньги за продажу товаров по типу «Хэппи Уорлд»?..

Как измерить невероятное количество недвижимости, приобретенной Церковью на самых разных широтах с начала ее деятельности? Нужно ли сюда включать то, что приобретено на подставных лиц? Подсчет будет длиться очень долго, поскольку Церковь систематически прибегает к этому средству, как только за ней начинают следить.

На какой основе исчислять стоимость земли или зданий? Официально объявленная Церковью стоимость владений часто ниже истинной. Так, все журналисты, бизнесмены и политики, которым дана привилегия проникнуть за ограду «Бельведера» или «Ист Гардена», грандиозных нью-йоркских резиденций Муна и его окружения, знают, что они стоят много больше, чем официально указанные 700 тысяч долларов. Смешная сумма за шесть гектаров (из них застроены 500 квадратных метров), большую виллу и центральное здание, больше похожее на замок, чем на сельский дом... Все это высится над рекой Гудзон среди великолепия одного из самых фешенебельных кварталов большого Нью-Йорка.

Другой пример: с конца пятидесятых годов корейская Семья начинает приобретать землю, зачастую буквально за бесценок. Ее новые зажиточные последователи дарят целые поместья. Сегодня у Семьи тысячи гектаров, имеется даже остров. Как оценить все это богатство? Многие земли в Су Так Ри, в Инчоне, в Чан-Пене, лежащие по соседству с крупными промышленными зонами или растущими городами, резко подскочили в цене...

Поэтому к подобным подсчетам надо приступать с осторожностью и оценивать не состояние Муна, а общие доходы Церкви, в том числе и транснациональной компании.

Один из крупных мунистских руководителей уже рискнул назвать некоторые цифры. В 1984 году Моуз Дёрст, деятельный президент американской Церкви, женатый на кореянке, вдруг заявил представителю «Юнайтед Пресс Интернешнл», что различные владения Церкви в мире приносят годовой доход в 500 миллионов долларов. Цифра впечатляет. Она примерно соответствует доходам за 1983 год таких «китов», как ИТТ, «Филипс Петролеум», «Хитачи» или «Юнилевер». Все они входят в число пятидесяти крупнейших предприятий мира.

На первый взгляд цифра кажется преувеличенной. Транснациональная компания Мун не выглядит группой, имеющей годовой оборот более полутора миллиардов долларов, половина которого приходится на рыболовство. Все цифры по отдельным предприятиям доказывают это. У корейской промышленной группы — вместе с двумя немецкими заводами по производству титана «Тон Иль» — годовой оборот не превышает 350 миллионов. Даже если считать, что производительность и рентабельность этой компании выше, чем в среднем у мировых групп такого размера, полтора миллиарда годового оборота не могут дать более 150 миллионов долларов дохода. Надо оправдать еще 350 миллионов, чтобы подойти к оценке Моуза Дёрста...

Если «Отец» американской Семьи прав, то именно «не доходная» надстройка Движения, то есть мировая Церковь, дает «Новому Мессии» основной доход в наличных деньгах.

При внимательном рассмотрении вопроса «чудо» оказывается возможным.

Продажа товаров, поставляемых «Хэппи Уорлд Инк.» в Японию, приносит 100 миллионов долларов в год (если верить Создзиме). 3 тысячи продавцов передают непосредственно Церкви почти весь их гигантский доход. Но у японской Церкви есть и другие источники прямых доходов: сборы денег и зарплата ее членов. Сбор денег практикуется Церковью в Корее, в Соединенных Штатах, в Европе, в Латинской Америке и в Африке.

Только в США, по словам того же Моуза Дёрста, деятельность, подразумеваемая под этим термином (продажа цветов, религиозных предметов, сбор денег на улицах, поиски финансовых вкладов и пожертвований и т. п.), может давать от 20 до 30 миллионов долларов в год. При экстраполяции на мировой масштаб — от 80 до 100 миллионов...

Что касается статьи «возврат зарплат», мы оценили ее в первой части книги примерно в 50 миллионов долларов.

После всех подсчетов мы приближаемся к цифре, указанной Моузом Дёрстом. Напомним, однако, еще раз, что речь идет лишь о проекции на основе частичных данных.

Однако имеются очевидные факты: в 1984 году Церковь вложила 100 миллионов долларов в политическую и идеологическую деятельность только в США. 50 миллионов в «Вашингтон таймс» и 50 миллионов в КАУЗА! Можно ли предположить, что империя, способная на такой финансовый вклад на одном континенте, не располагает по крайней мере впятеро большими ресурсами, чтобы действовать по всему миру и обеспечивать свой собственный рост?

Моуз Дёрст не блефует: империя Муна действительно входит в число пятидесяти крупнейших частных держав планеты.

**13. МАЛЕНЬКИЕ
ФРАНЦУЗЫ
ДЛЯ НИКСОНА**

Тибо садится в самолет 9 декабря 1973 года, чтобы отправиться в США. У него праздничное настроение. Прошло только два месяца, как он вступил в АЕВХ, а «Отец» уже призывает его...

И не одного его. В тот год в Нью-Йорк улетело множество юных французов-мунистов: Мартина, Лионель, а до них и другие. Катрин, двадцатидвухлетняя медсестра из Ренна, отправилась в середине сентября: «Мы прибыли в Люксембург автобусом. Нас, уроженцев разных французских городов, было двадцать человек. Здесь нас посадили на самолет, летящий в Нью-Йорк... Я оставалась в Америке пятнадцать месяцев. Моя роль состояла в том, чтобы приглашать людей с улицы на лекции преподобного отца Муна и заниматься евангелической деятельностью...»

В США французы встретились с несколькими сотнями иностранных «братьев» — в большинстве японцев и западных немцев, — разбитых на две бригады «Интернешнл Мобил Тим», которым было поручено подготовить турне «Нового Мессии» по крупным американским городам.

Без документов

Пророк счел необходимым нанести удар именно в 1973 году. По его мнению, американская Семья росла недостаточно быстро, а для осуществления мечты у него не было другого выбора, как взять курс на ее быстрое развитие.

Корея признала его частично. У него остался последний шанс — покорить Америку. Ее надо уложить

на лопатки умелым борцовским приемом. Показать себя, распространить свою мысль, найти верующих и активистов, без которых невозможно завоевание экономической и политической власти. Но по приезде в Америку в 1971 году Мун нашел лишь горстку учеников и четырех миссионеров. Он считал, что их 8 тысяч... Разгневанный Мун берет дело в свои руки, реорганизует набор и навязывает верующим железную дисциплину, которая так хорошо сработала в корейской Семье.

Только после этого можно отправляться на завоевание страны, произносить речи во всех американских городах, излагать свои мысли широким массам христиан и антикоммунистов глубинной Америки, а затем приступить к осаде бастионов власти: промышленности, банков, прессы, конгресса и Белого дома.

А главное — все надо делать быстро. В 1973 году Мун Сан Мену исполнилось пятьдесят три года...

И поскольку американская Семья не может сама исполнить свое историческое предназначение, «Отец» призывает лучших из иностранных «братьев». В январе 1973 года Мун вызывает сто девять руководителей и ответственных работников европейского Движения в Соединенные Штаты. Страна разбита на десять миссионерских зон, каждая со своим штабом во главе. «Отец» отдает половину в ведение иностранных лидеров: немцы Пауль Вернер и Райнер Винсенц отправлены в Лос-Анджелес и Сиэтл, итало-американец Мартин Портер — в Атланту, японец Кен Судо — в Чикаго...

Новая структура строго иерархизирована, имеет почти военную дисциплину. Местных руководителей называют «региональными командующими Международного крестового похода за единый мир». Их солдаты прибыли из всех уголков земного шара. Более пятисот молодых мунистов не американского происхождения призваны для усиления и придаются по необходимости подвижным пропагандистским бригадам, а также группам по сбору денег, которые денно и нощно снуют по американским автодорогам.

По прибытии в США юное воинство Муна перестает принадлежать себе. Без денег, без доходов (они все время работают на Церковь и не получают никакой зарплаты), без знакомых, вне круга Семьи, они состоят на обеспечении организации.

Если кто-нибудь из них вдруг решил бы вернуться на родину — такое случается крайне редко, — он не смог бы этого сделать: сразу по приезде в Нью-Йорк они сдают паспорта или удостоверения личности иммиграционному отделу Церкви Единения. Они не обязаны этого делать, но принимающие их «старшие братья» быстро убеждают их в том, что потеря документов будет иметь катастрофические последствия.

В обмен они получают новый паспорт с эмблемой и названием Церкви, где указано, что их жизнь целиком и полностью принадлежит Делу. Под заголовком «Адрес в США» можно прочесть: «Нижеподписавшийся находится в данный момент в США в миссионерском турне. До 31 декабря 1974 года у него будет следующий маршрут: с 11 по 13 ноября — Чикаго, Иллинойс (следует адрес); с 14 по 29 ноября — Сиэтл, Вашингтон (следует другой адрес); с... по...» и т. д.

Для властей, которым, возможно, захочется проверить молодых мунистов, сделана следующая запись: «Если вас интересует, на каких легальных основаниях данное лицо находится в США, созвонитесь, пожалуйста, с мисс Джини Ларкин по нижеследующему телефону. В случае смерти или несчастного случая сообщите в штаб Церкви Единения (следует адрес и номер вашингтонского телефона)».

Крестоносцы Единения не существуют как личности. За них решает и отвечает Церковь.

Битва не на жизнь, а на смерть

Благодаря притоку активной рабочей силы Мун Сан Мен проводит одно за другим в 1973 и 1974 годах три громогласных турне по шестидесяти одному городу США. Эпоха эйфории. Региональные командующие соперничают в усердии, чтобы нагнать народ в залы, где выступает «Отец», позвать местных политических и религиозных деятелей на банкеты, проходящие после этих митингов, и, конечно, собрать деньги на частичную оплату операции.

Французы, японцы, немцы и американцы работают плечом к плечу денно и ночью. Они перестали думать. Мун понял это и выдвинул новый лозунг: «Ради миссии «Отца» пусть я стану безумцем».

В Калифорнии, на юге, в Юте и на Центральном Западе установлены нужные связи с различными христианскими течениями, которые вскоре образуют организацию «Моральное большинство», в частности с мормонами. Во время пребывания в Солт Лейк Сити Мун принимает у себя за столом помощника мэра города и нескольких мэров округа, связанных с церковью Святых последнего дня. Десять лет спустя мормонская коммуна вступит в борьбу за «Нового Мессию», посаженного в тюрьму за неуплату налогов. В других штатах Мун или Пак Бо Хи, его переводчик во время турне, зачитывают с трибуны послания с выражением симпатии, подписанные сенатором или членом палаты представителей от данного избирательного округа.

Эта первая крупная американская кампания носит красивое имя турне «День надежды». Официальная тема: «Кризис христианства и новая надежда». Мун публично заявляет, что мир и христиане должны готовиться ко второму пришествию Христа.

Таково внешнее обрамление. Внутри Семьи не стесняются говорить не в столь религиозных терминах. Об этом свидетельствует следующий отрывок из «Нью хоуп ньюс», тогдашней мунистской газеты, которая подводит итоги первого турне по тридцати двум городам: «В этой борьбе не на жизнь, а на смерть, чтобы стать здесь, в Америке, достаточно могущественной организацией ради защиты нашей нации от коммунизма во время следующего кризиса в 1977—1978 годах, мы запоздали на три года по отношению к нашей программе. За последующие три года мы должны набрать достаточное количество молодых солдат, чтобы успешно защитить Америку (если надо, в буквальном смысле этого слова)». Последователи и руководители пропагандированы так, что перспектива взять в руки оружие для борьбы с коммунистами не шокирует и не пугает их.

Однако мунистская организация стремится навести блеск на свой религиозный облик. По многим причинам. Прежде всего потому, что к идее бога американская душа относится с наибольшей чувствительностью, а Церковь Единения, хоть и занимается политикой, все же является религиозной организацией. Мун знает, что несет идею нового фундаментализма, полностью приспособленного к душе американца. Есть и более практические причины — американское законодатель-

ство не разрешает ассоциациям, «освобожденным от уплаты налогов», таким, как Церковь Единения, принимать участие в политических дебатах.

«Отец» не забывает напомнить об этом своим чадам при каждом удобном случае. В 1974 году, когда его нью-йоркские части готовятся к манифестации перед зданием ООН, чтобы выразить протест против возможного вывода американских войск из Южной Кореи, он предупреждает организаторов: «Вы должны помнить, что политических лозунгов выдвигать нельзя; вы должны говорить: нас не касаются политические дела, мы действуем не из политических побуждений, мы преследуем чисто гуманитарные цели...»

«Отец» и сам старается не выглядеть политизированным лидером и, обсуждая в 1974 году с иммиграционным департаментом проблему долгосрочных виз для сотен своих последователей, которых он ввез в США в качестве туристов, просит власти предоставить им статус «религиозных стажеров». Этот вопрос носит решающий характер для Церкви, ибо без своих иностранных миссионеров организация не смогла бы начать наступление по всем направлениям, к которому она готовится.

Мун Сан Мен не скрывает этого от своих сторонников. 14 апреля 1974 года он делится с ними своими опасениями: «Если нам не удастся отрегулировать проблему пребывания наших иностранных членов, Движение потерпит катастрофу. Мы не имеем права на провал в этом вопросе. В случае неуспеха пострадает вся моя стратегия...» Несколько недель спустя он скажет: «Иммиграционное бюро собирается выслать иностранных членов Церкви. Весьма возможно, что это происки коммунистов...»

«Отцу» не удалось выиграть эту битву. Иммиграционная проблема «иностраных братьев» не была решена. Однако власти не предприняли никаких драконовских мер, чтобы выслать их из страны. Тибо и Катрин, к примеру, пробудут в США почти два года с туристской визой. Понемногу Церковь отработала систему смены активистов в Америке, Европе и Азии, обеспечив американскую Семью постоянным большим контингентом активистов.

Этих людей было где использовать.

Заявляя громко о своей божественной миссии, Мун Сан Мен, однако, постоянно загружал своих сторонников чисто политической работой.

Общественные связи

Прибыв в 1971 году в США, он немедленно приступает к осаде конгресса. Небольшой группке молодых и очаровательных мунисток дано приятное поручение обольстить нескольких законодателей-консерваторов. Они бродят по коридорам сената и палаты представителей, предлагают свои услуги секретариатам конгрессменов — некоторые «сестры» даже получают в них постоянную работу, — завоевывают симпатии помощников и, наконец, завязывают дружбу с той или иной знаменитостью Капитолия.

Находясь под постоянным «обстрелом любовью», многие законодатели не решаются отказаться от приглашения на обед в «Вашингтон Хилтоне» в роскошных апартаментах вместе с несколькими лидерами Движения. Атмосфера во время обеда царит благожелательная, а на десерт гостям предлагают небольшой фильм об устремлениях Семьи.

Цель этой настойчивой лоббистской работы двойная: рассеять неблагоприятные для Церкви предубеждения и обговорить поддержку могущественными представителями власти той или иной политической инициативы Движения. Главное — возможность использовать их имя или присутствие, чтобы придать законность антикоммунистическому и прокорейскому крестовому походу Мун Сан Мена. Так, одного из крупнейших консерваторов конгресса, Ричарда Хэнну, просят в 1971 году произнести речь на первом собрании корейско-американской политической ассоциации (КАПА), еще одной военной машине мунисток для объединения активистов антикоммунизма двух стран ради защиты сеульского правительства. А сенаторы Бардик и Янг от Северной Дакоты или ультраконсерватор Джесси Хелмс от Северной Каролины адресуют среди прочих послания с поздравлениями «Новому Мессии» во время его турне «День надежды».

С 1971 по 1976 год бригада общественных связей «Отца» завоевала доверие десятков конгрессменов. Ей даже удалось осуществить несколько исключительных операций. Одна из самых блестящих американских мунисток, Сьюзен Бергман, поступила в секретариат Карла Альберта, спикера палаты представителей. Она несколько месяцев была среди его основных помощ-

ников. И помогла быстрому признанию Муна американскими политическими кругами.

Увлеченная навязчивой идеей взять контроль над конгрессом, Семья безуспешно пыталась добиться избрания в него лиц, связанных с Церковью. В 1974 году «Фридом Лидершип Фаундейшн», американская секция «Победы над коммунизмом», провела две активные избирательные кампании: за Луиса Уаймена, чтобы посадить его в кресло сенатора от Нью-Хэмпшира, и за Чарлза Стефенса, лидера одной молодежной организации, в которую проникли члены Церкви, чтобы ввести его в палату представителей от штата Нью-Йорк.

В то же время Церковь начала еще одну крупную операцию, используя общественные связи в ООН. Опасаясь, что во время заседания в 1974 году Генеральная Ассамблея может проголосовать за вывод иностранного контингента, а значит, и американских дивизий из Южной Кореи, Мун бросает в бой своих «детей».

Оружие, использованное мунистами в этой кулуарной войне, носит название «Форум за новый мир». Это символическая организация, созданная специально для данного случая. Она устанавливает контакты, проводит семинары, рассылает приглашения. Поскольку угроза неблагоприятного для Сеула голосования возникает каждый год во время заседания Генеральной Ассамблеи, Церковь не ослабляет своих усилий в течение пяти лет: десятки послов и глав делегаций приглашаются от имени главных сановников Церкви на шикарные приемы в «Бельведере» — резиденции Муна. Для этой цели есть постоянный отряд из тридцати мун и муниточек...

Чтобы обеспечить положительное отношение ООН к южнокорейскому делу, «Отец» даже пошел на проведение в октябре 1977 года, в разгар заседаний Генеральной Ассамблеи, публичной семидневной голодовки перед зданием ООН. В ней участвовали шестьсот «братьев» и «сестер» из разных уголков земли.

Энергия, с которой проведена эта операция, показывает, что в середине семидесятых годов Мун еще не отказался от своих притязаний на власть в Корее. Японец Кен Судо, крохотного роста преподобный отец, который навязывает дьявольский ритм жизни чикагской Церкви, заявил об этом в 1975 году перед группой руководящих работников, собравшихся на двадцатидневный «теологический семинар»: «Благодаря дей-

ствиям членов Церкви Единения Северная Корея потерпела поражение. ООН решила оставить свои силы в Южной Корее. «Отец» очень счастлив, что победа одержана. Ибо возрос долг корейского правительства Церкви Единения...»

Управление корейского ЦРУ сообщило послу Сеула в ООН, который весьма сдержанно относится к технике общественных связей, применяемой мунистами в «Стеклянном дворце», что «Новый Мессия» играет положительную роль в американско-корейских отношениях.

Спасти Никсона

«Отец», однако, протрубил сбор европейской и японской Семьи не ради довольно скромного лоббизма в ООН или в Капитолии. У него есть другие, более впечатляющие проекты.

Один из них — «День надежды». Но и этот марафон ничто по сравнению с операцией, задуманной пророком осенью 1973 года: речь идет ни больше ни меньше как о том, чтобы воспользоваться уотергейтским скандалом и стать центральным персонажем американской политики. С ноября 1973 года Муна и его Церковь душой и телом вступают в борьбу за президента Никсона.

Поставлено две цели: постараться удержать у власти единственного человека, который в их глазах в момент полного разгрома во Вьетнаме может противостоять Советскому Союзу. А главное — доказать американским консерваторам, и в частности президенту, что Семья и Движение Единения представляют собой самый надежный бастион в борьбе против коммунистов и — таково принятое выражение — «их либеральных союзников».

Первый президент «Фридом Лидершип Фаундейшн» Аллен Тейт Вуд, близкий сотрудник Муна в период с 1969 по 1971 год, ставший позже одним из самых ярых его противников, весьма цинично описал метод мунистов тех лет в попытке получить контроль над политической властью: «Вы отдаете все свое свободное время службе одному человеку и должны служить ему всеми средствами. Вы подчиняетесь приказам и выполняете его директивы не рассуждая...

В конце концов, когда ваши услуги станут совершенно необходимыми, вы сможете диктовать ему свою политику. Если он отходит от нее, вы лишаете его поддержки, и он остается без власти. Поэтому у него нет иного выбора, как следовать за вами...» Сражаясь в первых рядах защитников Ричарда Никсона, Мун надеется заработать у американских правых генеральские погоны.

Широкая публика познакомилась с сим новоявленным крестоносцем «Великой Америки» почти сразу после того, как «Вашингтон пост» выпустил первые стрелы против президента. 30 ноября 1973 года три крупнейшие газеты страны выходят с портретом на целую страницу человека с тяжеловесным и волевым лицом. Под портретом торжественное заявление жирным шрифтом: «Америка в кризисе. Ответ Уотергейту: забыть, возлюбить, объединиться». В последующие месяцы этот рекламный плакат будет перепечатан в пятидесяти ежедневных газетах.

Каждое региональное управление Церкви получает приказ наводнить Белый дом и редакции «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс» телеграммами в поддержку заявления «Отца» по Уотергейту. Параллельно по всей стране члены Церкви назначают дни публичных молитв и поста за отведение угрозы от президента.

Ричард Никсон реагирует быстро и весьма благосклонно. 11 декабря 1973 года Мун Сан Мен получает письмо с просьбой продолжать кампанию: президент лично благодарит его за проявленные усилия. Тремя днями позже Белый дом приглашает мунистских активистов Национального комитета молитв и поста принять участие в символической церемонии: инаугурации национальной рождественской елки в саду президентской резиденции. Тысяча двести сверхвозбужденных «братьев» и «сестер» превращают событие — обычно проникнутое некоторой религиозной торжественностью — в митинг поддержки президента.

По словам окружения, Ричард Никсон не оценил инициативы. Мунисты зашли слишком далеко! Но несколько часов спустя, когда мунисты устроились напротив ограды Белого дома для бодрствования и молитв при свечах, президент лично поздравил Нила Салонена, тогдашнего главного руководителя американской Церкви.

Эта история наглядно иллюстрирует двойственность отношений, которые начинают устанавливаться между Муном и американскими правыми. «Новый Мессия» мешает вашингтонским политикам, раздражает их, но умеет убеждать в том, что может быть полезен. Самые консервативные из его сторонников, завербованные в белом протестантском англосаксонском обществе*, несомненно, не испытывают ни симпатии, ни уважения к этому ясновидцу из третьего мира — некоторые считают его «китайским» шарлатаном, уверенным в том, что ему поручена миссия спасения Америки. Такой человек, как Джесси Хелмс, к примеру, не очень любит Муна. Однако частенько оказывается в его обществе.

Мун со своей стороны готов разбавить вино водой, когда того требуют интересы Семьи. Поддержка Никсона свидетельствует об этом. Как и его союзники из твердолобых консерваторов, «Отец» осудил поездку Никсона в КНР в 1972 году. Члены «Фридом Лидершип Фаундейшн» даже вышли на улицы, чтобы заявить об этом.

На ступенях Капитолия

В начале 1974 года ставка в игре требует некоторых идеологических уступок. Спасти голову Никсона означает обеспечить доступ Церкви к власти. Сделано все, чтобы общественное мнение знало о роли Церкви в кампании защиты президента.

Первая задача: Ричард Никсон должен официально принять Мун Сан Мена. «Отец» добился аудиенции без особого труда. Появились сообщения, что его сторонники проводят демонстрации в Токио, в Англии, в Германии и Италии... И Брюс Гершензон, помощник президента, пишущий ему речи и симпатизирующий мунистам с самого начала операции, постарался убедить президента. Отметим тут же, что Гершензон, а также Нил Салонен и Дэн Феффермен, два молодых руководителя «Фридом Лидершип Фаундейшн», исповедуют одно и то же антикоммунистическое кредо и участвуют в одних и тех же мероприятиях: помощник президента будет одним из главных ораторов

---

* Сливки американского общества, стопроцентные американцы.—Прим. ред.

на VII конференции Всемирной антикоммунистической лиги, проходившей в Вашингтоне в апреле того же 1974 года, на которой мунисты представлены японцами из «Победы над коммунизмом», американцами из ФЛФ, а также, как исключение, Паулем Вернером, лидером немецкой Церкви, от ...надцатого филиала Движения под названием «Федерация за мир во всем мире». Представитель Ричарда Никсона выслушает не моргнув глазом едкую критику по поводу политики разрядки, которую ведет Белый дом в отношении народного Китая и Советского Союза...

Гершензон добивается от президента, чтобы тот принял Мун Сан Мена 1 февраля 1974 года. Дата, которую запишут золотыми буквами в историю Движения. «Отец» беседует и молится вместе с Ричардом Никсоном. Фотографии увековечили эту историческую встречу. Церковь постарается продемонстрировать ее во всем мире.

Через пять месяцев, когда тиски сжимаются вокруг Овального кабинета, Церковь мобилизует свои части для еще более впечатляющей операции. 22 июля шестьсот мунистов занимают ступени Капитолия для трехдневной молитвы и поста. Мун решился на публичное и открытое давление на сенаторов и членов палаты представителей, чтобы воспрепятствовать фатальному исходу — импичменту президента.

Атмосфера наэлектризована: расппеваются гимны во славу бога и Америки, над головами полощутся огромные звездно-полосатые флаги, повсюду видны щиты с лозунгами: «Дайте слово Богу», «Мы верим в наш конгресс!», «Бог благословляет Америку и нашего президента Ричарда Никсона!» У восточного входа в знаменитое здание манифестанты развернули видимое издали громадное полотнище с названием своей организации: «Национальный комитет молитвы и поста».

Каждый участник, превращенный в мужчину-или женщину-сэндвич, укрепил на груди портрет конгрессмена, за которого якобы молится. Распределение плакатов не случайно: Нил Салонен, президент американской Церкви, и его супруга молятся, конечно, за Ричарда Никсона и его супругу; Джозеф Шефтик, «патрон» Вашингтона и его округа, взял на себя трудную миссию выступать в пользу Джеральда Форда...

Внутри Капитолия «маленькие сестренки» из

«Паблик Рилейшнз Тим»* буквально источают обаяние, убеждая своих друзей-конгрессменов выйти и взять слово перед манифестантами. За три дня к перевозбужденной аудитории обращались семьдесят шесть членов палаты представителей и пять сенаторов. Чарлз Перси от Иллинойса вызывает крики «ура!», когда утверждает: «В сенате и в палате представителей уделяется большое значение молитве... Молитва сильнее меча».

Это невероятное политико-религиозное шоу в разгар «уотергейтского скандала» отражено в сенсационных сообщениях газет, национальных и местных телестудий. Крупная ежедневная консервативная столичная газета «Вашингтон стар» представляет событие в четырех колонках, а знаменитая Барбара Уолтерс приглашает Нила Салонена на свое телевизионное «Тудей Шоу» в Эн-би-си.

Приберегая себя к финалу, Мун Сан Мен появляется на третьи сутки в компании со своей супругой. Апофеоз. Перед батареей телевизионных камер специально приехавший из Белого дома Брюс Гершензон вручает ему благодарственную телеграмму, подписанную президентом. «Я знаю,— пишет Ричард Никсон,— что мы можем рассчитывать на Вас и на Ваше воинство...» Окончание телеграммы не имеет значения. Возбужденный более обычного, Нил Салонен вздымает руки к небу и воздаст хвалу господу.

Теперь «Новому Мессии» придется ждать избрания Рональда Рейгана в президенты, чтобы пережить то же торжественное мгновение...

Оно не продлилось. Лампионы праздника быстро погасли. Несмотря на последнее наступление мунистского лобби в конгрессе, Ричарду Никсону пришлось уйти.

Превратить Нью-Йорк в царство божье

Провал был не столь жесток, как ожидалось. Членам семинара, которых он принимает в «Бельведере» через некоторое время после отставки тридцать седьмого президента США, Мун Сан Мен заявляет с надеждой: «То, что мы сделали, войдет в историю Америки и ста-

---

* Группа общественных связей (англ.).— *Прим. ред.*

нет известным во всем мире, а вскоре всем будет ясно, что наша идеология может спасти мир. ...Наша любовь относится к президентской власти, а не к тому или иному президенту, и наша решимость помочь американской нации не пройдет. Мы будем поддерживать президента Форда и поможем ему вершить справедливость». Пророк действительно знает, что еще долго будет получать дивиденды от своей кампании в Капитолии.

Подтверждение этому он получил очень быстро. Через два месяца после падения Ричарда Никсона Мун решил обратиться напрямую к законодателям и их помощникам, чтобы изложить свою концепцию роли Америки в божественном провидении.

Для проведения в жизнь этой инициативы он заручился поддержкой двенадцати членов палаты представителей и одного сенатора, составивших апологетическое письмо в его защиту, в котором уговаривали своих коллег выслушать выступление Муна: «Соединенные Штаты сегодня нуждаются в сильном моральном лидерстве. Великие моральные и духовные ценности, на которых была основана наша нация, должны возродиться на всех уровнях американского общества... Многие из нас были поражены работой преподобного отца Муна. Все мы помним о трех днях молитв и поста его сторонников на ступенях Капитолия — это было месяц назад... Сегодня здесь, в конгрессе, нам представился шанс выслушать послание этого динамичного человека».

Среди подписавшихся имена нескольких ключевых лиц американской политики: Роберта Майкла от Иллинойса, лидера республиканского меньшинства в палате представителей; Мануеля Лухана, руководителя движения испаноязычных; Барбера Б. Коунейбла, весьма нужного председателя парламентской комиссии «Пути и средства», которую побаиваются, потому что она занимается налоговым законодательством...

Эти люди и другие демократы и республиканцы, подписавшие письмо вместе с ними, через несколько лет войдут в возродившееся «Моральное большинство», которое выдвинет Рональда Рейгана на вершину власти.

Мун по-своему принял участие в их борьбе.

Его ученики вышли на улицы вместе с другими консервативными организациями, чтобы оплакать падение

Сайгона, поднять голову и выразить свою веру в руководящую миром Америку во время празднеств по поводу двухсотлетия страны, продолжить упорную борьбу с Сатаной — Картером в черные годы отступления. Мун предоставил страницы «Райзинг тайд», «Фридом Лидершип Фаундейшн», а затем и «Ньюс уорлд», первой мунистской ежедневной газеты в Нью-Йорке, ведущим представителям новых рейгановских правых.

А пока на гребне «Уотергейта» он с блеском завершает турне «День надежды» в Мэдисон-сквер-гарден, где 18 сентября 1974 года собирает 20 тысяч человек. Накануне, не скупясь на расходы, он пригласил 1600 человек на праздничный обед в залах «всемирно известной гостиницы «Уолдорф Астория». Выражение замешательство из газеты Движения.

Перед тем как обратиться к политикам, дипломатам и университетской профессуре, собравшимся в большом бальном зале этого памятника американского истеблишмента, «Отец» долго беседовал с журналистами из Си-би-эс и «Нью-Йорк таймс»... На следующий день на митинг поспешили телекорреспонденты и фотографы.

Не греша против истины, скажем, что событие вряд ли могло пройти незамеченным: стены домов и ограды Манхаттана оклеили 80 тысячами плакатов с изображением преподобного отца. На памяти ни одного нью-йоркского политика такого количества плакатов не расклеивалось еще ни разу. Даже во время президентских выборов.

Днем и ночью, если верить «Нью хоуп ньюс», «плакатные бригады» превращали Нью-Йорк в «царство небесное». Вплоть до начала митинга на плакаты, разорванные или заклеенные либо противниками «Отца», либо ведущими свою избирательную кампанию кандидатами, наклеивались новые плакаты пророка. Убив одним выстрелом двух зайцев, руководитель мунистской пропаганды «добыл ценнейшую информацию о деятельности коммунистов в городе», отмечая те кварталы, где чаще всего на плакатах с изображением «Отца» появлялись такие еретические надписи, как «фашистская свинья» или «приспешник диктатора Пака»...

В подготовке митинга в основном принимали участие иностранные «братья» и «сестры». Без них он бы не имел такого успеха. Моника, наша бретонская мед-

сестра, пережила незабываемые мгновения. Желая поделиться радостью со своими родителями, она послала им сделанные во время кампании фотографии митинга и банкета из «Нью хоуп ньюс», сопроводив их подписями от руки. Ужасно трогательно.

На фотографии забитого народом Мэдисон-сквер-гарден она крестиком отметила свое место позади «Отца» и «господина Пак Бо Хи, переводчика». Среди приглашенных в «Уолдорф Асторию» она стрелкой указала «позитивных» родителей одного французского муниста... Она даже послала родителям меню...

Трогательно, но весьма показательно. Поскольку на большинстве снимков в первых рядах этого крестового похода за спасение Америки почти нет американцев. Накануне митинга, во время манифестации на Уолл-стрите у статуи Джорджа Вашингтона, слово взяла немецкая «сестра». У ее ног два «брата» развернули полотнище с лозунгом: «Бог избрал человека, чтобы говорить с Америкой: преподобного отца Мун Сан Мена». Стоящая на трибуне этого импровизированного театра Моника указывает стрелочкой на оказавшуюся рядом французскую «сестру».

Еще один немец, совсем юный Ульрих Труенте, снят на фоне плакатов, объявляющих о встрече в Мэдисон-сквер-гарден... В нескольких метрах от него раздает листовки японский «брат»... И наконец, на фотографии, где гордо позируют юные расклейщики плакатов, среди японцев и немцев Моника указывает своего приятеля Лионеля «из центра Ренна».

Как далеки эти маленькие французы, брошенные в безжалостную борьбу за власть, от того дня, когда на улице провинциального городка их сверстник впервые заговорил с ними о любви и мире...

Пробудить Америку!

Политическая направленность Церкви усиливается. Мун ощущает поражение во Вьетнаме как трагедию сильнее, чем американские правые. Какое будущее ждет Корею, зажатую между Китаем и Индокитаем, находящимся под властью Сатаны? Что станет с владениями Церкви и промышленной группы? Остановить продвижение революции в Азии становится вопросом жизни и смерти для Семьи.

«Отец» ощущает это тем острее, что в час, когда северовьетнамцы и ФНО рвутся к Сайгону, он находится в Корее в своем турне «День надежды» в сопровождении лучших из своих иностранных миссионеров, в том числе и европейцев, принимавших участие в работе в США.

Его реакция незамедлительна. Через два месяца на митинге, собравшем миллион человек в Йойдо, он заставляет толпу — мы говорили об этом — поклясться вступить при необходимости в борьбу с оружием в руках и в случае войны с Севером защитить Южную Корею.

Пока вьетнамцы еще не закрепили плоды своей победы, Мун приказывает американской Церкви действовать. Почему? Нил Салонен дал ответ во время заседания своего штаба в середине апреля 1975 года: «Невероятная трагедия, свидетелями которой мы стали, является драматическим примером отказа Америки от исполнения своей миссии. Нация, которая символизировала надежду на свободу во всем мире, должна спросить себя, а может ли она еще играть свою международную роль. Главный урок событий во Вьетнаме таков: мы не можем больше рассчитывать на Соединенные Штаты; ответственность и заверения Соединенных Штатов отныне ничего не значат...»

Значит, надо «пробудить» Америку, нажать на нее, чтобы ей захотелось сражаться. Церковь Единения должна подхватить эстафету, выпавшую из рук слабого правительства, и провозгласить громогласней, чем раньше, что «главная мировая проблема — это коммунизм». «Мы должны убедить американский народ, — добавляет Салонен, — что смысл существования Америки состоит в борьбе с коммунистическим миром и победе над ним...» Мало кто произносит подобные речи в Вашингтоне в апреле 1975 года. Выступая против общественного мнения, высказывающегося за мир, Семья впервые выходит на улицы со столь откровенными лозунгами.

10 апреля «Фридом Лидершип Фаундейшн» обращается к десятку ультраконсервативных групп, в том числе к «Национальной федерации молодых республиканцев» и «Американскому легиону», с предложением провести марш от южновьетнамского посольства к Белому дому и Капитолию. Нил Салонен, президент американской Церкви, идет во главе под гигантским

полотнищем, на котором на этот раз прямо высказана главная озабоченность Семьи: «Америка, проснись, коммунизм сам по себе — это зло!»

В большинстве своем мунистская толпа потрясает плакатами и выкрикивает удивительно резкие лозунги: «Кто предал Вьетнам?», «Великие нации не нарушают своих обещаний!», «Чему служит Америка?», «Россия, Китай, Восточная Европа, Юго-Восточная Азия... Кто следующий?» Менее чем через год после поста ради Никсона маленькие солдаты Муна встречаются на ступенях Капитолия с твердолобым ядром правых парламентариев. Несколько часов известные деятели благодарят манифестантов за проявленную инициативу: сенаторы Сермонд, Барлетт, Нанн и Клаузен; члены палаты представителей Симмс, Хансен, Бауман... Сливки южного и мормонского консерватизма. В восьмидесятые годы все они постараются добиться признания мунистского Движения со стороны рейгановского большинства.

Несущие плакаты «братья» и «сестры» — их около тысячи — не сомневаются, что Семья совершила решающий поворот: Мун Сан Мен должен вложить все усилия в Соединенные Штаты, чтобы спасти Корею и обеспечить будущее своей мечте о всемирной теократии. Главным он считает приход в Белый дом президента-победителя, в глазах которого Мун должен выглядеть самым действенным лидером антикоммунизма.

14. «ПРИЛИВНАЯ ВОЛНА» РЕЙГАНИЗМА

В политике «Отец» манипулирует символикой с необыкновенной легкостью. Двухсотлетие США дает ему возможность привести тому новое доказательство. Церковь не может пропустить такое событие, не проведя некоего запоминающегося деяния.

На шикарных празднествах, устроенных Белым домом летом 1976 года от Нью-Йорка до Вашингтона для американского народа и сильных мира сего, прибывших из разных уголков планеты, очень часто мелькало имя Мун Сан Мена. «Отец» организовал собственные церемонии по поводу двухсотлетия Америки.

Для проведения первого митинга на «Янки Стадиум», а потом огромного сборища в столице пророк вновь мобилизует весь свой международный контингент.

«Америка прекрасна!»

После Тибо, Моники, Лионеля и многих других настал черед Лоика ответить на призыв. 6 мая 1976 года он пишет родным письмо из Люксембурга: «Преподобный отец Мун Сан Мен вскоре будет выступать в Соединенных Штатах по случаю двухсотлетия... Поскольку Люксембург ближе, чем Париж, я отправляюсь туда, чтобы сесть на самолет в Нью-Йорк...» Трудно признаться «негативным» родителям, что АЕВХ отправляет своих миссионеров чартерными рейсами или туристским классом, а сановники Церкви имеют право на первый или бизнес класс...

10 мая Лоик делится первыми впечатлениями от Нью-Йорка: «Американская Семья готовит фестиваль. Нас здесь 1500 человек. Положение «Юнификейшн Чёрч» здесь не совсем такое, как во Франции. О нас знает примерно половина людей. Из этой половины половина нас искренне любит... Даже если они не очень любят г-на Муна, они вынуждены встречаться с нами, ведь мы существуем во плоти. И им приходится признать: «У вас здоровое тело, вы всегда улыбаетесь, вы всегда чисты...»

«Вы всегда чисты!» Это не образное выражение. Одежда пропагандистских бригад, которые Церковь бросила на Манхаттан, чтобы привлечь людей на митинг на крупнейшем стадионе Нью-Йорка «Янки Стадиум», напоминает о божественной чистоте возрождающейся Америки. Затянутые в белые комбинезоны, коротко постриженные, с гигантскими американскими флагами в руках, они предлагают потрясенной нью-йоркской публике образ молодежи, совершенно непохожей на ту, что недавно выступала против войны во Вьетнаме. Для тех, кто не понял столь прозрачного намека, на спине у молодых людей написан лучезарный лозунг: «Америка прекрасна!»

Такое же название носит весьма оригинальная кампания, которая закончится в день всеобщего сбора: в течение месяца в промежутках между маршами, собраниями и раздачей листовок тысяча пятьсот моло-

дых мунистов, вооруженных лопатами и метлами, будут вести борьбу с грязью Нью-Йорка... Объяснение дано в официальных брошюрах мунистского комитета за встречу двухсотлетия: «Цель программы — создать прекрасную и чистую окружающую среду, которую мог бы оживить Дух Божий...»

Задолго до основания «Морального большинства» «Отец» заявляет: «Сильная Америка — это Америка чистая!»

Митинг 1 июня на «Янки Стадиум» и сбор 18 сентября в Вашингтоне являются решающими датами для Мун Сан Мена. Он уже убедил круги консерваторов в своей политической ортодоксальности, в своей решимости, в боевых и финансовых возможностях своей организации. Ему остается доказать, что он могущественный народный лидер.

Чтобы собрать десятки тысяч людей, которые вручат ему это звание, — около 40 тысяч на «Янки Стадиум» и 200 тысяч у памятника Вашингтону — в действие будет приведено все: программа манифестаций умело построена вокруг представлений двух международных трупп Семьи, «Корейского фольклорного балета» и «Нью хоуп сингерс»; жителям бедных пригородов, особенно черным, будет предоставлен бесплатный транспорт, там же осуществляются социальные программы для вербовки последователей и, наконец, при рассылке десятков тысяч приглашений Движение прибегнет, впервые в столь массовом масштабе, к современной почтовой технике.

Митинг на «Янки Стадиум» обойдется примерно в миллион долларов...

Собрание у памятника Вашингтону станет подлинным событием в чопорной американской столице, не привыкшей к столь массовым манифестациям. Шоферы такси до сих пор помнят пробки, связанные с ним. Мун Сан Мен произнесет на этом митинге самую политическую речь перед публикой из всех, что он произносил за пять лет своего пребывания в США.

Перед партером в галстуках, над которым реют тысячи знамен, «Отец» произнесет пророческие слова для тех, кто пожелает сравнить их с недавними выступлениями Рональда Рейгана. Главное в его речи — миссия Америки состоит не только в спасении самой себя, но и в принятии на себя ответственности за спасение всего мира.

Он дойдет даже до того, что предложит создать новую всемирную ось для обеспечения владычества бога на земле: «Иудаизм был первой центральной религией Бога, а христианство — второй. Церковь Единения — третья религия, которая родилась с новым откровением и которая станет заключительным этапом Божественного Провидения... Эти три религии, как три сестры в Божественном Провидении. Таким образом, Израиль, Соединенные Штаты и Корея, где родились эти три религии, тоже должны стать сестрами...»

Мунистское пророчество станет явью шесть лет спустя в Центральной Америке, где «три сестры» тайно объединили свои усилия для создания крепкого и хорошо вооруженного антисандинистского партизанского движения.

Ариель Шарон и Моссад поставляют автоматы Калашникова, захваченные у палестинцев в Бейруте в 1982 году. Корея через многочисленных посредников снабжает контрабандой боеприпасами. Некий американский журналист, сопровождавший антисандинистские командос, заявил, что видел, как те стреляли из гаубиц снарядами, произведенными в Корее. ЦРУ и частные группы американских консерваторов будут холить эту маленькую армию, которая насчитывала в 1985 году примерно 15 тысяч человек. Семья приняла и прямое участие в поддержке «Борцов за свободу» (см. главы 16—18).

«Приливная волна»

«Фридом Лидершип Фаундейшн» быстро обзавелась газетой «Райзинг тайд» («Приливная волна»), которая дважды в неделю издается в Вашингтоне с начала семидесятых годов. Это — орган политической информации и комментариев, который во весь голос заявляет о своем ультраконсерватизме. Директором ее является президент американской Церкви Нил Салонен.

С первого дня существования газета предоставляет свои страницы мириадам организаций, составляющих туманность крайне правых. «Райзинг тайд» несомненно единственная в те времена американская газета, которая регулярно знакомит читателя с деятельностью организаций — членов Всемирной антикоммунистической лиги... Газета издается в Вашингтоне не случайно. С момента, когда в ходе кампании Барри Голдуо-

тера консервативное движение осознало свое существование, оно мечтало о крупной ежедневной ура-патриотической газете, способной противостоят либеральной «Вашингтон пост». Увы, создание новой газеты стоит дорого, а обычные финансисты-консерваторы, будучи прежде всего бизнесменами, предпочитают вкладывать деньги в избирательные кампании или жертвовать их — пожертвования освобождаются от налогов — фондам и «мозговым трестам»...

Вот почему мунистская инициатива с восторгом встречена такими людьми, как Барри Голдуотер. «Приношу вам свои поздравления,— пишет он в газету,— за работу «Райзинг тайд». Защита свободы — прекрасная цель, о которой часто говорят... Но слишком многие только говорят... Вы в «Фридом Лидершип Фаундейшн» ежедневно работаете над этим с помощью газеты». Чтобы понять важность сей похвалы, надо знать, что бывший кандидат в президенты до избрания Рональда Рейгана играл среди американских правых роль, сходную с ролью Мендес-Франса* во французском социалистическом движении до прихода к власти Франсуа Миттерана.

Во время долгих лет «отступления» при президентстве Форда и Картера «Райзинг тайд», естественно, стала привилегированной трибуной для нескольких крупных консерваторов. Перечисление их дает возможность понять, как широки связи Мун Сан Мена в эту эпоху. Вот несколько примеров.

Ларри Макдональд, подписавший четыре крупных передовицы в «Тайде» с 1975 по 1978 год, является одним из вдохновителей «Общества Джона Бёрча», ассоциации крайних правых, более умеренной и более политической, чем Ку-Клукс-Клан, но идеологически близкой к этой расистской и террористической организации. В шестидесятых годах «Общество Джона Бёрча» имело полувоенную структуру. Макдональд придал ей более подходящий облик. Еще более матерый антикоммунист, чем сам «Отец», член Палаты представителей от Джорджии, он погиб в «Боинге»

---

* Мендес-Франс, Пьер (род. в 1907 г.). С июня 1954 года — премьер-министр и министр иностранных дел. Его кабинет покончил с войной в Индокитае, но при нем началась война в Алжире. Одно время был выразителем мыслей части левых сил, поддерживающих кандидатуру Ф. Миттерана на пост президента в 1965 году.— *Прим. ред.*

авиакомпания «КАЛ», сбитом советскими истребителями в 1983 году. СССР превратил его в национального героя, а его вдова Кэтрин с той поры сотрудничает с КАУЗА и прочими мунистскими организациями.

Фред и Филлис Шлаффли, два главных руководителя «Америкен Каунсел фор Уорлд Фридом». Фред председательствовал на конференции ВАКЛ (Всемирная антикоммунистическая лига) в Вашингтоне в 1974 году. Почетный гость: Анастасио Сомоса, президент-диктатор Никарагуа.

Рид Ирвин, один из главных не мунистских авторов передовиц «Райзинг тайд», неутомимый обличитель американской прессы, которую считает сплошь левой. С 1971 года он руководит подлинной машиной идеологической борьбы под названием «Эккьюрэси ин Медиа» (ЭИМ) — «Правда в средствах массовой информации», — которая, публикуя статьи в печатных органах консерваторов, рекламу или «разоблачения» в крупных ежедневных газетах, пытается убедить общественное мнение — до сегодняшнего дня упорно сопротивляющееся — в том, что американские средства массовой информации стали жертвой «заговора Москвы». Мало кто из профессионалов-неконсерваторов, начиная с Уолтера Кронкайта, известного ведущего Си-би-эс, обвиненного в том, что КГБ завербовал его в Москве, когда он работал там корреспондентом, и кончая Реем Боннером, крупным репортером «Нью-Йорк таймс», обвиненного в «пропагандировании сальвадорских партизан», избежал когтей Ирвина и его друзей. В этой борьбе за правдивую информацию, которую ведет Ирвин, очень трудно сделать различие между его методами и методами, которые он разоблачает под вошедшим в моду общим термином «дезинформация».

За ЭИМ стоят известные финансисты-консерваторы, американские мультимиллионеры Ричард Меллон-Скейф и Джозеф Курс, англичанин Джеймс Майкл Голдсмит, хозяин французского журнала «Экспресс», и прочие видные политические деятели*. Мун изв-

---

* См.: Covert Action Information Bulletin. Washington. Этот небольшой журнал марксистского толка специализируется на освещении деятельности ЦРУ и американского консервативного движения. Несмотря на свою явную политическую направленность, он является специалистом в своей области. Несколько страниц его 21-го номера посвящены деятельности ЭИМ, там же приведен список ее главных финансистов.

лек выгоду из этой дружбы, завязавшейся в трудные годы оппозиции Джимми Картеру. Четыре ведущих члена административного совета ЭИМ через несколько лет получили места в издательском совете «Вашингтон таймс», крупной мунистской газеты, основанной в 1982 году в столице (см. главу 19).

Их приход в газету Пак Бо Хи принес мунистской аванюре неожиданную основательность. Запомним два имени: Уильям Саймон, бывший министр финансов в администрации Никсона и Форда. Он «весит» 20 миллионов долларов. Клер Бус Льюс, бывший посол в Ватикане, «герцогиня» американских правых задолго до Джин Киркпатрик, консультант Джонсона, Никсона, Форда и Рейгана в области безопасности и разведки.

Интересен список авторов передовиц в «Райзинг тайд». В нем сотрудничали представители всех тенденций и организаций наиболее крепкого ядра будущего рейгановского большинства. Этот список доказывает, что задолго до избрания Рональда Рейгана Семья обзавелась большим количеством друзей среди крупных «мозговых трестов», которые без договоренности между собой выковали основные принципы будущей президентской доктрины.

Генерал Дэниел О. Грэм, к примеру, из «Америкен Секьюрити Каунсел», института, разрабатывавшего оборонную программу Голдуотера. Эта организация, выдвигающая принцип поиска «мира с позиции силы», создала в 1980 году лобби, активно защищающее «звездные войны». Дэниел О. Грэм не изменил своим мунистским симпатиям; позже он заседает в совете американского отдела КАУЗА, организации, подхватившей эстафету «Фридом Лидершип Фаундейшн».

Другой частый сотрудник «Райзинг тайд» — Рей Клайн, вдохновитель Центра стратегических и международных исследований (ЦСМИ). Этот бывший историк из Гарварда является ключевым лицом американской разведки со времени второй мировой войны, он был помощником директора ЦРУ, затем главой разведотдела госдепартамента. Пьер Абрамовиси, один из лучших французских специалистов по американским правам, считает его изобретателем и духовным отцом Всемирной антикоммунистической лиги... По вступлении Рональда Рейгана в Белый дом ЦСМИ передал ему огромный доклад, содержащий анализ взаимоотношений Востока и Запада.

«Райзинг тайд» превратился в семидесятые годы в место встречи крайне правых, не имевших в столице своей крупной газеты. Кроме того, эта газета позволила Мун Сан Мену ощутить привкус того громадного влияния, которое он получит, став владельцем крупного объединения прессы.

«Настоящая» газета для Семьи

Через семь месяцев после прибытия в США Лоик попадает в Калифорнию, где работает в студенческих городках — в основном в Беркли — под руководством Райнера Винсенца, нового командующего округом номер один, заменившего на некоторое время своего соотечественника Пауля Вернера, призванного для исполнения иных функций.

Молодой француз воспользовался приездом в главную ставку в Лос-Анджелесе, чтобы отправить 13 января 1977 года длинное послание своим близким. Он регулярно рассказывает им о прогрессе Движения в США и в мире и никогда не упускает случая напомнить им в хорошо ощутимом реваншистском духе, что покинул их не ради какой-то крохотной секты, а ради могущественной организации, которая в один прекрасный день будет руководить миром: «Юнификейшн Чёрч» начала издавать в Нью-Йорке ежедневную газету. Начало очень трудное. «Нью-Йорк таймс» ужасно ревнует. Но я уверен, что однажды «Ньюс уорлд» победит».

Первая «настоящая» мунистская газета родилась 31 декабря 1976 года в старинном здании в нижней части Пятой авеню в Манхаттане. Позади гранитно-мраморного фасада когда-то размещался знаменитый ювелирный магазин «Тиффани». После отеля «Нью-Йоркер» это — второе дорогостоящее здание, приобретенное Семейей в центре квартала с самой дорогой землей в мире.

«Нью-Йорк таймс» никогда не будет «ревновать», ибо по тиражу «Ньюс уорлд» не является серьезным конкурентом. И, напротив, враждебность новорожденного к крупной нью-йоркской газете никогда не утихала. Номер «Райзинг тайд», вышедший после первого номера «Ньюс уорлд», объясняет причины такой

мстительности: «Недавний опрос Гарвардского университета среди главных редакторов и репортеров «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и трех основных телевизионных каналов показал, что 64 процента опрошенных голосовали в 1972 году за Джорджа Макговерна. Это означает, что данные средства массовой информации очень редко сообщают публике даже крупицы правды о коммунизме, о гонке вооружений в Советском Союзе, о стратегии и тактике коммунистических партий и их организаций-прикрытий, а также о страданиях и гонениях в коммунистических странах».

«Дабы Америка выжила и продолжала двигаться вперед, каждый гражданин должен иметь доступ к фактам и информации, необходимой для понимания решений». «Ньюс уорлд» стремится стать альтернативным и недвусмысленно консервативным голосом самого большого города США. Столь непомерные амбиции стоят очень дорого. В Нью-Йорк призваны десятки миссионеров на сбор денег, предназначенных для выпуска газеты.

В эту партию попал и Лоик. В ноябре 1977 года он пишет: «Последние месяцы я обхожу нью-йоркские пригороды, собирая деньги для газеты «Ньюс уорлд». Я изнутри смог узнать поразительный и опасный мир нью-йоркского бизнеса. Господь вряд ли удовлетворен всем этим». Что бы сказал он, получи доступ к маленьким и большим тайнам мунистской транснациональной компании?..

Мобилизация четырех бригад Международного крестового похода за единый мир не в силах обеспечить финансирование газеты. За пять месяцев, с ноября 1976 по апрель 1977 года, Мун переводит свои личные два с половиной миллиона долларов со счета ЮЧИ в ДНБ на счет «Ньюс уорлд» в «Кемикл Банк» Нью-Йорка.

Из соображений экономии первая редакция газеты почти полностью состоит из мунистов. Они либо не получают зарплаты, либо возвращают часть ее Церкви. Некоторые из них карьеры в прессе не сделают, как, например, Деннис Орм, президент английской Церкви, временно назначенный в административный совет «Ньюс Уорлд Коммюникейшн», чьей дочерней фирмой является газета. Другие — более молодые и почти неизвестные в те времена — обучились новой профессии и сделали блестящую карьеру журналистов

и активистов после 1982 года, когда начала выходить крупная ежедневная газета мунистов «Вашингтон таймс», рупор рейгановской Америки.

Бомба Фрейзера

Газета вышла в самое подходящее время, чтобы помочь Церкви во время скандальной публичной полемики. Церкви в конце 1976 года противостоит член палаты представителей демократ и либерал Доналд Фрейзер, председатель подкомиссии палаты, которой поручено разобраться в корейско-американских отношениях.

С начала расследования, начавшегося в 1976 году, большая пресса регулярно сообщает о его ходе и часто без проверки печатает первые результаты следствия. Подаваемые в более или менее сенсационной форме, эти разоблачения в конце концов укрепляют общественное мнение в том, что Мун человек многоликий, занимающийся как политикой и коммерцией, так и религией. С каждым днем выявляются связи его Церкви с корейским правительством и его секретными службами. От этого страдает образ всей Семьи.

Не будучи в силах возразить по существу, «Ньюс уорлд» пытается дискредитировать Фрейзера, который ведет предвыборную кампанию за сенаторское кресло от Миннесоты. Газета в течение всего 1977 года обвиняет его в том, что он бывший троцкист, якобы поддерживавший связь с Северной Кореей и, возможно, работающий на Советский Союз. От столь тяжелых обвинений в США трудно оправиться. Газета выдвигает и более действенные обвинения: мол, Дон Фрейзер на деньги налогоплательщиков нанял в качестве следователей лиц, известных своим резким антимунизмом, незаконно, во время подготовки доклада, предал огласке в прессе информацию, а также широко использовал в своей предвыборной кампании престиж, который ему дает пост президента парламентской комиссии, ведущей следствие по делу Муна.

Вскоре республиканское меньшинство в палате начинает выступать против демократа из Миннесоты. Консерваторы вообще ставят ему палки в колеса. Дон Фрейзер, один из самых прогрессивных представителей партии демократов, не прошел даже на первичных выборах в своем штате в борьбе за кресло сена-

тора! Внутренние публикации Церкви воздадут должное божественному провидению, чтобы объяснить его провал.

Что касается окончательного доклада, опубликованного в октябре 1978 года после многочисленных поправок и снятия некоторых недоказанных обвинений — «Мун начал с культа секса», как напечатала газета «Чикаго трибюн» 27 марта 1978 года, — то в нем пророчески доказано, что Церковь Единения является одновременно многонациональной и международной политико-религиозной организацией.

И восемь лет спустя Церковь Единения отвергает определение политическая, но признает то, что отрицала в 1978 году: различные филиалы и владения Семьи составляют одно неделимое целое — Движение Единения. С этого момента американский политический мир, в особенности консерваторы, знают, кто такой Мун Сан Мен. Или по крайней мере могут узнать, если желают. Доклад Фрейзера ссылается на многие документы, касающиеся зарождения, состояния, финансирования, средств, методов и целей Семьи. Отныне те, кто будет тесно сотрудничать с «Отцом» в Белом доме, в правительстве или в иных кругах власти, будут знать что к чему.

Едва появившись в газетных киосках, «Ньюс уорлд» ринулась в схватку. Она не жалеет усилий, чтобы быть замеченной: вдвое меньший формат, агрессивное оформление, качество фотографий, привлечение нескольких известных консерваторов и предоставление трибуны, где могут свободно высказываться различные лица. Ей даже удался отличный «ход» в 1978 году во время крупной забастовки журналистов Нью-Йорка. В то время как три крупнейшие ежедневные газеты города прекращают работу, муниципальный орган продолжает выходить. Журналисты и рабочие муниципальной газеты — служащие не совсем обычные...

Лишенные ежедневного чтения, более миллиона нью-йоркцев набросились на «Ньюс уорлд». Многие нашли в нем то, что искали, поскольку газета стремится стать массовой. В ней широко освещаются спорт и бега. Этим рубрикам отведено особое место. К тому же, приспособившись в самом начале к особой ситуации крупного города, его либеральным традициям и культурному разнообразию, газета не высказывает своих ультраконсервативных взглядов с той же страст-

ностью, как «Райзинг тайд». Газета даже получила поздравления от губернатора штата Марио Куомо, умеренно либерального демократа.

С приближением президентских выборов 1980 года «Ньюс уорлд» поднимает голос в поддержку Рональда Рейгена. Вся Семья мобилизована вокруг кандидата-республиканца. Мун Сан Мен и Пак Бо Хи официально участвуют в финансировании кампании, университетский филиал Церкви выступает в студенческих городках совместно с молодыми республиканцами, а мунистские расклейщики плакатов вступают в комитеты поддержки будущего президента. За этот всплеск энергии «Отец» получил кресло ОВП (очень важной персоны) на церемонии вступления Рейгана в должность в 1981 году.

В день выборов, когда американцы только еще направлялись к урнам, «Ньюс уорлд» печатает во всю первую страницу: «Приливная волна Рейгана». Положившись на результаты последних опросов общественного мнения и оценки, сообщенные газете республиканским штабом, она берет на себя смелость добавить: «За него проголосуют более 350 главных выборщиков, и он таким образом победит в Нью-Йорке».

Такая публикация была в единственной газете.

Ночью, когда все телестудии подтвердили его победу, Рональд Рейган взял исторический номер с сенсационным сообщением «Ньюс уорлд», поместил его перед камерами и долго позировал в таком виде перед фотоаппаратами.

Фотография обошла весь мир.

Мун уже не так далек от райских куш.

15. НА ПОМОЩЬ ЛАТИНСКОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ*

Сотворение по Муну

Сидя в кабинете на четвертом этаже в здании редакции «Ультимас нотисиас» в Монтевидео, Хулиан Сафи, директор газеты, руководит двумя типографиями, са-

---

* Эта глава частично повторяет статью, написанную совместно с Алехандро Алемом и опубликованную в газете «Монд дипломатик» в феврале 1985 года.

мым шикарным отелем столицы и третьим по значению банком страны. Владеет он и некоторым количеством земли. Создать эту империю ему помог основатель Церкви Единения.

На стене фотография: президент Рейган горячо пожимает руку полковнику Пак Бо Хи, бывшему офицеру южнокорейской армии и нынешней правой руке преподобного отца Муна.

В сорок один год Хулиан Сафи «стоит» более 50 миллионов долларов. Бывший журналист, пять лет тому назад руководитель отдела пропаганды уругвайской диктатуры, он до сих пор не может прийти в себя: «Я не деловой человек... Если я сижу здесь, то не потому, что являюсь деловым гением, а потому, что пользуюсь доверием преподобного отца Муна».

Хулиану Сафи удивительно повезло. В двадцать лет он стал репортером «Маньяны», крупной утренней газеты консерваторов, но, похоже, блестящая карьера его не ждала. Все изменила встреча и женитьба на дочери владельца газеты Манини Риоса, одного из касиков правого крыла партии «Колорадо», одной из двух традиционных партий Уругвая. Женитьба не прибавляет Сафи таланта. Его бывшие коллеги помнят о профессионале-трудяге, не отличавшемся особой широтой взглядов. Однако он быстро продвигается по служебной лестнице в предприятии своего тестя и становится вначале директором «Маньяны», а затем «Эль Диарио», другой газеты группы. Через своего шурина Уго Манини Риоса, одного из руководителей молодежной фашиствующей организации «Хувентуд Уругайа де Пие», Хулиан Сафи завязывает связи с кругами крайне правых. Уже тогда он поддерживает добрые отношения с посольствами Тайваня, Южной Африки и Южной Кореи. Его приглашают посетить эти три страны, и он делает о них несколько репортажей.

Нет ничего удивительного в том, что после военного государственного переворота в 1973 году Сафи оказывается во главе группы журналистов, которые работают на главную дирекцию общественных связей военного правительства. В январе 1980 года он знакомится с полковником Пак Бо Хи, который, по его собственным словам, отправился в турне, чтобы обследовать консервативные газеты Южной Америки в поисках англо-испанских редакторов, могущих приступить к выпуску крупной ежедневной газеты на испанском

языке в Соединенных Штатах. С экземпляром «Ньюс уорлд» под мышкой он побывал в редакциях «Ла Насьон» и «Эль Меркурио» в Сантьяго (Чили), в «Ла-Насьон» и официальном агентстве диктатуры «Телам» в Буэнос-Айресе, потом в «А Фолья да тарде» в Бразилии.

Оценив материалы «Ньюс уорлд», которая не скрывает своих антикоммунистических и антипрогрессистских позиций, многие правые журналисты соглашались работать с помощником преподобного отца. Среди них Мануэль Фуентес (главный редактор «Ла Насьон», Сантьяго), Томас Мак Хейл (главный редактор «Эль Меркурио», Сантьяго), Антонио Аджио (главный редактор «А Фолья да тарде», Сан-Пауло), а главное — Антонио Родригес Кармона, журналист из «Телам», который в 1979 году включился в подготовку будущей ежедневной газеты на испанском языке. Кармона представляет полковника Пак Бо Хи Хулиану Сафи, который принимает приглашение нового знакомого пройти месячную стажировку в Нью-Йорке среди редакторов новой газеты, которая через несколько месяцев выйдет под названием «Нотисиас дель мундо».

Уругваец возвращается преобразенным. Он встретился с Муном и понял, что обосновавшийся в США преподобный отец больше чем религиозный вождь. Это — один из богатейших людей планеты, желающий использовать доходы своей транснациональной компании на нужды нового антикоммунистического интернационала. Проект, изложенный маленькому директору уругвайской газеты, грандиозен. «Третья мировая война началась, — говорит Мун. — Она будет выиграна не с оружием в руках, а в битве идей». Чтобы покончить с угрозой коммунизма, в особенности там, где эта угроза больше всего, например в Латинской Америке, «Новому Мессии» необходимо иметь в своем распоряжении два инструмента: современную международную группу высокопрофессиональной прессы и транснациональную организацию, которая должна формировать и направлять лидеров в выбранных странах и стать политической рукой Церкви Единения.

Группа прессы должна опираться на издательскую фирму двух первых газет, издаваемых Муном в США: «Ньюс уорлд» и «Нотисиас дель мундо» (создана 22 апреля 1980 года). Фирма, вначале называвшаяся «Ньюс Уорлд Коммюникейшнз», а потом «Тайм Три-

бюн Корпорейшн», начнет с 1 марта 1982 года выпускать под руководством ее президента Пак Бо Хи газету с престижным названием «Вашингтон таймс», которая составит конкуренцию крупной либеральной ежедневной газете «Вашингтон пост». Несколько позже фирма переименует «Ньюс уорлд» в «Нью-Йорк трибюн» и увеличит расходы на нее, чтобы соперничать с либеральной «Нью-Йорк таймс».

Что касается антикоммунистического интернационала, то мы с ним неоднократно встречались на предыдущих страницах: он называется КАУЗА и основан лично преподобным отцом Муном в 1980 году в Нью-Йорке. Его руководство доверено Пак Бо Хи. Основным полем деятельности нового интернационала становится Южная Америка.

Хулиану Сафи поручено воплотить эту схему в жизнь в Уругвае; ему отпускают соответствующие средства — 51 миллион долларов переведен в течение 1980 года на счет в «Банко де Кредито», третьего по значению банка Уругвая, через посредство банка на острове Большой Кайман* «Ками Лтд.»**, владельцем которого Сафи стал благодаря одной из тех быстрых и ловких махинаций со счетами, тайну о которых хранят все международные финансисты. В тот же год к нему прибыло подкрепление в лице Стива Бойда, молодого американского миссионера Церкви, обосновавшегося в Монтевидео. Четыре года они будут работать рука об руку, распределяя обязанности между собой, затем к ним на помощь придут еще два члена секты, немцы Ингрид и Вернер Линдеман.

Турне

по диктатурам

Операция разворачивается очень быстро. Связи Хулиана Сафи в военных и консервативных кругах дают свои плоды. В апреле 1981 года открывается первый семинар уругвайского отделения КАУЗА. Он в полной мере показал, как надеется Мун на поддержку латиноамериканских военных для ведения своего крестового похода.

---

* Налоговый рай к югу от Кубы и северо-западу от Ямайки.

** Название, похоже, имеет отношение к «министру финансов» Муна Такеру Камияма.

Заседания проходят в помещении национальной дирекции по туризму, подчиненной правительству. В зале во время произнесения вступительной речи полковника Пак Бо Хи находятся: генерал Луис Кейроло, главнокомандующий уругвайской армии, давший частную аудиенцию Пак Бо Хи; министр промышленности и энергетики Франсиско Турейес, также принявший южнокорейского полковника; полковник Ларрок, шеф национальной дирекции общественных связей, и министр внутренних дел Алехандро Ровира.

Пресса допущена не была. Осветил события только армейский ежемесячник журнал «Эль Сольдадо». Пак Бо Хи не стесняется в выражениях: «Все люди и все нации должны совместно восторжествовать над коммунизмом... Бросить вызов международному коммунизму может только международное движение. Мои дорогие друзья, что касается победы над коммунизмом, я хотел бы, чтобы Уругвай стал образцом для всего мира. Эта страна была первой в Южной Америке, которая подверглась атаке коммунистов и с успехом отразила ее; поэтому логично, что КАУЗА прежде всего обосновалась в Уругвае. Думаю, что Движение Единения может выдвинуть в этой стране динамичных и преданных лидеров, которые помогут миру освободиться от коммунистического империализма».

Перед отъездом из Уругвая Пак Бо Хи встречается с президентом республики Апарисио Мендесом. На всех встречах, где говорится о проектах Муна, касающихся Уругвая, присутствует Хулиан Сафи.

Но Пак Бо Хи приехал из Нью-Йорка не только для встреч с уругвайскими руководителями. Его визит в Монтевидео является частью турне, которое ознаменовало первые шаги КАУЗА в Латинской Америке. Первый этап — Асунсьон (Парагвай), где 2 марта 1981 года его принимал генерал Стресснер. Пак Бо Хи не скрывает, какое впечатление произвел на него парагвайский диктатор. «Я думаю,— говорит он,— что это особый человек, избранный Господом для управления своей страной». Первый семинар в Асунсьоне в Институте высшего образования собрал нескольких министров, политических лидеров и университетских деканов. Благодаря посредничеству Хуана Мануэля Фуентеса, президента местной Антикоммунистической лиги, близкого к президенту-диктатору, члены Церк-

ви Единения вскоре начали читать политические лекции в помещениях правящей партии.

Третий этап, по-видимому, важнейший после Уругвая,— Боливия. Здесь полковник Пак Бо Хи попал в знакомую среду. Североамериканские диссиденты Церкви Единения не единожды утверждали, что Мун из Нью-Йорка в частной беседе предсказал государственный переворот генерала Гарсия Меса за месяц до того, как он состоялся. Именно боливийский диктатор председательствовал на обеде в честь Пак Бо Хи в отеле «Шератон» в Ла-Пасе, а его начальник генштаба генерал Хорхе Агила Теран произносил вступительную речь на ставшем традиционным семинаре.

От боливийских военных следует перейти к человеку, который во многом помог им. Один ветеран боливийской КАУЗА рассказал, как это произошло: Альфредо Минголла, агент аргентинских служб, арестованный в Ла-Пасе полицией президента Суазо в 1983 году за попытку покушения на вице-президента Хайме Пас Замора, сообщил в 1984 году журналу «Штерн», что Томас Уорд (член дирекции КАУЗА-Интернасьональ) прямо участвовал в организации государственного переворота 17 июля 1980 года. И якобы сотрудничал с начальником боливийского отдела Всемирной антикоммунистической лиги и особенно с Клаусом Барбье, который тогда занимался подготовкой переворота совместно с полковником Луисом Арсе Гомесом*.

Жан Пьер Габриель выслушал эту невероятную историю с легкой улыбкой, не желая категорически опровергать обвинения аргентинского агента. «Да,— сказал он мне в 1985 году после телефонного разговора с Томом Уордом,— нам известен Минголла. Он работал с нами в Боливии по организации нескольких семинаров. Но если вы хотите лучше оценить весомость его свидетельства, скажу вам, что его освободили из боливийской тюрьмы через трое суток после заявления журналу «Штерн».

Странный способ защиты...

В 1984 году министр внутренних дел Боливии, подтверждая информацию, поступившую от бывших мунистов из Нью-Йорка, сообщил, что Мун и КАУЗА дали путчистам 1980 года 4 миллиона долларов, а в после-

---

* Hoyos L. de Barbie. Paris, 1984. P. 236.

дующие месяцы Церковь Единения переправила из Уругвая в Ла-Пас 50 тысяч фунтов стерлингов с помощью американских ВВС.

Боливийская КАУЗА признает, что организовала несколько семинаров Движения Единения в военном колледже Ла-Паса перед аудиторией в несколько сотен молодых офицеров.

Падение генерала Гарсия Меса в сентябре 1981 года положило конец одному из самых амбициозных проектов Муна в Латинской Америке: несколькими месяцами ранее Семья просила разрешения на строительство здания стоимостью 42 миллиона долларов, в котором должна была разместиться радиотелевизионная станция.

Турне по диктатурам продолжается в Чили с 22 по 26 июня 1981 года. Первый семинар КАУЗА в Чили проходил в официальном здании Каса Колорада — колыбели чилийской конституции.

Председатель собрания так резюмировал его цель: «Прежде всего мы хотим изложить главную тему лекций, которая состоит в острой критике марксистской философии в ее первоначальной форме, а также изменений, внесенных в нее последующими мыслителями. Затем мы хотим выдвинуть контрпредложение, а именно философию единения, идеологию, которая может победить коммунизм на философском уровне и решить проблемы, способствовавшие зарождению и развитию коммунизма».

В зале, как всегда, присутствовал целый сонм журналистов, университетских деятелей и политических руководителей. Заключительный банкет в залах отеля «Шератон» дал возможность полковнику Пак Бо Хи воздать почести генералу Пиночету и экономическому возрождению Чили. Что он и сделал в присутствии личного представителя диктатора Ховино Новао и генерала Клаудио Лопеса, который воскликнул: «Мы знаем, что люди вроде преподобного отца Муна и вас являются столпами борьбы против международного коммунизма!»

Через несколько недель одна молодая миссионерка-американка Церкви Единения в Сантьяго невинно призналась журналисту из христианско-демократического журнала «Хой», что Пак Бо Хи имел долгие беседы с Пиночетом в 1980 году, перед тем как открыть отделение КАУЗА в Чили.

Весьма странные христиане

Находящиеся у власти с 1976 года аргентинские военные не очень склонны поддерживать мунистский крестовый поход. Во время своего турне 1979—1980 годов Пак Бо Хи, занимавшийся поиском двуязычных журналистов, воспользовался остановкой в Буэнос-Айресе, чтобы изложить генералу Антонио Льямасу, государственному секретарю ведомства информации диктатора Виделы, первый крупный проект Муна, касающийся прессы в Латинской Америке: приобрести, чтобы изменить ее направленность, крупную ежедневную газету, выходящую в Аргентине на английском языке и твердо противостоящую диктатуре в области прав человека. Речь идет о «Буэнос-Айрес геральд». Проект, похоже, завоевал благосклонность генерала Виделы. Но сделка не состоялась, поскольку правительство не оказало нужного давления на владельцев газеты. На следующий год, когда Пак Бо Хи объезжал Южную Америку, проводя семинары КАУЗА, генерал Видела и адмирал Массера — оба активные члены Всемирной антикоммунистической лиги — отказались от встречи с южнокорейским полковником. Трудно сказать, чем был мотивирован отказ: желанием ли политически отмежеваться от Муна или религиозным недоверием ярого католика Рафаэля Виделы.

И все же сотрудничество между Семейей и аргентинскими военными продолжается, но оно остается скрытым от посторонних глаз. Как и в Уругвае, полковник быстро довел до сведения генштаба, что Движение может поставлять оружие и военное оборудование. Предложение подверглось серьезному изучению. Приподняв уголок занавеса над этими переговорами, генерал Альбано Аргиндеги, бывший министр внутренних дел диктатуры, сообщил одному из наших сотрудников, что мунистское предприятие Кореи продало второй аргентинской хунте парашюты и обмундирование.

Самые реакционные круги аргентинской церкви поддерживают инициативу южнокорейца: монсеньор Антонио Пласа, архиепископ Ла-Платы, предлагает свое покровительство первому семинару КАУЗА в Аргентине, организованному католическим университетом Ла-Платы. Мадам Эбе де Бонафини, президент лиги

«Матери площади Мая», обвиняет монсеньора Пласа в прямом участии в репрессиях. Она сообщила, что обратилась к нему в феврале 1977 года некоторое время спустя после исчезновения ее сына, когда она еще не сотрудничала в движении за права человека и за розыск пропавших без вести. Ее свидетельство звучит обвинением: епископ принял ее и направил в кабинет в подвалах храма, где, как он ей сказал, полицейский в отставке может сообщить сведения о ее сыне. Через несколько минут она поняла, что этот человек не помогает ей, а пытается выудить информацию об окружении ее сына, которую полиция не смогла добыть иными средствами. Другие матери, обращавшиеся к монсеньору Пласа, попадали в ту же западню.

Монсеньор Пласа, который в 1981 году был принят лично папой Иоанном Павлом II, относится к тем прелатам-интегрстам, которые с величайшим усердием борются против «теологии освобождения». Второй номер журнала «КАУЗА» на испанском языке посвятил ему свою обложку — святой отец обнимает епископа* — и передовицу, из которой ясно, какие связи собирается завязать Мун с католической церковью: «Для тех, кто осознает угрозу атеистического коммунизма для сегодняшних христиан, возведение папы Иоанна Павла II на апостольский престол является господним деянием... Архиепископ (Ла-Платы) играет важнейшую роль в усилиях Святого Отца, который стремится доказать несовместимость коммунизма и христианства...»

Идеологическая близость объяснить всего не может, поэтому интересно узнать, как мунистам удалось завязать столь тесные связи с одной из крупнейших епархий Латинской Америки, тогда как епископства континента, в частности бразильское и центрально-американские, не скрывают своего отвращения к сектантству?

Ответ был получен через три года, 15 ноября 1984 года. В этот день в зале почетных церемоний ООН в Нью-Йорке ректор католического университета Ла-Платы Николас Архентато вручил дипломы *honoris*

---

* Объятие — обычный способ приветствия между епископами и не говорит ни о чем; так папа принимает всех епископов.—
Прим. ред.

causa супруге Мун Сан Мена — ее муж сидит в это время в тюрьме за налоговое мошенничество — и полковнику Пак Бо Хи. Как только об этом стало известно в Аргентине, разразился сильнейший скандал. Тем более что по Буэнос-Айресу ходили самые невероятные слухи: мол, Семья собирается купить некоторые испытывающие финансовые затруднения газеты — «Ла Пренса» и «Амбито финансьеро» — и бросить их на борьбу с «марксистом» Альфонсином. Во всяком случае, у мунистов немало друзей в этих умеренно антикоммунистических редакциях.

Специальные корреспонденты крупных аргентинских политических газет осаждают Николаса Архентато и требуют от него объяснений. И тот без тени смущения объяснения дает. Он заявляет еженедельнику «Сьете диас»: «Университет установил связи с преподающим отцом Муном и господином Пак Бо Хи. Они оказали нам существенную помощь... Они сделали весьма щедрые пожертвования — 120 тысяч долларов. Представьте, что означает эта сумма в Аргентине? Это позволило нам открыть кафедру журналистики. Мы убедились, что нами движут общие интересы... Надо искать союза с теми, кто философски близок к вам...»

Последний семинар турне проходит в отеле «Отон» Рио-де-Жанейро напротив пляжа Копакабана. Местных ведущих политических лидеров на нем нет. Ибо, в отличие от других стран региона, в Бразилии Мун больше занимался развитием Церкви, а не усилением ее политической организации. В это лето 1981 года Мун насчитывает в Бразилии тысячи верующих в двадцати городских центрах, в том числе в столицах всех штатов. Играя на глубокой религиозности, смутной и многоликой, бразильского народа, Церковь Единения разрослась здесь так, как нигде в Латинской Америке.

Конечно, секта пользуется симпатией некоторых офицеров армии, Военной школы и политической полиции (их имена есть в списке приглашенных на пан-американский семинар КАУЗА в Монтевидео в 1984 году), а один из руководителей церкви — Дайро Висенте Ферраболи заявил в сентябре 1981 года полиции Рио Гранде до Шул, что губернатор Сан-Пауло Малуф, кандидат в президенты, проигравший в январе 1985 года Танкредо Невесу, присутствовал на нескольких обедах, организованных сектой. Но здесь речь идет в основном о личных связях и заинтересованности, а не

об организованной стратегии, как в Уругвае или Боливии.

Основной оратор на семинаре на Копакабане заслуживает особого представления: его зовут Пол Перри. Журнал «КАУЗА» называет его просто профессор. А Альфредо Минголла, уже известный аргентинский агент, встретил его в Ла-Пасе в помещениях КАУЗА и считает одним из тех четырех мунистов, которые сотрудничали с генералом Гарсия Меса.

Газета, банк и отель в Монтевидео

В таком контексте получается, что Хулиану Сафи поручена не отдельная миссия. Его первоочередная задача — основать в Монтевидео крупную популярную газету, на которую сможет при случае опереться в своей пропаганде КАУЗА. 18 сентября 1981 года рождается «Ультимас нотисиас», четырехкрасочная газета уменьшенного формата, печатающаяся на самых современных ротационных машинах. Грандиозные капиталовложения в столь кризисные времена. В редакции сотрудничают настоящие профессионалы разных воззрений.

Продаваясь по цене, с которой невозможно конкурировать, «Ультимас нотисиас» стремится завоевать широкую публику: сенсационные сообщения, обширная спортивная рубрика, нейтральная политическая информация. Газета могла бы показаться объективной, если не читать передовиц, отмеченных ярким антикоммунизмом и написанных двумя крупнейшими членами КАУЗА: Сегундо Флоресом, имеющим честь состоять тестем президента республики генерала Альвареса, и университетским деятелем Хозе Гальвесом. Два человека следят за линией газеты: Карлос Эстельяно, который за несколько месяцев до выборов 1984 года был советником национального управления общественных связей правительства, и Омар Пива, старый приятель Хулиана Сафи, также пришедший из группы прессы Манини Риоса.

«Линия передовиц газеты должна быть в международном плане антикоммунистической,— говорит Омар Пива.— Это — единственное требование к нам. В национальной политике мы проводим независимую линию, не опираясь ни на одну из партий, участвующих

в гонке за президентство в 1984 году. Газета может занимать левую позицию, умеренно левую, необязательно правую. Единственное условие — быть антикоммунистами».

Многие статьи на международные темы поставляются газетами «Вашингтон таймс» или «Нотисиас дель мундо», которым подчиняется «Ультимас нотисиас». Основные темы, развиваемые КАУЗА, Пентагоном или активистами доктрины национальной безопасности, можно найти в статьях, помещенных между описаниями пары голов, забитых клубом «Пеньяроль», и скандальной публикацией в защиту рок-группы Менудо (латинский эквивалент «Джексон Файв» Майкла Джексона). За три года «Ультимас нотисиас» выходит по тиражам на третье место в Уругвае.

«Ультимас нотисиас» печатается в типографии «Импресоро Поло», еще одном предприятии, купленном поверенным в делах Муна. Его модернизация обошлась в полтора миллиона долларов. Типография печатает в 1985 году 70 процентов изданий прессы и 15 процентов всех книг в Уругвае.

Множество брошюр «КАУЗА — Интернасьональ» на испанском языке набирается именно здесь наряду с некоторыми «дружескими» журналами, вроде «Эль Сольдадо», ежемесячником Центра военных исследований. Но коммерция обязывает, и типография до ноября 1984 года печатала множество политических журналов левой оппозиции и Центра. Стефен Бойд, миссионер Церкви и местный представитель международной КАУЗА, объяснил это видимое противоречие: «Цель предприятий, которыми владеет Движение, поддерживать не только КАУЗА, но и сто пятьдесят организаций (Движения) в мировом масштабе. Поэтому в Уругвае есть разные предприятия, которые могут нам помочь в нашей работе на международном уровне».

Вот почему Движение обзавелось в Уругвае, расположенном между двумя гигантами — Бразилией и Аргентиной, двумя очень полезными рабочими инструментами: банком и крупным отелем для проведения конференций.

«Банко де Кредито», третий по величине уругвайский банк, попадает в лапы Хулиана Сафи с помощью нехитрой операции — приобретения небольших пакетов акций с ноября 1982 по февраль 1983 года. Как мы знаем, деньги, предназначенные для этой цели, уже

лежат в этом банке. Кроме Хулиана Сафи новыми акционерами являются мадам Елена Деккер и Сесилия Фрага, а также фирма «Линдомар», совершенно неизвестные в банковских кругах. Тогдашнее уругвайское законодательство не выдвигало никаких условий при приобретении национального банка иностранным капиталом. Особенно если новые акционеры получили через посредство «Ками Лтд.» Большого Каймана кредит в 63 миллиона долларов, положенных в качестве гарантии в Центральном банке за выкуп последним портфеля активов повышенного риска у «Банко де Кредито»

При виде такого потока долларов пресса и некоторые национальные финансовые круги начинают бить тревогу: «Может, Мун хочет купить Уругвай?» Пусть их операция продолжается. Движению нужен крупный роскошный отель с центром конгрессов, который может принимать семинары, организованные КАУЗА. И Хулиан Сафи приобретает за 8 миллионов долларов единственный роскошный отель Монтевидео, четырехзвездный «Виктория Плаза», и тут же начинает преобразовывать его в уникальный в своем роде гостиничный комплекс в Латинской Америке: воздушный мост на стометровой высоте между двумя башнями, две с половиной тысячи номеров и конференц-зал на 2 200 мест. Предполагаемые расходы — еще 8 миллионов долларов. Оправдание работ — создать 2 тысячи рабочих мест в стране, пораженной кризисом, и превратить Монтевидео в международный центр конгрессов.

Неожиданная трудность: вторая башня должна быть возведена на месте правительственного здания, объявленного историческим памятником. Предложен выход: обменять это здание на здание с такими же характеристиками, иными словами, здание бывших газет Манини Риоса, откупленное Хулианом Сафи, и объявить проект национальным. Все сделано к сентябрю 1983 года. Игнорируя мнение «клана» архитекторов и различных ассоциаций по защите окружающей среды, военное правительство подписывает декрет, разрешающий операцию*.

---

* Проект переделки «Виктория Плаза» был временно заморожен демократическим правительством, избранным в 1984 году. Но благодаря великолепным связям с находящейся у власти партией «Колорадо» Хулиан Сафи вновь добился согласия администрации на продолжение работ

Заваленный запросами по этому поводу, президент республики генерал Альварес напомнил, что свобода отправления культа должна касаться и Церкви Единения, и уточнил: «В деле борьбы с коммунизмом мы мыслим одинаково». В конце сентября 1984 года генерал Рапела, министр внутренних дел, которого мы спросили, есть ли идеологическое сходство между Движением Единения и военным правительством, ответил нам: «Идеологическое? Конечно! Вот почему мы его поддержали, ведь мы поддерживаем все международные организации, проводящие сходную с нами политику (кроме того) эти люди работают для блага страны, они пробуждают деловую активность и оставляют доходы на месте».

Вот так! Все оценки сходятся: за четыре года Мун вложил или перевел в Уругвай около 100 миллионов долларов. Десятая часть экспорта страны. Есть что принимать во внимание.

Хулиан Сафи не является исключительным носителем доверия и могущества преподобного отца Муна в Уругвае, как он нередко говорит.

Директору «Ультимас нотисиас», католику из ливанских маронитов (он награжден орденом «Кедра»), помогает представитель секты в лице Ингрид Линдеман, которая вначале была миссионером, а теперь стала директором «Виктория Плаза», а также, вероятно, держательницей акций «Линдомар» в «Банко де Кредито». Ее муж Вернер, нотариально заверенные документы подтверждают это, является вместе с Хулианом Сафи совладельцем типографии «Импресора Поло».

И, наконец, третий персонаж, играющий очевидную роль: аскетический и улыбчивый Стефен Бойд, руководитель уругвайской Церкви Единения, которому в любое время дня и ночи открыт доступ в гостиницу «Виктория Плаза» и в дирекцию «Ультимас нотисиас».

Стефен Бойд, идеолог Муна в Уругвае, рабочий рычаг КАУЗА, неутомимо разыскивает, собирает и обучает кадры: политиков, деловых людей, журналистов, студенческих лидеров, специалистов самых передовых отраслей (в частности, информатики), с чьей помощью организация постоянно усиливает свое влияние. Узкие семинары («Развитие коммунистической теории», «Диалектический и исторический материализм», «Марксистская экономическая теория», «Критика системы

ценностей Запада») «среди друзей» собирают за три года около трехсот потенциальных лидеров общественного мнения в стране.

От Южной до Центральной Америки

Проведение первого панамериканского конгресса КАУЗА в Монтевидео в феврале 1984 года увенчалось успехом. Под председательством Пак Бо Хи вокруг пятидесяти восьми сторонников КАУЗА-Уругвай собралось четыреста делегатов и наблюдателей из обеих Америк, Европы и Азии. Среди них — несколько влиятельных правых выборщиков двух традиционных партий «Бланко» и «Колорадо», а также несколько лиц, связанных с репрессивным аппаратом диктатуры, вроде Дольси Бритоса *, врача-психолога, обвиненного Мигелем Анхелем Эстрелла в руководстве пытками в тюрьме «Либертад», или Хорхе Гулдензофа, молодого сотрудника министерства внутренних дел и секретаря КАУЗА-Уругвай. Десять лет назад он был студенческим руководителем... коммунистической молодежи, когда, по его словам, он «отверг марксизм». С тех пор, если верить свидетельствам нынешних членов ЦК уругвайской компартии, он лично предал, арестовал, допросил и подверг пыткам около сотни активистов коммунистической молодежи Уругвая. Его бывшие товарищи дали ему прозвище «Шарлетта» — трепло.

Но список приглашенных на семинар показывает, что в 1984 году стратегические интересы КАУЗА сместились из Южной Америки в Центральную. Свидетельство тому — присутствие сальвадорского полковника Доминго Монтероза, бывшего командующего 3-й бригады Сан-Мигеля, специалиста по психологической войне **, Стедмена Фагоса, шефа антисандинистской партизанской войны мискито, а также двух американских генералов в отставке, которые прямо или косвенно участвуют в помощи Национально-демократическим силам (НДС), базирующимся в Гон-

---

* Портрет Дольси Бритоса, нарисованный Эрнесто Гонсалесом Бермехо, был опубликован в «Ле Монд дипломатик» в декабре 1983 года под названием «Хозяин заключенных».

** Погиб в вертолете, сбитом партизанами в ноябре 1984 года.

дурасе. Это генералы Роберт Ричардсон, вице-президент «Хай Франтиер», выступающий в поддержку «звездных войн», и генерал Эд Уоллнер, тогда президент КАУЗА-США, директор «Юнайтед Глоубал Стрэтеджи Каунсил», одного из «мозговых трестов» правых республиканцев, требующий от Рейгана ужесточения политики в Центральной Америке.

Желание КАУЗА поддержать «жестких политиков» рейгановской команды проявляется в ее действиях в Гондурасе в 1981—1984 годах, когда американская армия силой занимает позиции между Сальвадором и Никарагуа. КАУЗА прежде всего приглашает десяток гондурасовских деятелей посетить Южную Корею, оплачивая все их расходы. Там они встречаются с Мунном. Среди них секретарь по делам информации президента Гондураса и посол, который затем займет его место, Амилькар Сантамария. Оба сегодня являются столпами латиноамериканской КАУЗА. Эти же лица позже организуют четырехдневный семинар в Сан-Педро Сула по антикоммунизму для одной тысячи политиков, бизнесменов и журналистов.

Самые решительные становятся теперь участниками всех международных семинаров Движения Единения. Среди них — один из главных персонажей, присутствовавший на панамериканском конгрессе в Монтевидео: Марио Белот, президент Торговой палаты Гондураса и Ассоциации животноводов и земледельцев. Он один из основателей Ассоциации за прогресс в Гондурасе (АПГ), правой организации, объединяющей деловых людей и влиятельных политиков под председательством генерала Густаво Альвареса, главнокомандующего военными силами до 31 марта 1984 года.

Сильный человек «мускулистой» демократии, сторонник активного вмешательства США в Центральной Америке, генерал Альварес поддерживает с КАУЗА довольно сердечные взаимоотношения, а потому Пак Бо Хи передает АПГ сумму в 50 тысяч долларов. Резкая реакция гондурасского епископата на проникновение Церкви Единения в страну заставит генерала вернуть эти деньги КАУЗА... через восемь месяцев после их получения. Навязчивая мысль о Центральной Америке заставила КАУЗА организовать в 1983 году большое информационное турне («Фэкт Файндинг Тур») для сотни американских и европейских журналистов, обеспечив им частные интервью с генералом

Риосом Монттом, бывшим президентом Гватемалы, а также с Эдгаром Чаморро, членом руководства анти-сандинистской НДС на границе Гондураса и Никарагуа.

Та же навязчивая идея и желание привлечь внимание Европы к конфликту в Центральной Америке заставят Семью собрать в Париже в феврале 1985 года немыслимый «круглый стол» генералов и международных экспертов для обсуждения «советской угрозы на Карибских островах». Центральная тема дискуссий: Никарагуа — русская база.

Никогда еще отель «Меридьен» не собирал столь воинственного ареопага: сорок американских офицеров — в основном отставников, завербованных в «мозговые тресты» и лобби, которые борются за «мир с позиции силы» и за «звездную войну»; четыре генерала и один адмирал, занимавшие значительные посты во времена аргентинской диктатуры, в том числе Осирис Вильегас, защитник печально известного генерала Кампса, символа репрессий в своей стране; чилийцы; центральноамериканцы; генерал Клоуз, бывший член генштаба НАТО и «мозг» Всемирной антикоммунистической лиги в Европе... Среди французов несколько офицеров из крайне правых * и Ролан Гоше, член политбюро Национального фронта...

Международный совет безопасности, который принимает их — все расходы оплачены, — один из многочисленных филиалов Движения, предоставленных в распоряжение администрации Рейгана для ведения центральноамериканской кампании. Вступление Семьи в борьбу против сандинистской революции влетает в копеечку. Но она может принести главное — окончательное признание Муна Америкой.

16. В ДЖУНГЛЯХ ВМЕСТЕ С КОНТРАС

Имя Джона Ли Андерсона мало известно в американской прессе. Однако перед ним распахивается множество дверей, и нередко его расследования вызы-

---

* КАУЗА-Европа сумела «добыть» для других семинаров генералов в отставке Альбера Мерглана, бывшего командира 2-го парашютного полка, и Этьена Копеля, автора бестселлера «Победить войну» (Copel E. Vaincre la guerre. Paris, 1984)

вают скандал или сенсацию. Он работает для одного из знаменитейших хроникеров страны Джека Андерсона, чьи разоблачения создали и сломали за последние двадцать лет не одну политическую карьеру.

«Частная война»

В августе 1984 года он мотается вдоль гондурасско-никарагуанской границы в сопровождении антисандинистских партизан. Джунгли густы и влажны, но сезон дождей, похоже, не досаждают контраст — они хорошо накормлены, натренированы, отлично вооружены.

Джон Ли Андерсон удивлен. Он думал увидеть здесь солдат, лишенных припасов после последовавшего несколько месяцев назад официального прекращения военной помощи ЦРУ. Вечером на привале он спрашивает офицеров и быстро выясняет, что «война, которую администрация Рейгана ведет против Никарагуа, использует иные источники финансирования». Десяток американских консервативных организаций — в основном под руководством бывших офицеров американской армии — подхватили эстафету Центрального разведывательного управления. За один год они переправили сюда 17 миллионов долларов наличными, а также в виде продуктов питания, обмундирования, медикаментов и военно-полевого оборудования.

ЦРУ, однако, не прекратило своих действий. Кое-какие сведения, выболтанные гондурасскими офицерами в их столовых и клубах от столицы Тегусигальпы до южной границы и дошедшие до чужих ушей, позволяют нашему журналисту утверждать, что американские секретные службы по-прежнему берут на себя 20 процентов расходов контраст, в основном поставляя вооружение и боеприпасы.

Офицеры и политические руководители антисандинистской партизанской войны не имеют особых причин молчать. Им часто повторяли в Вашингтоне и в Майами, что они являются передовым отрядом обороны Америки от марксизма! Да и зачем скрывать помощь друзей-консерваторов, когда каждый видит, какую тыловую поддержку оказывают американские власти в Гондурасе частным группам.

Всем, к примеру, известно, что небольшая коммерческая авиакомпания «Сетка» была создана ЦРУ для переброски оружия и грузов для контраст. Никого не смущает тот факт, что она оказывает услуги «Друзьям Америки» — организации, доставившей в 1984 году в лагеря антисандинистов десятков медицинских бригад, а также, если верить публикациям, портативные радиотелефоны, лодки, подвесные двигатели и электронное оборудование.

Всем также известно, что посольство США в Тегусигальпе служит почтовым ящиком для членов «Сивилиен Милитари Эсистанс», храбрых парней из Алабамы, которые «с успехом помогают борцам за свободу» под руководством одного ветерана вьетнамской войны. С 1983 года они поставили НДС более шестидесяти тонн военного оборудования и прислали около сотни военных советников, механиков и врачей. Парни «засветились», когда двое из них погибли в вертолете, сбитом никарагуанскими ПВО.

Еще один секрет Полишинеля: американские военные самолеты бесплатно доставляют из США в Гондурас медикаменты и продукты питания, собранные правыми в результате беспрецедентной мобилизации общественного мнения. На месте все это перегружается на грузовики гондурасской армии, и ценный груз доставляется в лагеря никарагуанских беженцев, расположенных рядом с границей неподалеку от тыловых баз контраст.

Так из визитов и встреч Джон Ли Андерсон тклет основу истории, которая через несколько месяцев станет сенсацией во всех крупных газетах США: «Американские граждане ведут частную войну против сандинистской Никарагуа!»

Но еще не все сюрпризы позади: там и сям в лагерях беженцев мискито* отдыхающие гражданские и военные носят бело-красную майку с малоизвестным символом: карта Северной и Южной Америки в обрамлении красной и синей стрел. Под символом пять букв: КАУЗА. Неужели здесь есть и крестоносцы Движения Единения преподобного отца Муна? Офицеры НДС и МИСУРА** подтверждают это.

---

* Вместе с сума и рама одна из трех индейских народностей атлантического побережья Никарагуа.

** МИСУРА — вооруженная антисандинистская организация, объединяющая мискито, сума и рама.

С момента прекращения помощи ЦРУ весной 1984 года мунистские организации стали одним из основных источников финансирования и снабжения антисандинистских партизан. Опрошенные репортерами телевидения Би-би-си Дэвидом Тейлором и Питером Корнблю, военные руководители НДС дали тот же ответ.

Новость заставляет задуматься. Нелегко поверить, что религиозное движение, которое провозглашает борьбу в философском и идеологическом плане, ввязалось в авантюру, где в одном котле варятся бывшие разведчики, вьетнамские ветераны и генералы в отставке. Отметим только, что никто не ставит под сомнение заявление Адольфо Кальеро, президента НДС, когда он сообщает прессе, что «солидная часть» оружия поступает от организаций, созданных бывшим главнокомандующим американских ВВС в Корее генералом Синглаубом. И заявление главнокомандующего НДС Энрике Бермудеса, когда он утверждает, что часть фондов, полученных его генштабом, попадает к нему от весьма почтенной организации «Хьюмен Девелопмент Фанд» в Майами.

КАУЗА отказывается комментировать заявления, сделанные представителю Джека Андерсона. Ее североамериканская секция отвечает коротким «никаких комментариев» на вопросы следователей из «Армс Контрол энд Форейн Полиси Кокес», парламентского комитета, который готовит к апрелю 1985 года доклад под названием «Кто такие контрас? Кто помогает контрас?»

КАУЗА, однако, не отрицает всего разом. Один из ее главных руководителей-американцев признает, что организация «разработала программы и каналы доставки», чтобы помочь беженцам в Гондурасе. Дэвид Уоллнер, генерал в отставке и президент КАУЗА-США с 1980 по 1985 год, оценивает в миллион долларов стоимость грузов, отправленных с середины 1984 года: продукты питания, обмундирование, детские игрушки, одеяла и палатки... Здесь нет никакого военного снаряжения и нет наличных для его приобретения.

Операция настолько недвусмысленна, что ей в открытую помогает Джон Негропonte, посол США в Гондурасе, бывший резидент ЦРУ в Сайгоне во время войны во Вьетнаме. Сторонник силовой борьбы с сандинистами, поддерживающий тесные дружеские связи

с мунистами с тех пор, как полковник Пак Бо Хи, вспомните об этом, сделал КАУЗА-Гондурас одним из самых активных проводников американской политики в регионе (см. главу 15).

«КАУЗА рипорт» — внутреннее издание организации в США предложило читателям символическую фотографию, на которой с улыбками позируют г-н и г-жа Негропонтэ рядом с г-ном и г-жой Уоллнер. В подписи уточняется, что посол принял посланцев КАУЗА в своей резиденции по случаю доставки в Тегусигальпу крупной партии грузов для беженцев.

Небольшие проспекты, распространяемые КАУЗА-США среди участников семинаров, тоже не делают тайны из ее деятельности на границе с Никарагуа. На мелованной бумаге сверкают цветные фотографии, переносящие нас на берега реки Коко, где некое ответственное лицо из Тегусигальпы вручает груз индейцам в майках с надписью КАУЗА. На фотографиях видны ящики с трехцветной наклейкой «КАУЗА-Интернасьональ», сложенные под навесом из бамбука и пальмовых ветвей. Все признаки того, что мы находимся во владениях мискито: лица, окружающая растительность, конструкция склада.

Оружие мискито

Вместе с «Друзьями Америки» Церковь Единения является одной из самых верных опор МИСУРА. Еще активней, чем КАУЗА в труднодоступных районах гондурасского юго-востока, действует другой малоизвестный филиал Движения — он также создан преподобным отцом Муном. «Интернешнл Релиф Френдшип Фаундейшн», таково его название, доставил в эти нездоровые места, где всего не хватает, семь тонн пищевых продуктов и медикаментов и около 500 килограммов одежды. На расстоянии ружейного выстрела от позиций сандинистов, которые засели на другом берегу реки, вперемежку разбиты лагеря беженцев и базы антисандинистских партизан. Это доказано многими фильмами, в том числе и фильмом Вернера Херцога.

Чтобы не кормить людей, которые пополняют колонны антисандинистских партизан, множество международных гуманитарных организаций предпочитают работать с верховным комиссариатом по делам

беженцев ООН, чьи лагеря расположены более чем в двадцати пяти километрах от границы.

Без помощи мунистов и других групп полторы тысячи индейских бойцов МИСУРА не смогли бы сковать действий такого количества сандинистских батальонов в болотах никарагуанского северо-востока. И миф о массовом восстании индейского населения вряд ли бы выжил.

«Стедмен Фегот Мюллер, лидер МИСУРА, поддерживает с нами великолепные отношения», — признался мне без всякого смущения Пьер Сейрак, генеральный секретарь КАУЗА-Европа через год после расследования посланца Джека Андерсона. «Оператор и режиссер КАУЗА Ли Шапиро снял отличный фильм о сандинистском геноциде против мискито для американского телевидения...» Сын пастора моравской церкви — протестантской секты, распространенной среди индейцев атлантического побережья Никарагуа, — вначале захваченный революцией, а затем бывший объектом преследования со стороны сандинистов, обвинивших его в сотрудничестве со службами Сомосы, Стедмен Фегот знает, чем он обязан своим друзьям-мунистам. Он был единственным представителем антисандинистских движений, кто присутствовал на первой панамериканской конференции КАУЗА в феврале 1984 года в Монтевидео.

Как каждая из ста пятидесяти организаций, составляющих одно огромное мунистское целое, Всемирный фонд помощи и дружбы (ВФПД) является организацией международной, живущей на деньги Движения Единения. Американская ветвь появилась на свет в 1976 году в результате пожертвования Церкви в размере 225 тысяч долларов, а десять лет спустя Церковь обеспечивает ей 90 процентов ее бюджета. КАУЗА иногда оказывает ей помощь: в течение лета 1984 года службы генерала Уоллнера выплатили 3 тысячи долларов за фрахт самолета, перевозящего груз ВФПД в Гондурас. Прекрасный пример гибкого распоряжения фондами и взаимозаменяемости функций внутри Движения в случае необходимости или срочности. ВФПД проводит в жизнь волю Муна в большей степени, чем группа прессы «Ньюс Уорлд Коммюникейшнз» или КАУЗА. В отличие от политических инструментов Движения, чье управление частично доверено не мунистам, чтобы повысить их эффективность

и доверие к ним, «гуманитарная ветвь» почти полностью в руках служителей Церкви. Ее президент — высший сановник Церкви, преподобный отец Квак Чун Хван, один из тех таинственных корейцев, которые живут в общине в «Бельведере», роскошной нью-йоркской резиденции супругов Мун и их «детей». Этот человек, быть может, могущественнее полковника Пак Бо Хи. Жан Пьер Габриель, директор журнала «КАУЗА» во Франции, говорит о нем тем мягким и сдержанным тоном, которым говорят о старших «братьях» Семьи. За восхищением чувствуется уважение, если не страх: «У преподобного отца Муна две правые руки, полковник Пак и преподобный отец Квак. Он находится в США всего пять или шесть лет. Он контролирует Церковь, ее миссионерскую деятельность. Мы обязаны ему последней публичной письменной версией «Божественных принципов», нашей Библии. Он отвечает за ортодоксальность нашего учения...»

Таким образом, решение о помощи во что бы то ни стало партизанской войне мискито и беженцам, являющимся ее естественным резервом, было принято в святая святых, в ближайшем окружении «Отца». Расчет мунистских стратегов в общем верен. Хотя есть сомнения в эффективности полутора тысяч бойцов МИСУРА, ослабленных сварами их вождей, выходцев из разных народностей, плохо тренированных и по традиции чуждых никарагуанским войнам.

Однако не стоит забывать, что с 1980 года проблема мискито остается лучшим политическим козырем американцев в партии, начатой Вашингтоном против сандинистов. Массовые переселения индейцев с атлантического побережья вызвали первые нападки официальной церкви на правительство в Манагуа. Обвинение в том, что идет «геноцид мискито», убедило американское общественное мнение — оно всегда стремится искупить преступления истребителей апачей — в нечистоплотности никарагуанских команданте. Именно досье «Атлантическое побережье» омрачает отношения между сандинистами и европейской социал-демократией.

Ведущие органы массовой информации правых незамедлительно подхватили тему и в несколько месяцев превратили эту индейскую общину в 150 тысяч душ в свой избранный народ. Жертвы сменяющихся

друг друга диктатур, несколько миллионов гватемальских индейцев, перемолотых жерновами истории, не получили права на такое признание.

Конечно, хроника кровавых преступлений сандинистов на индейских землях не всегда убедительна. Во Франции «Фигаро-магазин» опубликовала гигантскую фальшивку: фотографию нескольких горящих трупов. Надпись гласила, что это — тела индейцев мискито, убитых Народной армией сандинистов. После проверки выяснилось, что фотография сделана несколько лет назад во время гражданской войны при сомосовском режиме, а спичками чиркали члены «Красного креста»... В 1979 году трупы разлагаются по обочинам дорог...

Не все ли равно! В главном мунистский генштаб не ошибается: когда в 1984 году ЦРУ прекращает официальную помощь контрас, индейские мятежники побережья набрали завидный капитал симпатий, а гражданские руководители НДС безуспешно пытаются скрыть тот факт, что 99 процентов офицеров их штаба состоит из сомосовских служаек. Поэтому необходимо убедить западноевропейские правительства и общественное мнение, что контрас — это и мятежники мискито. Этому способствуют и усилия ВФПД и КАУЗА в Гондурасе. В гондурасских лагерях Рус Рус и Пранца в Пуерто Лемпира в Никарагуа Джон Ли Андерсон видел их активистов за работой. Они работали скрытно, но эффективно.

Агенты-ученики

Идея слить бывших офицеров Сомосы в одно более благообразное целое пробивает путь и в ЦРУ с начала тайной войны. Первые попытки начались через некоторое время после избрания Рональда Рейгана на первый срок президентства в 1980 году. Вначале речь шла об объединении НДС с несколькими гражданскими лицами вроде Адольфо Кальеро. У президента НДС прекрасный политический профиль: рьяный консерватор, стоявший в оппозиции Сомосе во время диктатуры.

Затем предприняты усилия объединить под одним знаменем борьбы за свободу сторонников бывшего диктатора и некоторых их вчерашних противников. А именно Эдена Пастора, знаменитого «команданте

Зеро» сандинистского фронта, и Альфонсо Робело, члена первой хунты послереволюционного правительства, вставших на путь вооруженного диссидентства. Операция провалилась. Пастора категорически отказался вести диалог с некоторыми из сомосовских палачей, несмотря на постоянное и довольно мощное давление ЦРУ.

Этот маленький экскурс в дела американских секретных служб служит целям книги. Ибо с начала войны КАУЗА-Интернасьональ также пытается свести воедино различные направления контраст. Так утверждает вышедший из НДС Фернандо Чаморро по прозвищу «Эль Негро», который до 1984 года был членом руководства организации и отвечал за ее внешние связи. Он покидает ее, убедившись в невозможности очистки генштаба от элементов, наиболее скомпрометировавших себя репрессиями в период Сомосы. Джон Ли Андерсон, наш следователь, встречается с ним несколько раз до и после его выхода из НДС. «Эль Негро» впервые упомянул о мунистах как-то ночью 1983 года в Тегусигальпе во время долгой беседы, затянувшейся до утренней зари: он принял в прошлом году приглашение Пак Бо Хи, обратившегося к нему лично, посетить Калифорнию — все расходы будут оплачены, — где была предпринята попытка создать федерацию никарагуанской оппозиции. Мунистские руководители в открытую говорили собравшимся в Сан-Франциско главарям мятежников и лидерам эмиграции: объединитесь, и мы окажем вам существенную финансовую помощь.

Для читателя, заблудившегося в джунглях тайной центральноамериканской войны, автор хотел бы поставить несколько вех: заявление «Эль Негро» по новому освещает деятельность «политиков» Движения Единения. Речь не идет об обеспечении выживания беженцев мискито, которые, быть может, завтра надедут форму партизан МИСУРА. Речь идет о перестройке структуры и финансирования армии, которая ведет войну с правительством, признанным международным сообществом. А эта война унесла с начала 1985 года жизни 7968 никарагуанцев.

«Эль Негро» Чаморро не приехал на следующие встречи в Вашингтоне и Чикаго. Между ним и Пак Бо Хи что-то разладилось. Чаморро нашел мунистов «странными» и попросил Джона Ли Андерсона по-

подробней рассказать о Движении Единения. Но он внимательно следит за развитием ситуации и сообщает журналисту, что часть помощи, обещанной в 1984 году, вот-вот будет разморожена.

16 августа 1984 года «Вашингтон пост» публикует хронику Джека Андерсона под резким названием «ЦРУ и мунисты сотрудничают в войне против сандинистов». Его первые слова погружают ошеломленных либералов Америки в пучину раздумий: «В горах Центральной Америки иногда трудно отличить агентов ЦРУ от учеников преподобного отца Мун Сан Мена...»

А недавно заключенный в тюрьму Дэнбери в штате Коннектикут за неуплату налогов, основатель Церкви Единения шлифует в камере тему новой кампании, которую его Движение собирается начать во всем мире. Он избирает две главенствующие идеи: в стране свободы Мун стал жертвой религиозных преследований. И кроме того, преподобный отец нажил себе столько врагов из-за своего антикоммунизма!

Руководимая полковником Пак Бо Хи газета «Вашингтон таймс» систематически использует эти два аргумента в нескольких передовицах, посвященных тюремному заключению «Нового Мессии».

Выдающиеся специалисты из мира разведки, которые кишат в редакции,— как мы увидим дальше, находясь в постоянном контакте с Белым домом и Пентагоном,— не считают нужным комментировать обвинения, выдвинутые Джеком Андерсоном.

17. МУН, «ЧАСТНАЯ ВОЙНА» И ВСЕМИРНАЯ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЛИГА

Рыцарь плаща и кинжала

Знал ли и любил ли Джон К. Синглауб что-нибудь другое, кроме войны и тайных сражений?

В двадцатитрехлетнем возрасте он прыгает с парашютом на территорию Франции, оккупированную Гитлером. Операция «Джедбург». Его группа должна

отыскать бойцов Сопротивления, вручить им передатчик и обеспечить на первых порах связь с Лондоном. Вокруг ядра офицеров и агентов американской и английской разведок «джедбургги» собирают полсотни французов и бельгийцев. Некоторые из участников этой операции сделают карьеру, как, например, Уильям Колби, будущий директор ЦРУ, Томми Макферсон, будущий советник Маргарет Тэтчер, и Мишель де Бурбон, который станет торговать оружием по поручению сменяющихся одно другое французских правительств.

Едва выйдя из французских маки, наш герой летит на край света, чтобы принять участие в другой войне. Секретные службы американской армии — пресловутая ОСС — попросили его стать советником партизан Гоминьдана, которые не дают покоя японцам на китайско-индокитайской границе. Идет 1945 год, Джон К. Синглауб только-только начал жизнь взрослого человека. Он родился двадцать четыре года назад в небольшом калифорнийском городке, носящем легендарное, святое для Америки имя: Индепендент*!

Японцы побеждены, война окончена, но Синглауб не возвращается домой. Он остается в строю, поскольку ни один офицер американской разведки не сомневается: истинные враги Америки в Азии — коммунисты вышли из мирового конфликта более сильными. Синглауб отправляется в Мукден, в китайскую часть Маньчжурии, которую покинули японские войска. Там он возглавляет секцию ЦРУ и два года наблюдает, как партизаны Мао Цзэдуна потихоньку отгрызают от Китая кусочек за кусочком. Он улетает последним самолетом накануне прибытия коммунистических войск.

Едва Америка вступает в войну против Северной Кореи, как Синглауб записывается в армию добровольцем. Вначале получает пост заместителя резидента ЦРУ в Сеуле, а затем его назначают командиром пехотного батальона.

Во Вьетнаме ему открывается новая сторона войны. С 1966 по 1968 год он руководит штабом так называемых неконвенционных сил. Во главе Группы наблюдения и исследований — странное название для 10 тысяч специально обученных головорезов коман-

---

* Независимый. — Прим. перев.

дос — он ведет тайную войну против коммунистов в Северном Вьетнаме, Камбодже и Лаосе. Он становится экспертом по саботажу, психологической войне, ночным вылазкам.

Рыцарь выйдет из тени много позже. В пятьдесят пять лет его назначают начальником генштаба сил ООН и 8-й американской армии в Сеуле. Через год, в 1977 году, он публично выступает против президента Картера, намеревающегося вывести американские войска из Южной Кореи. Отозванный в США, Синглауб в несколько месяцев становится новым героем правых, раздраженных политикой защиты прав человека, которую проводит президент. Картер меняет решение. Американские парни остаются в Корее, а генерал отправляется в горы Колорадо.

Через семь лет его имя начинает мелькать в сенсационных заголовках американской прессы: «Частная война генерала Синглауба» — такой заголовок дает денверская газета «Уэстуорд» (Колорадо) в апреле 1985 года. Месяц спустя «Вашингтон пост» публикует его фотографию в парадной форме под тремя колонками текста: «Частные группы увеличивают мощь контраст».

Шеф «зеленых беретов» во Вьетнаме не удержался от возможности взять реванш: марксисты-ленинисты Никарагуа должны быть побеждены. На этот раз Америка победит любыми средствами! Лидеры контраст нашли спасителя в лице ветерана операции «Феникс», в ходе которой было уничтожено 20 тысяч индокитайцев, заподозренных в принадлежности ко Вьетконгу.

Адольфо Кальеро, президент НДС, признал в 1985 году, что с момента официальной приостановки помощи ЦРУ Синглауб стал «существенным» источником финансирования поставок оружия.

При симпатии Пентагона

По-видимому, обстановка не способствовала этому, и мне было трудно признать в моем визави опасного экстремиста, о котором говорит весь либеральный Вашингтон. Палас ресторана «Шератон Карлтон» гасит все звуки, а Джон Синглауб в штатском костюме спокойным голосом вещает о своих проектах. Пря-

мой взгляд, коротко и безупречно подстриженные волосы, стоящие торчком уши, волевой подбородок выдают бывшего командира скаутов.

Но мои сомнения скоро рассеиваются. Генерал протягивает мне брошюру, изданную американской секцией Всемирной антикоммунистической лиги. Под заголовком «Борцы за свободу преданы» напечатаны фотографии о его визите в лагерь контраст в Гондурасе. Рядом с ним Адольфо Кальеро и Энрике Бермудес, главнокомандующий НДС, бывший полковник национальной гвардии Сомосы.

— Чтобы выжить,— говорит мне генерал Синглауб,— контраст нужно, как минимум, полмиллиона долларов в месяц. Для вооружения новых бойцов необходимо еще 3 миллиона долларов в месяц. На сегодня (26 июня 1985 года.— *Прим. авт.*) они не получили от американского правительства ни цента... 100 процентов денег поступают из частных пожертвований...

Военная помощь? Генерал не увильивает от ответа. Да, он собирает деньги, которые антисандинистские партизаны тратят на приобретение оружия. Но, уточняет он, чтобы не нарушать американское законодательство, принимает пожертвования только от лиц, живущих «за морями», и иностранных бизнесменов, «некогда торговавших с Никарагуа». Находится ли секретный банковский счет, открытый им и на котором 2 миллиона долларов (он признает, что получил их), в Швейцарии или на Карибских островах? Во всяком случае не на Карибах. В остальном без комментариев.

Гуманитарная помощь? Зачем скрывать, что владельцы крупных американских компаний были очень щедры? Жертвовали и по 100 тысяч долларов. Признает, что два техасских нефтяных босса Нельсон Хант и семья Хоуэлл («Хоуэлл Инструментс») — они традиционно финансируют все антимарксистские начинания — ответили на призыв. Вот уже два года, как генерал успешно стучится в двери крупных консервативных ассоциаций. В апреле 1985 года он получает 100 тысяч долларов от участников конференции «Каунсил фор Нешнл Полиси», ультраконсервативных лоббистов, куда входят политики, бизнесмены и религиозные деятели, поддерживающие никарагуанскую контрреволюцию. Среди них Пет Робертсон, владелец крупнейшего канала американского религиозно-

го телевидения — «Крисчен Бродкастинг Нетворк» (28 миллионов потенциальных телезрителей), — который призвал в своих передачах начать сбор средств для контраст под лозунгом — хватило же смелости сказать — операция «Благословение».

Генералу нетрудно убедить своих собеседников. И действительно, после отказа конгресса в октябре 1984 года предоставить новые кредиты для вооружения контраст координацию частной помощи антисандинистам взял на себя «Каунсил фор Нешнл Полиси». В КНП входят руководители организаций поддержки, представленных в лагерях на границе Гондураса. Джон К. Синглауб, естественно, является членом директорского совета КНП.

Он утверждает, что «его усилия пользуются поддержкой Белого дома, Пентагона и госдепартамента». Полгода спустя стало известно, что КНП проводит в жизнь план восстания, разработанный созданным для этой цели комитетом Пентагона — и там главным действующим лицом является Синглауб, — но не поддержанный официально из-за отказа конгресса. Министерство обороны с симпатией следит за развитием «частной войны».

Доклад «Армс Контрол энд Форейн Полиси Кокес» — мы о нем говорили выше — под названием «Кто такие контраст? Кто помогает контраст?» сообщает, что Синглауб прямо руководит пятью из тринадцати основных групп по сбору денег или вдохновляет их. В частности, он работает рука об руку с руководителями «Соулдже оф форчун», информационного журнала для наемников, в котором рассказывается об изменениях в области вооружения и техники партизанской и контрпартизанской войны. Журнал, который в свое время вербовал людей для белого правительства Родезии, похоже, убедил некоторых англичан и французов в неотложной необходимости присоединиться к «борцам за свободу». За 400 долларов в неделю и солидную личную страховку! Главный редактор журнала не скрывает, что поставлял в Никарагуа полувоенное оборудование.

Но Джон Синглауб не относится к людям, которые прячутся за спины своих сообщников. Он имеет свою собственную организацию для помощи контраст. В 1981 году он возглавил «Юнайтед Стейтс Каунсел фор Уорлд Фридом» (переименованный затем в «Эме-

рикен Каунсел фор Уорлд Фридом»), подчиненный Всемирной антикоммунистической лиге. Он не боится предстать глашатаем нового крестового похода. Брошюры ЮСКУФ торжественно предупреждают читателя: «Каждая страна, отданная коммунистам, должна тревожить американцев. Ибо такая потеря приближает тот день, когда наша собственная свобода станет непосредственной, а уже не конечной мишенью коммунистических деспотов».

К письму, подписанному его рукой, в качестве иллюстрации приложена фотография улыбающегося генерала в парадной форме с девятью рядами наградных планок. Письмо заканчивается следующими словами: «Мы можем противостоять коммунистической кампании дезинформации и подрыва наших устоев и достичь нашей конечной цели — победы свободы над коммунизмом».

Взрывчатая смесь

С 1981 года, когда он становится во главе американской секции, по 1985 год Джон Синглауб превращает Всемирную антикоммунистическую лигу в опасную военную машину. ВАКЛ уже давно нуждалась в новом хозяине. Основанная в 1967 году на Тайване, она имела пожизненным президентом Чан Кайши. После его смерти факел подхватил второй создатель организации — бывший вице-президент Гоминьдана Ку Чен Кан. Но старому лидеру китайского националистического движения трудно справиться с кризисом роста этой огромной машины. Судите сами: девяносто национальных секций, объединенных в пять региональных комплексов: Азия — Океания, Ближний Восток, Европа, Южная Америка, Северная Америка.

Основателями ВАКЛ были азиаты. В разгар корейской войны антикоммунистические лидеры региона почувствовали необходимость опереться на некую общую организацию, которая могла бы противостоять Коминформу. В конце войны южнокореец Ли Сын Ман и китаец с Тайваня Чан Кайши решили создать АКЛАН — Антикоммунистическую лигу азиатских народов. В эту организацию входили десятки тысяч активистов националистического Китая, а затем к ним присоединились в связи с индокитайскими конфликтами проамериканские президенты Южного Вьетна-

ма и Камбоджи Нгуен Ван Тхиеу и Лон Нол, поддерживавшие новую организацию.

На Ближнем Востоке, в Европе и США к инициативе отнеслись с пониманием. Король Саудовской Аравии Фейсал решил оказать финансовую помощь проекту и направил «зачинщикам» множество посланий, подбадривая их. Беженцы из стран Востока, объединенные в «Антибольшевик Блок оф Нешнз» — довольно влиятельная группа в США, — сблизилась с АКЛАН.

С благословения самых твердолобых кругов ЦРУ в 1967 году рождается ВАКЛ, объединившая всех, кто видел в военно-идеологическом столкновении с Москвой единственный путь решения болевых проблем свободного мира от Азии до Латинской Америки.

С начала семидесятых годов ВАКЛ представляет собой взрывчатую смесь экстремистски настроенных лиц и организаций. На конференциях лиги встречаются высокопоставленные личности, за ними с любопытством следят истинные хозяева аппарата, азиаты и американцы. Национальные руководители, симпатизирующие наблюдатели или очередные ораторы — все исповедуют одну идею: в свободном мире нет места для социалистических режимов. Кто они, эти люди? Диктаторы с грязными руками, такие, как Анастасио Сомоса, адмирал Массера, член первой аргентинской хунты и прямой начальник пыточных дел мастеров из Школы морских механиков в Буэнос-Айресе, генерал Ли, который вместе с Аугусто Пиночетом делит власть на следующий день после смерти Сальвадора Альенде, вечный диктатор Парагвая Альфредо Стресснер *, руководители террористических групп, например антикастровской «Альфы-66» — организация покушения на Кастро неоднократно рассматривалась в ВАКЛ в семидесятых годах — или сальвадорского ОРДЕН, или Аргентинского антикоммунистического альянса (эскадроны смерти).

В ВАКЛ будут сотрудничать и неофашисты, к примеру, из Итальянского социального движения (ИСД) или «Ордине Нуово», и мексиканские нацисты. Есть и французские офицеры, близкие в свое время к ОАС, бельгийский генерал, избранный позже сенатором, даже «политики», на встречу с которыми вряд ли

---

* Умер в 1989 году. — Прим. ред.

можно было рассчитывать здесь, вроде Джин Киркпатрик, позировавшей официальному фотографу XVI конференции рядом с бывшим сотрудником третьего рейха, экс-премьер-министром эфемерной Независимой Республики Украины (1941), или Мари Франс Гаро, также присутствовавшей на XVI конференции в Люксембурге, где в 1983 году она брала слово.

Столь разнородные лица вряд ли могут договориться об общей стратегии. Здесь одного антикоммунизма мало.

Джон Синглауб оказывается как нельзя кстати, чтобы установить в доме порядок. Наводя позолоту на герб организации и повышая ее действенность, он изгоняет из нее самых шумных неофашистов и неонацистов. Тех, кто, рискуя вызвать сильнейший внутренний кризис, пытался взять контроль над ВАКЛ в семидесятые годы. В основном это мексиканцы. Не все испытывавшие ностальгию по «Оси» * ушли, но оставшихся приструнили.

Затем, воспользовавшись тем, что два раза подряд он был избран президентом ВАКЛ, ибо в 1984 и 1985 годах ежегодные конференции лиги проходят в США, бывший начальник специальных сил во Вьетнаме поставил перед организацией первоочередную цель: поддерживать всеми средствами антикоммунистические движения вооруженного сопротивления. Начиная с никарагуанских контрас. Весьма направленная благотворительность...

С 1984 года секции ВАКЛ в Южной Корее, Японии, Бразилии, Аргентине, Франции, Великобритании и националистическом Китае получают распоряжение снабжать никарагуанцев оружием, поскольку пожертвования американских бизнесменов, живущих за границей, не могли покрыть всех нужд. Находясь на гребне рейгановской волны и убежденные в том, что они действуют на благо Америки, а значит, и всего мира, руководители ВАКЛ в США до некоторой степени рекламируют операцию. В другие времена она осталась бы секретной.

Проговорился богатый тexasский нефтепромышленник. Член консультативного комитета американской секции, а по случаю и один из главных поставщи-

---

* Имеется в виду «Антикоминтерновский пакт», подписанный Германией, Японией и Италией в 1936—1937 годах.—Прим. ред.

ков денег — Берт Херлбат сообщил «Вашингтон пост» весной 1985 года, что тайванцы и южнокорейцы высылают ежемесячно по 50 тысяч долларов для контрабанды. Синглауб не опровергает заявления, однако уточняет, что на уровне его обязанностей Берт Херлбат не мог иметь доступа к этим цифрам. Техасец упорствует, напоминая, что сопровождал генерала в его поездках по миру, и добавляет, что Джона Синглауба «силы сопротивления всюду принимают как короля».

«Победа над коммунизмом»

Разве мог Мун Сан Мен со своими мечтами о «походе на Москву» не заметить усилий Всемирной антикоммунистической лиги? Он, в чьей официальной биографии числится героический побег из коммунистического концлагеря; он, который в 1975 году пригласил нескольких представителей «порабощенных наций» Восточной Европы, чтобы они выслушали его пресловутую сеульскую речь, где он перед миллионной аудиторией объявил коммунизм «врагом Бога и человечества». Мог ли он не заметить генерала Синглауба, человека, который открыто говорит и делает то, что религиозное и идеологическое Движение Единения часто вынуждено обдумывать и делать втайне?

Конечно нет. Мун обратил внимание и на человека, и на организацию. А поступил еще хитрее. Он сделал Церковь Единения одним из столпов Всемирной антикоммунистической лиги. Боевая лошадь мунистов внутри антикоммунистического «Интернационала» называется «Победа над коммунизмом». Организация появилась на свет всего через год после первого конгресса ВАКЛ в 1967 году на Тайване.

Если воспользоваться мунистской фразеологией, «Международная федерация за победу над коммунизмом» родилась из прозрения преподобного отца Мун Сан Мена. Вначале она должна была называться «Международной федерацией за искоренение коммунизма».

Официально основанная в Корее в 1968 году, на самом деле она зародилась в конце 1961 года, когда государственный военный переворот положил конец президентству Ли Сын Мана. Преподобный отец с не-

скрываемым удовольствием приветствует смену власти. Ибо первый президент корейской республики не питал к Муну нежных чувств. Он всегда отказывался видеть в нем «Нового Мессию» и позволил бросить его в тюрьму. Пока он был у власти, Церковь, Мун знает это, могла подвизаться лишь на вторых ролях.

Мы уже видели, что в конце пятидесятых годов Церковь Единения усилили четыре молодых офицера, тесно связанных с будущими путчистами. Одним из них был Пак Бо Хи, тогда корейский военный атташе в Вашингтоне. Два других вскоре стали ближайшими сотрудниками организатора переворота Ким Чон Пиль. На следующий день после захвата власти он организует КЦРУ и начинает укреплять политические основы режима. Через своих двоих сотрудников-мунистов Ким Чон Пиль узнает, что Церковь Единения готова включиться в антикоммунистическую борьбу бок о бок с правительством. Он встречается с руководителями мунистов и заявляет им, что готов в свою очередь поддержать их движение.

Через посредство КЦРУ Движение Единения обеспечило финансирование двух проектов, любимых детищ сеульского правительства и ВАКЛ: «Центра Свободы» в корейской столице и радио «Свободная Азия» (см. главу 9). Создание в 1968 году «Победы над коммунизмом» вписывается в общий логический контекст: захватить плацдарм на позициях антикоммунизма, сделаться полезным, а затем необходимым. Заработать влияние и власть, чтобы затем навязать свои взгляды.

В разгар войны во Вьетнаме, как некогда во время войны в Корее, у Сеула лишь одна забота: собрать и объединить силы — разрозненные? — пока еще готовые сражаться ради спасения главного: бога, семьи, прибылей. Но в 1968 году в «третий мир» пришла мода на освобождение народов, а не на «поход на Москву». Президент Пак и его премьер-министр Ким Чон Пиль стремятся в 1967 году ускорить ВАКЛ и борются за то, чтобы генеральный секретариат организации разместился в Сеуле.

В такой атмосфере общей мобилизации антикоммунистических сил Мун Сан Мен создает в начале 1968 года «Международную федерацию за победу над коммунизмом». Естественно, что мунисты участвуют и в первом семинаре ВАКЛ, организованном в Сеуле

в ноябре 1968 года в новеньких залах «Центра Свободы». В корейской делегации есть даже будущий сановник Церкви Единения: преподобный отец Ли Сун Су. Разве это неестественно? Разве Движение единения не внесло существенную лепту в финансирование Центра? Оно может гордиться зданием: для возведения этой величественной башни, нависающей над громадным холлом с крышей в духе традиционной корейской архитектуры, были использованы самые современные материалы — стекло и бетон.

Однако Мун Сан Мену не удалось взять контроль над корейской секцией ВАКЛ. Великолепные отношения полковника Пак Бо Хи с некоторыми видными представителями режима не помогают сломить сопротивление части корейских правых, для которых «Новый Мессия» остается сомнительным человеком. Хотя Церковь Единения всю расточает обаяние. Не раз в своих речах Мун пел дифирамбы новому хозяину страны, полковнику Пак Чжон Хи. Не помогло. «Победа над коммунизмом» так и не стала единственным лидером корейского антикоммунизма. Постоянный генеральный секретариат ВАКЛ разместился в «Центре Свободы» на долгие годы, но избежал прямого влияния «Учителя». Слишком многие, столь же антикоммунистически настроенные люди обеспокоены прогрессом Движения Единения. В особенности крупные христианские церкви.

«Победе над коммунизмом» легче показать себя за границей: в Японии и США, где имя Муна еще не вызывает в конце шестидесятых годов аллергической реакции. Успех организации в этих двух гигантах свободного мира утешил мунистов после провала в родной стране.

Семья Муна, столп ВАКЛ, или Очень активный капитул

Японская секция ВАКЛ состоит из мунистов. Никакая другая секция не заслуживает больше, чем она, названия «капитул»*, которое в официальных докумен-

---

* Коллегиальное руководство католическим монашеским орденом.— *Прим. ред.*

тах организации присваивается национальным представительствам.

От президента до расклейщика афиш, в том числе и казначей и все члены, являются верующими Церкви Единения. «Эйшн аутлук», роскошный журнал АКЛАН, азиатской ветви ВАКЛ, рисует трогательную картину работы начинающих японских мунистов-активистов. Начало семидесятых годов: «Молодые люди из «Кокусай Сокио Лен Мей» («Международная федерация за победу над коммунизмом») никогда не жалели усилий — публичных выступлений, раздачи листовок и газет — в разоблачении китайских коммунистов... Как любая недавно созданная организация, федерация испытывала финансовые затруднения. Но ее члены не пали духом. Они использовали свое свободное время после работы или школы, собирали металлолом и продавали его. Даже г-н Осами Кубоки, президент, приложил руку к делу в самые трудные моменты. Им пришлось отказаться от этой деятельности из-за протестов профсоюзов, и тогда они стали зарабатывать деньги продажей цветов... Члены федерации честны, трудолюбивы и верны. Они не курят и не пьют. Они экономят каждый грош, чтобы отдать его на борьбу с коммунизмом... Их лозунг: «Идти, идти, идти». Это также и способ работы. Они идут, чтобы распространять листовки и газеты, чтобы японцы узнали, каково истинное лицо коммунистов».

Стиль тяжел, тон выпененный, но парижане и ньюйоркцы признали бы в них «братьев» юношей и девушек, которые иногда подходят к ним на площади Одеон или на Пятой Авеню с ангельской улыбкой на устах или с цветком в руке.

В Японии, как и повсюду, молодые мунисты вручают свои души в руки «Отца». А всякий знает, душа, в отличие от жизни, не может раздаваться по частям. Статья из «Эйшн аутлук» подтверждает это: «Федерация издает еженедельник «Сисо симбун»... Занятые днем антикоммунистической пропагандой, члены федерации работают в газете до полуночи. Рано утром они встают, чтобы распространять газету, чтобы принести антикоммунистическую мысль в каждую семью. Иногда им приходится идти несколько километров, чтобы вручить газету». Какая политическая организация не мечтает о столь же преданных активистах, как «дети» Муна?

Сюзан Лабен, которая руководит французским капитулом все эти годы, сохранила волнующее воспоминание о IV конференции ВАКЛ, организованной мунистами в Токио в 1970 году. «30 тысяч человек на официальной церемонии, флаги и плакаты по всему городу разоблачали Китай и Советский Союз; сотни молодых людей, раздающих листовки. Самая мощная манифестация в стране, которая не считается официально антикоммунистической...»

Только конференции, оплаченные правительствами Тайваня и Южной Кореи, собирали большие толпы. Финансовые усилия Церкви Единения соответствуют амбициям Мун Сан Мена. Обращаясь год спустя к своим ученикам, «Учитель» признает, что конференция в Токио обошлась в миллион долларов. Он распоряжается устроить для своих гостей самую прекрасную манифестацию, которую когда-либо проводила антикоммунистическая организация.

На конференции, куда прибыла добрая сотня делегаций, председательствует один из первых учеников Осами Кубоки по прозвищу «Генри». Мун доверил ему управление Церковью и президентство в «Победе над коммунизмом» в Японии. Он также заседает в административном совете «Интернешнл Калчерел Фаундейшн», научно-культурном филиале Движения, который вскоре предпримет попытку завоевать для Церкви симпатии ученых всего мира. Высшее отличие доверия «Отца» — Осами Кубоки становится акционером первого банка Движения в США (см. главу 12).

Операция принесла свои плоды. Успех в Токио незамедлительно дал результаты. Вскоре Осами Кубоки становится главной личностью в антикоммунистическом «Интернационале». Его округлое лицо, его улыбка, его добрая воля покоряют. Его могущество впечатляет. В мае 1974 года «Эйшн аутлук», журнал АКЛАН, считает, что в японской организации 200 тысяч активистов — большинство из них не мунисты, — 90 тысяч ячеек, три тренировочных центра — там изучают мунистские контрпредложения марксизму... и военные искусства, — периодическая, зачастую конфиденциальная пресса, распространяемая в 19 миллионах экземпляров, и 200 автобусов для перевозки пропагандистов в сельской местности.

Нет никаких сомнений, господин Кубоки заслуживает уважения. Даже если сделать скидку на обя-

зательные преувеличения подобного рода мунистских публикаций и допустить, что инфраструктура «Победы над коммунизмом» накладывается на инфраструктуру японской Церкви! Более того, представитель Муна в Стране восходящего солнца принят в среде консервативного истеблишмента. Он может похвастаться официальной поддержкой находящихся на виду лиц — бывших и будущих премьер-министров, руководителей партии либералов, — а также солидарностью, тайной, но действенной, с крайне правыми. Но это другая история.

Вернемся к главному — за пятнадцать лет, с 1970 по 1985 год, Осама Кубоки приобрел определенный вес в области разработки стратегии антикоммунизма.

«Борцы за свободу»

Но у Муна на огне греется и еще один утюг. Его первые миссионеры прибывают в Америку между 1959 и 1961 годами. К концу шестидесятых годов он насчитывает достаточное количество верующих в Калифорнии и нью-йоркском районе, чтобы приступить к осуществлению политической программы. Избранный инструмент для овладения центрами власти тот же, что и в Японии: филиал «Победы над коммунизмом». Он получил название «Фридом Лидершип Фаундейшн» («Фонд за торжество свободы»).

Выбор такого названия свидетельствует о политическом чутье и умении приспособливаться к обстановке. Мун понял одну из главных черт американского консерватизма: антикоммунизм не проповедуется здесь столь же примитивно и волюнтаристски, как в Азии. Наследники протестантских пасторов «Мэйфлауэра» * не могут желать уничтожения противника. Они защищают свободу!

В начале шестидесятых годов Церковь Единения сблизилась с американскими консервативными кругами. Помните, что с помощью двух организаций, ратующих за укрепление американо-корейской дружбы и взаимоотношений, полковник Пак Бо Хи сумел при-

---

* «Майский цветок» — название корабля, на котором группа английских переселенцев-пуритан (их называют «отцы-пилигримы») прибыла в Северную Америку и основала поселение, положившее начало колониям Новой Англии. — *Прим. ред.*

обрести значение в глазах многих политиков. Бывшие президенты Трумэн и Эйзенхауэр даже согласились на президентство в одной из этих ассоциаций.

Работа ФЛФ этим весьма облегчена. И все же столь быстрый прогресс поражает.

Список участников VII конференции ВАКЛ в Мехико в 1972 году приготовил нам еще несколько сюрпризов: в ее работе участвует большая часть мунистского политического штаба. Конечно, здесь и Осами Кубоки во главе многочисленной японской делегации. Неожиданность — среди представителей США находится президент американской Церкви Единения Нил Салонен. В зале и президент ФЛФ Дэн Феффермен. Эти два молодых человека прославятся двумя годами позже, возглавляя манифестации в поддержку Ричарда Никсона на ступенях Капитолия в разгар «Уотергейтского дела». А пока они ходят в близких друзьях «боссов» американского антикоммунизма. В этот год в Мехико зарождается долгое и плодотворное сотрудничество.

Представьте себе, на конференции присутствует половина будущего руководящего состава комитета «Юнайтед Стейтс Каунсил фор Уорлд Фридом», организации, которую генерал Синглауб направит через десять лет на тайную войну с сандинистами.

Мунисты и американские «ястребы» имеют возможность работать вместе с 1974 года, когда мексиканские неонацисты и европейские неофашисты возглавили ВАКЛ. Они оказались в одном лагере, осудили неприкрытый антисемитизм новых руководителей и вскоре оказались в этой организации в роли обвиняемых. От аргументации мексиканских «прокуроров» по спине пробегает холодок. Один из покинувших ВАКЛ резюмирует в одном из своих трудов: «Еврейское руководство «Юнайтед Стейтс Каунсил фор Уорлд Фридом» работает на сионистский заговор и служит агентом израильского империализма. Еврейское руководство ЮСКУФ нашло поддержку у ФЛФ («Фридом Лидершип Фаундейшн» — мунистская организация.— *Прим. авт.*) и ее еврейского руководителя Нила Салонена...»

Битва была долгой. Потребовалось около десяти лет, чтобы вывести из дирекции ВАКЛ крикунов, которые дискредитируют организацию и мешают ее эффективной работе. Приход Джона Синглауба к руко-

водству американским капитулом ускоряет чистку и помогает возродить движение, которое через несколько лет становится главным инструментом фронтальной борьбы президента Рейгана против Москвы.

Мунистам и американским антикоммунистам удалось навязать свою точку зрения: ВАКЛ должна отныне направить все свои усилия на поддержку партизанских движений, борющихся против революционных правительств третьего мира: от Никарагуа до Вьетнама, не минуя Анголы и Афганистана.

Решающий поворот произошел в 1982 году на XV конференции, проходившей в... Токио. Осами Кубоки, ее организатор, в этом году по традиции стал президентом ВАКЛ. Сановник Церкви Единения настоял на принятии первого пункта заключительной резолюции, требующего от участников конгресса сплотиться вслед за «борцами за свободу».

Через два года в Сан-Диего, на земле калифорнийца Джона Синглауба, XVII конференция переходит к делам. Адольфо Кальеро, лидер никарагуанских контрас, детально изложил нужды в деньгах, оборудовании и оружии. Другие рабочие группы изучали требования представителей афганских муджахедов, ангольской УНИТА, мозамбикского РЕНАМО и индокитайских партизанских движений.

Огромная машина тронулась в путь. Ибо некоторые капитулы ВАКЛ могут рассчитывать на активное сотрудничество правительств своих стран. Капитулы Южной Кореи, Парагвая или Тайваня, к примеру. Гак через некоторое время после официального прекращения помощи ЦРУ никарагуанским контрреволюционерам в лагерях контрас в Гондурасе появились азиатские военные советники.

В этих условиях лучше понятен тот факт, что Рональд Рейган бурно приветствует новые инициативы ВАКЛ. Никогда организация не была столь близка к повседневным заботам американской внешней политики. Письмо, которое он направил участникам конференции в Сан-Диего в конце августа 1984 года, не делает тайны из его отношения к происходящему: «В четырех уголках мира сегодня действуют восемь антикоммунистических движений сопротивления. Все свободные люди должны объединиться вокруг тех, кто рискует жизнью, защищая свободу. Всемирная антикоммунистическая лига долго находилась в авангар-

де тех, кто привлекал внимание к героической борьбе, ведущейся сегодня истинными борцами за свободу. Нэнси и я желаем вам успехов и в будущем».

Руководители ВАКЛ, в частности Осама Кубоки и Джон Синглауб, преисполнены волнением. Они не могли мечтать о лучшей поддержке их новой политики.

Мун Сан Мен нашел в письме президента больше чем просто поощрение продолжения помощи контрас. Он, вероятно, запомнил другой отрывок из президентского послания. Те несколько строк, от которых не откажется «Новый Мессия». Он мог бы адресовать их своим ученикам: «Борьба между свободным миром и коммунизмом,— пишет Рональд Рейган,— лежит не в области экономики, а в области духовной жизни. Это — сражение тех, кто любит Бога, свою страну, свою семью, против тех, кто в идеологическом ослеплении ищет абсолютной власти».

Неудобный, но верный союзник

Джон Синглауб слишком хороший тактик, чтобы отказываться говорить о том, что ему мешает. А преподаватель отец Мун хотя и действенный и верный союзник, но союзник неудобный. В своем большинстве американцы очень подозрительно относятся к сектам. Генералу не в чем упрекнуть политические организации Движения Единения. Если только не в их дурной репутации.

Он поддерживает хорошие взаимоотношения с полковником Пак Бо Хи, президентом КАУЗА-Интернасьональ. Они познакомились некоторое время спустя после возвращения из Сеула бывшего главнокомандующего американскими силами. Главный помощник Муна сделал первый шаг. Он искал встречи с человеком, сумевшим сказать нет Картеру. С человеком, который воспротивился выводу американских войск из Южной Кореи. «Я не помню, как он вошел со мной в контакт, прямо или через посредство посла своей страны в Вашингтоне»,— признает Синглауб.

О КАУЗА у генерала составилось неплохое мнение: «Я уверен в искренней антикоммунистической направленности большинства ее членов. Поэтому у меня столь часты контакты с генералом Эдом Уоллером, моим тexasским другом. Я держу его в кур-

се дел ВАКЛ, он информирует меня о проектах КАУЗА...»

Не будь я настороже, я бы поверил, что сотрудничество между двумя организациями не заходит дальше обмена информацией. Спокойный, с прямым взглядом, генерал Синглауб внушает доверие. Тем более что без видимого смущения отвечает на самые каверзные вопросы: «Меня не волнует, что японский капитул ВАКЛ возглавляется людьми Муна. Они организовали и приняли конференцию 1982 года в Токио. Я там был вместе с Кубоки, который, к сожалению, не смог приехать в прошлом году в Сан-Диего. Но это не означает разрыва с мунистами. К тому же его представители присутствовали... Поймите, Церковь Единения имеет лучшую репутацию в Японии, где она может рассчитывать на поддержку уважаемых лиц, чем в Корее. А я очень связан с нынешним корейским руководством. Президент и начальник генштаба мои друзья. И они убеждены, что Мун не пророк, а политик, который использует свою Церковь для влияния на представителей власти или ее захвата в Корее. Вот почему я потребовал, чтобы ни одна организация ВАКЛ не принимала отныне денег от Муна...»

Давайте подведем итог отношениям мунистов и корейского правительства. Заблудившись в джунглях этих неоднозначных связей, читатель, однако, вспомнит, что после периода тощих коров, соответствующих мандату президента Ли Сын Мана (1946—1960 годы), Мун узнал лучшие дни с приходом к власти Пак Чжон Хи. Дружеские связи Пак Бо Хи в окружении премьер-министра Ким Чон Пиля и в корейском ЦРУ сработали тогда в полном объеме.

К несчастью для «Нового Мессии», медовый месяц долго не продлился, и в начале шестидесятых годов отношения с исполнительной властью ухудшились. Этим объясняется быстрое развитие Церкви в США. Приход к власти в 1979 году новой военной клики еще больше осложнил положение. Мун, чье могущество резко возросло за границей, все больше ощущается сеульскими руководителями как угроза. «Дипломатические отношения между двумя властями» в Корее практически разорваны в начале восьмидесятых годов.

Джон Синглауб как эксперт секретных служб констатирует это: «Если Церковь Единения действитель-

но получала денежную помощь от южнокорейских разведслужб при предыдущих правительствах, то, уверяю вас, сегодня об этом не может быть и речи».

Вот почему он столь сдержан в своих отношениях с мунистами. Из уважения к своим корейским друзьям и из политического расчета. Корея и ее правительство имеют значительный вес в ВАКЛ, а Джон Синглауб нуждается в Сеуле для вооружения контраст. Еще более важно другое — южнокорейская армия является опорным пунктом передовой обороны США, а генерал не забывает забот Пентагона. С приходом к власти Рейгана секретариат министерства обороны регулярно консультируется с Синглаубом по вопросам тактики борьбы с повстанцами в Центральной Америке.

По этим соображениям генерал Синглауб должен лавировать. Ныне он не желает присутствовать на международных конференциях КАУЗА, а также того или иного филиала Движения Единения. И почтил своим присутствием всего лишь одну конференцию средств массовой информации в Сеуле в 1982 году.

Но лавировать не означает отказываться от союза.

Просмотр списков руководителей «Юнайтед Стейтс Каунсил фор Уорлд Фридом» и КАУЗА убеждает нас в том, что взаимопроникновение обеих организаций идет с той же скоростью, что и десять лет назад. Изменились некоторые аббревиатуры и люди. ЮСКУФ заменило ЭКУФ («Эмерикен Каунсил фор Уорлд Фридом»), а КАУЗА стала наследником ФЛФ. Но на практике ничего не изменилось.

Укажем на двух человек, занимающих высокие посты в той и другой организациях: генерал в отставке Дэниел О. Грэм, бывший заместитель директора разведслужбы министерства обороны, является одновременно вице-президентом американского капитула ВАКЛ и членом совета экспертов КАУЗА-США. Было бы слишком долго перечислять, сколько раз он участвовал в политических конференциях, организованных Движением Единения.

Университетский деятель Дж. А. Паркер, член директорского совета ЮСКУФ, заседает также в совете экспертов «Вашингтон таймс», газеты, руководимой полковником Пак Бо Хи.

Есть и иные способы ускорения симбиоза между ВАКЛ и Движением Единения. С некоторых пор обе

организации используют одних и тех же лекторов на семинарах и конгрессах: политологов и журналистов, сотрудничающих в основном в полдюжине «мозговых трестов», которые разрабатывают доктрину американского консервативного движения! Как в стратегическом, так и в тактическом плане сегодня тщетно искать расхождений между этими двумя «интернационалами», которые исповедуют одно кредо: нет мирному сосуществованию, отказ от уступок Востоку, усиление идеологической, экономической и военной борьбы против стран социализма и революционных режимов третьего мира.

Иначе и быть не может. Причину я открыл уже во время этого расследования. Подумайте над тем, что до того, как занять высокие посты в ВАКЛ и КАУЗА-Интернасьональ, генералы Синглауб и Уоллнер сотрудничали долгие годы в лобби, которое оказало сильнейшее влияние на оборонную политику Рейгана. Они работали в «Эмерикен Секьюрити Каунсил», «мозговом тресте», финансируемом с шестидесятых годов одним из богатейших людей Америки. Ультраконсерватор Барри Голдуотер почерпнул оттуда элементы своей предвыборной программы.

Мунистские грезы и рейгановские мечты

Частная война Джона Синглауба против сандинистских команданте Манагуа скрывает другой крестовый поход: поход преподобного отца Муна. Так ли важно, что широкая публика не знает, известно ли руководителям ВАКЛ и контраст, чем они обязаны корейскому лидеру, сознают ли они, что их организация не была бы столь могущественной без привнесения убежденности, без активистов, связей и финансов Церкви Единения.

Мун Сан Мен — прагматический теократ. Для реализации своих грез, для установления на земле царства божьего — его царства в одной, двух или нескольких странах — он избрал роль неоспоримого лидера антикоммунизма. Этот ход кажется ему неотразимым. Кто мог бы отказать ему в праве управлять судьбами мира, если бы он довел до победного конца «поход на Москву».

Грезы ли это сумасшедшего, пророка, которого коснулось небесное благословение, или они зародились в мозгу гениального шарлатана?

В таком изложении речь не идет о краткосрочном проекте.

Спустимся на землю: для Муна антикоммунизм — это средство завоевания власти и могущества. Для тех, кого он должен убедить в необходимости следовать за собой — в частности, американских руководителей, — антикоммунизм, напротив, самое верное средство сохранить уже завоеванные власть и могущество.

Мунистская греза подкрепляет рейгановскую мечту о всемогущей Америке.

18. В ГУЩЕ АМЕРИКАНСКИХ ПРАВЫХ: «ВАШИНГТОН ТАЙМС»

«Я узаконил Муна в консервативных кругах и несу за это ответственность». Обычно жизнерадостное лицо Джеймса Уилена становится суровым. Вашингтон. Конец лета 1984 года, бывший директор и главный редактор «Вашингтон таймс» мысленно возвращается в свою шикарную резиденцию Маклин в богатом пригороде столицы.

Вскоре все это уйдет в разряд воспоминаний: директорский кабинет на третьем этаже здания из мрамора и стекла, где разместилась сверхсовременная редакция самой могущественной консервативной газеты Америки; вилла, приобретенная Церковью Единения более чем за полмиллиона долларов; ежедневные контакты с Белым домом... На смену придут имена новых лидеров консерваторов, и полковник Пак Бо Хи будет принимать за своим столом самых влиятельных государственных деятелей.

Первая серьезная встреча Джеймса Уилена с мунистами произошла в октябре 1981 года. Четвертый год подряд «Ньюс Уорлд Коммюникейшнз Инк.», компания — владелец нью-йоркской газеты «Вашингтон таймс», организует всемирную конференцию средств массовой информации. Место — громадный отель в Манхаттане. Тема: «Кризис информации — вызов свободе». На конференции шел разговор об осве-

щении сальвадорского кризиса — в начале года партизаны предприняли общее наступление — крупными газетами и журналами Америки. Конечно, на прицеле мунистов и приглашенных ими консерваторов «Вашингтон пост». Их точка зрения безапелляционна: даже коммунистическая газета не сделала бы этого лучше! Атмосфера тем более напряжена, что тремя месяцами ранее замолк последний голос, способный оказать конкуренцию. «Вашингтон стар» — этот, по словам Пак Бо Хи, «элегантный противовес консерваторов» газете «Вашингтон пост» — потерпел крах, и ни один дружески настроенный миллионер не соглашается финансировать новую ежедневную газету, необходимую рейгановским правым.

Джеймс Уилен присутствует на конференции. Высокий, массивный, с крупным лицом — этот человек хорошо известен в небольшом мире правых: специалист по Латинской Америке, бывший корреспондент ЮПИ в Буэнос-Айресе и Каракасе, автор нескольких книг, он блистал талантами в дирекции нескольких газет или пресс-групп строго консервативного направления. В 1981 году он уже в течение года возглавляет редакцию газеты столицы штата Калифорния «Сакраменто юнион».

Чтобы понять, до какой степени этот здоровяк ирландец был создан, чтобы найти общий язык с Пак Бо Хи, президентом «Ньюс Уорлд Коммюникейшнз», нам надо совершить небольшой экскурс в прошлое.

Прецедент

С 1977 года Джеймс Уилен работает вместе с неким газетным магнатом, которого преследует навязчивая идея о создании монополии крупных либеральных газет, могущих оказать влияние на интеллигенцию и политический мир. Его зовут Джон Макгофф, и он владеет группой «Панакс», издающей девять ежедневных газет и семьдесят два журнала в восьми штатах. Он могуществен, но скрипит зубами от ярости, что ему так и не удалось укрепиться в федеральной столице.

Хотя Джон Макгофф испробовал все. И даже вкусил худшее: в 1975 году, когда он приобрел за 25 миллионов долларов «Вашингтон стар», его спросили, откуда появились деньги. Вопрос привел к меж-

дународному скандалу, известному в англосаксонском мире под названием «Малдергейт», по имени южноафриканского министра информации Конни Малдера и по созвучию с Уотергейтом.

Это дело наглядно иллюстрирует то, что Мун Сан Мен называет «войной идей»: в феврале 1974 года южноафриканское правительство принимает секретный план о финансировании во всем мире проектов политических деятелей и прессы, симпатизирующих Претории. Было разморожено около 73 миллионов долларов. Обнародование плана в 1978 году привело к отставке премьер-министра Форстера и трех его сотрудников, в том числе и Конни Малдера.

Джон Макгофф вроде бы получил от южноафриканцев 10 миллионов долларов. Но соглашение заключено не с «Вашингтон стар», и Макгофф занялся «Сакраменто юньон». Он приобрел газету в декабре 1975 года за более скромную сумму. Не удалось доказать, что для этой второй сделки он использовал южноафриканские деньги. Однако имя Макгоффа осталось связанным с «Малдергейтом».

Вот кому помогает Джеймс Уилен с 1977 года в дирекции «Панакс», а затем во главе калифорнийской ежедневной газеты. Любопытная деталь: до своего перехода в «Панакс» Джон Уилен руководил, среди прочих, небольшим журналом, создающим общественное мнение, «Вашингтон уикли», одним из основных сотрудников которого был не кто иной, как... Рональд Рейган.

«Через некоторое время после конференции, в рождественские праздники, — рассказывает Джеймс Уилен, — два специальных представителя Пак Бо Хи явились ко мне в Калифорнию, чтобы рассказать о планах, касающихся «Вашингтон таймс». Вначале я отверг их предложение возглавить дирекцию. Они настойчиво просили меня встретиться с корейским полковником, когда я приеду в Нью-Йорк. В конце концов я уступил. Первый контакт ошеломил меня. Я провел с Пак Бо Хи четыре часа в большом ресторане в Манхэттане. Должен признать, что этот тип обворожил меня. В нем было море обаяния... Сегодня я сказал бы о нем — опасного обаяния. Мы одинаково относились к антикоммунизму и понимали, сколь необходимо создать крупную консервативную газету в Вашингтоне. Однако ответ я дал не сразу».

Сгорая от желания ввязаться в это дело, но будучи человеком осторожным, Джеймс Уилен несколько дней изучал досье Муна, которое затребовал в банке данных «Нью-Йорк таймс». Некоторые обвинения, выдвинутые против Церкви Единения, заставили его задуматься: промывание мозгов, разбитые семьи, похищения... Напротив, у него меньше причин, чем у Дональда Фрейзера, считаться со связями некоторых мунистов с корейским ЦРУ...

Он отвечает: нет.

Пак Бо Хи настаивает. Церковь уже вложила громадные деньги и привлекла к проекту многих людей. Часть редакции «Ньюс уорлд» работает там полное время, и Семья приобрела два здания в пригороде Вашингтона, а также часть системы информатики покойной «Стар». Время подгоняет. Правая рука «Отца» ловко доводит до сведения Джеймса Уилена, что кое-кто из его друзей выражает пожелание, чтобы он возглавил дирекцию будущей «Таймс».

Пак Бо Хи пришлось провести четыре атаки подряд, чтобы сломить сдержанность «Большого Джима». Эта небольшая игра «я тебя люблю, а я нет» продолжалась около двух месяцев, в течение которых Джеймс Уилен неоднократно консультировался с ведущими консерваторами Америки.

Крестные отцы

В конце января 1982 года он подводит итог на узком совещании в Далласе, где собрались сливки американских правых, создавших новую организацию: «Кансил фор Нешнл Полиси». Джеймс Уилен не мог и мечтать о более избранном сообществе для исповедания своей религии. КНП — новая организация, которая объединила представителей всех тенденций «мускулистых» правых. Уилен, один из ее руководителей и создателей, встречается там генерала Джона Синглауба; преподобного отца Тим Ла Хве, руководителя «Морального большинства» в Калифорнии; Джона Терри Долана, молодого и амбициозного вдохновителя «Нешнл Консерватиф Политикл Экшн Коммити», самой могущественной машины, финансирующей избирательные кампании правых, в том числе и президентские; Луиса «Вуди» Дженкинса, представителя Луизианны, главу прорейгановских демократов;

Ричарда Вигери, бизнесмена и активиста тех, кого принято называть новыми правыми, и многих других. Среди самых великих — техасский миллиардер Нельсон Банкер Хант, главные вдохновители «мозговых трестов» и даже артисты, вроде Пэта Буна, соперника Элвиса Пресли в шестидесятые годы...

Те, кто еще помнит темную историю «частной войны» против Никарагуа, знают, что «Каунсил фор Нешнл Полиси» готов играть в ней ведущую роль. Теперь понятно, почему полковник Пак Бо Хи расшаркивается перед Джеймсом Уиленом. Имея его под своим началом, он, бесспорно, займет место на вершине консервативного истеблишмента...

В Далласе Джеймс Уилен понимает, что мунистский проект восхищает его собеседников. «Я спрашивал у всех этих людей: должен ли я пускаться в эту авантюру? Мнения разделились. Согласны в том, что такая газета нужна, но многие сомневались, что такое можно доверить Муну. Кое-кто, как, например, Пол Уейрич, самый уважаемый эксперт консерваторов по стратегии и политике, настаивал, чтобы я ответил мунистам «нет»... Другие старались меня не расхолаживать. К примеру, Вигери, Долан и Синглауб. Вигери мне долго объяснял, что имел общие дела с Пак Бо Хи несколько лет назад и ни разу не слышал, что он совершил что-то бесчестное...»

Произнесенная игривым тоном, эта доверительная реплика оказалась великолепной банановой шкуркой, подброшенной под ноги динамичного лидера новых американских правых. Ибо все в Вашингтоне знали, что отношения между Ричардом Вигери и мунистами вовсе не столь просты. Мы еще вернемся к нему, но предварительно стоит кратко познакомиться с этой символической фигурой рейгановской эпохи. Эссеист Гй Сорман, «соловей» неолиберализма и неутомимый пропагандист «американской консервативной революции» во Франции и в другой Европе, сделал Вигери одним из своих героев. «Этот техасский католик пятидесяти лет, французского происхождения, — пишет он, — является идеологом, публикующим страстные статьи за возврат морали в политику...»

Этот маленький лысый человечек стал любимцем американских консерваторов в 1975 году, разработав в политических целях технику сбора средств с помощью писем, обращенных к конкретной личности.

Если взять этот термин в чистом виде, он может ввести в заблуждение любого менеджера: сбор средств по почте. Этот метод использует индивидуальное обращение к потенциальным жертвователям для финансирования избирательных кампаний. Созданная Вигери фирма позволяет кандидатам-консерваторам обходить трудности, связанные с законом об ограничении личных пожертвований.

«В его компьютере, — продолжает Сорман, — сидит 12 миллионов имен и адресов лиц, сгруппированных по интересам. С помощью писем, проспектов и брошюр он может в кратчайший срок мобилизовать своих адресатов и воздействовать на общественное мнение. В 1978 и 1979 годах машина Вигери активно участвовала в кампании Рейгана, и, безусловно, неотвратимый и непредвиденный рост сторонников будущего президента во время опросов общественного мнения и на первичных выборах, предшествовавших его избранию, во многом зависел от применения этой техники обработки. Письма Вигери мобилизовали молчаливое большинство, чего не сумели сделать средства массовой информации. В 1982 году «Вигери Компани» разослала 65 миллионов политических посланий в защиту дела консерваторов, в частности в области права каждого гражданина иметь огнестрельное оружие...»

В приливе энтузиазма Сорман описывает гений своего героя в терминах, которые не оставляют места сомнениям: «Вигери строит политику по образцу капиталистического предприятия, потому что оно эффективно и потому что консерваторы по-прежнему убеждены, что капитализм приносит одновременно и техническое решение и дает моральное разрешение на его использование. Если товар продается, значит, он хорош. Если идея работает, значит, она справедлива...»

Многие американцы оценивают карьеру Вигери не столь восторженно. В то время, когда Сорман писал свой панегирик, в докладе умеренного меньшинства республиканской партии разбирались подноготная тайной любви Мун Сан Мена и американских правых. Доклад Райпона напоминал, что Ричард Вигери вместе с полковником Пак Бо Хи по шею увяз в темных махинациях с гуманитарной помощью, так и не дошедшей до получателя. В нем приведены подробности:

в 1975 году КФКС — Корейский фонд за культуру и свободу, руководимый заместителем «Отца», прибег к электронной картотеке «Вигери Компани», чтобы добыть деньги для «Фонда помощи детям». Деньги предназначались для спасения от голода полутора миллионов маленьких азиатов. В типовом письме, написанном специально для данного случая, утверждалось, что «тысячи мальчиков и девочек страдают от недоедания», и задавался вопрос: «Какой лучший подарок вы можете сделать, чтобы победить страдания и смерть?»

Призыв позволил собрать 1 миллион 508 тысяч долларов.

Но несколько расследований, проведенных властями штатов Нью-Йорк и Огайо, показали, что до адресатов дошло всего 6,3 процента собранной суммы! «Вигери Компани» оставила у себя 60 процентов. Пак Бо Хи и Дональд Миллер, директор КФКС, получили вдвоем чуть больше 5 процентов от общей суммы... Вследствие чего чемпион новых правых был временно лишен права на рассылку писем в Огайо и Коннектикуте.

В тот же год Ричард Вигери соблазнился другой «заманчивой идеей» мунистов: стать наряду с Церковью акционером «Дипломат Нешнл Банк».

Правые дают зеленую улицу

Но вернемся к частным беседам Джеймса Уилена в коридорах «Каунсил фор Нешнл Полиси» в тот январский вечер 1982 года в Далласе, штат Техас. Зачем Вигери уговаривать его отказаться от сотрудничества с Мун Сан Меном? Он, несомненно, уже знает, что «Вашингтон таймс» доверит ему рекламную кампанию, предшествующую выходу газеты.

Надо ли притворяться генералу Синглаубу? В конце года он будет одним из главных гостей на V конференции средств массовой информации, организованной в Сеуле владельцами новой газеты.

Зачем Терри Доллану настаивать на отказе? Он одним из первых подпишет прокламацию в поддержку «Вашингтон таймс», которую газета позже поместила на первой странице.

Почему преподобному отцу Тим Ла Хве не желать, чтобы его друг Джеймс Уилен возглавил мунистскую

ежедневную газету? Когда два года спустя Муна отправили в тюрьму за неуплату налогов, Тим Ла Хве и его начальник Джерри Фолуэлл, национальный президент «Морального большинства», поднимут крик о несправедливости и религиозных преследованиях...

А если заглянуть поглубже, то почему «Каунсил фор Нешнл Полиси» почти в полном составе надо отказываться от единственного оружия, которого нет в его арсенале накануне решающей битвы? Ибо в начале первого мандата Рональда Рейгана американские правые, уstraшенные «коммунистической угрозой в Центральной Америке», видят лишь одну приоритетную цель: впутать Соединенные Штаты во фронтальное сражение с революционерами Никарагуа, Сальвадора, а может быть, и Гватемалы. Для этого следует убедить общественное мнение и конгресс в необходимости действовать.

Если «Вашингтон таймс» является кандидатом на эту ежедневную работу, то зачем отказываться от ее услуг? Как цинично заявил Ричард Вигери: «Лучше грязный «Таймс», чем вовсе без «Таймса»!»

Джеймс Уилен колебался еще целый месяц. Его новый хозяин в «Сакраменто юнион» миллиардер Ричард Меллон-Скейф, который только что откупил права у Джона Макгоффа, не хочет отпускать его и, более того, не питает больших симпатий к мунистам, несмотря на свои ультраконсервативные воззрения.

Но как устоять перед желанием стать одним из самых влиятельных голосов в «столице свободного мира»? Тем более что в контракте, предложенном мунистами, оговорено, что он будет совершенно независим от Церкви...

1 марта 1982 года Джеймс Уилен покидает солнечный Сакраменто и приземляется в заснеженном Вашингтоне. Наутро он в первый раз позирует перед фотографами во временном кабинете «Вашингтон таймс» в «Доме прессы».

Пристройка Белого дома

Команда, которую вскоре набрали полковник Пак Бо Хи, президент группы прессы «Ньюс Уорлд Коммюникейшнз», и Джеймс Уилен, директор издания и редакции «Вашингтон таймс», оказалась великолепной

бригадой профессионалов и политиков, отобранных среди различных представителей правых, в том числе и из Церкви Единения.

Когда ирландец появился в «Вашингтон таймс», кореец уже полгода работал с небольшой группой мунистов. Джеймсу Уилену надо использовать ее. Обученные несколько лет назад в «Ньюс уорлд», эти люди не имеют ни квалификации, ни «закваски», необходимых для первых ролей в дирекции или в главной редакции. Однако полковник расставил их на исключительно верно выбранные посты. Таким образом Джеймс Уилен, директор, оказывается на практике «окруженным» мунистами: его непосредственный начальник Пак Бо Хи, которому в дирекции группы прессы помогают два ветерана КЦРУ, Ким Сан Ин (Стив) и бывший посол Буд Хан; заместитель Уилена Джонатан Сливин был главным редактором «Ньюс уорлд»; его очаровательная и умелая секретарша — та самая Сьюзен Бергман, сумевшая покорить Карла Альберта, спикера палаты представителей в начале семидесятых годов.

В дирекции редакции Джеймс Уилен все же окружил себя избранными им профессионалами, но не смог или не захотел оспаривать назначение на ответственные посты двух молодых волков-мунистов, пришедших из «братской» газеты Нью-Йорка: Теда Эгреса, ставшего заместителем главного редактора, и нежной и пленительной Джозетт Ширан, которая возглавила один из основных отделов газеты, а именно «Жизнь Капитолия».

Основной потому, что он освещает политическую и социальную жизнь столичной элиты. Служба Джозетт Ширан в основном состоит из мунистов. Их рубрика может в считанные недели превратить неизвестного политика в звезду истеблишмента. Они поддерживают постоянный и дружеский контакт со всеми, кто в Вашингтоне считается облеченным властью лицом, крайне озабоченным тем, как о них пишет «Таймс». Какое оружие в руках Семьи в городе, где каждый заявляет о жажде успеха и не скрывает стремления добиться могущества...

Неожиданно выходят на авансцену многие лица, связанные с иными сторонами деятельности Церкви — конференциями КАУЗА или всемирными конференциями средств массовой информации. Столь неожиданный

интерес мунистской газеты к ним ни в коей мере не грозит повредить их репутации. Ибо весь консервативный Вашингтон считает, что «Таймс» именно его газета, а вовсе не газета пророка с подмоченной репутацией.

Джеймс Уилен во весь голос утверждал это до своего ухода летом 1984 года. У него хватало аргументов, чтобы подкрепить свои слова: только 10 процентов служащих являются мунистами, а известных профессионалов, вошедших в редакционный комитет, не счесть. Можно подумать, что весь цвет правой журналистики назначил randevu в роскошных кабинетах, нависающих над Национальным ботаническим садом столицы: бывший директор «Сакраменто юнион», один из основателей покойной «Вашингтон стар» в сопровождении доброго десятка журналистов из этой осиротевшей редакции, главные редакторы, авторы передовиц, репортеры из трех десятков американских городов, объединенные яростным желанием бросить вызов «Вашингтон пост». Джеймс Уилен даже пошел на то, чтобы переманить некоторых служащих от своего крупного либерального конкурента...

Все эти именитые профессионалы не чураются удовольствия заняться политикой. Если приглядеться, то сразу замечаешь, что некоторые запевалы «Вашингтон таймс» вошли или вскоре войдут в окружение Рональда Рейгана.

Когда бывший руководитель газеты кается, что «узаконил» Муна в консервативных кругах, то думает именно об этом. Под его управлением «Вашингтон таймс» стал чуть ли не пристройкой Белого дома: Джереми О'Лири, журналист, аккредитованный при президенте, только что покинул свой пост помощника советника в Совете национальной безопасности, президентском мини-кабинете, определяющем политику обороны США; Роджер Фонтейн, крупный репортер и аналитик внешней политики, также пришел из Национального комитета безопасности, где он занимался проблемами Латинской Америки; Арам Бакшьян, который еженедельно пишет несколько передовиц, до прихода в «Таймс» составлял доклады для президента... Таковы ветераны Белого дома, пришедшие работать в газету.

Другие более важные сотрудники президента помогают газете, заняв почетный пост в совете экспер-

тов «Вашингтон таймс», своего рода морально-попечительском комитете. Таковыми были Джеймс Уотт, молодой и влиятельный секретарь, занимавшийся внутренними делами в первой команде Рейгана, «ястреб» среди «ястребов» и любимец правых; Клер Бус Люс, советник президента по вопросам безопасности и разведки; Уильям Саймон, один из главных финансистов и организаторов компании «Ронни» в 1980 году...

Джеймс Уилен не скрывает, что всему виной его имя. Они бы никогда не пришли в «Таймс», если бы его не возглавил истинный консерватор. «Я лично привлек Джеймса Уотта и Джона Макгоффа, моего бывшего хозяина и друга, в совет экспертов газеты», — вспоминает он.

Чтобы окончательно утвердить положение «Вашингтон таймс» в глазах консервативной клиентуры восточного побережья, мунисты готовы потратить целое состояние. Бюджет, предоставленный Джеймсу Уилену на рекламную кампанию, огромен. Ричард Вигери и его компания, естественно, будут опорой операции. Нулевой номер был разослан 5 тысячам лидеров общественного мнения в округе Колумбия. За десять дней до официального выхода газеты на улицах и в метро появляются десятки тысяч афиш с лозунгом: «Теперь у вас есть выбор!» 500 тысяч долларов ухнуло на кампанию по радио и телевидению, которая импровизирует на ту же тему: «Вашингтонцы, через десять дней у вас появится выбор!»

Но, несмотря на блестящее оформление и редакционную политику, систематическое освещение исключительных новостей, «Вашингтон таймс» не смог переступить роковой барьер в 100 тысяч проданных экземпляров. «Вашингтон пост» в среднем печатает 700 тысяч экземпляров...

«В июле — августе 1982 года, — рассказывает Джеймс Уилен, — мы потребовали от Вигери начать кампанию по подписке в Вашингтоне и окружающих штатах. Письма поступили в миллион семей. Мы заплатили за эту работу 500 тысяч долларов. К его же услугам мы прибегли при подготовке нашего национального тиража: он предложил газету 1 200 000 лиц в Северной и Южной Калифорнии. За те два года, что я руководил газетой, его контракт принес ему почти миллион долларов».

Злые языки, обычно хорошо информированные в этой области — они, как и Ричард Вигери, состоят в «Каунсил фор Нешнл Полиси», — утверждают, что деловые отношения между глашатаем новых правых и мунистами прекрасно развивались и после ухода Джеймса Уилена из «Вашингтон таймс». Семья даже приняла участие в спасении «Вигери Компани», вдруг оказавшейся в затруднительном положении тотчас после выборов 1984 года из-за невыплаты положенных денег нечистоплотными кандидатами.

Газета президента

Несмотря на дорогостоящие усилия в области рекламы и организации, «Вашингтон таймс» с трудом стабилизировал тираж — с учетом национального издания — на уровне 100 тысяч экземпляров. Но зато Джеймс Уилен оставил после себя газету, принятую и оцененную консервативным движением.

Клан жестких политиков Белого дома немало потрудился ради ее успеха. Например, когда газета с первых дней своего существования создала новую рубрику «Лидеры за завтраком» — большие интервью за обеденным столом, президент и некоторые из его министров тут же пошли ей навстречу. Рональд Рейган дал Джереми О'Лири одно из своих основных интервью в качестве президента, а пять ведущих «ястребов» из его окружения приняли приглашение Джеймса Уилена: Джеймс Уотт, министр внутренних дел; Эд Миз, советник, затем министр юстиции президента; Джон Блок, министр сельского хозяйства; Джеймс Бейкер, глава кабинета Рональда Рейгана; Каспар Уайнбергер, министр обороны, ярый сторонник политики «с позиции силы» в отношении Советского Союза.

В великолепной брошюре, которую «Вашингтон таймс» издал по случаю первой годовщины газеты в 1983 году, написано: «Если тот факт, что ответственное лицо, принявшее приглашение сесть вместе с вами за один стол, свидетельствует об отношении общества к вам, то у «Таймса» дела идут отлично...»

Выбор собеседников позволяет понять стратегию Джеймса Уилена, разработанную с одобрения Пак Бо Хи, который не мог и мечтать о лучшем демарше ради интересов Семьи: в глазах среднего читателя,

газета, уважаемая в сферах власти, является подлинным органом консерваторов, а не мунистским листком, жертвой нападков безответственных подрывных элементов. Кроме того, она всем своим авторитетом воздействует на битву, тайную, но действительно идущую между «реалистами» и «идеологами» и в правительстве, и вообще в среде американских правых.

Ибо при внешнем единодушии правительство разделено на два лагеря по вопросу отношения к Советскому Союзу, его союзникам и революционным движениям третьего мира. Иными словами, можно сказать, что образовалось два направления, предлагающих разные методы для уничтожения «врагов Америки».

Одни, считая, что коммунизм можно растворить в кока-коле, стремятся к высокому уровню политических и экономических обменов с Востоком. Вряд ли справедливо относить их к сторонникам разрядки. Скорее они адепты постепенного заражения. В ключевой проблеме разоружения они стоят на позициях неуклонного роста американской мощи и переговоров с Советским Союзом. Эти «реалисты», рейгановские наследники пресловутой Трехсторонней комиссии, кошмар мунистов и консерваторов. «Вашингтон таймс» остерегается предоставлять им трибуну, хотя они занимают большие посты. Их зовут Джордж Буш, вице-президент, Александр Хейг и Джордж Шульц, госсекретари...

«Идеологи» противопоставляют им железную логику: коммунизм по сути вредоносен и развратен. Поэтому думать, что он отступит перед чем-нибудь иным, кроме силы, — иллюзия. Думаю, не извращу их мысли, вложив в их уста лозунг, параллельный лозунгу «реалистов»: коммунизм растворим лишь в напалме!

Пьер Сейрак, французский босс КАУЗА-Европа, поддерживающий постоянный контакт с Пак Бо Хи, сообщил мне незадолго до визита Михаила Горбачева в Париж в 1985 году: «Наша цель воспротивиться любой политике разрядки или контроля над вооружением». И добавил для оправдания такой непримиримости: «Коммунизм пустил глубокие корни внутри человека. Это — духовное явление. Чтобы излечить зло в основе, надо занимать бескомпромиссную позицию».

Именно «идеологи» Белого дома покрывают «частную войну» в Никарагуа. В частности, генерал Синг-

лауб всегда мог рассчитывать на поддержку Фреда Айкла, помощника Каспара Уайнбергера в Пентагоне.

Стать «газетой президента» и способствовать замыслам правых — такие цели поставил Пак Бо Хи перед «Вашингтон таймс». Он будет добиваться их сначала с Джеймсом Уиленом, а потом и без него. Первой цели Пак Бо Хи достигнет через несколько месяцев после ухода ирландца: сразу после избрания в ноябре 1984 года Рональд Рейган даст первое интервью во время своего второго президентского срока исключительно для «Вашингтон таймс». Он воспользуется этим, чтобы заявить, что читает газету каждое утро. Рейган не впервые отмечает мунистскую газету: предыдущим летом, в разгар предвыборной кампании, он, выступая перед студентами, настойчиво рекомендовал читать «Таймс», чтобы разобраться в геополитике.

Это немного запоздалое президентское признание только подтверждает то, что завсегдатаи Белого дома знают уже давно: команда Рейгана, которая по очевидным причинам не может кричать об этом во весь голос, считает политиков Церкви Единения верными союзниками. Еще до появления «Вашингтон таймс» Рональд Рейган принимал на обеде в Белом доме 9 июля 1981 года полковника Пак Бо Хи, чтобы поблагодарить его, как и остальных лидеров консерваторов, за активную поддержку в кампании 1980 года. А республиканская партия удостоила полковника почетного титула «Орел» за его финансовый взнос в кампанию 1984 года*.

«Вашингтон таймс» отмечен высшим признанием в конце 1984 года, когда президент выбрал директором своего отдела связей с прессой одного из главных авторов передовиц газеты, Патрика Бьюкенена. Отныне он будет писать речи Рональду Рейгану.

С появлением Бьюкенена в Белом доме в 1985 году газета, «родившаяся из прозрения преподобного отца Мун Сан Мена», рассматривается американской прессой как официальный орган американского правительства.

---

* Обычно республиканская партия присваивает этот титул тем, кто внес не менее 10 тысяч долларов. Джеймс Кейвин, мунистский директор отдела общественных связей «Вашингтон таймс», тоже носит титул «Орел».

В помощь войне

Посмотрим, для чего нужно было завоевывать подобную репутацию за четыре года.

Журналисты и политики всех мастей давно подметили, что, когда Белый дом испытывает затруднения в попытках убедить общественное мнение или конгресс в справедливости своей политики, на первой странице «Таймс» как бы вдруг появляется сенсационная информация, которая может повлиять на исход дебатов. Такая информация, которую зачастую нельзя проверить и которую с большой осторожностью публикуют другие газеты, представлена в таком виде, словно она исходит из правительственных кругов. Это не сенсации — предположительно проверенные, — а «утечка информации».

Такая практика, принятая с самого зарождения газеты, стала принципом в 1984 и 1985 годах. Например, в конфликте, который столкнул американские исполнительные власти и сандинистское правительство, «Вашингтон таймс» сыграл важную роль, приложив руку к присоединению умеренных к планам администрации.

Несколько примеров утечек информации, которые повлияли на общественное мнение: в период между весной и летом 1984 года, когда в Никарагуа начинается предвыборная кампания, могущая узаконить революцию в международном плане, «Таймс» бросает один за другим несколько булыжников в карибское болото — газета утверждает, что к никарагуанскому порту Коринто якобы приближается советское грузовое судно, набитое тяжелым оружием и боеприпасами. Когда судно пристает к берегу, выясняется, что оно везло только зерно. Ну и что! Новость подняла напряженность, оправдала появление двух американских эскадр у побережья Центральной Америки и помогла «сглотнуть пилюлю» минирования портов, которую осуществили контрабандисты и ЦРУ.

Проходит несколько недель, и «Вашингтон таймс» сообщает, что в начале 1984 года болгарские суда выгрузили в портах атлантического побережья Никарагуа танки и бронетранспортеры. Эти поставки, мол, увеличили вдвое мощь сандинистских механизированных сил. Информация основывается на аэрофотоснимках, сделанных американскими самолетами-шпионами.

Танки действительно поставлены, но их количество не уточнено...

Через несколько месяцев новая бомба: на новый аэродром в Пуента Хуэте, построенный СССР, вроде должны прибыть советские МиГи. Вскоре выясняется, что сандинисты готовятся получить боевые вертолеты, а не истребители. Разница велика: первые являются оборонительным оружием, используемым в борьбе против партизан; вторые — наступательным оружием, могущим угрожать соседям Никарагуа.

Специалисты же, помогавшие в строительстве взлетно-посадочной полосы, являются кубинцами. И наконец, проект аэропорта заказан не сандинистами, поскольку еще Сомоса хотел построить в этом месте гражданско-военный аэродром.

Объявление о скором прибытии МиГов очень ловкий маневр. Никарагуанцы признают, что действительно готовятся приобрести сверхзвуковые истребители-перехватчики типа МиГ или «Мираж» — им их собираются продать ливийцы. Но американские средства разведки прекрасно знают, что по соображениям техническим (подготовка пилотов и окончание работ в Пуента Хуэте) и экономическим (приоритетное приобретение вертолетов и так легло тяжелым грузом на слабую экономику) введение в эксплуатацию этих самолетов в Никарагуа состоится не завтра.

Однако «Вашингтон таймс» утверждает обратное. Новость наносит удар по умеренным, противостоящим политике Рональда Рейгана. Подумайте только: коммунистическая база, готовая немедленно принять истребители, могущие атаковать американские базы в Панаме, и даже пресловутые стратегические бомбардировщики «Бэкфайр»... Они не могут остаться безучастными. Когда до президентских выборов в ноябре 1984 года остается менее полугода, негоже выставить себя предателями Америки.

Во время предвыборной встречи с Рейганом кандидат демократов Мондейл вынужден признать перед своим противником, что он в той же мере осознает коммунистическую угрозу в Центральной Америке. Какая победа для консерваторов и «Вашингтон таймс»!

Систематическая публикация «разоблачений», якобы исходящих от правительства и его служб, заставляет влиятельную либеральную прессу обрабатывать некоторую информацию, которую она никогда

бы не подала в качестве первоочередной. Тот факт, что «газета президента» откликается на слухи, заставляет «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс» проверять информацию и зачастую публиковать ее. Даже со многими оговорками и против своей воли...

Пресловутые утечки информации затопили первые страницы газеты, когда конгресс отказался от оказания официальной помощи, затребованной Белым домом на вооружение и снабжение контраст. В течение всего срока дебатов, раздиравших Вашингтон с октября 1984 по июнь 1985 года, до того как законодатели пересмотрели свое первоначальное решение, «Вашингтон таймс» по всем правилам колотит дубинкой по общественному мнению и по тем, от кого зависит решение. Однажды газета даже выходит с заголовком, что сандинистским формированиям, которые борются с контраст, приданы советские военные советники. Информация выглядит исключительно сомнительной с точки зрения специалистов, которые неоднократно видели на поле боя никарагуанские войска под руководством кубинских офицеров, когда это требовалось.

На следующий день она сообщает, что русские техники сооружают телекоммуникационный центр около гондурасской границы. Информацию невозможно проверить, но она выглядит правдивой. И наконец, газета первой сообщает, что спикер палаты представителей демократ О'Нил якобы сознательно изменил распорядок дня ассамблеи, чтобы блокировать предложение о помощи контраст.

Иногда «Таймс» переходит всякие границы... и ее хватают за руку конкуренты. 17 мая 1985 года мунистская газета подает своим читателям сенсацию с заголовком во всю первую полосу — доклад о политике Вашингтона в Латинской Америке, который на следующий день должен произнести директор ЦРУ. Комментарий к тексту уточняет, что речь идет о самом убедительном документе, когда-либо разработанном администрацией Рейгана для оправдания помощи «борцам за свободу». «Вашингтон таймс» утверждает, что только ее корреспонденты могли добыть эту копию заранее.

К несчастью для «газеты Америки» — так газета величает себя, — агентства печати садятся на телефоны, чтобы проверить новость в ЦРУ... и быстро вы-

ясняют, что Уильям Кейси, его директор, произнес эту речь двумя неделями ранее перед членами одного нью-йоркского клуба...

Цель этой так называемой сенсации была проста: через десять дней после начала газетной кампании за сбор средств помощи контраст и за несколько недель до начала новых дебатов в конгрессе по вопросу официальной помощи антисандинистским партизанам мунисты и их консервативные союзники пытаются в очередной раз драматизировать ситуацию в Центральной Америке, чтобы оказать давление на либеральную и демократическую оппозицию.

19. «НИКАРАГУЭН ФРИДОМ ФАНД»

«Нью-Йорк, 1 февраля 1980 года. Дорогой Жорж. Как вы знаете, большую часть времени я разъезжаю по всему миру и только сейчас узнал, что вас привлекают к суду по делу Кюрьель. Мне очень странно, что суд занимается тем, что считалось секретом Полишинеля для всех западных разведок в эти последние годы. Все встречи, которые я имел в качестве репортера со службами западных разведок, не оставили у меня ни малейшего сомнения: г-н Кюрьель был ключевым лицом в системе восточных разведслужб, а не тем, за кого себя выдавал.

Хорошо зная, что западные службы не имеют привычки подтверждать истинную, но деликатного (sensitive) свойства информацию, особенно когда это касается столь щекотливой темы, как личность агентов, я подумал, что услышанное мною из уст высокопоставленных руководителей разведки ряда западных стран может оказаться вам полезным. Поэтому разрешаю вам представить это письмо суду. Мои наилучшие пожелания в успехе... Искренне ваш, Арно».

Арно — это Арно де Боршграв. Жорж — Жорж Сюффер. Первый еще некоторое время тому назад был одним из ведущих репортеров американского журнала «Ньюсуик». Второй — автор передовиц в издающемся в Париже журнале «Пуэн». Анри Кюрьель был убит неизвестными лицами 4 мая 1978 года.

Еврей, родившийся в Каире, основатель Египетской коммунистической партии, он руководил из Парижа помощью освободительным движениям третьего мира, известным под названием «Солидарность». Двумя годами ранее в серии громких статей Жорж Сюффер превратил его в агента КГБ, чуть ли не руководителя международного терроризма.

Друзья Анри Кюрьеля считают, что Сюффер несет моральную ответственность за преступление, и преследуют его по закону. Они считают, что держат в руках доказательство должностного преступления: немецкий еженедельник «Шпигель», который выдвигал против Кюрьеля те же обвинения, что «Пуэн», незадолго до убийства заплатил приличный штраф за клевету. А комиссия Государственного совета Франции, также до убийства, аннулировала предписание о высылке, выданное после появления лживых статей. В настоящий момент идет процесс посмертной реабилитации Анри Кюрьеля.

И именно в этот момент в дело вмешивается Арно де Боршграв, положив на весы мнение западных разведок, в том числе и французской Службы безопасности территории. Его письмо будет фигурировать на всех процессах, которые семья Анри Кюрьеля будет возбуждать в последующем против его преследователей.

Арно де Боршграв, аристократ-дезинформатор

1980 год: поворотный год в таинственной и наполненной событиями жизни Арно де Боршграва. Вот уже тридцать лет он колесит по миру по поручению журнала «Ньюсуик». От конфликта к конфликту. От главы государства к главе государства. Его личный кабинет в Женеве, где он обосновался, увешан фотографиями сильных мира сего, с которыми он беседовал: шах Ирана, Садат, Хуссейн, Ганди...

Загорелое лицо, благородная лысина, дорогие костюмы и клубные галстуки известны всем. В час аперитива в баре крупного отеля в Аммане, Тель-Авиве или Сайгоне к нему тянутся собраты по перу. Ибо он близок к разведслужбам западного мира.

Р. Б., крупный репортер ОРТФ: «В 1968 году в Сайгоне бюро «Ньюсуика» размещалось на втором

этаже отеля «Континенталь»... У Арно всегда ворох новостей. Он был близко знаком с генералом Уэстморлендом. Это был очаровательный парень, ценимый коллегами за постоянную готовность оказать услугу. Он всегда раздобывал места в переполненных самолетах американских ВВС, которые направлялись на Дананг или Хюе...»

Арно и Александра де Боршграв (он — сын бельгийского аристократа и утверждает, что стоит шестнадцатым в списке претендентов на трон, она — дочь американского дипломата) живут в Женеве, Шмен де ла Турель, 6, на десятом этаже роскошного здания. Великолепная квартира, современная мебель, выкрашенные в белое стены. Глубокие кресла, громадная библиотека. Здесь между двумя путешествиями — «в Нью-Йорке я останавливаюсь в отеле «Мэйфейр», в Вашингтоне у меня квартира...» — он координирует деятельность заграничных корреспондентов газеты.

Его навязчивая идея — тайная война между Востоком и Западом. Именно поэтому он выбрал местом жительства Женеву, ему хочется быть поближе к фронту. Одному латиноамериканскому журналисту, навестившему его в июне 1980 года, он доверительно сообщил: «Из 10 тысяч сотрудников международных организаций 300 являются сотрудниками КГБ. Начальник отдела кадров ООН — русский, он полковник КГБ... Это здание полно коммунистических агентов, а моя квартира нашпигована микрофонами...»

Журналист совершил путешествие из Парижа, чтобы взять у него интервью о его последней книге. «Клин», роман-сплетня, в котором довольно серьезно разбирается увлекательная тема: советская дезинформация или проникновение КГБ в крупную западную прессу. Книга стала бестселлером в Соединенных Штатах. «Идея романа пришла мне в голову в 1967 году. С интервалом в десять дней ко мне пришли два агента западных разведслужб и сказали, что один из моих лучших друзей-журналистов является сотрудником КГБ. Они попросили меня оказать им небольшую услугу: взять его в «Ньюсуик», чтобы вырвать его из лап «вербовщиков». Я сказал нет, но у меня возникла мысль начать исследования в этой области...»

Эти исследования он начал совместно с соавтором книги Робертом Моссом. «В 1972 году я опубликовал

в газете имена ветеранов Черного сентября, замешанных в убийстве израильских спортсменов в Мюнхене. Информация опять-таки поступила ко мне через разведслужбы. Через некоторое время я начал получать письма с угрозами. Я уехал из Женевы и отправился в Лондон, где попросил одну приятельницу представить меня специалисту по подрывной деятельности, который смог бы мне помочь. Мне организовали встречу с Робертом Моссом...»

Политический профиль этого молодого красавца, истинного британца, выражен еще резче, чем у де Боршграва. Также журналист, он работает в Институте по изучению конфликтов (ИИК), «мозговом тресте», цель которого убедить европейские правительства в неотвратимости советской угрозы: в начале семидесятых годов речь идет о борьбе с политикой разрядки, выдвинутой Москвой, которая, похоже, сосредоточила все усилия на созыве Хельсинкской конференции.

Остановимся на несколько мгновений на этих источниках идей, тысячами огней сверкающих в созвездии, которое сегодня принято называть новыми правдами.

«Мозговой трест» — продукт чисто американской политики, основанной на практике лоббизма. Каждое решение, принятое в Белом доме или Капитолии, является плодом интенсивных баталий групп давления, которые не всегда ведут к улаживанию разногласий с политикой европейских государств. Еще два столетия назад Токвилль поражался умению американцев объединяться в ассоциации для защиты тех или иных групповых интересов.

За редким исключением «мозговые тресты» служат для идеологического обеспечения правого лобби. «Сентер фор Стратеджик энд Интернешнл Стадиз», «Фундейшн Херитейдж», «Нешнл Стратеджик Информейшн Сентер» — самые известные из «мозговых трестов» консерваторов. Финансируемые крупным американским капиталом, а иногда и секретными службами, вот уже двадцать лет эти респектабельные учреждения заваливают своими докладами влиятельных министров и президентов западного мира. Анализ ситуации производится рабочими группами, где собраны сливки консервативной интеллигенции: известными профессорами и журналистами, государственными

деятелями, генералами в отставке, политическими советниками.

В то время когда Арно де Боршграв познакомился с Робертом Моссом, Институт по изучению конфликтов вручил свое последнее исследование «Доклад о европейской безопасности и советской проблеме» тем лицам, которые принимают решения в Западном полушарии: президенту Никсону, Генри Киссинджеру, президенту Помпиду, руководителям христианско-демократической партии ФРГ, папе римскому.

Два «курьера», близко связанных с институтом, лично вручают документ адресатам: это Антуан Пине, бывший министр де Голля, который три часа беседует с Жоржем Помпиду, и метр Вьоле *, адвокат, хорошо известный в европейских консервативных кругах и в Ватикане.

Роберт Мосс в авангарде антимарксистской борьбы

Молодой сотрудник ИИК, с которым Арно де Боршграв делится своими страхами, пока неведом широкой публике. Но его имя уже известно в тайных коридорах западных разведслужб. С 1970 года его каштановая шевелюра примелькалась в Институте общих исследований в Сантьяго в Чили — небольшом местном «мозговом тресте» под контролем ЦРУ, — где двадцать чилийских журналистов изыскивают пути дестабилизации Альенде. Мосс — их корреспондент в Англии. Будучи журналистом в газете «Экономист», он пользуется своими многочисленными поездками в Чили, чтобы ознакомить американского посла, будущих путчистов и Институт общих исследований с главными темами дезинформации для оправдания государственного переворота. В частности, с пресловутым «Планом Z», приписанным коммунистам, в котором якобы ставилась цель физического уничтожения большинства офицеров-консерваторов.

Тогда же Роберт Мосс публикует книгу «Чили, марксистский опыт», посвященную той же теме. Английская газета «Гардиан» документально доказала в

---

* Французский адвокат, основная фигура лобби европейских правых, названного «Фиолетовый круг»

1976 году, что его финансировали и вдохновляли спецотделы ЦРУ. Разоблачение вызвало немалый скандал, поскольку к тому времени Роберт Мосс стал редактором речей Маргарет Тэтчер в ее бытность членом парламента! Он — автор «Мейден Спич» *, где впервые будущая премьер-министр заявляет о «советизации Великобритании» и предлагает радикальные меры для борьбы с этой угрозой. Именно после этой речи, подготовленной Робертом Моссом, Маджи получила прозвище «Железная леди».

Но в 1972 году, когда он встретился с Арно де Боршгравом, будущий соавтор последнего еще не достиг той степени известности, которая позволила ему вскоре совершить вышеуказанные подвиги. Пока он работает помощником основателя и директора Института по изучению конфликтов Брайана Кроузе, блестящего аналитика внешней политики, сотрудничавшего в газете «Экономист» в начале шестидесятых. Об этом человеке Арно де Боршграв слышал до того, как впервые узнал о Роберте Моссе. Но дадим слово специалисту по тайной войне Гансу Лангеману, бывшему директору службы безопасности ФРГ. Через несколько лет в конфиденциальном сообщении на имя своего министра он так характеризует обоих: «Лондонский журналист, консерватор Брайан Кроузе, до 1979 года директор весьма известного Института по изучению конфликтов... был долгие годы сотрудником ЦРУ. Его деятельность не является тайной для центра в Лэнгли... Кроузе поддерживает связи с руководителями служб безопасности и разведки, как, например, с бывшим директором СДЕСЕ** (служба разведки и контрразведки). Его прекрасные отношения с патроном Интеллидженс Сервис Фрэнксом широко известны. Его ближайший сотрудник Н. Эллиот был начальником отдела МИ6. Кроузе, Эллиот и Фрэнкс недавно (в 1979 году.— *Прим. авт.*) были приняты миссис Тэтчер и провели рабочую дискуссию в Чекерсе... Миссис Тэтчер и г-н Фрэнкс состоят также в контакте с журналистом Робертом Моссом».

Не сведи судьба де Боршграва и Мосса, история была бы искажена. Оба быстро нашли общий язык, и вскоре мир задрожал от их подвигов. С 1975 по

---

* Первая речь члена парламента.— *Прим. ред.*

** Речь идет об Александре де Маренш.

1980 год они участвовали во всех кампаниях прессы, оправдывающих более или менее тайное вмешательство американских служб в борьбу с марксистской опасностью. В Португалии, во время «Революции гвоздик», где Роберт Мосс предупреждает о скором повторении «пражского дела», тогда как ЦРУ работает над «делом Спинолы»*. В Заире де Боршграв и Мосс в 1978 году утверждали вопреки очевидности, что Шабу оккупировали не катангские повстанцы, а кубинцы. В Никарагуа и в Иране, где Мосс с пеной у рта доказывал, что Сомоса и иранский шах стали прямыми жертвами заговора КГБ.

В Париже, Вашингтоне, Лондоне левая печать атакует и разоблачает парочку, которая видит в этом вихре возмущения новое подтверждение своих тезисов. Но вскоре крупная американская либеральная пресса устает.

В конце ноября 1979 года «Нью-Йорк таймс» публикует следующую новость: «Две недели назад бывший сотрудник иранского шаха, перешедший в противоположный лагерь, заявил, что иранское правительство вручило значительные подарки ряду западных журналистов в обмен на статьи, восхваляющие весьма беспокойный шахский режим. Этот бывший сотрудник, Сиамак Зандт, руководил протокольной службой Бюро иранской прессы. Среди указанных лиц значилось имя Арно де Боршграва... В последнем номере «Ньюсуика» помещен рассказ Арно де Боршграва об интервью с шахом, одного из редких интервью, данных после начала беспорядков в стране. Зандт заявил, что лично передал де Боршграву два ковра, каждый стоимостью 10 тысяч долларов, в отеле «Хилтон» в Тегеране...»

Телевизионный канал Эй-би-си в свою очередь сообщил через некоторое время после падения Сомосы, что никарагуанский диктатор приобрел международный журнал «Вижн» и назначил главным редактором Роберта Мосса с годовым окладом в 200 тысяч франков.

После публикации книги «Клин» возмущению соотечественников по перу нет границ. Ибо слова героя книги,

---

* Президент Португалии в мае — сентябре 1974 года. Был связан с реакционным офицерством, предпринявшим попытку государственного переворота, вышел в отставку и бежал из страны. В августе 1976 года возвратился в Португалию.— *Прим. ред.*

обращенные к ним, трудно переварить тем, кто работает для столь известных средств массовой информации, как «Нью-Йорк таймс» или «Вашингтон пост»: «Вы — наивные люди, марионетки в руках Советов...» Уничтожение Ми-Лай во Вьетнаме? Инсценировка коммунистов! Американская сенатская комиссия установила вину лейтенанта Келли? Ее председатель «регулярно переписывается с тремя известными агентами КГБ в Москве...!» Окружение президента Картера (в книге выведен, по-видимому, под именем Билли Коннорса?) на шпиговано агентами, которых оплачивает Москва!

Дирекция «Ньюсуика» (та же, что и «Вашингтон пост») расстается с де Боршгравом, узнав, что уже несколько лет он ведет картотеку на своих собратьев. Автор воспользовался ею, чтобы наделить плотью свои персонажи.

Ибо Арно Поль Шарль Мари Филипп, граф де Боршграв д'Алтена, граф Священной империи, барон Эльдерен, сеньор Бовелингена, Марлинна и прочих мест, не столь тщеславен, как можно было бы подумать, изучая его аристократическое происхождение и зная о его учебе в английском колледже. И если, по его рассказам, он описывал семнадцать конфликтов в восьмидесяти странах, некоторые из своих увлечений Арно тщательно скрывает: кто знает, что он собрал коллекцию из двенадцати дубинок западных армий, чтобы быть готовым к драке в подходящий момент? И только одна маленькая американская левая газета осмелилась опубликовать фотографию, на которой он позирует в форме родезийской армии*.

Временно лишенный возможности печатать передовицы, де Боршграв может отдаться своей двойной страсти: разведке и дезинформации. Снова в компании с Моссом он пишет роман о кубинских спецслужбах, а в основном работает на Центр стратегических исследований при Джорджтаунском университете в Вашингтоне. Там он встречается со старыми знакомыми: Джеймсом Шлезингером, бывшим директором ЦРУ, Генри Киссинджером, бывшим госсекретарем, и Реем Клайном, бывшим заместителем директора разведуправления. Рональд Рейган принял его 16 декабря

---

* Covert Action Information Bulletin. 1983. № 19.

1980 года и долго беседовал с ним, перед тем как обосноваться в Белом доме.

В этом месте рассказа читатель вправе спросить, почему автор столь долго повествует ему о странной компании Арно де Боршграв и его друзей. Однако он должен понимать, что мысли преподобного отца Муна совпадают с убеждениями автора книги «Клин», и не удивится, узнав, что вместе с Моссом и Кроузе де Боршграв в начале восьмидесятых годов принимает активное участие в многочисленных конференциях, организованных Движением Единения. И он простит нам якобы сенсационное сообщение о том, что 20 марта 1985 года Арно де Боршграв назначен главным редактором жемчужины мунистской прессы — газеты «Вашингтон таймс» вместо Джеймса Уилена.

Американскую нацию предали

Заголовок, набранный крупным черным готическим шрифтом, притягивает взгляд к передовице на первой странице: «Если конгресс откажется помочь борцам за свободу, этим займемся мы». 6 мая 1985 года, через две недели после отклонения американским конгрессом предложения Рональда Рейгана об официальном финансировании никарагуанской контрреволюции, «Вашингтон таймс» грудью встает на защиту преданной американской нации и заявляет о создании «Никарагуэн Фридом Фанд» — комитета по сбору средств для антисандинистов. «Последнее голосование палаты представителей... обесчестило лидера свободного мира, — добавляет автор передовицы. — Посол Джин Киркпатрик сказала об «отвратительном самопоражении»... Когда люди ставят на одну доску цели Советского Союза и США и наоборот (а этим грешат многие «звезды» средств массовой информации); когда люди уже не в силах отличить вечные принципы американской революции от таковых марксистско-ленинской диктатуры, когда люди не хотят сражаться и умирать за собственную свободу, когда депутаты отказывают в 14 миллионах долларов людям, готовым сражаться и умереть в борьбе против тоталитаризма, тогда «соблазн тоталитаризма» не будет делом далекого будущего. А ведь именно это от-

верг американский народ в ноябре 1984 года *. Его мандат не может быть предан в угоду политическим приличиям».

Арно де Боршграв не ищет обходных путей: американский народ и президент на его стороне. И если он намекает на «Соблазн тоталитаризма», знаменитую книгу Жан Франсуа Ревеля, то только потому, что ему надо интеллектуально узаконить сей взрыв возмущения. И войну, которая ведется против Никарагуа...

Издавна считавшийся левым, французский эссеист (сегодня он в почете у американских правых) не был ли первым, кто разоблачил трусливую снисходительность Запада перед лицом марксизма? «Несмотря на отягчающую массу разоблачений, еще существует непропорциональная похвала по отношению к коммунистическим странам и партиям. Сегодня многие предпочитают знать об этих реалиях, но не извлекать уроков из этого знания» **. — писал Ревель в 1977 году. Преподобный отец Мун и полковник Пак Бо Хи задолго до 1985 года поняли, какую выгоду можно извлечь из политических связей де Боршграва и теоретических размышлений Ревеля: с 1982 года оба эти человека были среди наипочетнейших гостей ежегодных конференций средств массовой информации, которые организует группа мунистской прессы (см. главу 21).

Официально идея заменить конгресс частным комитетом для сбора 14 миллионов долларов, затребованных президентом Рейганом для поддержки никарагуанских контра, родилась несколькими днями ранее во время частного обеда де Боршграва с двумя его друзьями, сенаторами из правого крыла республиканской партии. Легко представить себе священный гнев, охватывавший трех человек при одном упоминании о трусости конгресса. В особенности Сэма Симмса, который представляет в сенате штат Айдахо, вот уже полтора века находящийся под влиянием ультраконсервативной мормонской церкви.

С другой стороны, с трудом верится, что полковник Пак Бо Хи не принимал прямого участия в зарождении «Никарагуэн Фридом Фанд». Будучи уже более

---

* Имеется в виду переизбрание Рональда Рейгана.— *Прим. ред.*

** *Revel J. F. La nouvelle Censure. Paris, 1977.*

года президентом КАУЗА-Интернасьональ, он оказывал прямую помощь контраст, сделав ее стратегически приоритетным делом Движения Единения.

Версия, представленная печати, обеспечивает внешние приличия: Арно де Боршграв вручил меморандум полковнику президенту «Нью Уорлд Коммюникейшнз», который с энтузиазмом воспринял идею своего главного редактора: сбор средств будет проходить под руководством комитета, состоящего из ведущих консерваторов, а Движение Единения просто примет участие в кампании, внося 100 тысяч долларов в первый день операции от имени полковника Пак Бо Хи.

Публикация списка «крестных отцов» убеждает американский политический мир в серьезности игры: Уильям Саймон, бывший глава казначейства при Ричарде Никсоне, Джин Киркпатрик, бывший посол США в ООН, Мидж Дектер и Майкл Новак, известные писатели новых правых, и актер Чарлтон Хестон, который будет надзирать за кампанией в Европе.

Ни у одного из этих известных лиц нет официальных обязанностей в правительственном аппарате, но каждый из них может снять телефонную трубку и позвонить прямо президенту или его ближайшим советникам. Майкл Новак, философ-католик, входит в ту часть левых интеллигентов, которые в семидесятые годы, сделавшись правыми, подготовили победу реи-ганизма. Ги Сорман, французский эссеист, который с успехом продавал в Европе американскую модель жизни восьмидесятых годов, видит в нем одного из героев «американской консервативной революции», человека, который несколькими фразами превратил капитализм в демократическую идеологию: «С рождением капитализма в мир пришла мировая идея справедливости. Каждая нация без исключения призвана развивать свои собственные ресурсы. Люди уже не могли с пассивной безропотностью реагировать на бедность, на голод, на отчаяние. Демократический капитализм открыл секрет экономического роста» *.

Уильям Саймон тоже ярый сторонник «войны идей», а это в Америке Джона Уэйна не означает, что он осуждает использование силы, просто он видит, что войну можно вести и в области идеологии. Таким образом, он, быть может, сам того не подозревая,

---

* La revolution conservatrice americaine. Paris, 1983.

разделяет идею преподобного отца Муна, который год за годом повторяет, что «третья мировая война будет выиграна в области идей». Миллиардер, сделавший состояние в Нью-Йорке, Уильям Саймон финансирует и консультирует молодежные организации неоконсерваторов, которые с момента вступления Рональда Рейгана в должность президента пошли на приступ студенческих городков. По всей вероятности, он знает из доклада, опубликованного левым крылом республиканцев, что Церковь Единения без всяких комплексов давно вплотную занялась обработкой республиканских студенческих организаций.

Такой интерес к молодежи и идеологии, весьма схожий с интересом Муна, однако, не означает, что Уильям Саймон стал мунистом. Бывший министр Никсона отвечает враждебно настроенным журналистам, которые намекают на возможную опеку комитета мунистами: «Они к этому отношения не имеют. Этот комитет действует независимо от газеты («Вашингтон таймс») и Церкви, и им руковожу я. Точка».

Он незаметно выдвигает себя на первый план. Небольшое путешествие в Париж позволяет получить необходимое подтверждение.

Далекая война

Французская Семья клянется теперь только газетой «Вашингтон таймс»! С момента создания «Никарагуэн Фридом Фанд» вся энергия направлена лишь на то, чтобы в Европе узнали об образцовом крестовом походе «братской» газеты.

В своей маленькой комнате на девятом этаже Мишель Пикар каждый вечер засыпает за рабочим столом. Он затянул с переводом, который ему поручили два ведущих муниста из КАУЗА-Европа. Речь идет о длиннейшей статье Арно де Боршграва. Это первый «взнос» Пикара как активиста организации. Экономия более чем в 1500 франков при сегодняшней стоимости переводов в Париже.

22 мая 1985 года во время открытия нового помещения КАУЗА на площади Андре Мальро Пьер Сейрак долго аплодировал кампании поддержки «борцов за свободу». За столом с угощением, организованным 1 июня в саду секретаря КАУЗА-Европа в Сель-Сен-Клу для нескольких десятков особ, симпатизирующих

Церкви, Анри Бланшар, шеф французской Церкви, несколько раз подчеркивал ведущую роль «нашей газеты».

Для будущих участников семинаров подготавливается небольшое досье, чтобы доказать тот факт, что дела «Вашингтон таймс» не чужды КАУЗА. Досье называется «Дополнительная информация о «Никарагуэн Фридом Фанд». Здесь можно найти номер банковского счета, на который следует переводить деньги: 28—0832—7868 в агентстве «Риггс Банк», М-стрит 2550 в Вашингтоне. Из него можно узнать, что «актер Чарлтон Хестон отвечает за сбор необходимых средств в Европе на этот проект». К досье приложены два письма, первое — изложение телефонного сообщения, адресованного актером из Лондона гостям конференции КАУЗА, которая должна состояться 13 июня 1985 года в Женеве: «Я от всего сердца поддерживаю эту инициативу и сожалею, что не могу быть с вами. Из-за роли, которую играю сегодня в пьесе, я не могу принять участия в конференции... Мои сердечные пожелания. Чарлтон Хестон».

Второе письмо, подписанное исполнительным директором «Никарагуэн Фридом Фанд», адресовано «Фонду за международный мир», организации-ширме французской Семьи на то время, пока не разработана окончательная структура КАУЗА, временно располагающейся на вилле Пьера Сейрака в Сель-Сен-Клу: «Господа, спасибо, большое спасибо за ваше щедрое пожертвование антисандинистским борцам за свободу... Мы еще находимся в организационной стадии. Вот почему ваша немедленная реакция на статьи газеты, объявляющие о нашем создании, очень кстати. Харольд Эберле».

Этот обмен любезностями не столь бесхитростен: координатор — не мунист — подписки в США, организованной Движением Единения, благодарит французскую ветвь Движения за столь быстрый ответ на призыв руководителей. Знает он или нет о том, что КАУЗА-Франция прячется за вывеской «Фонда за международный мир», результат маневра очевиден: для широкой американской публики, перед которой в нужный момент отчитаются, будет главным то, что чек передали французы, друзья свободы. И не мунисты! Французские сторонники умеют читать и между строк.

Находясь на расстоянии многих световых лет от

тактических комбинаций руководителей их Церкви, «дети» Муна тем временем продолжают колесить по французской провинции. В мае 1985 года Лоик руководит операцией по сбору денег между городами Кастр и Канн, и многие французы, сами того не подозревая, поддерживают далекую войну. Во имя единения всех христиан.

Кто такие контрасты?

По М-стрит медленно скользят автомашины. В конце улицы прирученная богема Джорджтауна, шикарно-добротный вашингтонский вариант Латинского квартала. Несколько домов повыше в центре самого чистого города в мире: сияющие общественные здания, всегда зеленые ухоженные лужайки. Почти гармоничный поток белых рубашек и темных галстуков напоминает, что столица Соединенных Штатов ищет и находит утешение в труде и власти.

Здание по адресу М-стрит 2550 великолепно. Роскошные лифты из надраенного до блеска алюминия распаиваются на четвертом этаже. Под ногами визитеров мягкий палас. За большой дверью из лакированной сосны трехсотого номера вас встречает хозяйка с обворожительной улыбкой на лице. Звонок по телефону, и у входа в двухкомнатную квартирку, временно отданную в распоряжение «Никарагуэн Фридом Фанд», возникает Харольд Эберле. Он похож на британского офицера-отставника индийской армии.

Атлетически сложенный человек лет пятидесяти в строгом синем блейзере, мощное рукопожатие, роскошные усы в виде велосипедного руля, в которых прячется неистребимая улыбка. «Хэл» сообщает, что пилотировал бомбардировщик во время войны в Корее. Он согласился участвовать в кампании, провозглашенной «Вашингтон таймс», поскольку его просил об этом Уильям Саймон. Был заместителем министра финансов при Никсоне.

На стене позади него плакат, опубликованный «Никарагуэн Фридом Фанд» в десятке крупнейших газет Америки за два дня до того, как конгресс пересмотрел свое решение и предоставил контраст солидную помощь. Содержание рекламного плаката потрясло бы до глубины души тех бойцов, кто пять лет рискуют жизнью в горах на севере Никарагуа. Под заголов-

ком «Центральная Америка горит... Конгресс треплет языком» опубликована фотография маленькой печальной девчушки с большими черными глазами и раненого мальчугана на больничной койке. Внизу подпись: «Вот они жертвы. Это они — контрас. Эти мужчины, эти женщины, эти дети нуждаются в вашей помощи сейчас. Пожалуйста, пошлите им ваше пожертвование — оно вычитается из облагаемой налогом суммы — сегодня же».

Двумя месяцами ранее доклад, подготовленный под руководством группы либеральных парламентариев (республиканцев и демократов), представлял контрас совершенно в ином свете: сорок шесть из сорока восьми военных командующих НДС, основная часть контрас, являются бывшими офицерами или унтер-офицерами национальной гвардии Сомосы. Двое из них — главнокомандующий, бывший военный атташе диктатора в Вашингтоне, и руководитель контрразведки, обвиненный в том, что нанял убийц епископа Роме-ро, — имеют столь дурную репутацию, что другие антисандинистские лидеры, как, например, Эден Пастора, отказываются сотрудничать с НДС, пока те не будут исключены из ее рядов. Преступления на счету этих людей до и после падения Анастасио Сомосы пачкают форму «борцов за свободу», в которую пытаются облачить их президент Рейган, «Вашингтон таймс» и «Никарагуэн Фридом Фанд».

Конечно, Арно де Боршграв не ошибается, когда уточняет, что только два процента контрас принадлежали к гвардии диктатора. Основная сила НДС — простые крестьяне. Но он забывает упомянуть в своей передовице от 6 мая, тут же переведенной и распространенной во всех уголках мира с помощью КАУЗА, что это меньшинство направляет войну по своему вкусу: наряду с постоянной борьбой с сандинистской армией нападениям подвергаются гражданские объекты, производятся расправы с крестьянами... В случае их победы вряд ли есть смысл надеяться на восстановление образцовой демократии в Манагуа.

«Для пуль и бомб»

Через полтора месяца после объявления кампании «Никарагуэн Фридом Фанд» результаты далеки от ожидаемых. Хэл Эберле согласен с этим. Фонд и не рас-

считывал собрать более полумиллиона долларов. Щедро откликнулись на призыв две общины: эмигранты из Восточной Европы, особенно украинцы и литовцы, и антикастровские кубинцы. Многие из них стали преуспевающими предпринимателями и почитают за честь финансировать «благородное дело». Частные кубинские радиостанции во Флориде открыли широкий доступ посланцам «Никарагуэн Фридом Фанд». Программа, которую вел Линн Бучер, молодой политолог-неоконсерватор, его часто приглашает КАУЗА, в несколько часов собрала 50 тысяч долларов. Кампания пользовалась активной поддержкой лидеров этих общин, многолетних спутников мунистов, таких, как Лев Добрянский, посол Рейгана на Багамах и сооснователь Всемирной антикоммунистической лиги, или Антонио де Варон, президент Патриотической хунты Кубы. Годом ранее последний председательствовал на весьма представительной конференции КАУЗА, собравшей в большом отеле на берегу Потوماка в непосредственной близости от конгресса сто семьдесят делегатов испаноязычных общин, живущих в США. В конце заседаний участники выступили с посланием в поддержку преподобного отца Муна, которого преследует американское налоговое управление. Оно было направлено президенту Рейгану и членам конгресса.

Американские консерваторы вяло реагировали на призывы о помощи контраст. Несколько менеджеров больших компаний внесли деньги от себя лично. Но в среднем каждое пожертвование не превышало 2 тысяч долларов.

У Хэла Эберле немало доводов для объяснения этого полупроваля. Многие правые пока еще испытывают отвращение к сотрудничеству с людьми преподобного отца Муна. Особенно сдержанно ведут себя консерваторы-евреи. Крупные торговцы-евреи Вашингтона отказываются помещать рекламу в «Вашингтон таймс». А англосаксам-протестантам не нравится, что молодые евреи, обращенные в мунизм, работают для Церкви Единения за мизерную зарплату. Руководители патронажного комитета Уильям Саймон и Джин Киркпатрик — неоспоримые лидеры американских правых — не смогли сломить недоверия многих лиц, которые предпочитают финансировать контраст через Всемирную антикоммунистическую лигу или полувоенные группировки.

Надо преодолеть и еще одну трудность: федеральное законодательство запрещает частным фондам финансировать закупку оружия мятежникам, ведущим борьбу с правительствами, которые поддерживают дипломатические отношения с США. А представители НДС не скрывают от своих американских друзей, что у них неотложные нужды в дорогостоящем военном оборудовании. «Нужны вертолеты», — сказал Хэлу Эберле Адольфо Кальеро, президент НДС. Даже стыдливо переименованные в «эвакуационные авиасредства», они не могут быть куплены на деньги фонда. К великому разочарованию самых решительных жертвователей, желающих поскорее покончить с сандинистами. В основном это бывшие конгрессмены или офицеры в отставке.

Здесь со смехом рассказывают историю чека, поступившего в «Никарагуэн Фридом Фанд» с надписью «для пуль и бомб». «Если бы зависело от нас... — такой ответ по телефону дали щедрому жертвователю. — На ваши деньги будет куплена одежда, медикаменты, пища и палатки... Ведь контрасты тратят много денег на прокорм солдат...» Последовал немедленный ответ: «Оставьте чек у себя!»

Однако главное объяснение скромного успеха кампании кроется в другом: газеты опубликовали призыв «Никарагуэн Фридом Фанд» всего за два дня до заседания конгресса, на котором законодатели должны были пересмотреть свой отказ о помощи контрастам. В этих условиях было трудно убедить американцев тут же сунуть руку в кошелек.

Хэл Эберле без смущения называет того, кто виноват в этом дурацком промедлении: оказывается, президент США три недели отвечал на письмо Уильяма Саймона, который просил об официальной поддержке инициативы «Вашингтон таймс». Президенту фонда хотелось, чтобы Белый дом поддержал операцию своим моральным авторитетом. Так ли были смущены зачинщики кампании, как меня пытается уверить Хэл Эберле? Ответ Рональда Рейгана — рекламный плакат воспроизводит факсимиле — дает разгадку, почему «Никарагуэн Фридом Фанд» не желал пускаться в одиночку в кампанию по опустошению шерстяных чулок консерваторов: его создатели не столько хотят собрать 14 миллионов долларов, сколько подтолкнуть конгресс дать антисандинистам вдвое больше.

«Дорогой Билл...— пишет президент 30 мая.— Ваши усилия на мобилизацию частной помощи поддерживаются мною от всего сердца. Но я знаю, Вы согласитесь со мной, что пища, одежда и медикаменты, собранные Вами, не могут заменить прямую и открытую помощь правительства США. Одно должно дополнять другое...»

Этот пассаж выделен цветом посреди опубликованной страницы — за 100 тысяч долларов — в столь влиятельных газетах, как «Лос-Анджелес таймс», «Нью-Йорк таймс», «Ю-Эс-Эй тудей», «Майами геральд». За два дня до голосования в столице деньги полковника Пак Бо Хи публично вносятся в кампанию прямой поддержки президента. Послание «предателям» из конгресса яснее ясного: не обесчестите себя, заставив американский народ прибегнуть к частной помощи для защиты свободы! Пуля попала в цель.

Через несколько недель в Париже Пьер Сейрак, генеральный секретарь КАУЗА-Европа, подтвердил мне, что в этом и состояла истинная цель «Никарагуэн Фридом Фанд». В письме, адресованном 20 июня своим сторонникам, он даже уточнил: «Идеологическая борьба не мешает наносить время от времени точные и эффективные уколы в нужное место, как это произошло с недавней кампанией «Вашингтон таймс» в пользу контраст Никарагуа». Друзья КАУЗА должны знать, что Церковь Единения занимается и политикой.

Инициатива Арно де Боршграва к тому же помогла собрать несколько сотен тысяч долларов, чтобы заткнуть дыры, пока казначеи НДС не получат после довольно долгой процедуры новенькие миллионы, размороженные конгрессом, наконец наставленным на путь истинный.

Ура-патриоты или Козыри Муна

Более двух часов Хэл Эберле знакомил меня со своей Америкой и консервативным движением. «Вы знаете, в Центральной Америке нами движет инстинкт самосохранения: 40 процентов нашей нефти проходит через

совсем близкий Панамский канал...» Джин Киркпатрик: «лучшее дело» американских правых за последнее время! Международная мобилизация вокруг «Никарагуэн Фридом Фанд?»: «Мы получили пожертвования из Канады и Японии...» Улыбка и доброе расположение духа дополняют друг друга.

Я не хочу уходить, не задав двух вопросов, которые вертятся на кончике языка.

— Господин Эберле, вы знакомы с полковником Пак Бо Хи?

— Немного. Он недавно заходил сюда ко мне, чтобы поздравить с проделанной работой. Ему не пришлось долго путешествовать: его вашингтонский кабинет расположен этажом выше.

— Кстати, о кабинете, господин Эберле. Кто предоставил вам это помещение?

— Один из вашингтонских бизнесменов, владеющий несколькими служебными помещениями в этом здании. Эти он предоставил нам. Он занимается изучением рынков и импортом-экспортом. Торгует всем, кроме оружия: грузовиками, пищей, обмундированием... Он давно хотел помочь контраст и имеет опыт в сборе денег. Он уже собирал деньги для своей церкви... Это — бывший морской пехотинец, патриот до мозга костей!

Устав от улыбки Хэла Эберле, я снова иду по асфальту М-стрит и думаю: все-таки случай — могучий союзник. Судите сами: вашингтонское представительство «Ньюс Уорлд Коммюникейшнз» (нью-йоркская фирма, владеющая газетой «Вашингтон таймс», президент фирмы — Пак Бо Хи) расположено в том же здании, что и «Никарагуэн Фридом Фанд», а главный совладелец здания является членом совета дирекции НФФ! Независимость комитета, созданного Арно де Боршгравом и Уильямом Саймоном, выглядит весьма относительной по отношению к Движению Единения.

Консерваторы неплохо относятся к полковнику Паку. Разве с 1985 года его не уважают все урапатриоты Вашингтона?

20. СВЕТСКИЕ ОБЕДЫ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ВЛАСТЬЮ

Счастлиное меньшинство

Небольшой политический мирок Вашингтона судит о влиянии и котировке своих лидеров по некоторым признакам. В частности, по присутствию на кое-каких официальных обедах, по весомости лиц, сидящих за вашим столом, по расстоянию, на котором вы находитесь от почетного гостя вечера... Именно эти признаки позволяют оценить ваш престиж.

Молниеносный взлет мунистского штаба в консервативных кругах с этой точки зрения не остался незамеченным. Пока Мун Сан Мен в начале 1985 года отбывает срок в тюрьме Дэнбери, Пак Бо Хи и его главные помощники триумфаторами присутствуют на самых престижных обедах.

Запомним несколько дат.

1 марта: ежегодный традиционный банкет «Нешнл Консерватив Политикал Экшн Коммити» собрал 2500 человек, съехавшихся со всех концов страны. Нэнси и Рональд Рейган посещают его уже девять лет подряд и председательствуют на нем с момента прихода в Белый дом. Они снова явились на встречу, окруженные знаменитостями и серыми кардиналами различных направлений «мускулистой» правой: «Старыми правыми», «Новыми правыми», «Неоконсами» и прочими. У консерваторов — это прием года.

Сюрприз: за столиком «Вашингтон таймс» справа от Пак Бо Хи сидит Дональд Риган, директор кабинета президента. Он провел рядом с полковником весь вечер на виду у всех.

Многим не понравилось, что столь близкий к Рональду Рейгану человек публично демонстрирует свои связи с помощником «Нового Мессии», все еще отбывающего срок за неуплату налогов. Какова бы была их реакция, узнай они о том, что произошло до банкета? История может показаться анекдотичной, но она заставила глубоко задуматься немало лидеров консерваторов: по традиции до начала большого бан-

кета самые влиятельные лица собираются в узком кругу, вдали от нескромных взглядов и ушей. С момента прихода Рональда Рейгана к власти можно считать, что эти пятьдесят или сто человек, участвующих в конклаве, являются своего рода расширенным правительством Америки. Там, конечно, присутствуют те, чьи громкие имена мы то и дело упоминаем на этих страницах: генералы в отставке, бывшие сотрудники ЦРУ, директора «мозговых трестов», парламентарии, миллионеры...

В этом году их около ста, в том числе пятнадцать членов правительства, обсуждающих основные текущие дела. Среди них мунистская делегация, впервые допущенная на такой праздник, чувствует себя с такой уверенностью, будто она издавна принадлежит к этому семейству. Пак Бо Хи сопровождают Джеймс Гейвин, начальник отдела общественных связей «Вашингтон таймс», а главное — Моуз Дёрст, у которого всего лишь один весомый титул: президент Церкви Единения в Соединенных Штатах...

Сообщество мунистов и консерваторов во многом состоялось благодаря одному из главных организаторов собрания — Джону Терри Долану, президенту такой невероятной машины по сбору денег, как «Нешнл Консерватив Политикал Экшн Коммити». Ибо, заметим вскользь, за присутствие на этом обеде надо здорово раскошелиться.

Репутация этого кипучего молодого человека более остальных подмочена связями с мунистами. Прежде всего он заседает в консультативном комитете КАУЗА, политической организации Церкви Единения, которая подхватила эстафету «Фридом Лидершип Фаундейшн». Более того, он использует деньги мунистов для ведения некоторых видов своей деятельности. К примеру, поддерживает постоянную кампанию средств массовой информации и политиков за бойкот коммерческих связей с Советским Союзом. И создал еще одну консервативную организацию — КОАЛ, Консервативный альянс, для координации деятельности разрозненных лобби правых.

В 1984 году КАУЗА выделила 500 тысяч долларов на финансирование рекламной кампании КОАЛ. Мунистская организация признала это публично и получила в ответ благодарность. Следует согласиться, что деньги были потрачены не впустую.

Лучшее «дело» Джон Терри Долан провернул на телевидении. Сенсация обошла всю страну — он организовал выступление Кэтти Макдональд, вдовы члена палаты представителей от Джорджии, демократа, который погиб в «Боинге» КАЛ, сбитом в 1983 году советскими истребителями. Красивая и трогательная вдова заявила с претензией на точность, что характерно для современных идеологических дебатов: «Ракеты, использованные для убийства моего мужа, были разработаны благодаря технологии, проданной Советам американскими компаниями в рамках торговых соглашений, финансируемых американскими банками. Помогите остановить это безумство, присоединяйтесь ко мне и поддерживайте КОАЛ!»

Легко себе представить, какое воздействие оказало это выступление на столь сентиментальную публику, каковой является публика американской глубинки.

Терри Долан также признал, что мунистские деньги послужили для открытия нового антикастровского радио во Флориде — «Радио Марти».

Похоже, действуя в том же ключе, КАУЗА финансировала серию телефильмов о Центральной Америке, сделанных под контролем «Эмерикен Секьюрити Каунсил», «оборонческого» лобби экс-генералов Синглауба и Грэема... куда входит и экс-генерал Уоллнер, один из главных руководителей КАУЗА-Интернасьональ.

Трудно распутать сети, в которые Мун уловил американских правых.

Присутствие мунистов на банкете «Нешнл Консерватив Политикал Коммити» не имело бы значения символа, если бы в последующие месяцы их не видели в других местах и в столь же доброй компании.

Во время ежегодного обеда, данного в конце апреля 1985 года Ассоциацией журналистов, аккредитованных при Белом доме, пораженные гости не спускали глаз со столика «Вашингтон таймс», где в отсутствие Пак Бо Хи восседал Арно де Боршграв. Новоиспеченного главного редактора мунистской газеты окружали четыре члена правительства Рейгана: Эдвин Миз, ставший министром юстиции; Роберт Макфарлейн, главный советник президента по национальной безопасности; Джон Херрингтон, министр энергетики, и Александр Хейг, бывший госсекретарь...

Еще более разительный пример: в том же месяце Пак Бо Хи и его друзья находятся среди тех «немно-

гих счастливых», которые принимают Рональда и Нэнси Рейган на праздничном обеде в отеле «Мариотт» в Вашингтоне, организованном для оказания помощи никарагуанским беженцам в Гондурасе. На обеде собрались лидеры частной помощи контраст. Мунисты не остановились перед расходами: они занимают два больших столика вместе со своими приглашенными. По 250 долларов с человека за обед — прекрасный ответ на инициативу Вуди Дженкинса, исполнительного директора «Каунсил фор Нешнл Полиси», организации, которая координирует «частную войну» в Никарагуа, а также основателя «Френдз оф Америка», ассоциации, которая работает вместе с мунистскими организациями в лагерях партизан мискито на границе Гондураса... Чтобы замкнуть круг, передаю сказанные по секрету слова некоего лица, одного из руководителей «Каунсил фор Нешнл Полиси», пожелавшего остаться в тени: «КАУЗА подкинула немало денежек Вуди Дженкинсу, когда в его кассе образовался дефицит».

Вальс зеленых билетов

Церковь Единения потратила немалые средства, чтобы разделить застолье с могущественными людьми и быть принятыми ими. Мунисты в конце концов признали, что «Вашингтон таймс» обошелся им за три года в 150 миллионов долларов. Джеймс Уилен с великим сожалением посетовал, что ни один консерватор-миллиардер не взял на себя такого риска ради дела. Он вспоминает, что деньги были всегда. Каждые 1 и 15 числа месяца он получал чек на миллион долларов от «Уан Ап», мунистского холдинга, размещенного там же, где и «Юнификейшн Чёрч Интернешнл», в пригороде Вашингтона. И если в конце месяца ему требовались еще кое-какие деньги, достаточно было позвонить секретарше Пак Бо Хи.

Отметим походя, что, будучи толковыми финансистами, мунисты разместили «Уан Ап» в соседнем штате Делавер. А филиал — в пригороде Вашингтона. Законодательство Делавера, в отличие от других американских штатов, всегда проявляло снисходительное отношение к фирмам, не желающим открывать источники своих капиталов и своих руководителей.

«К этим 2 миллионам, предназначенным только для функционирования и выпуска газеты, — говорит

Уилен,— следует прибавить ежемесячные расходы на строительство из специального бюджета...»

Церковь Единения хорошо платит тем, кто желает сотрудничать с ней в «Вашингтон таймс». Она дала Джеймсу Уилену годовой оклад, превышающий его оклад в «Сакраменто юнион». Сумма, равная его зарплате за три года, была положена в одном банке Вашингтона в качестве обеспечения на случай возможного краха газеты. Кроме великолепной резиденции «Таймс» предоставил ему «кадиллак» и абонемент в один из самых роскошных клубов столицы.

В контрактах, предложенных наследникам ирландца по газете, проставлены суммы, редко встречающиеся в истории американской прессы. Быть может, чтобы сгладить неприятное впечатление от заявления Джеймса Уилена в момент его ухода. Вкратце оно сводилось к следующему: «Эта газета уже не независимый орган, как мне хотелось. Он в руках Пак Бо Хи и его мунистской клики, которые хотят управлять всем!»

Смиту Хемистоуну, заместителю главного редактора, ставшему главным в июле 1984 года,— Джеймс Уилен занимал этот пост и был одновременно директором издания — было положено на 5 тысяч долларов в год больше, чем его бывшему шефу.

А когда Пак Бо Хи начинает поиск нового крупного журналиста, могущего управлять газетой и укреплять связи с консерваторами и Белым домом, зеленые билеты закружились в вихре вальса... Джеймсу Уотту, бывшему министру внутренних дел, предложена вступительная премия в полмиллиона долларов. Сделка не состоялась. Несмотря на заманчивые условия, многие из крупнейших консерваторов отклоняют предложение. В их числе посол Джин Киркпатрик, Лин Ноффигер, близкий друг президента, и Уильям Рашер, директор «Нешнл ревью» и автор передовиц «Таймса».

Сначала взгляд Пак Бо Хи обращается на давнего лауреата Пулитцеровской премии Джона Хенчетта, одного из директоров газетной корпорации Геннетт. Он не политик, но профессионал. Ему предлагают 135 тысяч долларов в год... Хенчетт, который зарабатывает значительно меньше, не поддается искушению, но говорит об этом Арно де Боршграву...

Будущий главный редактор «Вашингтон таймс» начинает торг, требуя 900 тысяч долларов за три года! 200 тысяч долларов за первый год! Для сравнения:

главный редактор престижной «Нью-Йорк таймс» получает примерно 150 тысяч долларов в год.

Автор книги «Клин» не впервые получает деньги от «Вашингтон таймс». Джеймс Уилен подписал с ним в апреле 1984 года контракт на 65 тысяч долларов на исследование рынка накануне выпуска национального издания в Калифорнии, Чикаго и Филадельфии. И статьи, которые он уже писал для газеты, были оплачены с королевской щедростью...

Политическая деятельность Церкви также стоит немало. «Помню,— сказал мне Джеймс Уилен,— что Фил Грин, адвокат Пак Бо Хи, сообщил мне в начале 1984 года, что мунисты вкладывают в пропаганду, конференции и прочие дела столько же, сколько тратят на «Таймс» — около 50 миллионов долларов в год. Организация международных конференций — КАУЗА и средств массовой информации — требует громадных средств. Участников приглашают на все готовенькое. Некоторые докладчики получают за выступления огромные суммы. Я подсчитал, что Уильям Рашер заработал на сотрудничестве примерно 100 тысяч долларов, в частности, за председательство на всемирной конференции средств массовой информации в Сеуле и произнесение нескольких речей».

100 миллионов долларов, щедро расходуемых каждый год на антикоммунистическую борьбу, в конце концов убедили многих консерваторов — часто наиболее непримиримых — в необходимости открытого сотрудничества с Мун Сан Меном.

Очень характерна в этом отношении судьба Арно де Боршграва. Едва усевшись в кресло главного редактора «Вашингтон таймс», он сразу почувствовал себя на коне. Хотя он зависит от Пак Бо Хи и Церкви куда сильнее, чем Джеймс Уилен. Пост директора издания ликвидирован, он теперь финансово подчинен управляющим, а последних контролирует мунистская материнская фирма «Ньюс Уорлд Коммюникейшнз», которая и определяет издательскую политику. Кроме того, в новой команде повысились в ранге многие мунистские администраторы и журналисты.

И все же в июне 1985 года Арно де Боршграв сообщает «Лос-Анджелес таймс», что ему «уютно сожительствовать» с политическими идеями Муна. Понимается, интеллектуально. И добавляет без смущения: «Преподобный отец Мун сидит в тюрьме за

свои убеждения, за то, что символизирует собой всемирный антикоммунистический крестовый поход... Никаких сомнений, он — истинный антикоммунист, а это, похоже, является преступлением в нашем обществе...»

Дела семейные

Итак, от Арно де Боршграва не ускользнуло, что Мун Сан Мен является истинным антикоммунистом. Джеймс Уилен имел время уяснить, что эту фигуру нельзя оценивать столь однозначно. При почти ежедневном контакте с Пак Бо Хи в течение двух лет он понял, что кроме защиты Америки Семья преследовала и не столь бескорыстные цели. И не колебалась, если того требовалось, прибегать к помощи некоторых друзей из американских политиков.

«Весной 1984 года, — рассказывает Джеймс Уилен, — я начал ощущать, что Пак Бо Хи всеми средствами пытается утвердить свою власть в газете. Именно тогда в коридорах редакции появился посол Хан (Хан Сан Кек по прозвищу Буд Хан, бывший сотрудник КЦРУ, пришедший в Церковь вместе с Пак Бо Хи в пятидесятые годы. — *Прим. авт.*). Считалось, что он осваивает газетное дело для организации выпуска журнала в Нью-Йорке. На самом деле он был должен установить полный контроль над газетой.

Полковник тогда попросил меня об исключительной услуге. Ему нужна была моя помощь, чтобы попытаться улучшить отношения Церкви с правительством Южной Кореи! Я знал, что у них серьезные разногласия с Сеулом с момента прихода к власти нового президента Чон Ду Хвана в 1980 году. Мне это подтвердило посольство Кореи в Вашингтоне. Вот уже четыре года правительство не давало выездных виз труппе «Маленьких ангелов». А главное — отказывало в разрешении на строительство мунистского университета на острове, который принадлежит Церкви в сердце столицы на реке, пересекающей Сеул. Чтобы получить зеленый свет, она даже предложила отдать половину территории властям...

Идея Пака состояла в том, чтобы добиться для меня аудиенции — не интервью, а аудиенции — у президента Кореи. По его мысли, меня следовало использовать как полномочного представителя организации. Я чувствовал его отчаяние от невозможности

воспользоваться всей властью, которую ему давало владение «Вашингтон таймс». Простой прием корейским президентом уже был бы победой. Я ограничился тем, что расхвалил дело, созданное Муном и Пакком, упирая на влияние и могущество Церкви в Соединенных Штатах. Нужно было, чтобы встречу организовало важное лицо. Пак попросил меня убедить в этом Ричарда Аллена...»

Вряд ли корейский полковник мог сделать лучший выбор. Первый советник Рональда Рейгана по делам национальной безопасности Ричард Аллен убедил Белый дом в необходимости принять генерала Чон Ду Хвана в США в 1982 году.

«Пак уточнил,— продолжал Джеймс Уилен,— что я могу заплатить Аллену любую сумму. И должен был обратиться к нему только в том случае, если контракт превысит 250 тысяч долларов! Пак так настаивал, что я согласился хоть что-то сделать. Я вошел в контакт с Алленом и попросил его рассмотреть для нас возможности выпуска международного издания «Вашингтон таймс» в Азии. Я предложил ему за это исследование 150 тысяч долларов. В конце концов контракт был подписан на сумму в 100 тысяч долларов. По ходу дела я изложил просьбы Пак Бо Хи. Он обещал сделать все, что было в его силах...»

Джеймс Уилен не приложил больших усилий, чтобы добиться пресловутой аудиенции. Хотя Пак Бо Хи убеждал его сделать это. Ричард Аллен попытал счастья, безуспешно, но попытал. У ирландца до сих пор хранится телекс, в котором его друг сообщает о переговорах.

К великому гневу Пак Бо Хи, директор «Вашингтон таймс» с пустыми руками вернулся из поездки по Азии. Через три месяца он был уволен. Ричард Аллен не прервал добросердечных отношений с мунистами. В качестве «звезды» он будет приглашен на VII всемирную конференцию средств массовой информации в ноябре 1984 года в Токио.

«Не впервые,— вспоминает Джеймс Уилен,— мунисты пытались воспользоваться услугами своих американских друзей-политиков, чтобы решить трудные проблемы на другом конце света. К примеру, в 1983 году они прибегли к помощи бывшего министра финансов Эйзенхауэра Роберта Андерсона, чтобы выступить посредником перед неким международным банковским консорциумом в весьма сложных переговорах: по на-

стоянию «Уэллс Фарго» из Сан-Франциско несколько банков потребовали от уругвайского «Банко де Кредито» выплаты в течение тридцати дней предоставленного ранее кредита в 15 миллионов долларов. Роберт Андерсон, весьма известная личность в американском экономическом мире, согласился на посредничество. Почему? Ему давно хотелось организовать крупную международную конференцию по вопросам финансов — новую бреттонвудскую конференцию, — а мунисты обещали финансировать его проект...

«Святой альянс»

Раздоры между пророком и американским налоговым управлением, а также его двенадцатимесячное пребывание в тюрьме дали возможность Церкви летом 1984 года пересчитать своих друзей.

Следует признать, что самые экстремистские круги «Морального большинства» не заставили себя долго просить, чтобы ринуться на помощь «Новому Мессии» — жертве «религиозных преследований». Как ни странно, но поддержку обеспечили и либеральные организации, и деятели, которым дорога защита фундаментальных прав, гарантированных первой поправкой к конституции, в частности в отношении религиозной свободы. А потому чернокожий преподобный отец Джозеф Лауери, один из последователей Мартина Лютера Кинга во главе движения за гражданские права, и бывший сенатор Маккарти от своего имени выступали в различных кампаниях в поддержку Мун Сан Мена.

Семья вопит о скандале, поскольку «Отец» был лишен свободы и к тому же приговорен к штрафу в 25 тысяч долларов, тогда как вице-президент Джордж Буш и кандидат от демократов на вице-президентство Джеральдина Ферраро — они должны налоговому управлению куда большие суммы — избежали тюрьмы.

И действительно, наказание для Мун Сан Мена выглядит слишком суровым по отношению к долгам: он должен всего 7300 долларов за 100 тысяч долларов необъявленных доходов с капитала. Дает ли это право мунистам объявлять, что суд над их лидером есть недопустимое попрание религиозной свободы?

Метр Агге, адвокат французской АЕВХ, так далеко не заходит. Он долго изучал досье и считает, что Мун Сан Мен стал в этом деле жертвой своих собст-

венных адвокатов. Он никогда бы не был приговорен к столь суровой мере наказания, признай его советники в самом начале процедуры неоспоримые факты. Он бы отделался небольшим штрафом. Но с 1981 по 1984 год во время воистину марафонского процесса мунисты вовсю старались доказать, что счет в банке не был личным счетом «Нового Мессии», а принадлежал Церкви, доверившей ему свои деньги и тратившей их для финансирования своей религиозной деятельности... Но после появления доклада Фрейзера все знали, что с момента своего прибытия в США Мун вкладывал деньги в политику и в бизнес.

Иными словами, американская юстиция не любит, когда ее водят за нос...

А «религиозные» деятели, которые присоединяются к протестам Церкви Единения гнут свою линию: Мун — символ свободы, которой угрожает государство и налоговое управление. В первых рядах защитников Муна два парламентария-мормона: Джордж Хансен, член палаты представителей от Айдахо, и Оррин Хэтч, сенатор от Юты.

Первый уже участвовал в манифестациях мунистов на ступенях Капитолия 10 апреля 1975 года против «постыдного поражения» во Вьетнаме. Он был одним из столпов «Коалиции за религиозную свободу», которая провела множество демонстраций в защиту «Отца» до и во время его пребывания в тюрьме.

Второй — неутомимый «борец за свободу». Читатели французской «Либерасьон» познакомились с ним в ноябре 1985 года, когда газета сообщила, что американский фонд «За демократию» тайно «подмазывает» «свободные» организации вроде «Форс Увриер» или ЮНИ (университетский профсоюз крайне правого толка). Оррин Хэтч заседает в административном совете этого фонда.

За несколько месяцев до отправки преподобного «Отца» в тюрьму сенатор-мормон делает все возможное, чтобы «Новый Мессия» избежал исправительного заведения в пятый раз за сорок лет. Когда Мун направил апелляцию в Верховный суд США, Оррин Хэтч то и дело выступал с публичными заявлениями, требуя от столь высокого суда пересмотра дела пророка и отмены решения о его наказании. Только самые посвященные могли понять в то время всю подноготную его вмешательства: человек, от которого зависит

принятие дела к производству в Верховном суде, тоже мормон и консерватор.

Генеральный адвокат Рекс Ли — должность, соответствующая нашему прокурору республики, — казалось бы, должен быть восприимчив к дружескому давлению лидера своей общины, сенатора от Юты, колыбели и бастиона мормонской церкви.

К несчастью для Муна, Рекс Ли относится к тем упрямам, которые не любят, когда на них давят. Он был назначен самим Рональдом Рейганом и чувствует достаточно сил, чтобы противостоять напору. Позже он сказал одному из друзей, что никогда с момента вступления в должность не видел такой мобилизации сил, пытающихся освободить человека от тюремного заключения. «Мне звонили из всех политических организаций Вашингтона, даже из Белого дома».

Верховный суд отказался рассматривать дело Муна.

Тогда Оррин Хэтч прибегнул к крайнему маневру в попытке отложить исполнение приговора. В качестве президента сенатской подкомиссии по конституционным вопросам он вызывает 26 июня 1984 года Мун Сан Мена в Капитолий, чтобы заслушать его показания о процессе, в котором тот выступает против администрации. Пресса изложила отчет об этой аудиенции, на которой «Отец» был с энтузиазмом поддержан сотней присутствующих в зале пасторов.

В течение двенадцати месяцев пребывания основателя Церкви Единения в исправительном заведении Дэнбери симпатии к нему его друзей из мормонской церкви и «Морального большинства» не уменьшились. Воспользовавшись случаем, Церковь потратила в 1985 году от 5 до 10 миллионов долларов на формирование и сплочение вокруг себя верующих-фундаменталистов. КАУЗА создала новый отдел для ознакомления пасторов и священнослужителей с доктриной единения и с причиной тюремного заключения ее лидера. Под названием КАУЗА-Пасторский альянс эта новая, специально созданная организация провела для них десятки конференций по всей стране.

Весной 1985 года триста священнослужителей, выбранных из списка «Морального большинства», получили на дом роскошный «пакет-подарок», содержащий три видеокассеты, две книги и одну брошюру с изложением основных тем «богизма»*. В каждом

---

* Такой термин дал автор.— *Прим. ред.*

было письмо Моуза Дерста, президента американской Церкви, в котором говорилось, что Мун Сан Мен молится за них ежедневно в своей камере...

Примерная стоимость этой необычной операции аудиовизуального катехизиса — 4 миллиона долларов!

Но, безусловно, наилучшим способом Церковь использовала в своих целях несчастье руководителя с помощью «Коалиции за религиозную свободу». Вначале речь шла только о мобилизации друзей — или обязанных ему людей — на защиту Муна. Но очень быстро стратеги Церкви поняли, что осуждение «Отца» позволит им проникнуть в круги, пока закрытые для них, в круги религиозные, а значит, конкурирующие.

Если исключить чернокожего пастора Лауери и экс-сенатора Маккарти — они уже давно разбавили свое либеральное вино консервативной водичкой, — «Коалиция за религиозную свободу» объединяет главных преподобных отцов «Морального большинства», некой галактики ультраконсервативных религиозных ассоциаций, которая превратила первую президентскую кампанию Рональда Рейгана в крестовый поход за теократию. В ней заседают, в частности, калифорниец Тим Лахей и Джерри Фолуэлл, бесспорный лидер движения, известный своим моральным вкладом в избирательную платформу Рональда Рейгана и своей весьма благожелательной позицией по отношению к южноафриканскому апартеиду.

Пасторы и мунисты под знаменами «Коалиции» несколько раз выходили на улицы в 1984 и 1985 годах с требованием помиловать Мун Сан Мена. По его выходе из тюрьмы они приветствовали его как героя и мученика в крупном отеле Вашингтона.

Святой альянс «Морального большинства» и Церкви Единения выжил и после освобождения «Нового Мессии». Их сближало все: стремление к новому моральному порядку и антикоммунизм, а также желание объединиться, чтобы заставить американское общество признать все большее участие фундаменталистских церквей в политических дебатах.

Небольшое знамение, которое не обманывает: полковник Пак Бо Хи доверил руководство последним детищем своей группы прессы — журналом «Инсайт», выходящим с осени 1985 года, правой руке Джерри Фолуэлла — Рональду Годвину.

400 ММ

IV. МУН ЗАВОЕВЫВАЕТ МИР

ВВЕДЕНИЕ: «ВАШИНГТОН ТАЙМС» — ГАЗЕТА ПЛАНЕТЫ

«Наша цель превратить «Вашингтон таймс» в одну из десяти крупнейших газет мира. Я счастлив объявить вам, что мы перевыполняем программу...» — «Таймсу» еще не исполнилось и полугодия, и тираж его все еще не превышает 100 тысяч экземпляров, а полковник Пак Бо Хи уже объявляет, что «громогласный консервативный голос» Америки будет услышан на другом конце света.

Повторяем, амбициозная цель мунистов — завоевать весь мир, и без промедления.

Пак Бо Хи мечтает о международном издании, которое могло бы опереться на существующую инфраструктуру группы прессы «Ньюс Уорлд Коммюникейшнз», в частности на типографию еженедельника «Миддл ист таймс», издающегося на английском языке на Кипре, и на «Секаи Ниппо», ежедневную газету японской Семьи. Но ему ясно, что механизм пока еще не отлажен.

Действительно, как издавать крупную европейскую газету на небольших машинах, на которых печатаются религиозные журналы вроде «Нувель эспуар»?

А ведь в конце 1982 — начале 1983 года Движение Единения постепенно смещает основные усилия в Европу. Укрепив позиции в Азии, Северной Америке и Латинской Америке, Семья сочла, что пора открывать «европейский фронт». Момент выбран исключительно удачно: проблема «евроракет» дает возможность мунистам вновь оказаться на острие борьбы за Америку и Запад. Кроме того, кризис, разъедающий марксизм и западноевропейское рабочее движе-

ние с конца семидесятых годов, подводит Церковь к мысли, что пора начинать заключительное идеологическое наступление для подготовки «похода на Москву». Под таким углом зрения просто необходимо издавать крупную ежедневную газету на английском языке, которая может предложить элите старого континента точку зрения всепобеждающего консерватизма.

По этому пункту Пак Бо Хи и Джеймс Уилен договариваются без труда. «Я всегда мечтал о газете, могущей составить конкуренцию «Интернешнл геральд трибюн», — заявил последний. — Каждый раз, садясь в самолет, летящий в Европу или Азию, я спрашивал себя, что испытывают деловые люди всего мира, в своем подавляющем большинстве консерваторы, берясь за всю эту жвачку. Освещение некоторых тем иностранной политики США в этой газете чуть ли не совпадает с коммунистической пропагандой...

Поэтому я предложил Пак Бо Хи выпускать международное издание «Вашингтон таймс», передавая его через спутник в Европу и Азию, где бы его печатали. Он подхватил мою идею и разморозил капиталы. Я много ездил в 1983 и 1984 годах, чтобы наладить международное издание в Париже, Берлине, Сингапуре и Бангкоке. Очень удачно прошли переговоры с «Бангкок пост».

Мы вели дискуссии и во Франции с группой Эрсана. Впервые я встретил его доверенное лицо Алена Гриоттре в Картахене в сентябре 1983 года во время VI всемирной конференции средств массовой информации *. Мне его представил Антонио Бетанкур, муниципальный генеральный секретарь КАУЗА-Интернасьональ, уточнив при этом, что очень важно, чтобы мы лучше познакомились друг с другом. Мы прониклись симпатией друг к другу.

Через месяц я оказался в Париже, где меня лично приняли Ален Гриоттре и его дочь. Я сообщил о наших проектах договориться с «Фигаро». Гриоттре к этим планам отнесся благожелательно. И напротив, с самого начала я почувствовал сдержанность со стороны Робера Эрсана, которому не хотелось, как я думаю, чтобы его имя связывали с именем Муна.

---

* Он был приглашен в составе крупной французской делегации, в которую входили, в частности, Жак Сустель, Жорж Сюффер, Густав Пордеа и др.

Мы решили продолжить разговор. А пока мои собеседники попросили, чтобы я обратился в Белый дом или Пентагон с просьбой получить интервью у Рональда Рейгана или Каспара Уайнбергера. Мы также договорились об обмене репортажами между «Вашингтон таймс» и «Фигаро-магазин» *.

Я организовал интервью и сам сопровождал Робера Лаконтра и Алена Гриоттре в Белый дом. («Фигаро-магазин» от 7 января 1984 года отвел обложку, шесть страниц текста и фотографий на интервью американского президента.— *Прим. авт.*)

В конце концов я убедил Робера Эрсана, что «Вашингтон таймс» действительно не зависит от Церкви Единения. В марте 1984 года он нанес мне ответный визит в Вашингтон, чтобы изучить, какое сотрудничество в области международного издания можно наладить.

Невероятная нескромность «Канар аншене» застопорила реализацию проекта. 16 мая 1984 года газета опубликовала заголовок во всю полосу: «Отныне Эрсан сотрудничает с «Новым Мессией». И статью, не совсем верную, но с доказательствами сердечного согласия между американской газетой и французской группой. В ней приводилось несколько кратких отрывков из подписанного Джеймсом Уиленом письма с дружеским обращением к «рупору» Белого дома Ларри Спиксу обеспечить Роберу Эрсану аудиенцию президента. Есть смысл процитировать весь текст, требующий некоторых комментариев.

«Дорогой Ларри. (Подтверждение того, что Большой Джим поддерживает личные и дружеские связи с хозяином прессы при президенте...) 18 марта к нам с визитом придет г-н Робер Эрсан, владелец и директор группы прессы «Фигаро». Его визит продлится до 21 марта. (Возвращаясь из Калифорнии в Париж, французский патрон счел необходимым остановиться на три дня в Вашингтоне для переговоров со своим американским собратом.)

Как вы знаете, его издания всегда поддерживали не только американскую политику вообще, но администрацию Рейгана в частности. Это — самая крупная

---

* Наверное, именно в рамках этого соглашения «Фигаро-магазин» опубликовал портреты нескольких деятелей американских правых: Вигери, Шлафли, Фолуэлла...

частная группа прессы во Франции, имеющая более тридцати изданий, в том числе десять ежедневных газет и такие общенациональные газеты, как «Фигаро» и «Франс-суар». (Джеймс Уилен очень умело «продает» французскую группу, преподнося ее в качестве собеседника, почти обязанного американским консерваторам. Не забудем, что в это время во Франции у власти находятся социалисты... и коммунисты, что центральноамериканская политика Елисейского дворца и его особые отношения с Манагуа весьма раздражают Вашингтон, что «Фигаро-магазин» был первым французским журналом, посвятившим длинные статьи партизанской войне мискито, в частности репортажи с места событий Жана Франсуа Деньо...)

Г-н Эрсан очень хотел бы встретиться с президентом, даже на очень короткое время... С наилучшими пожеланиями. Джеймс Р. Уилен».

Несмотря на столь горячую рекомендацию, Рональд Рейган не принял Робера Эрсана.

Выступление «Канар аншене» нанесло серьезный удар по мунистскому проекту международного издания. Хозяин «Фигаро» стал тянуть время. Шумный уход Джеймса Уилена из «Вашингтон таймс» на время похоронил проект. Так уж сошлось, что поганая французская левая газетенка обвинила американскую ежедневную газету в том, что это — мунистский листок. Сыграло свою роль и то, что ее основатель, известный своим прошлым консерватора, сообщил, что правая рука Муна все активнее вмешивается в работу редакции, и это заставило магната французской прессы передумать, тем более что его немало потрепали в прошлом за столь же опасные связи.

Однако Пак Бо Хи не отказался от своих планов. У него в запасе была еще одна карта, чтобы убедить французов: Арно де Боршграв, который, несмотря на уход Джеймса Уилена, остался в дирекции «Вашингтон таймс» сторонником международного издания. В Париже он нашел общий язык со всеми крупными журналистами-антикоммунистами от Жоржа Сюффера до Эдуарда Саблие. Через некоторое время после увольнения Джеймса Уилена у него состоялся продолжительный телефонный разговор с Аленом Гриоттре, во время которого Арно пытался убедить собеседника в том, что Уилен солгал, что Церковь Еди-

нения никак не контролирует газету и что ее бывший директор поссорился с Пак Бо Хи из-за денег.

Эта последняя упреждающая артподготовка успеха не принесла.

В конце 1985 года Пьер Сейрак и Жан Пьер Габриель, французские руководители КАУЗА, намекнули мне, что проект европейского издания «Вашингтон таймс» пока отложен. Надолго ли?

21. ЦЕЛЬ — ЗАВОЕВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭЛИТЫ

Завоевать интеллигенцию и европейский управляющий класс — довольно сумасшедшая мечта, к выполнению которой Семья не может приступить, не укрепив своих позиций в США и не создав образ политически могущественной организации в «столице свободного мира». Таким образом, оружие, которым располагает Мун для наступления на Европу и мир — всемирная конференция средств массовой информации, впервые состоявшаяся в 1978 году, и КАУЗА, основанная в 1980 году, — было неэффективным до 1982 года, благословенного года, когда родилась «Вашингтон таймс» и состоялось окончательное признание Пак Бо Хи американским консервативным истеблишментом.

Приглашения

Достаточно сравнить списки приглашенных на IV конференцию средств массовой информации в Нью-Йорке в октябре 1981 года и на V конференцию в Сеуле в октябре 1982 года, чтобы убедиться в этом. В Нью-Йорке не было ни одного известного европейца. Хорошо поискав, можно обнаружить имя некоего бельгийского исследователя, работающего на «Нувель эспуар», и имя директора небольшого французского специального журнала. Напротив, в Сеуле уже присутствуют журналисты, хорошо известные в кругах французских антисоветских интеллектуалов. По месту и почет. Жан Франсуа Ревель: две из его книг — «Искушение тоталитаризма» и «Новая цензура» — переведены во всем мире, на них ориентируются американские новые правые. Его жена, Клод Саррот, вскоре ставшая знаменитой памфлетисткой в «Монд», хотя и

приехала вместе с ним, но получила отдельное приглашение.

Менее известный широкой публике, но пользующийся признанием у «советологов», Никола Тандлер тоже здесь. Он ведет широкую деятельность: сотрудничает в еженедельнике «Ви франсез», а также в «Эст-уэст», журнале, основанном в разгар «холодной войны» бывшим генеральным секретарем Национального объединения * Марселем Деа и специализирующемся на борьбе с коммунизмом. Кроме того, Тандлер организовал свой собственный институт советологии. Своими книгами и статьями он вместе с Бранко Лазичем, еще одним столпом журнала «Эст-уэст», и Жаном Франсуа Ревелем сформировали мнение большинства французов о Советском Союзе.

Последний гость Муна и Пак Бо Хи в Сеуле — довольно любопытный персонаж. Трепач, говорят о нем в его окружении, политический нуль до сегодняшнего дня: Жан Марсийи, автор истории ацтекской цивилизации и биографии уголовника Джо Аттия, французский корреспондент группы прессы Херста в пятидесятые годы, затем сотрудник «Иси Пари», «Франс диманш», «Пари-матч», принимавший участие в подготовке издания «ВСД» и «Фигаро-магазин». Вольный стрелок, которого мунисты вскоре введут в окружение Жана Мари Ле Пена, лидера Национального фронта. Но об этом поговорим чуть позже.

Как объяснить присутствие этих французов в отеле «Лотт» в Сеуле — одном из самых престижных в корейской столице — рядом с двумя сотнями журналистов, исследователей и политических деятелей, съехавшихся из всех уголков мира? Сыграл свою роль тот факт, что крупнейшие представители американских правых приняли приглашение Муна. В прошлом году, до выхода в свет «Вашингтон таймс», конференцию не принимали всерьез.

Сейчас Жан Пьер Ревель может чувствовать себя польщенным тем, что сидит на трибуне почетных гостей рядом с генералом Синглаубом, бывшим премьер-министром Южного Вьетнама Нгуен Као Ки, бывшим президентом Колумбии Мисаелем Пастрана Бор-

---

* В Национальное объединение входят Национальный фронт и Комитеты республиканского действия (КРД). — Прим. ред.

реро и Джеймсом Уиленом. Зал заполнен ведущими правыми авторами передовиц американских газет: здесь Рид Ирвин, Аллен Браунфельд, Ральф де Толедано и Арно де Боршграв, других упоминать не будем. Здесь же находится директор радио «Свободная Европа», а также представители «Голоса Америки» и отдела ЦРУ по странам Восточной Европы. Они придадут некоторую респектабельность конференции, где присутствует большая делегация латиноамериканских журналистов, скомпрометировавших себя связями с диктатурами в Чили, Аргентине, Бразилии или Гватемале...

Мун Сан Мен счел, что сеульский «набор» достаточно представительен, чтобы почтить конференцию своим присутствием. Он восседает в центре трибуны вместе с Пак Бо Хи.

Еще один довольно веский аргумент организаторов — они взяли на себя все транспортные расходы и расходы на пребывание в стране участников конференции, а после окончания работы предлагают им интересную экскурсию по Южной Корее.

Международные общественные связи

Мунисты приступили к завоеванию европейской элиты, получив в 1980 году неожиданное подкрепление в лице стреляного воробья латиноамериканской дипломатии. Он — колумбиец. Один из тех вечно улыбающихся упитанных людей, которые вот уже несколько десятилетий посещают все коктейли Вашингтона и Парижа и обрастают солидными дружескими и деловыми связями. Он невысок, обладает круглым брюшком, лыс, а его хитрющий глаз лучше других отыскивает в толпе из трехсот приглашенных хорошенькую девушку.

Шестидесятилетний бодрячок по имени Хосе Мария Чавес. Во время своей долгой карьеры он не без помощи божественного провидения побывал во многих дорогих сердцу мунистов странах: в Корее, США, а главное — во Франции. Чавес любит напоминать, что среди его предков есть испанские гранды и несколько президентов Колумбии. Специалист по международному праву с оксфордским дипломом, декан Университета Анд в Боготе и профессор Колумбийского университета в США, он всегда представляется своим

друзьям как гуманист, большой почитатель Жана Жака Руссо.

Одно из его первых дипломатических поручений — поездка в Корею, где он представляет свою страну на переговорах, положивших конец войне. Колумбия заинтересована в этом, поскольку ее войска участвовали в боях на стороне американцев под флагом ООН. Чавес тогда работал вместе с молодым капитаном Альваро Валенсия Товаром, который командовал колумбийским батальоном. Товар завершит свою карьеру главнокомандующим колумбийских вооруженных сил. Занимаясь всю жизнь бесконечной вооруженной борьбой, которую его правительство ведет с партизанами ФАРК, а затем с М19, он стал одним из лучших теоретиков по борьбе с восстаниями. Чавес пригласил его в Сеул, а затем и на все международные конференции КАУЗА начиная с 1984 года.

Посол Колумбии в Вашингтоне при Эйзенхауэре, потом — это всего лишь почетный пост — представитель испаноговорящих наций при ООН в Нью-Йорке, Хосе Мария Чавес более двадцати лет своей жизни провел в США.

«Однако он всегда поддерживал особые связи с Францией, — уверяет меня Пьер Сейрак. — Еще во время второй мировой войны, когда он жил в Лондоне, он оказал несколько мелких услуг Сопротивлению. За это ему несколькими годами позже вручил награду Рене Коти. Один из его ближайших французских друзей тоже ученый. Мы говорим о профессоре Риве из «Музея человека», властителе дум Жака Сустеля, специалиста по доколумбийским цивилизациям. Именно через него мы познакомились с бывшим губернатором Алжира... Хосе Мария Чавес убедил Жака Сустеля стать сопрезидентом VI конференции средств массовой информации, проходившей в Картахене в Колумбии с 5 по 10 сентября 1983 года.

С помощью колумбийца и Никола Тандлера — у последнего в «Эст-уэст» имеется картотека с пятью тысячами имен антикоммунистов европейского и мирового высшего света — Пьер Сейрак и Жан Пьер Габриель, политические главы французской Церкви, смогли прислать на VI конференцию представительную делегацию: после Жана Франсуа Ревеля, положительный ответ на приглашение Пак Бо Хи дали еще два автора передовиц Жорж Сюффер из «Пуэн» и Ален Гриоттре

из «Фигаро-магазин». Отправляется в путешествие и бывший посол Франции в Индии и Нидерландах Жан Давид Юргенсен. Теперь он состоит в дирекции Дома Латинской Америки и является вице-президентом Института геополитики Мари Франс Гаро. Он дружит с Чавесом, и через него колумбиец и Пьер Сейрак пытаются привлечь Мари Франс Гаро, бывшего «серого кардинала» Жоржа Помпиду, к идеологическому крестовому походу Церкви.

«Я несколько раз встречался с Мари Франс Гаро, — сказал мне Пьер Сейрак летом 1985 года. — По многим пунктам, особенно в анализе отношений Востока и Запада, мы были согласны. Но она колеблется работать с нами официально и в открытую.

Дополнение к маленькой группе: Густав Пордеа, будущий депутат Европарламента от Национального фронта, который, как мы помним, связался с мунистами в конце семидесятых годов; Владимир Максимов, советский писатель-диссидент, который в апреле 1983 года участвовал в создании «Интернационала сопротивления»; Хуан Вивес, кубинский политэмигрант и журналист из «Меридьональ». В его официальной биографии указано, что он некогда сотрудничал с кастровскими разведслужбами, но марсельское отделение службы общей безопасности, которой он оказал несколько услуг, сомневаются в последнем.

Каким образом Хосе Мария Чавес в конце прилично прожитой жизни ввязался в новую авантюру? Тайну разгадать довольно просто: у него с мунистами есть и другие не столь заметные связи. Его брат Энрике Чавес — председатель Торговой палаты Боготы. Это процветающий бизнесмен, разбогатевший на торговле цветами, — Колумбия является одним из главных производителей и экспортеров этого товара. Хосе Мария — акционер его предприятия.

Вы, конечно, помните, что Церковь Единения ежегодно закупает тонны цветов, а ее активисты перепродают их на улицах, в аэропортах и на вокзалах всего мира по более высокой цене. Особенно в США. Провидению было угодно, чтобы семья Чавес стала одним из главных поставщиков Церкви. «У нас специальный договор с ними», — обронил как-то в беседе со мной Жан Пьер Габриель.

Как был установлен первый контакт? Скорее всего — это только гипотеза — через братьев Бетанкур,

двух молодых колумбийцев знатного происхождения, ставших членами Церкви в конце семидесятых годов. Они сыграли решающую роль в организации КАУЗА в Латинской Америке и США и пользуются абсолютным доверием Пак Бо Хи: Антонио Бетанкур является генеральным секретарем КАУЗА-Интернасьональ, а супруга его брата Каролина Бетанкур стала всемогущим нью-йоркским секретарем корейского полковника.

Так ли важна история и генеалогия, ведь колумбийская Семья всюду трудится ради дела! Братья Чавес и Антонио Бетанкур привезли в Сеул нескольких директоров правых колумбийских газет, генерала Товара и бывшего президента Пастрана Борреро. Еще большего успеха они добились в Картахене. На карибском побережье они собрали сливки правых своей страны, чтобы встретить французскую делегацию и большую американскую делегацию во главе с Джеймсом Уиленом, бывшим министром финансов Робертом Андерсоном и «генералом Уоллнером, тогда президентом КАУЗА-США и вторым «я» генерала Синглауба во многих консервативных лобби. «Приехали президент Центрального банка, вице-президент сената, несколько высокопоставленных чиновников министерства иностранных дел. Министр обороны и президент республики сообщили послу Чавесу о своем согласии. Но в последний момент не смогли приехать», — вспоминает Джеймс Уилен.

Самой крупной политической удачей конференции стало, однако, неожиданное появление перуанского писателя Марио Варгаса Льоса, автора многочисленных бестселлеров и нового идола латиноамериканских консерваторов с тех пор, как он заявил, что Пиночет и революционеры континента сыграли вничью. Известный в молодости своими прогрессивными убеждениями, Льоса обеспечил сторонникам социального статус-кво громогласную моральную поддержку. Будучи другом Жана Франсуа Ревеля, он собирался приехать в Сеул в прошлом году, чтобы выступить на комиссии о роли прессы в эволюции латиноамериканских вооруженных конфликтов. Но не смог.

Варгас Льоса нагнал упущенное в Картахене, к великой радости Жака Сустеля, написавшего в «Ревю де дёмонд» по возвращении из Колумбии: «Под громкие аплодисменты он разоблачил тенденцию газет и агентств в Европе и Северной Америке усиливать «под-

виги» марксистско-ленинских партизанских движений и закрывать глаза на нарушение прав человека этими вооруженными революционными группами». Отметим, однако, что ни разу в своей статье Жак Сустель не упоминает имени Муна. А напрасно!

Семья широко распространила фотографию, на которой Варгаса Льоса в кулуарах конференции горячо поздравляет Мун Сан Мена. Но редкие газеты воспроизвели ее, слишком она компрометирует.

Стесняющие откровения

Несмотря на явный прогресс обольщающего наступления на европейскую антикоммунистическую элиту, мунисты быстро поняли, что слишком громкая реклама может помешать новым связям.

Французская пресса начинает проявлять свою заинтересованность в 1984 году. «Канар аншене» публикует несколько статей о «медовом месяце» (по-английски honeyMOON) в отношениях «Нового Мессии» и некоторых представителей французских правых. В них впервые вместе встречаются имена Эрсана, Гриоттре, Жака Сустеля, Пак Бо Хи и Джеймса Уилена. 1 ноября автор этой книги и режиссер Патрисио Паньягуа сообщают по ТФ1*, что Жан Франсуа Ревель и Варгас Льоса согласились принять участие во всемирной конференции средств массовой информации.

Эти откровения произвели нежелательный эффект в парижских салонах. Наверное, потому, что еще никто не знал о том, как американские правые распахнули свои двери перед мунистами. Кое-кто из названных лиц испугался. Гриоттре, Сюффер и Варгас Льоса перестали отвечать на приглашения.

Жан Франсуа Ревель пошел дальше: после телевизионной передачи, где была показана его фотография — он сидит на трибуне в Сеуле неподалеку от Мун Сан Мена, — писатель буквально осаждает руководство ТФ1 просьбами исправить «урон, нанесенный его репутации», и изливается в парижской прессе, клянясь всеми богами, что он не мунист, что был обманут и что журналисты ТФ1 очень хотят навредить ему...

Я не могу устоять перед искушением процитировать отрывок из письма Жана Франсуа Ревеля, адресован-

---

* Первый канал французского телевидения.— *Прим. ред.*

ного 4 ноября 1984 года генеральному директору ТФ1: «В 1982 году я действительно был в Южной Корее на международном коллоквиуме, организованном фондом «Уорлд Медиа Сентер», который, как я выяснил на месте, находится под покровительством мунистов. Видя, что участниками были журналисты из разных стран, не относившиеся к мунистам, я выступил, но запретил заказным письмом, дубликат которого я сохранил, печатать мое выступление в их литературе и пользоваться моим именем».

Этот отрывок вызывает улыбку Пьера Сейрака: «Во всех приглашениях на всемирную конференцию средств массовой информации четко указано, что ее основатель — преподобный отец Мун Сан Мен. А Ревель прибыл в Сеул с супругой, которая также была приглашена. Они не могли не знать...»

Очень странно, сколь неразборчив в связях Жан Франсуа Ревель, ибо, только встретившись и поздоровавшись с Мун Сан Меном на приеме по случаю открытия конференции, он уже интересуется участниками коллоквиума. Журналисты не являются мунистами, заключил Ревель. Журналисты? Генерал Синглауб, бывший посол США в Японии и Иране Макартур, бывший премьер-министр Нгуен Као Ки, посол Рейгана Лев Добрянски или глашатай гватемальской военной хунты Франсиско Бьянчи? А многочисленные сотрудники крупных ежедневных газет Семьи «Ньюс уорлд» и «Секай Ниппо» разве не мунисты?

Ну конечно же нет.

Но вернемся к главному: в 1984 году мунисты во Франции не пользуются столь хорошей репутацией, чтобы публично признаваться в связях с ними. Хотя их друзья из крайне правых или твердолобых из традиционно правых не испытывают особого смущения, открыто сотрудничая с мунистами. Так, все французы, отправившиеся в 1984 году в Токио на VII конференцию средств массовой информации, вышли из этих кругов. Короче говоря, речь идет об активистах крайне правых или бывших ультра, вошедших в Объединение в поддержку республики (ОПР) или в Национальный центр независимых и крестьян (НЦНК).

Среди первых по-прежнему верный Жак Сустель; Ролан Гоше, директор «Насьональ эбдо» и член политбюро Национального фронта; Катрин Фуйе, журналистка из «Ви франсез» — она близко связана с генераль-

ным директором Брюно Бертезом, автором небольшой, но популярной книги «Крайне правые, но я их люблю».

Вторые составляют большинство среди тех, кого Национальный фронт презрительно кличет «бандой Паскуа». Все они на разных уровнях работают на сенатора от департамента Верхняя Сена, председателя группы ОПР в сенате, руководителя партии Шарля Паскуа. Ему помогает в его избирательном округе Жерар Экоршвиль, муниципальный советник Жанневилье. Он также участвует в обучении партийных активистов совместно с Аленом Марлексом, национальным секретарем ОПР. Жоэль Галли, советник по общественным связям и координатор президентской кампании Жака Ширака в 1981 году, зависит от него во всем, что касается организационных вопросов телевидения и прессы, любимого поля деятельности сенатора. Бернар и Алекс Сави руководят новым клубом, основанным после победы левых Шарлем Паскуа и Алисой Сонье-Сейте, — «Будущее и свобода». И наконец, Никола Тандлер является близким другом сенатора. В Токио он выступает в качестве директора журнала «Отр монд», еще одного издания группы «Ви франсез».

На водоразделе между двумя группами находится Мишель де Ростолан — ключевая фигура мунистского механизма во Франции, руководитель «Кружка возрождения». Он перешел из крайне правых в Национальный центр независимых и крестьян. И заседает в национальном бюро НЦНК вместе со своим другом Филиппом Мало.

Выбор таких приглашенных наводит на размышления: в основном это «вторые ножи», и, кроме Жака Сустеля, ни один не может принести Семье политического, интеллектуального и морального капитала, который ожидается от таких фигур, как Ревель, Сюффер, Варгас Льоса или Мало — последний был на панамериканском съезде КАУЗА в феврале 1984 года в Монтевидео.

Их присутствие в Токио на ареопаге международных знаменитостей подтверждает, что французская Церковь продолжает свой двойной демарш через конференции средств массовой информации и КАУЗА: узаконить предпринятый ею крестовый поход и ее организации, ассоциируя их с известными именами, а также наспивать своими людьми аппараты правых и крайне

правых на уровне средних кадров. Во Франции, где гораздо охотнее стараются представить себя «левыми» антикоммунистами, чем защитниками «христианского Запада», несмотря на бурное развитие галльского неорейганизма, Пьер Сейрак и Жан Пьер Габриель одерживают основные успехи в области проникновения в чужие ряды.

Париж — всемирная столица антикоммунизма

Тем не менее нельзя говорить об отсутствии не только воображения, но и наглости для поиска компаньонов более престижных, чем верные члены Национального фронта, НЦНК или ОПР. Скрытно, но настойчиво французские мунисты подбирались к некоторым «звездам» «всего Парижа», которых хотели бы увидеть на трибуне конференции средств массовой информации, а она должна была состояться в конце октября 1985 года во французской столице. Среди них Катрин Ней, еще в ореоле славы после выхода ее бестселлера о Франсуа Миттеране; Кристин Окран, талантливый символ сопротивления профессионалов американской выучки в области аудиовизуальных средств против «засилья социалистов и коммунистов на телевидении»; Анри Амуру, близкий друг некоего профессора экономики, могущего однажды стать вершителем судеб Франции; Бернар-Анри Леви, которому посвятил ряд хвалебных статей журнал «КАУЗА-интернасьональ»... Но ни один из них не принял приглашения*.

Стоит ли устанавливать связь между этими отказами и запоздалой отменой VIII всемирной конференции средств массовой информации, открытие которой предусматривалось осенью 1985 года в парижском Дворце конгрессов?

Семья, похоже, в свете молниеносного захвата Америки была настроена решительно: сделать это событие отправной точкой «похода на Москву». Были предупреждены многие лидеры антимарксистских партизанских движений, в том числе анголец Жонас Савимби из УНИТА и никарагуанец Эден Пастора. «Вашингтон таймс» в зените своей славы занималась составлением

---

* Правда, один из организаторов сообщил мне, что Луи Повелс из «Фигаро-магазин» был на конференции.

самой представительной американской делегации, когда-либо появлявшейся на мунистских конференциях... Но за месяц до начала этого разрекламированного события было решено ее не устраивать. КАУЗА-Франция выдвигает два аргумента для объяснения столь неожиданного поворота событий: прежде всего французское правительство пересмотрело свое обещание предоставить Военную галерею Версальского дворца для церемонии закрытия конференции. Идея была неплоха: собрать новых крестоносцев Запада под позолоченными украшениями обители короля-солнце — какая бы благодать снизошла на Арно де Боршграва, стоящего шестнадцатым в списке прямых претендентов на бельгийский трон, и какой бы энтузиазм охватил американских гостей, сходящих с ума по истории...

«Этот разрыв контракта (Пьер Сейрак уверяет, что он уже внес аванс) наглядно отразил враждебность правительства по отношению к нам», — написано в информационной ноте, разосланной французским гостям.

И вторая причина нашла отражение в ноте: «Было очевидно, что мы не могли надеяться на эффективное сотрудничество официальных служб для обеспечения безопасности приглашенных. Франция, — добавлено в ней, — увы, хорошо известна, как убежище и месторасположение многих международных террористических организаций».

Объяснения выглядят сомнительными. Трудно себе представить, чтобы французские службы безопасности не были заинтересованы в охране бывших сотрудников президента Рейгана, лидеров афганского сопротивления или диссидентов из Восточной Европы.

Я хочу предложить иное объяснение: мунисты не могли взять на себя риск открыть общественному мнению в такой стране, как Франция, — конференция должна была широко освещаться по радио и телевидению, — что их основные друзья набираются в самых консервативных кругах США и в среде крайне правых всего мира. В тот самый момент, когда КАУЗА-Европа старается привлечь на свою сторону наиболее умеренные элементы. «Мы не левые и не правые, — с улыбкой говорил мне Пьер Сейрак через некоторое время после отмены конференции. — Мун Сан Мен повторил это по выходе из тюрьмы. Доказательство тому — хорошие отношения с Эдвардом Кеннеди, деятелем левого толка, а во Франции мы вхожи к радикалам...»

Небольшое уточнение: весьма набожный католик Тед Кеннеди, как любой член меньшинства, — таково положение римской церкви в США — очень ревностно относится к вопросам религиозной свободы. Так же как и другие либералы, например сенатор Маккарти или чернокожий преподобный отец Лауэри, он не колеблясь присоединился к ультраконсервативным пасторам из «Морального большинства», когда речь пошла о защите конституционных гарантий, предусмотренных знаменитой первой поправкой. Поэтому его видели в феврале 1985 года рядом с Джерри Фолуэллом во время встречи, организованной религиозными радио- и телестудиями. Тюремное заключение Мун Сан Мена позволило Семье познакомиться с последним из Кеннеди. На этом их взаимоотношения прервались. Все прочее их разделяет. И прежде всего оценка «частной войны» в Никарагуа.

Что касается партии валуазских радикалов*, то нет никаких сомнений, что КАУЗА хотела бы вовлечь их в свою борьбу за «единую Европу, освобожденную от тоталитаризма». Нелегкий труд по сближению продолжается уже два года. Но легко понять, что друзья президента Россино не решаются показываться публично рядом с приближенными Жана Мари Ле Пена.

Лишенные поддержки «левых», мунисты предпочли отказаться от большого октябрьского празднества 1985 года. А заодно сэкономили кругленькую сумму: бюджет для покрытия расходов на пребывание и транспорт их гостей, а также организацию VIII конференции средств массовой информации равнялся бы 30 миллионам франков. Три с половиной миллиона долларов за то, чтобы превратить Париж во «всемирную столицу антикоммунизма!»

22. ФРАНЦИЯ — ПЛАЦДАРМ НА ЕВРОПЕЙСКОМ ФРОНТЕ

Решение КАУЗА открыть «европейский фронт» пришлось на очень неудобное время для французской Семьи. Она еще не оправилась от «облавы по отдель-

---

* Правое крыло некогда расколовшейся партии радикалов. Называется по улице Валуа, где расположено ее руководство.—
Прим. ред.

ному поручению», а налоговое управление уже требует штраф в 35 миллионов франков (см. главу 6).

По совету своего адвоката метра Агге АЕВХ совершает отход в полном боевом порядке: издание «Нувель эспуар» временно приостановлено, операции по сбору денег прекращены, пропаганда на улицах постепенно сводится на нет... Надо «притворяться бедными».

И именно этот период тощих коров американский штаб выбирает для начала наступления в Европе. Вся тяжесть операции ложится на плечи редакции «Нувель эспуар»: Пьера Сейрака, Жана Пьера Габриеля, Лорана Ладуса, Абраама Ланкри и других. Их считают более дельными политиками, чем их немецких «братьев», которым Мун, напротив, полностью доверяет в развитии транснациональной компании в Европе.

Война пацифизму!

Поскольку французская Церковь переживает трудные времена, надо прибегнуть к финансированию извне для создания новых инфраструктур. Создание КАУЗА-Европа требует приобретения помещений для работы постоянных сотрудников и семинаров идеологической подготовки. Необходим также финансовый контроль на небольшой срок над большим роскошным отелем — типа «Виктория Плаза» в Монтевидео — для размещения просвещенной элиты Старого Света. И наконец, нужны крупные фонды для организации регулярных конференций и поездок журналистов.

Деньги поступят из США.

Однако полковник Пак Бо Хи не ждет, пока КАУЗА-Европа включится в работу, чтобы открыть европейскую кампанию.

В октябре 1983 года по горячим следам картахенской встречи всемирная конференция средств массовой информации и КАУЗА-Интернасьональ приглашают до 130 журналистов поразмыслить по пути из Лондона в Берлин через Париж и Бонн над опасностью пацифизма в Европе. Это «путешествие по изучению движения за мир» возглавило второе по значению лицо в Церкви. На каждом этапе участники присутствуют на брифингах, которые ведут «эксперты». Им показали

крупную пацифистскую манифестацию в Германии и тут же привезли к берлинской стене.

Таков вклад Муна в битву за «евроракеты».

Полковник Пак Бо Хи сделал так, чтобы Америка узнала, что и здесь Семья занимает передовые позиции: большая часть журналистов приехала из США. Нет, не звезды телеэкрана и не авторы передовиц первой величины — эти были в Картахене, — а честные журналисты-консерваторы, радующиеся столь приятному путешествию: они не преминут расписать его в Майами, Лос-Анджелесе, Чикаго или Анкоридже (Аляска).

Приглашение приняли и несколько французов. Хотя в конце 1983 года популярность Муна упала до самого низкого уровня: АЕВХ обвинена в неуплате налогов, а депутат-социалист Ален Вивьен обещает скоро представить на суд Национальной ассамблеи разоблачительный доклад о сектах.

Исходная программа, врученная участникам 14 октября, незадолго до приема в отеле «Софитель», предусматривает, что Мари Франс Гаро, президент Института геополитики, выступит на следующий день на первом официальном обеде. В последний момент она отказалась от выступления. Это не помешало журналу «КАУЗА» (1984, № 1), издающемуся в США, пересказать своим читателям то, чего она не сказала: «Взяв слово перед участниками исследовательского путешествия, Мари Франс Гаро... описала роль Франции в Атлантическом союзе, а также роль вооруженных сил ее страны в оборонительном механизме Запада». Быть может, оратор предварительно вручил свою речь организаторам? Эту деталь мне выяснить не удалось.

Напротив, один из близких сотрудников бывшей кандидатки в президенты, генерал Пьер Галлуа — четвертый в ее списке на парламентских выборах в марте 1986 года — через несколько дней выступил в Лондоне перед гостями Пак Бо Хи на тему «Политическое и военное значение «евроракет».

Жак Сустель и Филипп Мало, президент Национального центра независимых и крестьян, указанные в «меню» банкетов 18 и 19 октября, на свидание явились. Как и Эдуар Саблие, знаменитый ведущий дипломатической хроники «Франс-интер», голлист и, как ни странно, ярый антисоветчик, председательство-

вавший на пленарном заседании конференции. Согласимся, несмотря на временные трудности, Пьеру Сейраку и Жану Пьеру Габриелю удалось собрать весьма представительных «почетных гостей».

Докладчики комиссий тоже известны: Жан Мари Бенуа, сотрудник еженедельника «Валер актюель», рассуждает об «идеологии и стратегии пацифизма и нейтралитета»; Франсуа Жорж Дрейфус, профессор Страсбургского университета и специалист по Германии, а также советник дирекции «Магазин эбдо», рассматривает связи между «протестантизмом и пацифизмом в Федеративной Республике Германии»; и... неизбежный Никола Тандлер напоминает о связях между французским движением за мир и Компартией Франции.

Под сводами городской ратуши

Несомненно, эта первая мунистская кампания на французской земле имела некоторый успех. Прессу еще не заинтересовала политическая деятельность Пьера Сейрака и его друзей, КАУЗА-Европа еще официально не существует, и приглашенные могут в полном спокойствии появляться в компании с полковником Пак Бо Хи. Визит корейца и части штаба КАУЗА-Интернасьональ прошли почти незамеченными.

Однако мунисты сделали все, чтобы с фанфарами возвестить о событии. Жану Пьеру Габриелю даже удалось договориться с советниками Жака Ширака в парижской мэрии, что участников «Фэкт Файндинг Тур» во главе с Пак Бо Хи официально примут в городской ратуше. Задача была нелегкой, но помощник Пьера Сейрака сумел ловко выложить немногие козыри и воспользоваться услугами Никола Тандлера, у которого были свои большие и маленькие выходы на ОПР. «У меня было несколько телефонных разговоров с ответственным лицом мэрии Парижа, чье имя я забыл (sic). От меня не скрыли, что принимать нас не очень хотели, но все же мы уговорили мэрию сделать это».

Тут же приходит на ум, что вместе с Никола Тандлером ходатайствовать о том, чтобы двери городской ратуши распахнулись перед Пак Бо Хи, мог Жоэль Галли, советник по связям с прессой Жака Ширака, на

следующий год приглашенный в Токио. Другой возможный ходатай — Франсуа Жорж Дрейфус, который, будучи директором Центра по изучению германистики в Страсбургском университете, является помощником мэра в столице Эльзаса от партии ОПР...

Не будем гадать: 18 октября 1983 года Жак Тубон принял Пак Бо Хи, правую руку Муна, и сотню муниципальных и немунистских журналистов — последних было больше, — сопровождавших его. Вначале программой предусматривалось, что столь опасная честь падет на Алена Жюппэ. Семья не прогадала на замене. Таким образом фотограф запечатлел для потомства будущего генерального секретаря ОПР, произносящего приветственную речь под благосклонным оком президента КАУЗА-Интернасьональ и его американского заместителя Тома Уорда.

Делегации меньше повезло в ФРГ: Гельмут Коль в последнюю минуту воспротивился тому, чтобы официальные лица почтили своим присутствием банкет, данный всемирной конференцией средств массовой информации в отеле «Штейгенбергер» в Бонне. Хотя путешествие начиналось добрым предзнаменованием: Джереми Гейлард, член Церкви и местный корреспондент газет группы «Ньюс Уорлд Коммюникейшнз», добился от представителя правительства по связям с прессой Питера Бениша того, чтобы в работе конференции приняли участие высокопоставленные чиновники министерства иностранных дел и парламентарии. Последний прекрасно знал, кто спонсор операции, но не уступил давлению немецких антимунистов, требовавших отказа от официального сотрудничества. Потребовалось вмешательство весьма консервативной газеты «Франкфуртер альгемайне», выступившей с разоблачениями, чтобы в дело вмешался сам канцлер.

Несмотря на этот непредвиденный «сбой», стратеги КАУЗА считают, что общий итог первой европейской баталии носит в общем положительный характер. Они стремятся создать и укрепить свой оперативный плацдарм во французской столице.

АЕВХ на время откладывает программы обращения в свою веру и бросает свои жалкие войска — не более двухсот «братьев» и «сестер» — в последнюю битву с Сатаной.

Поделки...

Окна выходят на нижнюю часть авеню Опера и на кассы Лувра. Если немного наклониться, то слева видна колоннада Комеди-Франсез. КАУЗА-Европа разместилась по адресу площадь Андре Мальро, 4, в сердце самого шикарного квартала правобережного Парижа.

Для перестройки этой огромной обветшавшей буржуазной квартиры и превращения ее в шикарную контору здесь денно и нощно более месяца трудился добрый десяток мунистов. Конечно, их работа была добровольной. Мишель Пикар, наш квебекский «шпион», застал то время, когда даже «шефы» — Бланшар, Сейрак и Габриель — брали в руки мастерок и кисть, натягивали провода и настилали палас. Семья обратилась к профессиональной рабочей силе только для выполнения некоторых специальных работ: установки электропроводки, телефонной подстанции и т. п. «Реставрация» проходила в чрезвычайной спешке, поскольку мунисты сильно отстали от своей программы.

Подумайте только: идет весна 1985 года, а у КАУЗА по-прежнему нет места, где можно достойно принять своих членов, нет кабинетов для размещения постоянных сотрудников, документации, картотеки и компьютера... А организация уже эффективно действует с июня 1984 года, когда на первый семинар введения в «космовидение КАУЗА» была приглашена первая группа симпатизирующих с оплатой всех их расходов... в крупном вашингтонском отеле. Элегантная манера дать понять французским антикоммунистам, что у их новых друзей есть средства удовлетворить свои амбиции и что они могут в крайнем случае воспользоваться их щедростью.

Выбор первых участников семинара вскрывает тактический замысел КАУЗА-Европа: нужна не столько поддержка известных лиц — этим занимается всемирная конференция средств массовой информации, — сколько ознакомление с мунистской политической доктриной средних кадров политиков, экономистов и прессы. Большим конференциям нужна «широкая реклама», а КАУЗА — серьезная работа.

Так, на первый семинар на французском языке приглашены два советника и поверенный в делах ре-

гионального совета Иль-де-Франс *, в том числе мэ́р Пуасси от ОПР Жак Масден-Арюс, журналист Пьер д'Аркур и корреспондент «Фигаро» в Германии Жан Поль Пикапе, уже участвовавший в «Фэкт Файндинг Тур» по пацифизму; бывший заместитель генерального секретаря партии радикал-социалистов Жерар Пэнс, который с 1981 года руководит «Фондом за Европу», близко связанным с эмигрантами с Востока, и многие другие, среди которых всенепременный Никола Тандлер — без него стараются не ездить ни Жан Пьер Габриель, ни Пьер Сейрак.

С момента этого путешествия в страну «божественного провидения» КАУЗА умножает количество семинаров: в отеле «Кокибюс» в Милли-ла-Форе в октябре 1984 года; в отеле «Лютеция» в Париже в декабре, куда специально приглашены священнослужители; в отеле «Меридьен» в феврале 1985 года, где филиал КАУЗА-Интернасьональ — «Интернешнл Секьюрити Каунсил», «мозговой трест» мунистских организаций — собрал несколько привилегированных лиц, в том числе Ролана Гоше из Национального фронта, вокруг латиноамериканских и североамериканских генералов, решивших сообщить Европе о «советской угрозе на Карибских островах». И пока «братья» и «сестры» спешат с установкой гипсовых плит в помещении на площади Андре Мальро, 4, идет весьма активная подготовка к первому европейскому семинару, который должен состояться в июне месяце в «Монпарнас Парк Отель»...

Идеологическое переутомление

Параллельно в октябре 1984 года выпускается культурно-политический журнал «КАУЗА», который печатает типография «Пресс де Норманди», расположенная в замке Мони.

Семья во Франции выдыхается. В ожидании достойного помещения политическая секция АЕВХ работает там, где может: у Пьера Сейрака в Сель-Сен-Клу на улице Лисбонн, в снятой на время квартире на улице Жи-ле-Кер — здесь бюро религиозной дея-

---

* Историческая провинция Франции, расположенная в центре Парижского бассейна и примерно ограниченная Сеной, Уазой, Эной и Марной.— *Прим. ред.*

тельности Церкви, на улице Толбияк — по этому адресу размещен «Фонд за всемирный мир», ассоциация-ширма, через которую поступают американские деньги, предназначенные для КАУЗА-Европа.

Бланки с шапками буквально кружатся в вихре вальса. Разбирая добытые всяческими путями приглашения, префектура полиции уже не знает, где же размещаются мунисты. Постоянство наблюдается в одном — в теме семинаров: «Как ответить на идеологический вызов марксизма?»

В дирекции КАУЗА появляются новые лица: Катрин и Руди Вебер, живущие у Сейрака. Как и давшие им приют хозяева, они были обвенчаны Мун Сан Меном. Абраам Ланкри, еврей-«черноногий» * и «анарх» после событий 1968 года, до сих пор занимающийся миссионерской деятельностью. Даниель Каттуа, оставившая своего мужа и превратившаяся в политического активиста, и есть тот преподаватель танцев, который принял Мишеля Пикара в КАУЗА. Наконец, Анри Бланшар, президент Церкви, увлекшийся политической игрой. Однажды он отозвал Мишеля Пикара в сторону и сказал: «Ты обладаешь именно тем обликом молодого человека, какой мы в один прекрасный день представим на выборы...»

Все постоянные сотрудники КАУЗА-Европа — мунисты. В отличие от США, где полковник Пак Бо Хи мог позволить себе роскошь два раза подряд ставить во главе КАУЗА-США немунистов: генерала Дэвида Уоллнера, а затем Филиппа Санчеса, бывшего посла США в Гондурасе. Во Франции отделение КАУЗА от Церкви невозможно и на бумаге!

Однако жизненно необходимо поддерживать размытость границ! Организация, признавая свои мунистские устремления, должна по мере возможности избегать афиширования тесных связей, особенно финансовых, с Церковью Единения. Было бы ошибкой, если бы новое помещение КАУЗА и отель, который собираются приобрести, были оплачены АЕВХ или одним из ее известных руководителей. Кроме того, французское налоговое управление не допустит, чтобы Церковь, которая руками и ногами отбивается от уплаты огромного штрафа, тратила миллионы на расширение своего недвижимого имущества.

---

* Так французы с некоторым презрением называют уроженцев Северной Африки.— *Прим. ред.*

Именно это желание сделать все скрытно задерживает въезд КАУЗА в новые стены. Движение Единения должно ввести в действие фирму-ширму, разработать весьма сложный механизм для финансирования ее извне и организовать покупку и наем помещений для своего французского политического филиала подставными лицами.

«Комбинация» в стиле Семьи.

Его превосходительство посол

Тридцать избранных приглашенных, присутствующих на открытии бюро по адресу площадь Андре Мальро, 4, пожирают глазами отделку. Большой салон не хуже салонов самых шикарных отелей, где обычно проходят коллоквиумы и празднества мунистов: пушистый палас, шерстяной ковер, стулья и кресла в стиле Людовика XV, обтянутые светло-зеленым бархатом, глубокие канапе, огромные зеркала в позолоченных рамах.

Под двумя массивными люстрами стоят Пьер Сейрак и Анри Бланшар. Первый под гром аплодисментов объявляет, что полковник Пак только что передал 100 тысяч долларов в «Никарагуэн Фридом Фанд», и добавляет, что вскоре в Париже состоится всемирная конференция средств массовой информации.

Образуются небольшие кружки, обсуждающие планы организации. Привлекают внимание лица, еще не известные читателю. Среди гостей Пьер де Вильмарест, шестидесятилетний лысый человек спортивного вида. Как Никола Тандлер и как... Жан Пьер Габриель — наверное, пора об этом напомнить, — он сотрудничает в «Ви франсез». Вот уже несколько лет, будучи главным действующим лицом в журнале «Эст-уэст» покойного Жоржа Альбертини, он больше известен своей политической деятельностью. Он председательствует на Международной конференции сопротивления в оккупированных странах (МКСОС), цель которой «полное освобождение стран, находящихся под советским господством». КАУЗА и МКСОС находятся в теснейшей связи. И та и другая черпают в садке эмигрантов из стран Востока и социалистических или антиамериканских стран «третьего мира».

Однако на празднике нет одного человека: человека, который снял огромную восьмикомнатную квар-

тиру на площади Андре Мальро для КАУЗА. Речь идет о его превосходительстве после Хосе Мариа Чавесе. Он в Нью-Йорке «по делам».

И действительно, колумбиец стал очень занятым человеком с тех пор, как его пути скрестились с путями Пак Бо Хи. В час, когда французские мунисты и их друзья совершают обряд освящения — печенье и обязательный лимонад, поскольку на внутренних собраниях КАУЗА никогда не подают спиртных напитков, — Хосе Мариа Чавес гордится тем, что стал одним из основных сотрудников корейского полковника. Семья систематически использует его на всех фронтах, там, где не может действовать от собственного имени.

Когда, например, перед освобождением Мун Сан Мена в августе 1985 года американские мунисты решили начать мощную рекламную кампанию, представляя «Отца» жертвой злоупотреблений судебных властей, они обратились к Чавесу для наблюдения за созданной по этому случаю организацией, названной «Комитет в защиту американской конституции». Координируя свои усилия с членами «Коалиции за религиозную свободу», этот последний отпрыск пропаганды Движения Единения заплатил огромные суммы за публикацию на первых полосах всех крупных ежедневных газет торжественных предостережений: «Конституция не служит ничему, если она не применяется ко всем!», «Кто будет следующим?» Естественно, после Мун Сан Мена... «Первая поправка защищает каждого!» Намек: посадив Мун Сан Мена в тюрьму, Америка бросила за решетку свою собственную свободу.

Хосе Мариа Чавес — главный администратор комитета вместе с двумя ультраконсервативными активистами: Уорреном Ричардсоном, одним из лидеров новых правых, выступающим за открытое сотрудничество с Церковью Единения, и Дэвидом Финзером, ветераном Всемирной антикоммунистической лиги, связанным с южноафриканским лобби.

Несколько лет посол ходит в президентах «дублера» КАУЗА в Латинской Америке: «Ассоциации за латиноамериканское единство» (АЛАЕ), генеральным секретарем которой является не кто иной, как его колумбийский приятель Антонио Бетанкур, выполняющий те же функции в КАУЗА-Интернасьональ. Цель АЛАЕ сблизить Семью и умеренных деятелей — христианских демократов или социал-демократов, — кото-

рых смущает утробный антикоммунизм и некоторые связи КАУЗА. Единство континента — древний миф, поддерживаемый вопреки всякой очевидности более века как революционными левыми, так и демократическими правыми. Он все еще «делает сборы», и АЛАЕ сумела воспользоваться им, чтобы установить кое-какие связи среди испанских и латиноамериканских христианских демократов и доминиканских социал-демократов. Респектабельный облик «округлого» Хосе Мария Чавеса как нельзя лучше подходит при поиске новых сторонников вне жестких границ антикоммунизма. Это не мешает ему председательствовать в консультативном совете КАУЗА-Интернасьональ...

Из кабинета, который Пак Бо Хи предоставил ему по соседству в здании на Манхаттане, где также расположен штаб группы прессы и политические филиалы Церкви, Хосе Мария Чавес наблюдает и за более тайными операциями...

Последние месяцы его занимало приобретение для нужд Движения новой недвижимости во Франции.

Как и Жоржу Катуйа, которому доверили миссию скрытно провести переговоры по приобретению поместья экс-депутата ОНР из Эври Мишеля Боше, Хосе Мария Чавес должен тайно снять квартиру на площади Андре Мальро и приобрести... всемирно известный дворец Трианон в Версале.

Каким образом выбор Семьи пал на этот отель и какие партнеры — сообщники или жертвы обмана — позволили ей в который раз тайно продвинуться в этом деле? История этих переговоров показывает, сколь обширны дружеские связи КАУЗА и ее «компаньонов по пути». Ибо теоретики Церкви, которые по всем пунктам исходят из механистического представления об управляемом международном коммунизме, чтобы успешнее бороться с ним, считают своих союзников немунистов «попутчиками»!

«Ширмы» палаццо

Будучи проездом в Париже в конце 1983 года после «путешествия по изучению движения за мир», которое он возглавил в Европе, полковник Пак Бо Хи известил несколько крупных агентств по торговле недвижимостью, что ему хотелось бы приобрести какой-нибудь дворец или, на крайний случай, замок в бли-

жайших окрестностях столицы. Но дела до конца он не довел, поскольку в это время вышел на охоту Хосе Мария Чавес.

Воспользовавшись первой конференцией АЛАЕ во Франции — в отеле «Мерис» в Париже в мае 1984 года, — он изложил свои проекты нескольким дружески настроенным лицам. Читатель уже познакомился с некоторыми из них: Жаком Сустелем, послом Юргенсеном и Мари Франс Гаро — она снова в последний момент отказалась участвовать в конференции. Никто не удивится, узнав, что в работе конференции принял участие советник Жака Ширака посол Косцюшко Моризе, «министр иностранных дел» мэра Парижа, бывший представитель Франции в Вашингтоне. А вот почему на ней присутствуют две парижские «фигуры», более известные в светских и деловых кругах, чем в среде стратегов и геополитиков? Это — барон Ив ле Мофф де Кергаль де ла Шатеньере и Оливье Жискар д'Эстен. Неужели они тоже явились порассуждать о недостижимом единстве латиноамериканцев? Нет.

Через несколько месяцев Жан Пьер Габриель даст мне ключ к разгадке: «Не забывайте, что посол Чавес происходит из аристократического рода. Маркиз и испанский гранд. В этом качестве он поддерживает связи с самыми древними европейскими родами. Барон де Кергаль — один из его старейших друзей. Именно он познакомил нас в 1984 году в отеле «Мерис».

Но почему на конференции берет слово брат бывшего президента Валери Жискар д'Эстена — Оливье? В общем-то он не политический деятель, несмотря на краткое пребывание в парламенте в 1968—1973 годах в качестве депутата независимых республиканцев от департамента Приморские Альпы. Администратор фирм (в частности, ИБМ), бывший директор сталелитейных заводов «Помпей», затем «Жиббс Франс», он прежде всего бизнесмен международного масштаба. Ни его брат, ни запевалы Союза за французскую демократию (ЮДФ) не желают — тайна Полишинеля среди правых — давать ему новых поручений. Быть может, потому, что в семидесятых годах он флиртовал с некоторыми ультраправыми интеллектуалами, вроде Алена де Бенуа из новых правых или Луи Повелсом в клубе интеллектуалов «Майястриа».

Если Оливье Жискар д'Эстен не сделал настоящей политической карьеры, то международные бизнесмены

и экономические эксперты его ценят очень высоко. Бывший научный директор в Европейском институте по управлению деловой деятельностью (ИНСЕАД), он разъезжает с лекциями по всему миру. Одна из его любимых тем — «Общий рынок». Официально Оливье Жискар д'Эстен председательствует в экономической комиссии Ассоциации за латиноамериканское единство. На самом деле он там совсем по иной причине.

Барон де Кергаль, которого я встретил накануне рождества 1985 года в большом салоне КАУЗА, согласился за несколько дней до завершения этой книги рассказать в общих чертах, как Хосе Мария Чавес, Оливье Жискар д'Эстен и он сам встретились в отеле «Мерис», чтобы обговорить возможности покупки дворца Трианон.

Барон де Кергаль — человек видный, громогласный, который не скрывает своих убеждений: «Как многие французы, пришедшие в КАУЗА, — политические деятели и высокопоставленные военные, — я считаю коммунизм самым страшным бичом современности. Чтобы ответить на вызов, в борьбе с коммунизмом надо прежде всего пройти через возрождение духовности в мире. Ибо Западу грозят самые разные опасности. Не только военная. Наше общество расшатывают порнография, наркотики, официальная педерастия и тому подобное».

Отрывки биографии, которые он мне сообщил с подобающей скромностью — «я не очень важное лицо», — расставляют вехи удивительной жизни: выходец из древней бретонской знатной семьи (его предок был помощником адмирала д'Эстена и командующим французскими войсками, ведшими борьбу с англичанами во время войны американцев за независимость), он был в Сопротивлении во время второй мировой войны. После освобождения уехал в Северную Африку офицером Иностранного легиона. Ушел из армии в 1952 году и отправился в Бразилию, где женился на внучке бразильского экс-императора Педро II — «Дед графини Парижской», уточнил он, — и в 1958 году возвратился во Францию, чтобы стать промышленником.

В это время де Кергаль увлекается политикой. Он голлист и входит в состав первых основателей Союза за новую республику (ЮНР). Странник французского Алжира, он выходит из ЮНР после про-

возглашения его независимости, вступает в Национальный центр независимых и крестьян, а затем в республиканскую партию. «Как Доминати», — добавляет он. С Жаком Сустелем знаком очень давно. Последние годы является генеральным секретарем весьма древней ассоциации Франции «Цинцинатти», которая вот уже два века живет воспоминаниями о помощи французов американцам в войне за независимость. Этот пост позволяет ему встречаться с множеством людей.

Не через «Цинцинатти» ли барон познакомился с Оливье Жискар д'Эстеном? Ведь Валери Жискар д'Эстен с 1976 года является почетным членом этой уважаемой ассоциации. «Нет, должен я уточнить, ни тот ни другой не являются полноправными членами «Цинцинатти» Франции или Америки. Они очень хотели бы стать ими и настойчиво просили нас об этом, но статут нашей ассоциации не позволяет этого сделать, поскольку они не являются прямыми потомками адмирала д'Эстена, чье имя они получили позже. После нашего отказа бывший президент республики добился этого чисто почетного звания через Косцюшко Моризе, бывшего тогда послом Франции в Вашингтоне, а также почетным членом «Цинцинатти» Америки. Маршалы Фош и Петен, которые тоже не были прямыми потомками, в прошлом получили такое же отличие...» Человек, признающий, что уже несколько месяцев занимается внешними связями КАУЗА, не шутит с историей и наследственностью.

Гостиничная стратегия

«Нет, — утверждает Ив де Кергаль, — не я привел Оливье Жискар д'Эстена на заседание АЛАЕ в отеле «Мерис»; это сделал Чавес. Я привел Косцюшко. Чавес и Оливье Жискар д'Эстен знают друг друга долгие годы; они часто встречаются на конференциях и у друзей. Как только Чавес решил приобрести отель во Франции — вначале его напрямую хотело купить Движение, — он тут же решил, что Оливье Жискар д'Эстен подходит на роль акционера и президента административного совета. Он знал, что его финансовые возможности позволяли ему принять участие в операции.

Переговоры о покупке Трианона начались сразу же после конференции в отеле «Мерис». Они были очень трудными. Я могу сказать это... Именно я их вел».

Прервем на некоторое время барона де Кергаля и вернемся чуть-чуть назад. Хосе Мария Чавес собирает в Париже главных кандидатов — покупателей дворца Трианон: своего брата Энрике, процветающего дельца, присутствующего на конференции в качестве бывшего декана одного колумбийского университета (!), Ива де Кергаля и Оливье Жискар д'Эстена. Конференция продолжается четыре дня, и наша четверка имеет время рассмотреть все возможные варианты будущей финансовой операции. Оливье Жискар д'Эстен уже неоднократно мог убедиться, что его приятель Чавес находится в очень близких отношениях с муниципальными организаторами конференции: Пак Бо Хи, Антонио Бетанкуром, Пьером Сейраком, Жан Пьером Габриелем...

Но почему выбор колумбийского посла пал на знаменитый версальский отель? Потому что этот четырехзвездный * отель с тремя гектарами парка рядом с Версальским дворцом очень нужен руководителям Движения, ценящим внешние признаки могущества и законности! Еще бы. Именно в Трианоне Клемансо и его союзники вручили немцам в 1919 году свои условия мира. Именно здесь останавливаются проездом в Париже коронованные особы. Приобретение этой жемчужины европейских гостиниц вписывается в логику покупки «Нью-Йоркера» в Манхаттане или «Викториа Плаза» в Монтевидео.

КАУЗА желает, как она сделала это в Уругвае, преобразовать старый престижный отель в современный центр для проведения конференций. Пьер Сейрак намекнул мне на это после заключения сделки: «Чавес хочет выполнить в Трианоне крупные работы. Обновить его и вывести на уровень «Крийона» или «Бристоля»... И конечно, если отель будет принадлежать крупному руководителю КАУЗА, перед организацией откроются широкие возможности для проведения конференций...»

Достаточно ли все эти соображения для обоснования решения Хосе Мария Чавеса? Есть и еще одно соображение — политическое: один из главных акцио-

---

* Количество звездочек указывает на класс отеля.— *Прим. ред*

неров Трианона очень интересует руководителей КАУЗА-Европа. Его зовут Жан Пьер Пейро. Бывший генеральный директор банка Риво занимает в 1984 году должность, которая привлекает внимание мунистов к его персоне: он — генеральный директор «Ви франсез» и компаньон Бруно Бертеза, газетного магната, только что купившего «Нуво журнал».

Для любителей совпадений:

1) весной 1984 года Жан Пьер Габриель, Никола Тандлер и Пьер де Вильмаре все еще сотрудничают в «Ви франсез»;

2) отношения между всеми тремя никогда не были столь хорошими, как сейчас: Вильмаре только-только вернулся из «исследовательской поездки» по Дальнему Востоку под руководством Пак Бо Хи. Тандлер собирается сначала в Вашингтон, а затем в Токио со своими друзьями-мунистами;

3) МКСОС, организация, которая объединяет под надзором Вильмаре некоторое количество антимарксистских партизанских движений, имеет одним из своих почетных председателей... Бруно Бертеза. Газетный магнат, владеющий «Ви франсез», «Ажефи», «Нуво журнал», принимал личное участие в первых собраниях этой очень скрытной организации (см. главу 24);

4) многие иностранцы, симпатизирующие КАУЗА-Европа, члены МКСОС.

Подведем итоги. Жан Пьер Пейро — главный посредник Хосе Мария Чавеса и Ива де Кергалья в деле приобретения дворца Трианон — хорошо известен французским мунистам. Он — компаньон газетного магната, чьи издания по многим каналам сотрудничают с КАУЗА.

Предложение о покупке, сделанное владельцам Трианона, как нельзя кстати. Дохода дворец-отель приносит сущие пустяки. Только продажа может вернуть первоначальные капиталовложения. К тому же Жан Пьеру Пейро нужны деньги. Он и Бруно Бертез решили с 1985 года приступить к выпуску крупной ежедневной экономической газеты «Трибюн де л'экономии», а издание, по всей видимости, будет не из дешевых...

Передача акций Трианона — они оцениваются в 35 миллионов франков — принесет наличные. Бруно Бертез признает это через некоторое время перед своим административным советом. Но переговоры будут длительными и жесткими, ибо Жан Пьер Пейро хочет

одновременно извлечь максимум из продажи и сохранить некоторую долю акций отеля.

Как ни парадоксально, но это его желание сидеть в административном совете Трианона наряду с двумя руководителями КАУЗА — Хосе Мария Чавесом и Ивом де Кергалем — играет на руку Движению в политическом плане. Оно позволяет Семье укрепить, пока только идеологические, связи с газетной империей, которая с удовольствием печатает прозу самых ортодоксальных французских антисоветчиков.

Все складывается в пользу приобретения дворца в Версале.

Ради нескольких миллионов долларов

Остается разработать финансовую операцию, которая сохранит анонимность «вдохновителя» дела: Движения Единения.

Хосе Мария Чавес, его сын, дочь и брат организуют в США фирму под названием «Соламерика», которая и собирается приобрести отель. Семья утверждает, что не вложила ни су, а Энрике Чавес достаточно богат, чтобы пуститься в финансовую операцию такого размаха. Тот факт, что ни один из известных филиалов Церкви, ни один известный мунист не являются акционерами «Соламерики», увы, недостаточен, чтобы скрыть покупку отеля Церковью. Наоборот, вся история транснациональной компании говорит об обратном!

Вспомните: когда ярый католик Хулиан Сафи и несколько его компаньонов, совершенно неизвестных в финансовом мире, завладели «Викториа Плаза» в Монтевидео и «Банко де Кредито» Уругвая, они не кричали на всех перекрестках, что деньги им даны «министром финансов» Муна Такеру Камияма через банк Большого Каймана!

Когда Жорж Катуга создает фирму недвижимости «Ла Ресторасьон», чтобы купить имение в Эври для АЕВХ, он не идет в банк просить денег от имени Семьи. Конечно, сам он не мунист, но его жена и сын — мунисты. А справочник 1985 года выпускников Эколь Сантраль, где Катуга учился, подтверждает, что он несколько лет возглавляет французский филиал «Международного океанского предприятия», которое явля-

ется мунистской транснациональной рыболовной компанией!

Во всяком случае, у французских властей нет сомнений, что за «Соламерикой» прячется КАУЗА. Посол Чавес в переговорах участвует редко. Фирма поручила барону де Кергалю провести дело умело и скрытно, как это было в других случаях.

Прежде всего он занимается получением необходимых разрешений. Для совершения сделки нужен зеленый свет от министерства финансов и секретариата по туризму. Ив де Кергаль получает их не моргнув глазом. «Я лично встретился с директором кабинета государственного секретаря по туризму. Он был весьма расположен к иностранным капиталовложениям. Финансы тоже не стали чинить препятствий». Казначейство потребовало от «Соламерики» свидетельств о платежеспособности. Их дал «Кемикл Банк» Нью-Йорка. Для сведения, он управляет основным счетом Церкви Единения в США...

В полгода все было сделано. Деньги должны были поступить через «Банк Суэз» *. 11 декабря 1984 года административный совет дворца «Трианон» кооптировал Ива де Кергалья, Хосе Мария Чавеса, Энрике Чавеса и Оливье Жискар д'Эстена в свой состав в качестве новых членов. 27 декабря он принимает решение о приобретении фирмой «Соламерика» 66 процентов акций отеля. Жан Пьер Пейро оставляет за собой треть акций.

Кроме того, в совет вводится специалист по гостиничному делу Роже Годино, который организовал лыжную станцию в Арк. Он дружит с Оливье Жискар д'Эстеном и бароном Секонда де Монтескье, который был некогда связан с ОАС, а сегодня является международным директором компании «Мозт-Хеннеси». В Трианон его ввел Ив де Кергаль.

Как и предусматривал Хосе Мария Чавес еще до передачи предложения о покупке, Оливье Жискар д'Эстен избран президентом административного совета. Этот пост принес ему множество неприятностей. Газета «Канар аншене» выяснила, что «брат Жискара ведет дела с бандой Муна». Уругвайский журналист Алехандро Алем, сотрудник автора, также шел по следу. Слухи распространились по всему Парижу, и

---

* Сейчас называется «Банк Эндосуэз».

скандал подхватила левая пресса. Выбор крупного имени для «прикрытия» дела в традициях Семьи, но на этот раз подобный прием оборачивается против Движения Единения.

Припертый к стене, брат бывшего президента отвечает газете «Канар аншене»: «Утверждение, что месье Хосе Чавес известен своим руководящим положением в КАУЗА Муна, лживо. Его, наверное, спутали с послом Санчесом, американцем мексиканского происхождения».

Удивительный ответ! Откуда Оливье Жискар д'Эстену знать, что Филипп Санчес — с ним он встречался редко — является президентом КАУЗА-США, и не знать, что Чавес — с ним он встречается уже долгие годы — является президентом консультативного совета КАУЗА-Интернасьональ? Чавес в письме еще раз утверждает, что он не выполняет никаких функций, «исполнительных или административных», в Движении Единения.

«Канар аншене» приводит доказательства связей его друга с Семьей, а он отвечает 8 июля 1985 года, через полгода после приобретения отеля, что «неприятно удивлен».

В момент, когда президент Трианона дает этот ответ, отель готовится к приему «вводного семинара Движения Единения», а затем коллоквиума, организованного Академией за всеобщий мир, которая в университетских кругах является эквивалентом всемирной конференции средств массовой информации... Семинар должен продлиться с 25 по 31 августа. Расходы гостей — интеллектуалов Северной Африки — полностью берет на себя Академия за всеобщий мир. Переговоры с владельцами отеля ведут руководители организации Уолтер Готтесман, основатель Церкви Единения Нью-Йорка, и Дидье Риас, столп французской Семьи!

С момента приобретения отеля Оливье Жискар д'Эстену не раз приходилось обговаривать эти вопросы со своими партнерами. Хосе Мария Чавес два раза в месяц наезжает в Париж. Он останавливается в Трианоне и работает на площади Андре Мальро, 4, вместе с бароном де Кергалем. Все трое встречаются довольно регулярно и, несмотря на угрозу скандала, брат экс-президента решает оставить пост за собой. Ив де Кергаль советует ему больше не вступать в полемику с прессой. Для мунистов дело закон-

чено. «Соламерика» контролирует более половины акций.

Теперь надо обновить отель и превратить его в долгожданный центр для проведения конференций. «Как минимум, работы обойдутся в 50 или 60 миллионов полновесных франков», — признался мне один из директоров отеля. Операция «Трианон» после ее завершения влетит Движению Единения почти в 90 миллионов франков, считая и 35 миллионов наличными за выкуп акций.

По-видимому, у Семьи большие планы в отношении Франции и Европы!

23. ГУСТАВ ПОРДЕА: мунист в европарламенте

«Вы не правы, — говорит мне с очаровательной улыбкой Пьер Сейрак, — думая, что мы посещаем только крайне правых. Мы поддерживаем сердечные отношения с членами всех партий, конечно, кроме коммунистов, иными словами, от СП до Национального фронта, в том числе с радикалами, Союзом за французскую демократию, Объединением в поддержку республики и Национальным центром независимых и крестьян.

Несколько примеров: валуазские радикалы присутствовали на нашем первом семинаре в Вашингтоне, а местные руководители этой партии в 1985 году приняли участие в конференциях КАУЗА во Франции. Вы знаете, центристы или левоцентристы, быть может, и антикатолики, но они не против религии и находят у нас совершенно свободную религиозную атмосферу экуменического характера, которая им нравится. Она оказывает впечатление даже на некоторых франкмасонов.

Что касается социалистов, отказавшихся от альянса с коммунистами, то почему бы им не чувствовать себя хорошо с нами? Голлисты, которые всю жизнь сражались бок о бок с коммунистами за разрядку, стоят куда дальше от нас, чем некоторые социалисты, которые часто идут в нужном направлении. Возьмем, к примеру, Косцюшко Моризе — нас с ним познакомил посол Чавес. Когда-то он работал с Леоном Блюмом, а сегодня советник по иностранным делам Жака Ширака».

Пьер Сейрак умело «продает» идеальный образ КАУЗА. Он не лжет. У организации есть симпатизирующие из центристов и правоцентристов. Назовем Жерара Пэнса, президента «Фонда для Европы», состоявшего некогда в руководстве валуазской партии радикалов; или Франсуа Геца, вице-президента ЮДФ в департаменте Сен-Сен-Дени. Есть знакомцы и в ОПР, хотя руководители партии ни разу не присутствовали ни на одном семинаре. Однако депутат от департамента Буш-дю-Рон Ясент Сантони, присутствовавший на панамериканском съезде КАУЗА в Монтевидео в феврале 1984 года, проговорился дипломату, работающему в уругвайской столице, что совершил путешествие по просьбе Жака Ширака.

Пьер Сейрак не лжет, но не говорит главное: с 1985 года КАУЗА работает в теснейшем контакте с Национальным фронтом.

В последние годы сближение происходит все быстрее. История «ниточки» Национального фронта в Семье, точнее, «ниточек» весьма запутана и есть смысл распутать ее.

АЕВХ всегда питала слабость к традиционалистам и христианским интегрстам. Для французских мунистов единение всемирного христианства не пустой лозунг, предназначенный лишь для оправдания религиозности их демарша. Это одновременно цель и средство. Царство божье на земле родится из этого союза, и только этот союз сможет дать победу в сражении с коммунизмом. И логично, что Семья не вступает в альянс с французскими «новыми правыми» Алена де Бенуа, которых считает атеистами.

Расклейщики плакатов

В семидесятых годах Анри Бланшар и его помощники сближаются с христианскими антикоммунистами. Эфемерный комитет «Бог и демократия», созданный во Франции в 1976 году для празднования двухсотлетия США — все еще помнят о банкете в отеле «Лютес» в Париже по этому поводу, — уже вербует сторонников в этих кругах. В конце 1980 года Пьер Сейрак и Мишель Клоарек, вице-президент АЕВХ, спешно организуют ассоциацию, не заявляя о ней в префектуре полиции, и называют ее «Сопrotивление и солидарность». Впервые во Франции мунистские активи-

сты выходят на улицы и раздают антикоммунистические листовки. Кроме того, «Сопrotивление и солидарность» систематически встречается с организациями и группками, которые могли бы присоединиться к организации антисоветских кампаний. Многие из них относятся к интегрстам.

Именно в это время налаживаются первые контакты с комитетами «Христианство — солидарность», которые хотели бы начать во Франции «национальное и христианское контрнаступление». Их руководитель пока еще мало известен. Его зовут Бернар Антони. Под псевдонимом Ромена Мари он руководит НЦНК в районе Средних Пиренеев. Деятельность комитетов «Христианство — солидарность» нечасто освещается большой прессой, однако она весьма многообразна: паломничества, конференции и ежегодно «День французской дружбы», целью которого является объединение разрозненных, часто антагонистических движений крайне правых. Вскоре в христианских зонах Ливана появятся «лагеря отдыха для активистов».

Победа Франсуа Миттерана и приход коммунистов в правительство — прямое благословение для крайне правых фундаменталистов. Находясь на окраине политической жизни двадцать три года власти голлистов и жискаровской «социал-демократии», они быстро почувствовали свой исторический шанс вписаться в политические дебаты во Франции рядом с традиционными правыми, сбитыми с толку социалистическим наступлением.

Семья тоже ощутила благоприятный момент. Ее американский опыт научил, что нет ничего лучше, чем президент в оппозиции к консерваторам, чтобы вызвать «здоровую реакцию». Без Джимми Картера «Моральное большинство» не дожило бы до своего дня!

5 января 1982 года вышел первый номер ежедневной газеты «Презан». Ромен Мари состоит генеральным директором и управляющим издательской фирмой с ограниченной ответственностью. Жан Пьер Габриель быстро налаживает связи с редакционной группой интегртской газеты. Он сообщает им о конференциях и исследовательских путешествиях по всему миру, о привилегированных контактах с американским консервативным движением. КАУЗА уже на следующий день начинает черпать из этого садка самых усидчивых участников своих семинаров.

Однако мунисты, желая вырасти в глазах комитетов «Христианство — солидарность», предоставляют им в распоряжение свои средства для некоторых отдельных акций, которые вписываются в их собственную стратегию. В то же время Семья всегда действует с большой скрытностью, если комитетам нужно отпечатать плакаты в типографии Мони или предоставить активистов для проведения манифестаций. Даже префектура парижской полиции не подозревает, что Церковь начала свое планомерное проникновение в круги крайне правых.

До некоего дня...

В четверг 8 сентября 1983 года примерно в половине пятого утра патруль останавливает в центре Парижа подозрительный микроавтобус. Из него выводят пять мужчин и одну женщину. В машине полицейские обнаружили кипу плакатов комитетов «Христианство — солидарность» с призывом этим вечером провести манифестацию против СССР, чьи истребители сбили «Боинг» корейской авиакомпании КАЛ.

Расклейщиков плакатов доставили в центральный комиссариат восьмого округа для выяснения личности. Центральная картотека дает вскоре ответ: полиция захватила участвовавших в политической акции руководителей Ассоциации за Единение Всемирного Христианства: Анри Бланшара, президента АЕВХ, Доминика Реназе, вице-президента МЮРС (университетской ветви Церкви), Жан Пьера Габриеля и Лорана Ладуса...

В тот же час участники VI конференции средств массовой информации, собравшиеся в Картахене в Колумбии, принимают специальную резолюцию, осуждающую «жестокое преступление против человечности», совершенное Советским Союзом.

Удивленные полицейские, которым не в чем упрекнуть задержанных, отпускают их.

Не впервые АЕВХ одалживает своих миссионеров «дружественному» движению для расклейки плакатов: «братья» и «сестры» уже прославились своей активностью в парижских комитетах ОПР во время муниципальных выборов в 1983 году.

Но тогда речь шла лишь об отдельных акциях. Сотрудничество с крайне правыми интегрристами ведется более планомерно и... больше компрометирует: через несколько недель после трагедии с корейским

самолетом Ромен Мари становится героем газетной хроники — его обвиняют в возбуждении расовой ненависти в связи с высказываниями во время «Дня французской дружбы», организованного комитетами «Христианство—солидарность» 16 октября 1983 года в Мютюалите.

Дело вызывает скандал в национальном бюро НЦНК. Серьезный удар по партии, претендующей на лидерство в «умеренно-правом движении»! Ромена Мари просят выбрать между ней и КХС. Он не колеблется: в феврале 1984 года он уходит со всеми своими сторонниками в Национальный фронт. И указывает причину: «НЦНК вошел в контакт с мадам Симоной Вейль, чтобы обговорить возможность ее внесения в список Центра на выборах в Европейский парламент. Это — разрыв, ибо мы ни в коем случае не можем согласиться на сотрудничество с мадам Вейль, чьих политических идей не разделяем...»

Ромен Мари предпочитает поддержать список Жан Мари Ле Пена. Жест получил должную оценку, поскольку лидер Национального фронта предлагает новичку почетное шестое место в своем списке. Если верить опросам общественного мнения, у него есть все данные, чтобы быть избранным депутатом в Европейский парламент. И он будет избран.

В тот же период и руководство мунистов тоже договаривается с Национальным фронтом, чтобы ввести в Европейский парламент человека, симпатизирующего Движению.

«Серый кардинал» «Хозяина»

Журналист Жан Марсийи вернулся из путешествия в Сеул в полном восхищении. Его новые друзья мунисты открывают перед ним неожиданные горизонты. Он топчется на месте в этом, 1982, году. Его последняя книга вышла в 1980 году — большое исследование об американском преступном синдикате, в котором он не сумел скрыть некоторого восхищения фигурой Лаки Лучиано, а крохотное только что созданное им агентство «Сага Пресс» не может его занять полностью.

Поэтому он с удовольствием принимает и последующие приглашения Движения Единения. В июне

1983 года он едет вместе с «Сентрал Америкен Фэкт-Файндинг Тур»; в октябре того же года, сразу после возвращения с конференции средств массовой информации в Картахене, он участвует в Париже в работе «Путешествия по изучению движения за мир»; в феврале 1984 года он отправляется вместе с Пак Бо Хи в Монтевидео на первый панамериканский съезд КАУЗА. Их фотографируют вместе по прилете в аэропорт.

Несомненно, что во время путешествия в уругвайскую столицу они договорились об одном проекте, который наделает шуму во Франции: близятся выборы в Европейский парламент, и Жан Марсийи собирается написать книгу во славу Жан Мари Ле Пена, лидера Национального фронта, которую тот сможет использовать в последние недели предвыборной кампании.

Полковник и Жан Пьер Габриель — он тоже был в Монтевидео — считают эту мысль весьма соблазнительной. Она соответствует их нынешним заботам: укрепиться в штабе французской правой партии и постараться обговорить одно местечко в европейском списке для сторонника Семьи. Они поддерживают Жана Марсийи в его желании сразу по возвращении во Францию в конце февраля встретиться с Ле Пенем и обещают ему помочь деньгами, если проект книги будет принят.

«Ячейка» общественных связей АЕВХ включается в работу, и после горячей рекомендации коллег, входящих в Национальный фронт, журналист быстро добивается встречи. И тогда состоялось маленькое чудо: Жан Марсийи приглянулся супружеской паре Ле Пенев. Идея написать веселую и человечную книгу о повседневной жизни «шефа» в семейном кругу очень понравилась лидеру крайне правых, который должен любой ценой создать себе образ респектабельного буржуа.

Несколько месяцев Жан Марсийи не покидает Жан Мари Ле Пена. Чтобы написать «Ле Пен без прикрас», которая выйдет в мае 1984 года, он проникает в интимную жизнь самого противоречивого политического деятеля эпохи. После первой беседы он занимает место в его кабинете, сопровождает его во всех поездках, живет в его доме в Трините-сюр-Мер. К великому удивлению традиционных помощников Жан Мари Ле

Пена, он необъяснимым образом становится одним из «серых кардиналов» «патрона».

Идеальная ситуация для роли троянского коня.

Французская и английская пресса уже много писала об истории, которую я расскажу. А ведь из-за того, что одно из главных действующих лиц ввело прессу в заблуждение, история была освещена неверно.

Рассказ, который последует, основан на информации из первых рук, полученной от членов АЕВХ, и разнообразных точных данных полиции. Напомним, что в начале 1984 года многие французские службы интересуются Семей. Судебная полиция — из-за последствий дела Клер Шато; Национальное управление налоговых расследований — из-за разногласий между министерством финансов и АЕВХ; разведслужбы — из-за связи Церкви с французскими политическими кругами; Служба безопасности территории — из-за слишком тесных связей с эмигрантами с Востока и некоторыми антимарксистскими партизанскими движениями.

Итак, займемся «делом Пордеа»...

«Дело Пордеа»

«Странный четвертый номер в списке Ле Пена» — такой заголовок появился в «Матен» накануне выборов в Европарламент 17 июня 1984 года. Ниже следует статья, которая разъясняет недоумение газеты: является ли диссидентом Густав Пордеа, шестидесяти восьми лет, бывший румынский дипломат, нашедший убежище во Франции после установления социализма в его стране? Румынские эмигранты в Париже сомневаются в этом. 1 февраля 1985 года та же газета утверждает: Пордеа — агент Бухареста. В поддержку своих утверждений она приводит свидетельство бывшего второго лица в шпионской службе Чаушеску, эмигрировавшего на Запад в 1978 году, который утверждает, что Пордеа, давний агент службы, был «реактивирован» в семидесятые годы.

Через десять месяцев «Санди таймс» вбивает новый гвоздь. Депутат Европарламента Пордеа, выбранный 17 июня по списку Жан Мари Ле Пена, не просто «агент коммунистов», а румынские службы заплатили

Национальному фронту 500 тысяч долларов, чтобы внести его в список четвертым.

На площади Андре Мальро, 4, в Париже у Анри Бланшара, Пьера Сейрака и Жана Пьера Габриеля развитие событий вызывает и насмешку и беспокойство. Ибо Густав Пордеа — «их» Густав — мунист! Вот уже семь лет.

Миссионер Колетт Мелар, которая ввела Густава Пордеа в Семью, рассказала своей матери о встрече с ним. Ей было в 1978 году двадцать девять лет, и уже два года она жила на вилле Обле в XVII округе Парижа в помещении АЕВХ. Колетт только что получила медицинское образование — она стала специалистом по кожным и венерическим заболеваниям, — когда Анри Бланшар намекнул ей, что есть возможность предложить свои услуги некоему медико-социальному учреждению. Таким образом она могла бы завязать многочисленные связи и найти последователей.

В марте Колетт начала работать в благотворительной организации «SOS Нейи», которая поручила ей опрос лиц преклонного возраста. Во время своих визитов она познакомилась с неким пожилым месье, находящимся в затруднительном положении. «Румын, вдовец с 1972 года, отец шестерых детей», — сказала она своей матери. Бывший дипломат, политэмигрант, писатель, который «сотрудничает там и сям в качестве литературного критика».

Разговор быстро переходит на главное: ортодоксальный католик Густав Пордеа тоже желает объединения христиан против общего врага. Девушка и старик симпатизируют друг другу. «Вас послал мне Господь», — говорит он ей. Густав Пордеа действительно находится в затруднительном положении. Его должны выбросить из квартиры в Нейи в конце месяца, и он не знает, где жить. Колетт предлагает ему временно поселиться на вилле Обле.

В ночь с 31 марта на 1 апреля 1978 года Густав Пордеа впервые ночует в штабе мунистов. В октябре того же года он все еще живет там. С этого момента его жизнь неразрывно связана с жизнью Церкви. В ноябре 1978 года он снимает квартиру по адресу проезд Дуази, 5, в XVII округе. Скорее всего на деньги АЕВХ. 21 числа того же месяца Колетт Мелар и еще трое мунистов регистрируют в префектуре полиции новую ассоциацию — «Всемирную федерацию помощи

и дружбы», французскую ветвь ИРФФ, гуманитарной организации, которая вскоре поспешит на помощь контраст. Официальный адрес: проезд Дуази, 5. В квартире Густава Пордеа.

В июле 1980 года его сын Димитру основывает вместе с Жоржем Катуа — как мы помним, бизнесменом Семьи — «Национальное посредническое общество», страховую компанию АЕВХ (см. главу 4). Через четыре месяца он сопровождает в Майами Анри Бланшара и Дидье Риаса, руководящего во Франции фондом «Интернешнл Калчурел Фаундейшн», на IX международную конференцию объединения наук, ежегодное собрание лауреатов Нобелевской премии и академических знаменитостей, которое с большой помпой организуется Движением Единения. На обратном пути он останавливается в Нью-Йорке для рабочей встречи с Пак Бо Хи.

До своего избрания в Европейский парламент Густав Пордеа присутствовал на всех «больших праздниках» мунистов: в Нью-Йорке, Сеуле, Картахене... Будучи практически без денег, румын состоит на полном обеспечении Семьи. Колетт Мелар сообщила матери, что Анри Бланшар даже оплатил учебу одной из дочерей Густава Пордеа в брайтонском колледже в Англии!

Старшая дочь будущего депутата Европейского парламента пытается оторвать своего отца от Муна. Она, выйдя замуж, попала в очень богатую семью, которая готова предоставить Густаву Пордеа директорский пост на одном из своих предприятий. Старик ничего не хочет слышать. С ним во время короткого визита в Мони встречается мать одного муниста. Более двух часов он расписывает ей прелести Движения Единения.

И этого человека пресса обвиняет в том, что он агент Бухареста. Эти разоблачения не трогают мунистских руководителей. Густав Пордеа никогда не скрывал от них, что поддерживает добрые отношения с румынским посольством и даже с лицами, близкими к правительству. Они знают, что он написал несколько статей для газет эмигрантов, где защищал националистическую позицию Чаушеску, умело играющего на патриотизме и обособленности румын, чтобы удержаться у власти.

Их огорчает только одно: руководство Движения в Нью-Йорке довело до их сведения, что Михай Пачепа, свидетель «Матен», «по-прежнему находится под

защитой ЦРУ» и пользуется «некоторым доверием в США».

Колебались они недолго. Через три дня после опубликования статьи в «Матен» от 1 февраля 1985 года мунистские руководители решают, какую позицию занимать, если КАУЗА и АЕВХ будут впутаны в это дело: кампания в прессе направлена лишь на то, чтобы повредить Жану Мари Ле Пену. Семья не откажется от Густава Пордеа и будет представлять его, если понадобится, как «убежденного антисоветчика, но одновременно румынского патриота, который пытался придумать своего рода Ostpolitik для своей страны».

В то же время «старшие братья» Церкви проводят несколько встреч со своим другом-депутатом, утешают его, дают советы. Старик реагирует на события довольно пассивно. Как и во время предвыборной кампании, он не поспекает за событиями, которые развиваются помимо его воли. Его просят подготовить «ударный ответ» средствам массовой информации и не колебаться, если «придется выступать перед телекамерами». Он соглашается, но ничего не делает. Его приходится настойчиво убеждать возбудить дело против «Матен»...

Журналистское следствие по делу Густава Пордеа сделало решительный шаг через несколько месяцев. К несчастью для КАУЗА, английский журналист из «Санди таймс» начал охоту, исходя из того, что собрано газетой «Матен». Ему удалось отыскать главных свидетелей предвыборной кампании 1984 года в Европейский парламент: Пьеретту Ле Пен и Жана Марсийи.

Супруга и «серый кардинал» порвали с лидером Национального фронта в октябре 1984 года. Отношения между Жаном Мари Ле Пеном и его женой быстро ухудшились. Поэтому Пьеретта и ее друг не гнушаются вот уже несколько месяцев принимать журналистов и шептать им на ушко некоторые пикантные подробности о жизни Жана Мари Ле Пена.

Таким образом англичанин Джон Свейн узнал от них — естественно, последовало опровержение, — что Густав Пордеа заплатил за свое место. Ему сообщили цифру в 500 тысяч долларов, а также привели массу подробностей о том, как происходили переговоры и передача денег. Но Жан Марсийи очень умело убедил своего собеседника, что Жан Мари Ле Пен держал его в полном неведении по поводу переговоров с Гу-

ставом Пордеа! Журналист не пытался подвергнуть сомнению его свидетельство, поскольку французское министерство внутренних дел подтвердило свою уверенность в том, что румын — шпион, а деньги поступили из Бухареста.

Автор книги «Ле Пен без прикрас» сумел совершить небольшой подвиг: он обвинил лидера Национального фронта, а сам выпутался из дела, в котором сыграл главную роль (ту же версию он «продал» газете «Либерасьон» в феврале 1986 года).

Историческая новость

Итак, вернемся к Церкви и немного назад, чтобы выяснить, какую роль сыграли Жан Марсийи и мунисты в выборах Густава Пордеа в Европарламент.

«Историческая», «превосходная» новость! У Пьера Сейрака и Анри Бланшара не хватает достаточно громких слов, чтобы прокомментировать известие, поступившее к ним в субботу 24 марта 1984 года. Жан Марсийи позвонил им из Трините-сюр-Мер, где проводит уик-энд с Жаном Мари Ле Пенем и несколькими советниками. Всегда скромный журналист сообщил им, что «Жан Мари Ле Пен представил его всем остальным, всему совету, как своего помощника...». Верный член КАУЗА пользуется полным доверием лидера «национальных правых» — одно это должно было порадовать мунистов. Но дело обстоит еще лучше: Жан Марсийи работает с Жаном Мари Ле Пенем над составлением списка кандидатов в Европарламент, и президент Национального фронта благосклонно встретил предложение включить в него Густава Пордеа! «Он был очень счастлив, хотя считает, что Густав староват и мало известен», — заметил он.

Предложение мунистов поступило в надлежащий момент: Национальный фронт давно мечтает выдвинуть диссидента с Востока на большие выборы. Жан Мари Ле Пен, конечно, спросил своего биографа, были ли инициаторами этого предложения его друзья-мунисты. Жан Марсийи ответил утвердительно и подал такую реплику: «Никаких проблем, ты прекрасно знаешь, что твои друзья — мои друзья...» Это действительно верно: Жан Мари Ле Пен знает Пьера Сейрака уже пятнадцать лет.

Бланшар и Сейрак поздравляют друг друга. Президент АЕВХ на седьмом небе. У него была «интуиция», что кандидатура Густава Пордеа пройдет, как только посредником был выбран Жан Марсийи.

Остается решить практические вопросы: присмотреть за сыном Жана Марсийи Филиппом, пока отсутствует отец, которому предстоит пробыть несколько недель с Жаном Мари Ле Пенем. Есть два варианта решения: передать его супружеской паре миссионеров или временно поместить в школу иезуитов в Версале. Надо также обговорить сумму гонорара за написание книги. И наконец, если Семья вложит деньги в кампанию Густава Пордеа и в Национальный фронт, что считалось весьма вероятным в полиции, которая следила тогда за развитием дела, надо будет сообщить обо всем в КАУЗА-Интернасьональ в Нью-Йорке.

Все эти пункты стали предметом многочисленных дискуссий между Анри Бланшаром и Томом Уордом, исполнительным вице-президентом КАУЗА-Интернасьональ. Тот изучил досье вместе с Пак Бо Хи. Но в противовес тому, что Пьеретта Ле Пен и Жан Марсийи рассказали Джону Свейну и что потом опровергли, деньги, похоже, не были выплачены до того, как Густав Пордеа был избран. Пак Бо Хи ждал объявления результатов, перед тем, как раскошелиться.

Вечером 17 июня 1984 года, когда Анри Бланшар позвонил Тому Уорду, чтобы сообщить о результатах избрания румына в Европарламент, американец не забыл спросить его о процедуре утверждения, которую проходят победившие на выборах перед их официальным признанием европейской ассамблеей.

Президент АЕВХ проявил энтузиазм и веру. Он уточнил, что Густав Пордеа — фамильярно прозванный «Усачом» — пройдет обязательно, поскольку его список получил более 10 процентов. Он еще не пришел в себя: «Представь себе, 10 процентов у нашего Жана Мари и только 11 процентов у Марше!»

И только на следующий день, ознакомившись с окончательными цифрами, Пак Бо Хи передал в Париж свои инструкции: он приглашает Анри Бланшара и Густава Пордеа приехать к нему тут же после официального оглашения результатов. И обещает им хороший подарок.

Цель — парламентские выборы 1986 года

Жан Марсийи не сообщил всей правды «Санди таймс». Но сей непредсказуемый персонаж продолжает сниться по ночам руководителям Семьи.

Он принес им немало неприятностей в 1985 году. Думающие головы КАУЗА быстро поняли, что его «бегство» с Пьереттой Ле Пен в конце 1984 года может положить конец их идиллии с Национальным фронтом. Пьер Дюран, директор газеты «Презан», член политбюро НФ и очень близкий друг Жана Мари Ле Пена, дал это понять Пьеру Сейраку, нанеся визит с целью выяснить адрес новой резиденции Жана Марсийи... Другие активисты НФ заклеямили «предателя» во время семинаров КАУЗА, на которых присутствовали: Ален Сандер, ведущий репортер «Презан», и его коллега Франсуаза Монестье; Жан Фонтен, депутат Реюньона, присоединившийся к Ле Пену; Ролан Гоше, директор «Насьональ эбдо».

КАУЗА заморозила свои отношения с человеком, который знал тайну дела Пордеа. Для большей безопасности Густаву Пордеа было запрещено показываться на политических манифестациях, организованных Движением Единения.

Пьер Сейрак попросил его также выйти из бюро «Фонда для Европы», президентом которого был столп КАУЗА во Франции бывший радикал Жерар Пэнс. Еще одна связь между депутатом Европейского парламента и Движением Единения, которую возможный исследователь уже не установит. Жерар Пэнс следил за развитием всей операции: от первого знакомства, как представитель КАУЗА, со списком Симоны Вейль до окончательных переговоров с Национальным фронтом. Поскольку Семья стучалась в несколько дверей до того, как ввести своего человека в Национальный фронт, могла идти речь и о другом человеке, а не о старом румынском дипломате. От Густава Пордеа едва не отказались из-за его преклонного возраста и малой известности. Анри Бланшар даже подумывал одно время поискать иного диссидента, симпатизирующего КАУЗА. Русского и с большей известностью.

Сведя воедино эти сведения, можно убедиться, что именно Семья претендовала на место в Европар-

ламенте... Парадоксально, но факт — Пьер Сейрак понял, что ему нечего бояться Жана Марсийи, когда тот стал выкладывать подноготную английскому журналисту Джону Свейну. Свейн к тому же вошел в контакт с Пьером Сейраком и Жераром Пэнсом и быстро доказал им, что считает Густава Пордеа румынским шпионом, а не мунистом, купившим место у Национального фронта. Он, правда, пытался выяснить, каким образом Густав Пордеа пробовал — безуспешно, как заявил ему Жан Марсийи, — использовать КАУЗА, чтобы «выйти на Ле Пена».

Поняв, что англичанин ничего не знает о подлиных причинах попадания Густава Пордеа в список Национального фронта, президент КАУЗА-Европа и его приятель договорились не делать ничего, чтобы свернуть журналиста с «румынской» тропы...

Несмотря на появление 29 декабря 1985 года статьи в «Санди таймс», Пьер Сейрак совершенно спокойно продолжил жизненно необходимое для французской Семьи проникновение в чужие ряды, а именно переговоры с Ле Пенем о месте в его списке кандидатов, которые будут баллотироваться на парламентских выборах 1986 года. В начале января 1986 года генеральный секретарь КАУЗА-Европа будет официально утвержден третьим номером от Национального фронта в департаменте Нор.

24. «ПОХОД НА МОСКВУ» И ВСЕМИРНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Идея зародилась в изобретательных и ненасытных умах руководителей КАУЗА: отметить приезд Михаила Горбачева во Францию и в Женеву осенью 1985 года крупной антисоветской кампанией в защиту прав человека. Надо в зародыше задушить робкие изменения, которые происходят с момента прибытия в Кремль человека, с точки зрения мунистов, очень опасного, поскольку он, по-видимому, понял, как надо говорить с Западом.

Как реализовать замысел? У КАУЗА есть деньги, идеи, типография и активисты, готовые работать денно и ночью. Но организации не хватает главного — рес-

пектабельности. Сомнительно, что мунисты без посторонней помощи могли бы собрать вокруг себя нужных лиц и организации, чтобы инициатива увенчалась успехом. КАУЗА решила преуспеть любой ценой. Семье пришлось отменить VIII конференцию средств массовой информации, которая должна была состояться в Париже. Она рассчитывала на эту широковетельную манифестацию, чтобы окончательно утвердить свое влияние в европейских антикоммунистических кругах. Мунисты должны действовать, если не хотят, чтобы о них забыли.

«Права человека-SOS»

Пьер Сейрак излагает свой проект Мишелю де Ростолану. Эти два человека уже давно прониклись симпатией друг к другу. Одно поколение — им еще нет и сорока, один и тот же социальный круг, «шестнадцатый округ Парижа», одно и то же понимание отношений между Востоком и Западом. У них одни и те же друзья. Граф де Ростолан — ветеран «Запада» и хорошо знает активистов из интегрлистов и традиционалистов. Он связан со Всемирной антикоммунистической лигой. В ноябре 1983 года он встретился с мунистами на XVI конференции ВАКЛ в Люксембурге.

Они часто перезваниваются и видятся. Мишель де Ростолан входит в то счастливое меньшинство, которое генеральный секретарь КАУЗА-Европа принимает у себя в Сель-Сен-Клу, чтобы в узком кругу обсудить такие деликатные проекты, как помощь той или иной антимарксистской герилье или поддержка некоего симпатизирующего КАУЗА кандидата на кантональных выборах. «Шпион» Мишель Пикар вспоминает об одной обеде, состоявшемся 1 июня 1985 года, когда при общем хорошем настроении президент «Кружка возрождения» Мишель де Ростолан вспоминал о тех временах, когда он «крушил большевичков» с приятелями из крайне правых, перешедших теперь в ЮДФ или ОПР.

Пьер Сейрак и Мишель де Ростолан много работали вместе в 1984 году. В феврале президент «Кружка возрождения» и бывший министр Филипп Мало улетели в Уругвай на первый панамериканский съезд КАУЗА. По возвращении они принялись знакомить свое окружение с новыми друзьями. Оба, похоже,

нашли в Монтевидео собеседников, восхищенных речами, которые во Франции вряд ли бы сошли.

Мишель де Ростолан, к примеру, защищал в них «необходимость духовного возрождения» во Франции 1984 года, которая подходит к «точке невозврата к свободному рынку». Филипп Мало нарисовал апокалипсическую картину в области радио- и телевидения: «Как в странах народной демократии, (это) главный инструмент контроля над духовной жизнью... Современное положение телевидения выражается в следующем: один канал контролируется коммунистами (третий, самый важный, поскольку ретранслируется в двадцать один регион); другой канал, второй, находится под влиянием националистов социалистического толка; наконец, первый канал в руках глашатаев «третьего мира», то есть самых передовых социалистов марксистского, кастровского, нейтралистского и антиамериканского толка».

Представьте себе, какое впечатление произвела эта речь на американских генералов и политиков, сидящих в зале. Президент Национального центра независимых и крестьян наверняка бы не осмелился высказать такие истины перед микрофоном Ива Мурузи, Жана Клода Бурре, Кристин Окран или Бернара Раппа... * хорошо известных агентов международного коммунизма.

Пьер Сейрак быстро сообразил, что с такими союзниками Семья может надеяться на многое. Мишель де Ростолан и Филипп Мало в противовес некоторым руководителям Национального фронта, которые посещают КАУЗА, еще не занесены в списки крайне правых. Они заседают в руководстве НЦНК, небольшой партии нотаблей, с которыми «респектабельные» правые имеют дела без угрызений совести и тактических хитростей. А те не отказываются договариваться с крайне правыми, когда это может оказаться полезным. Идеальный мостик для проникновения в разные антикоммунистические круги.

В конце 1984 года КАУЗА провела первый опыт. Накануне президентских выборов в США в ноябре Пьер Сейрак намекнул Мишелю де Ростолану, что неплохо бы создать «французский комитет содействия переизбранию президента Рейгана», и предложил фи-

---

* Известные тележурналисты.— *Прим. ред.*

нансировать операцию. Идея оказалась соблазнительной.

Комитет разместился в помещении НЦНК в Париже по адресу улица Университе, 106. Мишель де Ростолан и Филипп Мало предлагают получить несколько нужных весомых подписей. Среди прочих они получают согласие Пьера Ба, депутата ОНР от Парижа, и Жана Максима Левека, вдохновителя нового ультралиберального движения. Сей эфемерный союз заявил о себе с помощью рекламы в «Монд» и «Фигаро».

Чтобы противостоять планам нового советского лидера, а заодно поставить правительство социалистов в затруднительное положение, КАУЗА и ее друзья из НЦНК взяли за образец «комитет Рейгана».

17 сентября 1985 года Филипп Мало представил в парижскую префектуру статус ассоциации под названием «Права человека-SOS», адрес которой указан все тот же — улица Университе, 106, в помещении НЦНК. Менее чем в две недели она получила сотни подписей, расклеила по всему Парижу плакаты и самоклеящиеся виньетки с напоминанием о смертях и ГУЛАГе, затопила столичную и провинциальную прессу редакционной рекламой и провела антигорбачевские манифестации, разрешенные министерством внутренних дел накануне приезда советского лидера. С помощью телевидения все узнают об организации «Права человека-SOS». Невиданный успех в стране, которая никогда раньше не знала подобного движения.

Если смотреть со стороны, не заподозришь, что хозяевами операции являются мунисты. На листовках и плакатах «Права человека-SOS» указаны телефон и адрес конторы, которую НЦНК предоставил в распоряжение комитета.

В списке подписавшихся, опубликованном в прессе или переданном журналистам, нет ни одного члена Церкви Единения. Только посвященные знают, что человек двадцать из них — в том числе Жак Сустель, Филипп Мало и Мишель де Ростолан — близки к КАУЗА. Имена Пьера Сейрака и Анри Бланшара, а также Мари Джейн Виранк, миссионера и одного из первых членов АЕВХ, имеются только в сводном списке тысячи подписей, который не будет предложен вниманию публики.

По этому пункту соглашение с двумя руководителями НЦНК было полностью соблюдено: КАУЗА

должна оставаться в тени, чтобы не спугнуть других. Парламентарии и деятели оппозиции вроде Жака Медсена, Пьера Ба (снова), Жана Мари Дайе (который частным образом поздравил мунистов с их работой), Патрика Деведжяна, Жильбера Гантье и Луи Повелса присоединились к организации «Права человека-SOS» без всяких опасений.

А такие актеры, как Юг Оффре, Энрико Масиас, Филипп Кле, Жан Амаду или Алис Дона, которые приняли участие в манифестации 1 октября в Трокадеро, не подозревали, что в ней для «создания толпы» участвовали парижские мунисты. Среди представленных организаций только КАУЗА не имеет права развернуть собственные знамена. Ну и что! Многие влиятельные друзья знают об этом и понимают, что без денег и мунистских активистов эта крупная антикоммунистическая манифестация никогда бы не состоялась.

Дирижабль против Горбачева!

Мишель Пикар возвратился из Квебека после каникул в конце сентября. В кабинетах КАУЗА царила лихорадочная деятельность. Он тут же узнал, что Семья передала часть своих средств в распоряжение ассоциации «Права человека-SOS». Пьер Сейрак к тому же хотел, чтобы комитет и после визита Михаила Горбачева во Францию продолжил свое существование для организации других кампаний. По случаю, к примеру, встречи в верхах в Женеве или шестой годовщины советской интервенции в Афганистане.

Нашего «шпиона» представили человеку, которому поручена координация акций «SOS» в теснейшем сотрудничестве с Мишелем де Ростоланом. Это Брюно Пельбуа, молодой человек, «шикарный добрый малый», который вот уже несколько месяцев посещает семинары КАУЗА. Он активист, католик, интегрис. В КАУЗА вступал, уже будучи членом небольшой группы «Харизматическое обновление», которая по четвергам вечером возносила хвалу господу у выхода из метро Сен-Мишель и на улицах Латинского квартала.

После короткого семинара, где его посвятили в «Божественные принципы», он продолжил занятия —

Семья ему доверяет. Его назначили «офицером связи» на фронте «войны идей»! КАУЗА предоставила ему кабинет с телефоном и секретарем на седьмом этаже здания в дополнение к апартаментам на третьем по адресу площадь Андре Мальро, 4. Он находится в постоянном контакте с Мишелем де Ростоланом и выполняет гигантский объем работы.

Конечно, в деньгах Брюно Пельбуа не нуждается. Он доверительно сообщил Мишелю Пикару, что только рекламная кампания в газетах обошлась КАУЗА примерно в 200 тысяч франков, из которых 92 тысячи франков было отдано за полную страницу в «Монд» и 110 тысяч франков за идентичную рекламу в «Фигаро». Чтобы избежать промашки — чек со счета «Фонда за всемирный мир» или с любого другого счета мунистов мог выдать источник денег — КАУЗА обратилась в «Монд» через агентство «Клод Фитусси Консей». Какой читатель в таких условиях мог бы догадаться, открыв газету от 14 сентября 1985 года на странице семь, что призыв «Горбачев в Париже: «Права человека-SOS!» оплачен Муном.

КАУЗА также взяла на себя печатание листовок и некоторых плакатов. «Юни», «Молодежь Национального фронта», МКСОС и прочие организации правых и крайне правых, присоединившиеся к кампании, отпечатали свой собственный материал. Но следовало организовать настоящие челночные рейсы между Мони и Парижем, чтобы обеспечить «Права человека-SOS» специальным пропагандистским материалом, отпечатанным в «Пресс де Норманди». У крохотной мунистской типографии давно не было такого количества работы. Два самых ярких плаката с надписями «Горбачев: в визе отказано» и «150 миллионов мертвых», а также большинство листовок, подписанных комитетом, прошли через руки нашего старого знакомого Жана Ледигере, бывшего бродяги, ставшего управляющим фирмы с ограниченной ответственностью, зависящей от Семьи. К концу ноября КАУЗА задолжала ему уже 80 тысяч франков. И вскоре долг возрос еще больше, ибо «SOS» собирается опубликовать брошюру о целях и действиях ассоциации, которая обойдется не менее чем в 200 тысяч франков. Не останавливаясь перед расходами, КАУЗА даже предусмотрела наем дирижабля «Гудьир», чтобы развернуть в небе Парижа антигорбачевские лозунги в день манифестации.

Брюно Пельбуа не только организатор. Он также и поставщик идей. Именно ему парижане обязаны десятками тысяч самоклеящихся рисунков, появившихся в метро, на фонарных столбах и в витринах магазинов: серп и молот, с которых стекает кровь, на фоне черепа с надписью различных лозунгов вроде: «Гулаг, нет, спасибо!» или «Гулагорбачев, нет, спасибо!» Он ими очень гордится.

Поскольку Пельбуа совершенно неизвестен в антикоммунистических кругах, молодой харизматик может вступать в некоторые контакты, которые запрещены Пьеру Сейраку или Жану Пьеру Габриелю. Он активно помогает Мишелю де Ростолану получить некоторые подписи и послания поддержки. Короче говоря, КАУЗА ведет кампанию, которая извне воспринимается как инициатива НЦНК и республиканских комитетов действия, объединяющих наиболее экстремистские клубы оппозиции.

Когда Филипп Мало 26 сентября представил «Права человека-SOS» прессе, Семья уже вложила в операцию 500 тысяч франков. Через месяц Мишель Пикар уже услышал от Брюно Пельбуа цифру в миллион франков.

Мун — это Америка!

Брюно Пельбуа подготовил для Анри Бланшара объемистое досье, в котором подвел итоги действия «Права человека-SOS» вплоть до отъезда Михаила Горбачева из Франции. Здесь собрано все: от акта о создании ассоциации, переданного в префектуру полиции, до последней листовки, отпечатанной в провинции, чтобы призвать к манифестациям в Страсбуре, Марселе или Анжере. Экс-президент АЕВХ — он сдал дела в 1984 году — все больше и больше занимается политической работой, не имея официального поста.

В досье лежат два важных документа: неопубликованный список всех подписавшихся под призывом, а также более короткий список видных лиц партий или ассоциаций, поддержавших манифестацию 1 октября в Трокадеро. Их внимательное чтение может вызвать шок: почти все те лица, что уже два года посещают международные конференции Движения и семинары КАУЗА-Европа. Доказательство того, что

кропотливая работа по проникновению, которую вели французские мунисты и их «спутники», не пропала втуне. Для своей первой политической акции широкого размаха КАУЗА смогла мобилизовать почти всех, кого соблазнили ее антикоммунистические речи.

Этап от теоретических рассуждений на семинарах до выхода на улицу для проведения манифестаций был преодолен быстро.

Из этих списков выясняется кое-что еще: КАУЗА, похоже, опирается на множество ассоциаций и клубов, которые процветают на границе между классическими правами и крайне правами.

Несколько примеров:

— «Кружок возрождения». Кроме Мишеля де Ростолана и другие его члены регулярно посещают мунистов: Жерар Оэкс, кандидат НЦНК на последних кантональных выборах в департаменте Вар, или Клод Бурийон, казначей «Кружка»;

— клуб «Куранты», где изредка появляется Жан Пьер Габриель;

— клуб «Будущее и свобода», два руководителя которого ездили в Токио на VII конференцию средств массовой информации;

— клуб «Справедливость и свобода» под председательством Жана Гиона, «близкого друга Шабана», как мне сказал Жан Пьер Габриель. Он присутствовал на открытии бюро КАУЗА. Его фотография находится на почетном месте в альбоме дружественных деятелей. Альбом может перелистать всякий посетитель, сидящий в большом салоне на площади Андре Мальро;

— ассоциация «Необходимая оборона», один из главных деятелей которой метр Анри Рене Гаро входит в узкий кружок привилегированных лиц, приглашаемых на обед Пьером Сейраком на его виллу Сель-Сен-Клу;

— и наконец, КРД, созданные в 1982 году после прихода к власти Союза левых сил и имеющие общенациональную инфраструктуру. Их президент Брюно Мегре и Мишель де Ростолан были сторонниками сближения некоторых из вышеназванных клубов с Национальным фронтом, чтобы представить общие списки под названием «Национальное объединение» на выборах в марте 1986 года.

Все эти клубы согласились нести стенды «Права человека-SOS» во время своих манифестаций. Стенды

разработаны мунистом Бернаром Митжавилем, парижским корреспондентом «Нью-Йорк трибюн».

Семья производит набор и в ассоциациях, которые слынут аполитичными. Так, барон де Кергаль привел в «Права человека-SOS» нескольких членов «Цинцинатти», в том числе и герцога де Кастр. Эти ассоциации являются благодатной почвой для мунистов. Они разделяют точку зрения КАУЗА в анализе коммунизма — «абсолютного зла» — и средств победить его в «бескомпромиссной борьбе».

Ассоциации оказались идеальными партнерами: достаточно хорошо связаны с правыми и крайне правыми партиями, чтобы ввести в них в нужных случаях руководителей КАУЗА; достаточно независимые от аппаратов крупных партий, чтобы выступать в манифестациях рядом с мунистами, не компрометируя руководителей национального или либерального истэблишмента.

Ален де Бенуа, большая шишка среди французских «новых правых» — не путать с американскими «новыми правыми», поскольку первые считают себя европейцами, светскими антилибералами и антиамериканцами, — весьма цинично анализирует сие узаконение Движения Единения галльских правых: «Прежде всего их сближает талмудический антикоммунизм Муна. Затем желание прослыть респектабельными, к чему стремятся и их собеседники-мунисты. Для этих правых контакт с Муном — это контакт с американскими «новыми правыми», с могущественным лобби, с богатейшими «мозговыми трестами». Например, с «Херитедж Фаундейшн». Они могут надеяться в будущем на финансовую поддержку этих групп. Дело о тайных фондах, переданных ЮНИ некоей американской ассоциацией, только утверждает их в этой мысли».

Подведем итоги. У КАУЗА больше шансов на успех среди «малых», чем среди «больших». Список лиц, подписавших воззвание «Права человека-SOS», радует Алена де Бенуа. Из руководителей партии кроме управляющих клубами и ассоциациями, в них фигурируют только Филипп Мало из НЦКН и Жан Тома Нордманн, вице-президент партии радикалов. Валуазское течение, напомним, является предметом особых забот со стороны Жана Пьера Габриеля.

Но не стоит делать поспешных заключений, что КАУЗА вечно будет вербовать сторонников среди тех,

кто находится на периферии оппозиции. Ведь Национальный фронт был только группкой, когда мунисты начали сближение с ним... И у Семьи достаточно друзей в ОПР, чтобы уговорить Жака Тубона принять Пак Бо Хи...

Контрреволюционеры

Их не могли не заметить. Группа афганских эмигрантов присутствовала на манифестации 1 октября в Трокадеро под знаменами «Прав человека» и привлекла внимание фотографов и телеоператоров. Их туго завязанные чалмы, тяжелый взгляд, аскетические лица прекрасно выглядят на крупных планах. Через несколько недель в Женеве они опять оказались в первых рядах протестующих.

В окружающей их толпе есть и другие эмигранты — из стран Восточной Европы и третьего мира: русские, поляки, венгры, болгары, вьетнамцы и камбоджийцы. Они ответили на призыв МКСОС — Международной конференции сопротивления оккупированных стран, которая с 1983 года объединяет правые и крайне правые антисоветские организации: афганских интегрисов, русских, албанских и румынских монархистов, польских, хорватских, вьетнамских и лаосских националистов, никарагуанских контраст и партизан ФЛЕК Кабинды, сторонников иранской монархии и прочих. Считающиеся левыми движения типа «Солидарность», «Организация муджахидов иранского народа» или Фронты освобождения Тигра и Эритреи в их число не входят.

МКСОС — идея Пьера де Вильмареста. Замысел прост: создать международную структуру, которая позволит антикоммунистическим движениям обмениваться информацией, опытом, контактами, а в один прекрасный день, возможно, тыловым обеспечением и оружием. Он признает, что вначале, по его мысли, МКСОС должна была заменить Всемирную антикоммунистическую лигу, которая от конгресса к конгрессу показывала свою полную несостоятельность в организации антисоветских вылазок. И соглашается, что три года спустя под влиянием генерала Синглауба лига сумела встать на ноги и начать помощь никарагуанским контраст. Но сожалеет, что новые американские хозяева ВАКЛ больше занимаются своим «зад-

ним двором», чем далекими сражениями в Африке, Европе или Азии.

КАУЗА-Европа тесно сотрудничает с МКСОС.

Пьер де Вильмарест, как мы уже знаем, следит за деятельностью мунистской организации с самого ее начала. Во время путешествия в Юго-Восточную Азию в апреле 1984 года он несколько раз беседовал с полковником Пак Бо Хи по проблемам, возникающим в связи с разрозненностью антикоммунистических партизанских движений. В то время оба много работали с Адольфо Кальеро, гражданским президентом НДС, основного вооруженного движения контраст. В декабре того же года Адольфо Кальеро официально допущен в МКСОС в качестве представителя Никарагуа, а Конференция в принципе соглашается на постоянное сотрудничество с ВАКЛ-Америка.

Хади Гхани Ахмадзаи, афганский представитель в бюро этой организации — он заседает в нем от имени партизан Логара и южного Кабула, — встретился с мунистами во время операции «Права человека-SOS». Он был приглашен на международный семинар КАУЗА в июне 1985 года в «Монпарнас Парк Отель».

Связь политиков французской Семьи и МКСОС осуществляется двумя иностранными руководителями Конференции: из Ирана и Кабинды, Хушанг Нахаванди, бывший ректор Тегеранского университета и бывший шахский министр образования, руководит одной из многочисленных ветвей оппозиции Хомейни — «Движением за свободу и прогресс». Он одна из опор КАУЗА-Европа, присутствует на семинарах и сам читает лекции в квартире на площади Мальро, 4, для небольших групп симпатизирующих.

Хушанг Нахаванди охотно соглашается на проведение некоторых операций по установлению внешних связей, которые разрабатывает Жан Пьер Габриель. Так, сопровождая последнего осенью 1985 года, он выступает перед представителями валуазской партии радикалов. Через несколько месяцев Нахаванди представляет КАУЗА вместе с Жаком Сустелем в тайном комитете «Никарагуа-SOS», объединяющем во Франции силы, которые поддерживают антисандинистскую партизанскую войну: Национальный фронт (Оливье д'Ормессон), Всемирную антикоммунистическую лигу (Мишель де Сен-Пьер, Сюзанна Лабен и Вирджил Георгиу), а также журналистов вроде Жака Медсена

или Пьера Шоню. Напомним, что ВАКЛ-США решил использовать услуги французского капитула в операциях военной помощи контрас.

С партизанами Кабинды

Если иранский университетский деятель только близок к КАУЗА, то Франшиску Лубота ей друг и входит в ближайшее окружение Жана Пьера Габриеля. Мишель Пикар не раз встречался с ним у Пьера Сейрака и на семинарах. Он симпатизирует главнокомандующему Фронта освобождения Кабинды, небольшой африканской территории между Конго и Заиром, которую португальские колонизаторы присоединили к Анголе. ФЛЕК уже десять лет, с момента независимости Анголы, борется с кубинцами и анголезцами, которые контролируют нефтяное мини-государство.

Вспоминает Жан Пьер Габриель, тогда он был журналистом в «Нувель эспуар»: «Мы познакомились с Луботой в 1979 году во время его первых посещений Европы. Он искал поддержки. Мы представили его журналистам, политическим деятелям...» С тех пор дружба между ними укрепилась. После контрас ФЛЕК является следующим антимарксистским партизанским движением, которое пользуется наибольшей поддержкой Семьи.

Ален Сандер, журналист интегристской газеты «Презан», поддерживающей Национальный фронт, убедился в этом в конце 1984 года: «КАУЗА, собрания которой я посещал, пригласила меня ознакомиться с партизанской войной ФЛЕК в Кабинде. Мне оплатили путешествие. Я убедился, что КАУЗА поставляла партизанам медикаменты и оборудование. Не могу сказать какое, поскольку видел только ящики».

Хуан Вивес — кубинский эмигрант-антикастровец, пишущий в газете «Меридиональ» под псевдонимом Андрес Альфайа — утверждает, что масштабы этой поддержки куда шире. После долгого общения с французскими и американскими мунистами он порвал с ними в связи с некоторыми «шокирующими» открытиями: «Мунисты набирают наемников для Африки и Центральной Америки...» Положим этот документ в досье с оговорками, поскольку Хуан Вивес не пользуется в антикоммунистических кругах хорошей репутацией.

Однако сравним его слова с другой информацией, непроверенной, но возможной, она из коридоров префектуры полиции: Оливье Дане, крайне правый и бывший наемник из группы Боба Денара, состоит в прекрасных отношениях с руководителями КАУЗА.

По поводу связей между кабиндским партизаном и его французскими друзьями можно рассказать следующую историю: после тяжелой автомобильной аварии Франсишку Луботе пришлось продлить свое пребывание во Франции в течение 1985 года. По выходе из больницы его буквально стали рвать на части. Пьер Сейрак частенько принимает его у себя, а сам Франсишку — его зовут по имени — не пропускает ни одного семинара. В мае для продолжения лечения он уезжает из Парижа и несколько дней живет в комфортабельном поместье в Шапель д'Анжийон под Жьеном (Берри), где общается со своим сторонником графом Жаном д'Оньи, руководителем Национального фронта в департаменте Шер.

Граф, чьи занятия фермера-джентльмена оставляют ему большой досуг, является сооснователем ассоциации «Африк-Асистанс», которая, если верить «Републик дю сантр», «поставляет продукты питания, медикаменты, оборудование и оснастку в африканские страны, оккупированные кубинцами и советниками из Советского Союза или Варшавского пакта».

Короче говоря, Лубота пользуется в настоящее время поддержкой многих организаций: КАУЗА, Национального фронта и МКСОС.

Какой помощи требует лидер ФЛЕК от своих французских друзей? Поставки медикаментов и различного оборудования? Несомненно. Что еще? Дадим слово ему. На вопрос «Насьональ эбдо» в июле 1985 года он ответил: «У нас в строю 2 тысячи партизан. Это вооруженные силы Кабинды...»

Вопрос «Насьональ эбдо»: «Как вооруженные силы?»

Франсишку Лубота: «Кое-какое оружие поступает из дружественных стран. Увы, его очень мало. В основном мы его добываем в бою. И поэтому призываем наших друзей во всем мире, а в особенности французов, помочь нам всеми возможными средствами, чтобы освободить Кабинду...»

Крайне сдержанная в своих высказываниях по поводу помощи Луботе, Семья все же признается,

что осуществляет ее в полном объеме. «Еще на великом митинге в Сеуле в 1975 году,— сказал мне Пьер Сейрак,— были представители всех угнетенных наций. Наша основная идея такова: коммунизм является международным движением. С ним нельзя бороться только национальными силами. Надо организовать широкое международное движение. Это и есть великая идея Мун Сан Мена, вдохновляющая его вот уже сорок лет!»

Окружить Советский Союз

Такая концепция должна была логически сблизить КАУЗА-Европа с «Интернационалом сопротивления», куда входят множество интеллектуалов, политиков и антикоммунистических организаций от ВАКЛ до бывших членов ФКП, в том числе и такие мыслители, как Жан Франсуа Ревель, Андре Глюксманн и Бернар Анри Леви.

КАУЗА-Интернасьональ и «Вашингтон таймс» распахивают двери своих семинаров и предоставляют газетные колонки американским членам «Интернационала сопротивления». Джек Уилер, к примеру, известный репортер-забияка, который вот уже несколько лет колесит то по Афганистану, то по Центральной Америке, опубликовал в газете Пак Бо Хи несколько репортажей об антимарксистских партизанских движениях, официально поддерживаемых Вашингтоном. Писательница Мидж Дектер, пасионария американского консервативного движения, приятельница Рональда Рейгана, является почетным членом «Интернационала сопротивления» и подписала в мае 1985 года призыв «Никарагуэн Фридом Фанд», подготовленный Пак Бо Хи и Арно де Боршгравом.

В то же время «Интернационал сопротивления» напечатал в американской прессе торжественное обращение к президенту и конгрессу США с просьбой разморозить официальную помощь контрас.

С 1983 года Пьер Сейрак в Париже вплотную работает с Владимиром Максимовым, исполнительным президентом «Интернационала сопротивления». Русский писатель, как говорят в его окружении, вернулся разочарованным с конференции средств массовой информации в Картахене, где встречался с Мун Сан

Меном. Главное, считают мунисты, что он приехал. Вслед за Жаном Франсуа Ревелем, еще одним членом «Интернационала сопротивления», который не решился на повторение опыта. Но между двумя руководителями достаточно крепкие связи, чтобы они рассмотрели возможность сотрудничества.

5 декабря 1984 года в салонах отеля «Скриб» в Париже «Интернационал сопротивления» организовал коллоквиум по «дезинформации в современном мире», на котором присутствовали двадцать специалистов. Главные докладчики — столпы КАУЗА: Арно де Боршграв, кубинец Хуан Вивес и гондурасец Амилькар Сантамария, малоизвестный в качестве эксперта средств массовой информации, но являющийся видным деятелем в мунистской организации в Центральной Америке. Сотрудничество продолжалось весь год, несмотря на явную сдержанность внутри «Интернационала сопротивления».

Мунисты, которые проявляют особое внимание к эмигрантам из Восточной Европы — русские, эстонцы и румыны преобладают на семинарах, — очень заинтересовались одной молодой советской диссиденткой, чья ярая убежденность и исключительная активность привели ее на ключевой пост координатора «Интернационала сопротивления».

Рената Лесник до 1981 года работала на московском радио, ведя передачи на Венгрию. Уехав на Запад после фиктивного брака... с бразильским коммунистом, она обосновалась во Франции и опубликовала книгу «Говорит Москва», где рассказала о своем опыте работы в службе советской пропаганды. В свои тридцать восемь лет она с неукротимой энергией ведет борьбу за приезд во Францию ее матери и брата, оставшихся в Советском Союзе. Для этого она создала небольшой комитет поддержки, которому материально помогает «Интернационал сопротивления», а также КАУЗА, чьи семинары она посещает и где находит новых лиц, готовых оказать ей помощь.

В досье Брюно Пельбуа, подготовленном для Анри Бланшара, Рената Лесник занимает особое место. Надо сказать, что она была одной из героинь организации «Права человека-SOS» во время антигорбачевской кампании. До приезда советского лидера она проводила манифестации перед советским консульством в майке с надписью: «Горбачев, верните

мне мать и брата!» Во время визита она замешалась в ряды коммунистов, принимавших Генерального секретаря КПСС в доме Ленина, и, удивив всех, обратилась прямо к нему. Ее выступление не понравилось. Силы порядка оттолкнули ее, и она оказалась на полу. Пресса очень широко комментировала этот инцидент.

Шестой номер журнала «КАУЗА» посвятил ей как координатору «Интернационала сопротивления» свою передовицу. Совпадение ли то, что на первой странице того же номера напечатан рисованный портрет еще одной активистки, хорошо известной в эмигрантских кругах и сотрудничающей одновременно в «Интернационале сопротивления» и в КАУЗА: Хильи Монклин.

В «Интернационале» она представляет эстонскую общину. Но Мишель Пикар, который сталкивался с ней на многих «закрытых» собраниях в квартире на площади Андре Мальро, знает также, что Хилья Монклин играет главную роль в проникновении КАУЗА в Европарламент. Она руководит «Союзом за европейскую солидарность», в который входят эстонцы, эмигрировавшие в страны «Общего рынка». Существенная избирательная сила, особенно в ФРГ. Во всяком случае достаточная, чтобы открыть двери Страсбура перед несколькими немецкими парламентариями. Кроме того, к ее словам прислушивается почетный член «Интернационала сопротивления» Симона Вейль, которая консультируется с ней в комиссии по правам человека Европейского парламента. Пользуясь своими связями, Хилье Монклин удалось привлечь внимание европейской ассамблеи к борьбе Ренаты Лесник. В июле 1985 года Европейский парламент принимает срочную резолюцию с требованием, чтобы «правительство Советского Союза разрешило и облегчило воссоединение семьи Лесник в стране по ее выбору».

Широкая публика вряд ли обратила внимание на это решение, но КАУЗА была довольна тем, что европейская парламентская машина готова вписаться в систему окружения Советского Союза.

Не уступать по вопросу «звездных войн»

Выиграть войну идей у Советского Союза, предложить Западу альтернативную идеологию, способную преуспеть там, где потерпели неудачу светская демо-

кратия и христианство. Дать ответы на все вопросы, поднятые марксизмом. Разрушить смысл существования коммунизма, возвратив бога в сердце человека. Движение Единения клянется, что у КАУЗА иных целей нет.

Эта клятва, как мы видели, ежедневно нарушается повседневной деятельностью мунистов. Обеспечивая особую поддержку партиям и движениям, заявляющим о своем яром антикоммунизме, объединяя и вдохновляя крупные формирования правых демократов, сближая и руководя кругами антикоммунистических эмигрантов, обычно враждующих друг с другом, финансируя антимарксистские партизанские движения и организуя солидарность между их руководителями на разных континентах, Семья на самом деле разрабатывает глобальную стратегию борьбы с Советским Союзом, начиная от нового раздувания «холодной войны» до вооруженных выступлений там, где это возможно.

Японские мунисты из «Победы над коммунизмом» в полном согласии с американским генералом Синглаубом заставили ВАКЛ однозначно заявить об этой новой ориентации во время конференции в Токио в декабре 1982 года. Осами Кубоки председательствовал на конгрессе и отвечал за редакцию заключительного коммюнике, в котором указаны основные направления деятельности. Оно стыдливо названо «Глобальная стратегия ради предохранения свободы человека».

Первая цель — заставить американское правительство признать необходимость такого демарша с целью исключить в будущем возврат к политике разрядки. Вторая — принудить его к «поддержке борьбы за национальное освобождение угнетенных наций, за независимость в свободном мире». Документ требует резкого увеличения американской военной помощи афганцам и антикоммунистическим движениям и правительствам Центральной Америки и Африки. И наконец, экономическая война. «Западные демократии должны прекратить любую форму помощи Советскому Союзу». Коммюнике напоминает об эпохе бойкота транссибирского газопровода. Любая инициатива политиков Семьи с 1980 года отвечает этой стратегии.

«Права человека-SOS» является последней иллюстрацией этого слаженного действия, которое во

всем соответствует крестовому походу американских ультраконсервативных правых.

Приход Михаила Горбачева в Кремль, его желание восстановить диалог с Западом, каковы бы ни были его конечные цели, сильно беспокоят мунистов и американских сторонников мира «с позиции силы». Они не скрывают своих опасений.

В момент, когда Рональд Рейган прилетает в Женеву в ноябре 1985 года для встречи с Генеральным секретарем ЦК КПСС, «Нью-Йорк таймс» публикует «секретное» послание американскому президенту от его министра обороны Каспара Уайнбергера, где указывается на опасность малейших уступок СССР. Это не утечка информации, а торжественное предупреждение. «Идеологи» Белого дома публично отмежевываются от встречи, которую, напротив, поддерживают «реалисты», сгруппировавшиеся вокруг Джорджа Шульца и Джорджа Буша.

В то же самое время и в Женеве, и в большинстве европейских столиц по призыву афганских, русских, эстонских, вьетнамских и камбоджийских организаций проводятся манифестации против встречи в верхах: голодовки, пресс-конференции и шествия. КАУЗА и МКСОС в первых рядах: Ив Ньедеггер; представитель Пьера Сейрака в Швейцарии, Пьер де Вильмаре организуют в швейцарской столице пресс-конференцию, где выступают камбоджийский лидер Сон Сан и афганский командир Моджааддиди.

КАРП, университетская ветвь Движения Единения, выходит на улицу накануне приезда американского президента и наводняет Женеву специальным номером своей газеты «Нувель перспектив», который посвящен «коммунистической экспансии на Западе». Все это части одного согласованного плана. Движение Единения всем своим весом пыталось воздействовать на встречу Рейгана и Горбачева.

«Наши опасения те же, что и у Каспара Уайнбергера,— сказал мне тогда Жан Пьер Габриель.— Доказательство? За несколько дней до отъезда в Швейцарию Рональд Рейган принял Арно де Боршграва. Он хотел посоветоваться с ним, как держать себя с Советами. Ответ был ясным: «Ни дюйма не уступать по СОИ!»

Президент совету последовал.

25. МУН — ПЛЕННИК АМЕРИКИ

Обоснованность глобальных амбиций Движения Единения становится понятной, если взглянуть на карту мира: в той или иной форме мунисты обосновались более чем в ста странах. Кроме колоссальных успехов в Латинской Америке, в США и в Европе за последние годы есть и менее заметные достижения. И обеды с хозяевами Белого дома не должны заслонять от нас того политического сообщничества, которое мунисты наладили за последние тридцать лет в десятках менее заметных столиц. Впрочем, и заводы в Корее, Японии или США не должны служить ширмой для множества коммерческих или ремесленных предприятий, которые приносят деньги Семье в разных уголках света.

Приемыш японских правых

Влияние Движения Единения в Японии поражает. С начала семидесятых годов «Победа над коммунизмом» стала официальным партнером японских правых. В университетских городках, среди преподавателей, в лицеях она противостоит прежде всего левым профсоюзам и активистам компартии.

Во время крупных избирательных кампаний, в частности на муниципальных выборах в Токио, когда могли победить кандидаты левых, Движение Единения предоставило в распоряжение либерально-демократической партии, крупнейшей консервативной партии послевоенного периода, своих расклейщиков плакатов и финансы. В 1978 году на запрос депутата-коммуниста в парламенте о его связях с Церковью Единения премьер-министр Такео Фукуда ответил: «Преподобный отец Мун — замечательный человек, и его философия сходна с моей, в частности в вопросах сотрудничества и единения». На требование решительно порвать с «Победой над коммунизмом» он возразил, что известные ему сведения об этой организации не дают повода для разрыва с ней.

Во имя антикоммунизма японская Семья не гнушается входить и в более компрометирующие альянсы. Так, официальные документы Всемирной анти-

коммунистической лиги (ВАКЛ) признают Риоси Сасагава, крупного деятеля крайне правых и крестного отца одного из кланов японской мафии, в качестве члена японского капитула ВАКЛ, которым руководит Осами Кубоки, президент японской Церкви и «Победы над коммунизмом».

Риоси Сасагава, однако, не похож на нового человека, освобожденного от влияния Сатаны, который должен родиться в мунистском крестовом походе. Осужденный в конце второй мировой войны за военные преступления, привлеченный позже к судебной ответственности за незаконную экономическую деятельность, замешанный в скандале «Локхид», он является воплощением всех пороков японской империи, союзника нацистской Германии. Неважно. Его дела, законные или незаконные, процветают, и он может вербовать среди уголовников подручных, необходимых на период предвыборных кампаний. Риоси Сасагава пользуется тайной поддержкой ультраправых либерально-демократической партии, находившейся у власти с 1954 по 1974 год без перерыва.

Японский консервативный истеблишмент и сегодня продолжает демонстрировать свое уважение Движению Единения. В Токио мунистские руководители пользуются особым почетом: премьер-министр Ясухиро Накасоне официально принимает полковника Пак Бо Хи и сопровождающих его журналистов, которые приехали в Японию в апреле 1984 года в рамках «исследовательского вояжа» по Азии. Через семь месяцев он направляет приветствие семистам участникам VII всемирной конференции средств массовой информации, собравшимся в японской столице, и сожалеет, что не может принять участия в ее работе.

Либерально-демократическая партия послала на конференцию нескольких своих видных представителей, в том числе Нобусуке Киси, бывшего премьер-министра, бывшего генерального секретаря партии, друга Сасагавы и теоретика экономического ультралиберализма. Он согласился сопредседательствовать на конференции вместе с Жаком Сустелем и бывшим американским послом в Японии Дугласом Макартуром, племянником известного генерала. Нобусуке Киси, господин весьма преклонного возраста, которому Церковь Единения многим обязана, увы, не похож на идеального человека будущего. Однако он

известен активностью за кулисами власти. В зале конференции и другие представители партии: один недавно был министром обороны, второй — президентом комиссии по иностранным делам. Не стоит перечислять директоров газет и радио, консультантов транснациональных компаний...

Нет никаких сомнений — генерал Синглауб уже говорил нам об этом — Семья принята японскими правыми.

Это старая цель Мун Сан Мена. Еще в 1974 году он говорил своему близкому окружению: «Если мы сможем манипулировать по крайней мере семью нациями, мы сможем контролировать весь мир... В лагере Бога Корея, Япония, Америка, Англия, Франция, Германия и Италия, именно те нации, на которые я рассчитываю в завоевании мира».

Лицом к лицу с «якобы освободителями» Африки

Поражает внимание, оказываемое с некоторых пор «Новым Мессией» Африке — континенту, который он в свое время не считал «решающим». Но объяснить его можно: деколонизация бывших владений Португалии — Анголы и Мозамбика, кризис в Родезии и последовательное окружение Южной Африки революционными режимами заставляют Америку открыть новый фронт. Мун Сан Мен, если он не хочет потерять уважения союзников, не может пройти мимо.

Сегодня Церковь ведет активную деятельность в Гамбии, в Кот-д'Ивуаре, в Гане, Нигерии, Кении и Зимбабве. Она открыла свою контору в Йоганнесбурге и миссию в Соуэто.

В южноафриканском вопросе она умело помогает правительству Претории. На месте, в Африке, она на словах осуждает апартеид, но с еще большей яростью сражается с «якобы освободителями», марксистскими лидерами Африканского национального конгресса, и поддерживает черных руководителей, в основном зулусов, которые стоят за политику раздельного развития в бантустанах.

В США, где решается будущее белого режима, Движение обрабатывает общественное мнение в том

же направлении. Через несколько дней после своего появления в 1982 году «Вашингтон таймс» защищал в передовице позицию, близкую к позиции Церкви: «Мы полностью против апартеида в Южной Африке. Однако нам кажется, что демократические институты, существующие в этой стране, несмотря на расистские ограничения, открывают все же большие возможности для построения истинно свободного государства, чего не произойдет при насильственном свержении этих институтов. Когда мы думаем о Южной Африке, мы учитываем как геополитический аспект проблемы и уникальные природные ресурсы, так и апартеид...»

Почти те же идеи пытался протащить в конце семидесятых годов журнал АЕВХ «Африк эспуар», распространяемый в Камеруне, Центральной Африке, Гамбии, Сенегале, Сьерра-Леоне и Заире. Журнал также был одним из первых, наряду с еще одним вашингтонским изданием Семьи «Райзинг тайд», опубликовавшим длинные репортажи о партизанской войне ФЛЕК и о ее лидере Франсишку Луботе.

Эта кропотливая политическая работа опирается во многих странах на внешне безупречную миссионерскую и гуманитарную деятельность. Под дланью Реми Бланшара, брата президента АЕВХ, десятки европейских и французских «братьев» и «сестер» не щадя живота своего уже долгие годы работают во «Всемирной федерации помощи и дружбы». Эта ветвь ИРФФ, организации, которая доставляет мунистскую помощь в лагеря контраст в Гондурасе, строит сельские больницы в Замбии, развивает сельскохозяйственные проекты в Заире и Кот-д'Ивуаре и руководит центрами реабилитации инвалидов в Сенегале. Более скрытно и в сотрудничестве с КАУЗА она поставляет медикаменты и медицинский персонал партизанам ФЛЕК и УНИТА.

Некоторые мунистские общины в Африке выросли быстрее, чем материнские Церкви во Франции или в других странах Европы. В Заире и Кот-д'Ивуаре в них уже сотни последователей.

Как и везде в мире, в Африке Церковь постоянно стремится проникнуть в круги интеллигенции. Всемирная конференция средств массовой информации собирает здесь меньше членов, чем в развитых странах, поскольку африканская пресса, находящаяся еще в

зачаточном состоянии, не оказывает решающего влияния на общественное мнение. Напротив, особое внимание обращается на университетские круги. «Ассоциация преподавателей за всемирный мир» под руководством Мортон Каплана, американского исследователя, члена издательского совета «Вашингтон таймс», объединяет несколько десятков крупных деятелей англоязычной Африки, Магриба... Конференции за «единство науки», организованные «Фондом за международную культуру» преподобного отца Квака — второго «я» Пак Бо Хи — ежегодно собирают представителей двадцати африканских стран.

На этих разнообразных форумах большая часть интеллигенции континента поддерживает постоянный контакт с научной, философской и политической элитой американских и всемирных правых. Возвращаясь на родину после незабываемых поездок, эти люди стремятся доказать, что они достойны дружбы своих наставников. И это ощущают на себе местные политики.

Такова политика Мун Сан Мена.

Присутствуя везде, где решаются судьбы мира, мунисты не могли обойти вниманием и Ближний Восток.

Скажем только, что с семидесятых годов Реми Бланшар и сопровождавшие его французские «братья» побывали по указанию «Отца» в Ливане. Были завязаны нужные связи с христианами. В Израиле и Египте через КАУЗА-США и американских деятелей Движению удалось обзавестись союзниками в прессе и в университете. Крупная ежедневная газета Израиля «Едиот ахронот» и египетское агентство «Миддл Ист Ньюс» с 1982 года регулярно участвуют в конференциях средств массовой информации.

«Стратегия паука»

Можно было бы без усталости перечислять мировые столицы и констатировать, что от Индонезии до Австрии, от Гонконга до Йемена, от Таиланда до Ямайки Движение Единения с большим или меньшим успехом продолжает двигать вперед свои пешки.

Однако его влияние в мире не везде одинаково. За исключением нескольких бастионов — США, Гондурас, Сальвадор, Уругвай, Франция, ФРГ, Корея и Япония, в других странах оно испытывает большие

трудности при проникновении в политический или военный истеблишмент. ФРГ стоит немного в стороне: здесь, несмотря на безусловный экономический успех, куда более явный, чем во Франции, Семья наталкивается на стойкое недоверие правых христианских и социал-демократов, которые находятся под влиянием антисектантского движения.

В Южной Европе, несмотря на некоторые временные успехи, у него нет иных партнеров, кроме крайне правых антикоммунистов. В Испании, к примеру, оно водит дружбу только с некоторыми франкистами, вроде бывшего посла герцога Эмилио Баладиеса, членами партии Народный альянс и местными кружками Всемирной антикоммунистической лиги. Хосе Мария Чавес смог завлечь бывшего премьер-министра Адольфо Суареса на конференцию АЛАЕ в 1984 году, но проницательный лидер испанской оппозиции больше в компании мунистов не показывался.

В Испании, Италии, Греции КАУЗА держит официальные представительства, но господствующие в этих странах антифашистские настроения тормозят развитие организации, дискредитировавшей себя связями с диктатурами Латинской Америки и Азии.

В Великобритании, где она проиграла в марте 1981 года сенсационный процесс против «Дейли мейл», обвиненной ею в клевете, Церкви так и не удалось добиться признания традиционных консервативных кругов. Верх несправедливости — именно депутат из партии Маргарет Тэтчер занимался подготовкой антисектантского доклада, принятого в 1984 году Европейским парламентом, несмотря на яростное противодействие лоббистов — посла Чавеса, Жака Сустеля и графа Отто Габсбурга в кулуарах страсбургской ассамблеи.

В мусульманском мире, несмотря на весьма активную «дипломатию» некоторых арабских университетских деятелей, друзей Семьи, большинство из которых живет в США, политическая аудитория Муна невелика.

Однако, веря в свою звезду, «Отец» продолжает ткать паутину. «Мун, или Стратегия паука» — с таким злобным заголовком вышел журнал французских «новых правых» «Элеман» летом 1985 года. Сравнение соблазнительно, но в нем не нашла отражения основная черта действий «Нового Мессии»: Мун Сан Мен спешит, а пауку спешить некуда.

Вся сила в союзниках

Увидит ли Мун Сан Мен царство божье на земле до своей кончины? Вписано ли уже в анналы истории восхождение Семьи на вершины власти? Хватит ли для завоевания мира 500 миллионов долларов в год и сотен тысяч «монахов-солдат»?

Мы никуда не продвинемся, если сказать «нет».

Приведенные выше факты вас убедили: Мун Сан Мен черпает силы лишь в своих союзниках, в поддержке со стороны антикоммунистических кругов. Мун Сан Мен могуществен лишь потому, что нужен, а не потому, что побеждает его теология.

Слабость рядов Церкви Единения подтверждает это. Политическое могущество «Нового Мессии» и его главных помощников несравнимо с количеством его последователей. Назовем цифры, с которыми согласны руководители Семьи: в Японии 50 тысяч «верующих на полной занятости» на 500 тысяч «пассивных» верующих; в Корее «под влиянием веры» 300 тысяч лиц, из которых не более 10 процентов «работают на Церковь»; в США весь комплекс политических, экономических и религиозных задач лежит на плечах 8 или 10 тысяч миссионеров! Религиозное влияние Семьи не слишком выходит за эти пределы во Франции: двести «полностью занятых» на тысячу «симпатизирующих»...

Мун полезен, поскольку был первым, кто без ограничений и ложного стыда поставил идею Бога на службу активному антикоммунизму. Вопрос, который терзает полковника Пак Бо Хи на всех конференциях, очень опасен: «Бог или не Бог?» Если Бога нет, добавляет он, тогда коммунизм может быть правым. Если устранить Бога, то коммунизм может дать удовлетворительное объяснение жизни. Но если Бог существует, то сомнений нет: коммунизм лжет. Ибо коммунизм основан на отрицании Бога. Две противоречивые веры не могут быть одинаково истинными... Бог или не Бог, одно из положений лживо». Простая, согласованная, объединяющая — все верующие могут согласиться с этой риторикой — мунистская пропаганда разоблачает сближение, которое со времени завоевания независимости происходит между марксистами и христианскими и мусульманскими прогрессистами в третьем мире.

Альянс между церквями и социальной революцией противоестествен: Мун Сан Мен давно во всеуслышание заявляет то, о чем консерваторы католической церкви думают все чаще со времени избрания папой Иоанна Павла II.

Символична эволюция отношений между Движением Единения и Ватиканом. Одно время можно было думать, что Мун Сан Мен найдет в католической иерархии самых ярых противников. Епископаты Центральной Америки (особенно в Гондурасе и Панаме) безоговорочно осудили политическую и религиозную деятельность секты в их странах. На следующий день после присуждения «Новому Мессии» и Пак Бо Хи докторской степени гонорис кауза католическим университетом Ла Платы Рим выразил (негласно) по этому поводу свое сожаление. Не высказываясь о человеческих качествах лиц, получивших отличие, Святой престол заявил, что ректор Ла Платы не выполнил приказа властей епархии об отсрочке церемонии... Но Мун Сан Мен не стал отчаиваться. Кампания, начатая в 1985 году Иоанном Павлом II против проводников «теологии освобождения», только укрепила его в мысли навести мосты между Движением и Ватиканом.

Его упорство было вознаграждено: 6 декабря 1985 года папа официально принял у себя участников конференции АЛАЕ, собравшихся в Риме под руководством Хосе Мариа Чавеса, Пак Бо Хи и Антонио Бетанкура. В состав делегации входили многие бывшие главы государств и правительств Латинской Америки. Жан Пьер Габриель, пресс-атташе конференции, даже сумел сфотографироваться с Его Святейшеством.

Полезность Мун Сан Мена и в том, что он предоставляет для антикоммунистической борьбы неутомимых и хорошо подготовленных активистов. Том Уорд, Билл Лей, Дан Фэфферман, Нил Салонен и большинство политических лидеров Движения окончили мунистский университет Барритаун под Нью-Йорком, где они освоили дело в совершенстве. Затем Семья предоставила им стипендию для получения звания доктора теологии в крупном протестантском университете.

Их работоспособность, выносливость и умение до минимума сократить сон стали легендарными в антикоммунистических кругах. Жан Пьер Габриель

рассказал мне, как члены Церкви, участвующие в крупных конференциях, организуют свое время: «Обычно мы работаем до часу ночи и встаем в пять утра. И все же находим время для молитвы. В самые важные моменты мы соблюдаем традицию молитвенной цепочки: по очереди, пока другие спят, один из нас бодрствует и молится».

Полезен — некоторые считают незаменим — Мун и потому, что ни один другой западный миллиардер, ни одна транснациональная компания не желает вкладывать ежегодно сотни миллионов долларов только в антикоммунистическую борьбу. Барон де Кергаль выражает чувства союзников «Нового Мессии»: «Если бы вместо того, чтобы тратить целые состояния на себя и на своих близких, господин Рокфеллер раскошелся на нашу борьбу... Я сказал бы: спасибо, господин Рокфеллер! Если бы папа сделал то же, я сказал бы: спасибо, папа! Сегодня я говорю: спасибо, господин Мун!»

Опасный серфинг на волне Рейгана

Сила и слабость мунистской организации полностью отражены в этом выражении. Настоящие лидеры антикоммунизма всегда будут носить имена Нельсона Банкера Ханта, Дюпона де Немура, Меллона-Скейфа, Рокфеллера, «Стандарт Ойл» или «ИТТ». И католическая иерархия может еще эффективно противостоять распространению революционных идей.

Путь Мун Сан Мену к могуществу и славе открыла временная слабость этих столпов защиты капиталистического и христианского Запада. Второй Ватиканский собор и появление теологии освобождения сыграли ему на руку: он сумел примирить религию и традицию, идею бога и экономический либерализм, христианскую веру и защиту социального статус-кво. В Латинской Америке он завоевал симпатию интегрлистов и традиционалистов, весьма многочисленных среди военных, находящихся у власти. Американское отступление семидесятых годов подготовило почву для Движения Единения. Каждый раз, когда низвергался очередной символ могущества США, только «Отец» и его «дети» вставали в последнее консервативное каре, чтобы заклеить виновников декаданса.

Уотергейтский кризис, отставка Ричарда Никсона, поражение во Вьетнаме, реорганизация ЦРУ, кубинская интервенция в Анголе, проект Джимми Картера вывести войска из Кореи, победа сандинистов и сальвадорская революция — вот те возможности, которые Церковь не упустила, чтобы повысить свое значение в глазах консервативного движения.

С 1980 года Мун Сан Мен летит на гребне волны Рейгана, завидное, но опасное положение. Прежде всего потому, что среди рейгановских правых появились нестройные голоса, нарушившие хор восхвалений «Вашингтон таймс» и его счастливых владельцев. Пол Вейрич, один из главных лидеров новых религиозных правых, вместе с Ричардом Вигери повторяют везде, где возможно, что опасно сотрудничать на этом уровне с организацией, о чьих истинных целях ничего не известно. Те же слова доносятся и со стороны Ральфа Рида, бывшего президента «Колледж Рипабликен Нешнл Коммити», основного течения среди студентов-консерваторов в США. Он хорошо знает мунистов, ибо видел их в деле в студенческих городках. «Эти люди, — говорит он, — используют наши успехи, чтобы добиться своих целей».

Они не первые, кто публично или в частных беседах высказывают свои опасения. Многие из союзников Муна знают доклад Фрейзера и даже если не верят в заключения этого «ультралиберала», то все же считают, что «Отец» и его помощники люди не без греха.

Исключительно благоприятная конъюнктура — поворот общественного мнения и политических кругов в деле Никарагуа в сторону консерваторов — позволяет им публично заявлять о своих связях с Церковью Единения во имя антимарксистского крестового похода. Но эта конъюнктура понемногу меняется, и Семья может познать разочарования...

Дружба в политике висит на ниточке! Возьмем только один пример: стоило правительству Кореи — главной страны в механизме Всемирной антикоммунистической лиги шепнуть несколько неприятных слов о Мун Сан Мене на ухо генералу Синглаубу, чтобы герой «частной войны» в Никарагуа больше не появлялся на крупных мунистских конференциях. Конечно, он поддерживает контакт с КАУЗА, но не желает, чтобы его организация ВАКЛ считалась связанной с Движением Единения.

Довольно узкий круг политиков Вашингтона еще помнит о предупреждении, содержавшемся в секретном меморандуме, написанном в разгар предвыборной кампании 1984 года для службы политического анализа Пентагона, и через два года после его скандальной публикации. Меморандум был передан прессе добрыми душами. «Если не будут приняты меры, указывалось в нем, чтобы остановить растущее влияние мунистов и положить конец их связям в правительстве, президент рискует быть изображенным в средствах массовой информации как некомпетентный новичок, сильный в идеологии, но лишенный здравого смысла... Средства массовой информации уже прокомментировали некоторые инициативы мунистов, а вероятность того, что некий журналист или член демократического штаба соберет все улики (для создания полного доклада об их деятельности), слишком велика, чтобы забывать о ней». В заключение доклада намекалось на усиление наблюдения за Церковью Единения, «в частности, чтобы предупредить любое незаконное действие».

Американское правительство, похоже, не учло ни этих строк, ни предупреждений Джеймса Уилена после его увольнения из «Вашингтон таймс». Некоторые консерваторы даже пустили слух, что ирландец покинул свой пост из-за финансовых разногласий с нанимателями. Однако дело вызвало немалый шум, и образ Церкви от этого не выиграл.

Но Семья старается не замечать этих неприятностей и видит будущую жизнь в розовом свете. Разве президент и его окружение не заявили в 1985 году, что «Вашингтон таймс» есть главное оружие в арсенале консервативного движения?

Напрашивается вопрос, который подчеркивает хрупкость существующей позиции и утопию мунистской мечты о всемирном могуществе: сколько времени в Америке у власти будет стоять президент, разделяющий идеи «Вашингтон таймс»? Сколько времени будут подвизаться на политической арене «идеологи», «фундаменталисты», «верующие» и «неоконсерваторы»?

«Вашингтон таймс» и КАУЗА ежегодно обходятся американской Церкви в 100 миллионов долларов. Это финансовое бремя позволяет поддерживать ежедневный контакт с властью. Оно не будет оправдано,

если президент США начнет читать другую газету, поведет иную политику по отношению к Советскому Союзу и захлопнет двери перед представителями Семьи.

Возвращение к разрядке, проведение реального разоружения может разрушить мунистскую стратегию проникновения в исполнительный механизм власти в Америке, основанную на усилении напряженности между блоками. Если пуповина между Семьей и властью будет перерезана, Движение Единения превратится в одно из многих течений американского консерватизма.

По выходе из тюрьмы в августе 1985 года Мун Сан Мен, похоже, понял, что не может рассчитывать только на США в утверждении своего могущества. В конце года он уезжает в Сеул, чтобы посвятить половину времени делам корейской Семьи.

Этот внезапный отъезд не должен удивлять. Он напоминает нам, что «Новый Мессия» обладает необычным даром тактического предвидения. Никогда не отказываясь от надежды получить признание на родине в качестве национального лидера, он предпочитает вернуться домой в ореоле успеха на американской земле полковника Пак Бо Хи и «Вашингтон таймс».

«Отец» сомневается в дальнейшем усилении влияния своего Движения в США. Несмотря на успехи «политиков» Семьи, он больше не доверяет Америке. Мун злится на Белый дом и консерваторов за то, что они посадили его в тюрьму Дэнбери, его, подарившего им «Вашингтон таймс». Он не скрывает и другого разочарования: вот уже несколько лет рост американских сил прекратился. Церковь Единения, он предчувствует это, никогда не станет массовой религией в США.

В шестьдесят шесть лет он предпринимает последнюю попытку в Корее, где побаивающееся его правительство Сеула занимает твердые позиции неприятия мунизма.

«Новый Мессия», как и Христос, не преуспеет. Он не увидит царства божьего на земле. И все же Мун Сан Мен оставит после себя одну из мощнейших политических машин послевоенной эпохи.

И американские правые, если понадобится, смогут еще воспользоваться ею.

Список упоминаемых в книге организаций

- Альфа 66 — Alpha 66 — 207
Американский легион — The American Legion — 164
Американский совет за свободу в мире (АССМ) — American (United States) Council for World Freedom (ACWF) — 170, 206, 215, 219
Антибольшевистский блок народов (АБН) — Anti Bolchevik Bloc of Nations (ABBN) — 207
Антикоммунистическая лига народов Азии (АЛНА) — Asian Peoples' Anti Communist Ligue (APACL) — 107, 206
Аргентинский антикоммунистический альянс — L'Alliance anticommuniste de Argentine — 207
Ассоциация американо-корейской дружбы (ААКД) — L'Association d'amitié américano-coreéenne — 105
Ассоциация «Друзья Америки» — Friends of America Association — 196, 260
Ассоциация за Единение Всемирного Христианства (АЕВХ) — L'Association pour l'unification du christianisme mondiale — 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 14, 17, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 32, 34, 35, 36, 37, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 84, 85, 149, 166, 265, 285, 286, 288, 290, 291, 300, 304, 306, 308, 312, 314, 319, 322, 337
Ассоциация за латиноамериканское единство (АЛИАЕ) — L'Association pour l'unité latino-américaine — 293, 295, 297, 339, 341
Ассоциация за прогресс в Гондурасе — L'Association pour la progress en Honduras — 191
Ассоциация «Необходимая оборона» — L'Association Légitime américano-coreéenne défense — 323
Ассоциация по защите семьи и личности (АЗСЛ) — L'Association pour la défense de la famille et de l'individu (ADFI) — 5, 20, 36, 65
Ассоциация по распространению духовных и моральных ценностей — L'Association pour la promotion des valeurs spirituelles et morales (APVSM) — 71
Ассоциация Святого Духа за объединение всемирного христианства — L'Association de Saint-Esprit pour l'unification du christianisme mondiale — 97

Всемирная антикоммунистическая лига (ВАКЛ) — World Anti Communist Ligue (WACL) — 114, 134, 168, 170, 181, 183, 192, 204, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 253, 317, 325, 326, 329, 332, 335, 339, 343
Всемирная федерация помощи и дружбы (ВФПД) — Federation mondiale de secours et d'amitié (FMSA) — 311, 337
Всемирный фонд помощи и дружбы — International Relief Friendship Foundation (IRFF) — 196, 197, 199

Европейская гильдия автопробега (ЕГА) — La Guilde européenne du raid (GER) — 70

Индустрия надежды — L'Industrie de l'Espoir — 51
Интернационал сопротивления — L'Internationale de la résistance — 65, 277, 309, 310, 311, 329, 330, 331
Итальянское социальное движение (ИСД) — Italiens du Mouvement social (MSI) — 207

Клуб «Будущее и свобода» — Le Club Avenir et Liberté — 323
Клуб «Куранты» — Le Club de l'Horloge — 323
Клуб «Справедливость и свобода» — Le Club Justice et Liberté — 323
Коалиция за религиозную свободу — La Coalition pour la liberté religieuse — 293
Комитет в защиту американской конституции — The Committee in defense of the American Constitution — 293
Комитет интеллектуалов за Европу свобод (КИЕС) — Comité des intellectuels pour l'Europe des libertés (CIEL) — 64
Комитет республиканского действия (КРД) — 323
Комитет «Христианство — солидарность» (КХС) — Comité Chrétienté-Solidarité — 305—307
Консервативный альянс (КОАЛ) — Conservative Alliance (CALL) — 258, 259
Корейский фонд культуры и свободы (КФКС) — Corean Fund for Culture and Freedom (CFCF) — 105, 106, 107, 109, 110, 111, 112, 114, 117, 143, 227
«Кружок возрождения» — «Cercle Renaissance» — 323

Международная конференция сопротивления оккупированных стран (МКСОС) — Conférence internationale des résistances en pays occupés (CIRPO) — 292, 299, 321, 325, 326, 328, 333
Международная Федерация за победу над коммунизмом — Fédération internationale pour la victoire sur le communisme (FIVC) — 64, 209, 210, 212
Международная Церковь Единения (ЮЧИ) — Unification Church International (UCI) — 125, 126, 127, 142, 143, 144, 145, 166, 172, 173, 260
Международный культурный фонд (МКФ) — International Cultural Foundation (ICF) — 213, 311
«Моральное большинство» — «Moral Majority» — 152, 161, 224, 265, 267, 268, 284, 305
МИСУРА — вооруженная антисандинистская организация, объединяющая мискито, сума и рама — три индейские народности атлантического побережья Никарагуа — 194, 197, 198, 200

Национальная федерация молодых республиканцев (МФМР) — La Fédération nationale des jeunes républicaines (FNJR) — 164
Национальное посредническое общество — La Société nationale de courtage — 79, 84, 311
Национальный совет французских предпринимателей (НСФП) — Comité Nationale des Patronnes Français (CNPFF) — 63, 70
Национальный совет церквей — La Conseil National des Eglises — 113
Национальный фронт (НФ) — La Fronte National — 282, 303, 304, 307, 315, 316, 323, 324, 326, 328
Национальный центр независимых и крестьян (НЦНК) — Centre National des indépendents et paysans (CNIP) — 280, 281, 282, 303, 305, 307, 318, 319, 322, 323, 324
Никарагуа-SOS — Nicaragua-SOS — 326

Общество Джона Бэрча — John Birch Society — 169
«Общество Мун-Франция» — «Société Moon-France» — 79, 82, 85
ОРДЕН — ORDEN — 207
Объединение в поддержку республики (ОПР) — Rassemblement pour la République — 280—282, 287, 288, 290, 294, 303, 306, 317, 319, 325

Патриотическая хунта Кубы — Junte patriotique de Cuba — 253
«Победа над коммунизмом» — Victoire sur le communisme — 113, 114, 131, 133, 144, 155, 159, 209—211, 213, 214
«Права человека-SOS» — «SOS-Droits de l'homme» — 319—324, 330, 332

Правда в средствах массовой информации — Accuracy in Media (AIM) — 170, 171

Предприятие единого мира — Enterpriser du Monde Uni — 51

Радио «Свободная Азия» (РСА) — Radio Free Asia — 108, 109, 113, 117, 210

Революционная коммунистическая лига — La Ligue communiste révolutionnaire — 61

Совет по национальной политике — Council for National Policy — 204, 205, 224, 225, 227, 228, 232, 260

«Сопротивление и солидарность» — «Résistance et Solidarite» — 65, 304, 305

Союз за европейскую солидарность — L'Union pour la solidarité européenne — 331

Союз за новую республику (ЮНР) — L'Union pour la nouvel Republique — 296

Союз за французскую демократию (ЮДФ) — L'Union pour la Democratique française — 295, 303, 304, 317

«Счастливый мир США» — «Monde Heureux USA» — 51

Университетское движение за духовную революцию (УДДР) — Mouvement universitaire pour la révolution spirituelle (MURS) — 37, 59

Фонд гуманитарного развития — Human Development Fund — 195

Фонд для Европы — Foundation pour l'Europe — 304

Фонд за международный мир — Foundation pour la paix mondiale — 250

Фонд наследия — Heritige Foundation — 241, 324

Фонд свободного управления (ФЛФ) — Freedom Leadership Fund (FLF) — 144, 155, 156, 158, 162, 164, 168, 169, 171, 214, 215, 258

Фонд свободы Никарагуа (НФФ) — Nicaragua Freedom Fund (NFF) — 246, 247, 249—256, 292, 329

Форум за новый мир — Forum pour un nouveau monde — 155

Фронт освобождения Кабинды (ФЛЕК) — Front de libération du Cabinda (FLEC) — 66, 324, 327, 328, 337

«Харизматическое обновление» — «Renouveau charismatique» — 320

Центр стратегических и международных исследований (ЦСМИ) — Center for Strategic and International Studies (CSIS) — 171, 241

Церковная ассоциация за единство общества Америки (КАУЗА) — Church Associated The Unification Society of America (CAUSA) — 36—38, 50, 55, 61, 64, 67, 148, 170, 171, 179—192, 194—200, 217—220, 229, 233, 248—250, 252, 253, 255, 258—260, 262, 267, 270, 273, 276, 278, 281—285, 287—294, 296—305, 308, 312—324, 326—333, 337—339, 343, 344

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. «СЕМЕЙНОЕ» ФОТО

Введение	3
«Облава по отдельному поручению»	—
Дело Клер Шато	4
1. «Братья» и «сестры»	7
Новая Семья «божьих безумцев»	8
«Крестовый поход за единый мир»	10
Вербовка	12
«Артострел любовью»	14
Завоевание элиты	16
2. Самопожертвование	18
Один год жизни ради Муна	—
Наследство	20
Готовы умереть ради «Отца»	24
Обезличивание	27
Монахи-солдаты	31
3. Мировые амбиции	34
Проникновение	—
Открытие странного мира	36
СССР — Сатана	38
Авель против Каина, или История человечества по Мун Сан Мену	41
«Антирелигия коммунизма»	44
4. «Общество Мун-Франция»: махинации	48
Месье и мадам Катуга: «позитивные родители»	—
«Ресторасьон»	51
«Национальное посредническое общество»	54
5. «Общество Мун-Франция»: пропаганда	57
«Нувель эспуар»	58
Главный редактор-активист	61
Подготовить «Европейский фронт»	64
Когда Бог выбирает в исповедники Сатану...	67

6. «Общество Мун-Франция»: нечистоплотность	72
Женьшень ради могущества «Отца»	—
«Кристиан Бернар»: одна из жемчужин мунистской транснациональной компании	75
Секреты успеха	79
«Скромная» транснациональная компания	81
Санкции за неуплату налогов	84

II. ПОСТРОЕНИЕ ИМПЕРИИ

7. Одинокий пророк	86
Откровение	87
Союзник красных	89
«Ищите женщину»	91
Святой в аду	93
Переход через пустыню	94
8. Рождение Церкви	97
Два добрых волшебника	—
Треволнения буржуазии	99
Главный рекрут	100
Официальное признание	103
9. От Церкви до Интернационала	105
Улыбка Айка, взгляд ЦРУ	—
Выгодная идиллия	109
«Маленькие ангелы»	111
Стратегический поворот	113
10. Рождение транснациональной компании	115
Вначале была винтовка...	—
Один завод, чтобы спрятать другой	118
В сто раз больше	120
Цель — Федеративная Республика Германии	121
Чудодейственный корень	123
Единый и неделимый	125
Личная заинтересованность	127
Соединяющиеся сосуды	129
11. Шестеренки мировой финансовой империи	130
Откровения ренегата	131
800 миллионов долларов для Америки	133
Мунистская мафия	136
«Церковь океана»	139
12. Одна из пятидесяти крупнейших частных держав мира	141
Таинственная «Юнификейшн Чёрч Интернешнл»	142
Странные акционеры	144
Сколько стоит Мун?	146

III. МУН НА СЛУЖБЕ У АМЕРИКИ

13. Маленькие французы для Никсона	149
Без документов	—
Битва не на жизнь, а на смерть	151

Общественные связи	154
Спасти Никсона	156
На ступенях Капитолия	158
Превратить Нью-Йорк в царство божье	160
Пробудить Америку!	163
14. «Приливная волна» рейганизма	165
«Америка прекрасна!»	166
«Приливная волна»	168
«Настоящая» газета для Семьи	172
Бомба Фрейзера	174
15. На помощь Латинской и Центральной Америке	176
Сотворение по Муну	—
Турне по диктатурам	179
Весьма странные христиане	183
Газета, банк и отель в Монтевидео	186
От Южной до Центральной Америки	190
16. В джунглях вместе с контраст	192
«Частная война»	193
Оружие мискито	196
Агенты-ученики	199
17. Муи, «частная война» и Всемирная антикоммунистиче- ская лига	201
Рыцарь плаща и кинжала	—
При симпатии Пентагона	203
Взрывчатая смесь	206
«Победа над коммунизмом»	209
Семья Муна, столп ВАКЛ, или Очень активный капи- тул	211
«Борцы за свободу»	214
Неудобный, но верный союзник	217
Мунистские грезы и рейгановские мечты	220
18. В гуще американских правых: «Вашингтон таймс»	221
Прецедент	222
Крестные отцы	224
Правые дают зеленую улицу	227
Пристройка Белого дома	228
Газета президента	234
В помощь войне	235
19. «Никарагуэн Фридом Фанд»	238
Арно де Боршграв, аристократ-дезинформатор	239
Роберт Мосс в авангарде антимарксистской борьбы	242
Американскую нацию предали	246
Далекая война	249
Кто такие контраст?	251
«Для пуль и бомб»	252
Ура-патриоты или Козыри Муна	255
20. Светские обеды и злоупотребление властью	257
Счастливые меньшинство	—
Вальс зеленых билетов	260

Дела семейные	263
«Святой альянс»	265

IV. МУН ЗАВОЕВЫВАЕТ МИР

Введение: «Вашингтон таймс» — газета планеты	269
21. Цель — завоевание европейской элиты	273
Приглашения	—
Международные общественные связи	275
Стесняющие откровения	279
Париж — всемирная столица антикоммунизма	282
22. Франция — плацдарм на европейском фронте	284
Война пацифизму!	285
Под сводами городской ратуши	287
Поделки...	289
Идеологическое переутомление	290
Его превосходительство посол	292
«Ширмы» палаццо	294
Гостиничная стратегия	297
Ради нескольких миллионов долларов	300
23. Густав Пордеа: мунист в европарламенте	303
Расклейщики плакатов	304
«Серый кардинал» «Хозяина»	307
«Дело Пордеа»	309
Историческая новость	313
Цель — парламентские выборы 1986 года	315
24. «Поход на Москву» и Всемирная контрреволюция	316
«Права человека-SOS»	317
Дирижабль против Горбачева?	320
Мун — это Америка!	322
Контрреволюционеры	325
С партизанами Кабинды	327
Окружить Советский Союз	329
Не уступать по вопросу «звездных войн»	331
25. Мун — пленник Америки	334
Приемыш японских правых	—
Лицом к лицу с «якобы освободителями» Африки	336
«Стратегия паука»	338
Вся сила в союзниках	340
Опасный серфинг на волне Рейгана	342
Список упоминаемых в книге организаций	346

1 руб.

ММ

AUCM
ADFI
CAUSA
CIFL
MURS
FLEC
КАРА
УСИ
КСИА

Ж.ф. Буайе   ИМПЕРИЯ   Муна